

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В КОНТРОЛЕ КАЧЕСТВА ВОДНЫХ СРЕД

Зачиняев Ярослав Васильевич
Пацовский Александр Петрович

Обобщенный показатель качества вод - находимая непосредственным измерением количественная характеристика свойства воды, важного для оценки ее качества и обусловленного совместным влиянием содержащихся в воде компонентов. Такими свойствами могут быть масса органических веществ, масса неорганических веществ, окисляемость, скорость потребления кислорода при данном окислительно-восстановительном потенциале, биоэффекты [1]. Полную характеристику качества воды может дать только система на основе нескольких различных по природе и смыслу показателей. В такую систему могут войти окисляемость, содержание растворенного органического углерода, жесткость воды, общее содержание азота, общее содержание фосфора, буферная емкость (кислотность и щелочность), окислительно-восстановительный потенциал, несколько биотестов.

Интегральные показатели можно определять любыми аналитическими методами и средствами. С одной стороны, для этого можно использовать обычные инструментальные методы, такие, как спектрофотометрия в видимой и УФ-областях, флуориметрия, атомно-спектрометрические, хроматографические и электрохимические. С другой стороны, привлекать множество простых и экспрессных аналитических средств, таких, как химические сенсоры, анализаторы, тест-средства, разные системы внелабораторного анализа.

Разработка системы обобщенных показателей предусматривает решение ряда задач: выявление показателей, важных для того или иного вида водопользования, их смысловое значение, выбор и установление размерности этих показателей, создание методик их определения. Особо следует подчеркнуть, что обобщенный показатель качества воды должен обладать свойством интерпретируемости применительно к оценке качества воды, т.е. иметь вполне однозначно трактуемое смысловое содержание. В ряде случаев полезными оказываются вторичные показатели. Это такие обобщенные показатели, непосредственная интерпретация которых для оценки качества вод затруднительна, но их величина, в определенных строго регламентируемых условиях, удовлетворительно коррелирует с величиной какого-либо основного обобщенного показателя. Таким вспомогательным показателем является, например, поглощение в УФ-области спектра или люминесцентное свечение при окислении озоном или под воздействием ультразвука, которые, при сравнительно постоянном компонентном составе объекта, удовлетворительно коррелирует с величинами ХПК и Сорг (содержание органического углерода) [2].

В НИЦ Экологической Безопасности РАН совместно с ЗАО «МЭЛП» создан монитор, предназначенный для непрерывной регистрации общего содержания биогенных и антропогенных органических веществ в природных и очищенных сточных водах. Он может быть использован в системах экологического контроля для раннего выявления аварийных и нелегальных сбросов, для изучения распределения биогенов (трофности) по площади акватории и по длине водотока, для работы в качестве датчика экспресс-анализа вод в стационарных и мобильных лабораториях [3].

В основу действия монитора положен созданный НИЦЭБ РАН новый метод контроля суммарного содержания растворенных в воде органических соединений: регистрация в

реальном времени хемилюминесценции, возникающей при озонировании потока пробы воды. Интенсивность хемилюминесценции пропорциональна содержанию растворенных в воде органических соединений, поэтому монитор может быть прокалиброван в единицах «химическое потребление кислорода» - ХПК (мгО/л). Для реакции окисления используется озонированный атмосферный воздух, поэтому монитор не нуждается в заправке реагентами и не производит токсичных отходов анализа.

В таблице 2 приведены выражения некоторых индексов качества, применяемых в экологическом нормировании. Единообразия в построении этих индексов нет – они сложились в рамках различных организаций и ведомств (Росгидромет, ГГО им. Воейкова, РАН).

Таблица 1 Сравнительные характеристики автоматических систем определения органики в воде

Характеристика	АТП-8М АО «Цвет», Россия	SERES-DCO SERES, Франция	COD Analyzer Yuil Engineering, Ю. Корея	OSM НИЦЭБ РАН, ЗАО МЭЛП», Россия
Диапазон определения ХПК, мгО/л	(3-32000)	(30-700)	(0,1-200)	(0,1-200)
Число анализов в час	(1...2)	(4...6)	1	непрерывная запись
Необходимость в периодической заправке реагентами	есть	есть	есть	нет
Образование токсичных отходов анализа	есть	есть	есть	нет
Масса, кг	36	50	120	7

Результаты расчета созданного в системе Росгидромета индекса загрязненности воды ИЗВ позволяют классифицировать водные объекты по семи градациям, приведенным в таблице 3.

Таким образом, складывается методология аналитической оценки природных объектов, как по их функционированию, так и по степени загрязненности, основанная на обобщенных показателях состояния, объединенных в систему индексов качества.

Таблица 2 Индексы качества в экологическом нормировании

Индекс	Выражение	Обозначение
Индекс загрязненности воды	$IZV = \frac{1}{m} \sum_{i=1}^m \frac{C_i}{PDK_i}, m=6$	PDK _i - предельно-допустимая концентрация i-того вещества; C _i - его концентрация в объекте оценки
Индекс загрязненности атмосферы	$IZA = \sum_{i=1}^m \left[\frac{C_i}{PDK_i} \right]^{p_i}, m=(3...6)$	Значения p _i =1,7; 1,3; 1,0; 0,9 для веществ классов токсичности I, II, III, IV соответственно
Индекс загрязненности почвы	$IZP = \sum_{i=1}^m \frac{C_i - C_{\phi i}}{C_{\phi i}}, m \leq 6$	- фоновая концентрация i-того вещества
Индекс токсичности отходов	$ITO = \frac{1}{m^2} \sum_{i=1}^m k_i, \text{ где } k_i = \frac{PDK_i}{\delta_i + C_i}, m=3$	- растворимость токсичного компонента в воде

Таблица 3 Классы качества воды в зависимости от величин ИЗВ

Безразмерная величина ИЗВ	Классы и характеристика качества воды
< 0,2	I – очень чистая
(0,2...1,0)	II – чистая
(1...2)	III – умеренно загрязненная
(2...4)	IV – загрязненная
(4...6)	V – грязная
(6...10)	VI – очень грязная
> 10	VII – чрезвычайно грязная

Список литературы

1. Золотов, Ю.А. // Экология и промышленность России. -2006.- №3.- с.38.
2. Дмитриев, В.В. // Вопросы прикладной экологии. Сб. научных трудов.- СПб.: РГГМУ, 2002.- с.23-30.
3. Пацовский А.П., Кривцова Г.Б., Воронцов А.М. Исследование сонолюминесценции в потоке водной пробы / Сб. трудов НИЦЭБ РАН по результатам Межрегиональной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы экологической безопасности и устойчивого развития регионов»; 15 ноября 2006 г.- СПб.- НИЦЭБ РАН 2006: 118-125 с.

МИКОЛОГИЧЕСКАЯ ИНДИКАЦИЯ ПОЧВ НОРИЛЬСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА

Зачиняев Ярослав Васильевич
Зачиняева Анна Владимировна

Большинство северных городов России в результате сложившегося приро-допользования отличаются высокими техногенными нагрузками на природную среду. Высокая доля перерабатывающих отраслей в этих индустриальных цент-рах - основной источник современных экологических проблем Севера.

Норильский промышленный район (НПР) включает в себя города: Но-рильск, Талнах, Кайеркан и Оганер. В Норильске расположены крупные метал-лургические предприятия России по производству никеля, меди, кобальта, метал-лов платиновой группы – структурные подразделения Заполярного филиала ОАО «Горно – металлургическая компания Норильский никель». Основная часть выб-росов (90%) приходится на предприятия металлургического цикла: медный завод, никелевый завод, Надеждинский металлургический комбинат, агломерационную фабрику [1]. Ежегодно заводы Норильска выбрасывают 2 млн. т оксида серы (IV) (примерно шестая часть выбросов этого вещества всеми странами ЕЭС вместе), 1,06 тыс.т твердых веществ. Как правило, это тяжелые металлы, поскольку 100% извлечения полезных компонентов из руд при существующих технологиях невозможна [2].

В результате местных выбросов формируются кислотные дожди, что отра-жается на уменьшении величины pH водоемов Норило-Пясинской водной сис-темы и почвенного покрова (до 4,6-4,8). Это приводит к формированию своеоб-разных антропогенных почв, лишенных верхних естественных горизонтов и в значительной мере эродированных [3].

Цель работы: выявление структурно – функциональных особенностей сооб-ществ микромицетов почв в чистых и техногенно преобразованных биотопах для оценки техногенных воздействий.

Объекты исследования: почвогрунт на территории Медного завода (300 м от сернокислотного цеха), который представляет бесструктурную, пылевую массу; зона радиусом 30 км от источника выбросов (гидропорт Валек); фоновая зона (контроль) – берег озера Лама (более 100 км от источника промвыбросов). Образцы почв брали по градиенту загрязнения с учетом розы ветров. Почвенные пробы отбирали в августе 1993 и 1998-2002 г.г. из верхнего горизонта (0 – 10 см) в трехкратной повторности.

Валовое содержание тяжелых металлов в почве определяли после разложе-ния навески почвы плавиковой кислотой. Подвижные формы тяжелых металлов определяли в вытяжке 1н. соляной кислоты. Анализ образцов проводили методом атомно – эмиссионной и атомно – абсорбционной спектроскопии с электротер-мической атомизацией на спектрофотометре 5700 PC ZEEVAV фирмы Perkin Elmer (США). Ошибка количественных определений не превышала 10 %.

Численность и видовой состав почвенных микромицетов определяли на среде Чапека, подкисленной молочной кислотой [4]. Для характеристики структуры комплексов микромицетов, выявления доминирующих, частых, редких и случай-ных видов использовали показатели частоты встречаемости видов [5,6]. В допол-нение к чашечному применяли метод

инициированного микробного сообщества (ИМС) [7], используя в качестве источника углерода для микромицетов крахмал, карбоксиметилцеллюлозу (КМЦ) и фильтровальную бумагу (ФБ).

Норильский промышленный район по уровню загрязнения почв тяжелыми металлами характеризуется как чрезвычайно опасный. Так, по валовому содержанию никеля, хрома, меди, кадмия имеет место превышение ПДК в 700, 400, 200 и 100 раз, соответственно. Особую опасность представляют высокие концентрации подвижных форм этих металлов, поскольку они легко усваиваются корневой системой растений, аккумулируются в них и далее по трофическим связям попадают в организмы животных и человека. За пределами города концентрации подвижных соединений тяжелых металлов снижаются и на удалении 50 км от промышленной зоны достигают фоновых значений. Результаты анализа содержания тяжелых металлов в почвах НПР представлены в таблице 1.

Концентрация тяжелых металлов в почвах, мг/кг

Таблица 1

Элементы	Co	Cr	Cu	Ni	Mn	Zn	Cd	Pb	Sr	Fe
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
г. Норильск, территория Медного завода (n=100)										
Валовое содержание	638±98	410±83	22620±3712	22844±4720	290±54	2100±342	520±118	340±57	30±4	710±142
Подвижные формы	64±8	38±6	3198±567	4077±712	10±2	617±132	54±8	13±2	11±2	22±3
30 км от завода (гидропорт Валек, в 20 км от г. Талнах) – переходная зона (n=100).										
Валовое содержание	369±81	290±43	1630±267	2395±444	140±21	1000±26	380±61	188±19	25±4	515±99
Подвижные формы	17±3	14±4	666±122	838±134	6,4±1,1	470±81	29±4	8,4±1,5	9,7±1,9	15±2
100 км от завода (берег озера Лама), контроль (n=100).										
Валовое содержание	1,6±0,3	1,5±0,2	17±3	19±3	0,52±0,08	1,4±0,2	1,5±0,2	1,2±0,1	2,4±0,6	4,8±0,7
Подвижные формы	0,13±0,02	0,09±0,01	5,0±0,6	7,4±0,5	0,01	0,08±0,01	0,12±0,02	0,06±0,01	1,5±0,2	0,12±0,2

Определение структуры комплексов микромицетов на основе показателя частоты встречаемости видов позволило выявить доминирующие, частые, редкие и случайные виды почв НПР. Видовой состав микромицетов, выделенных из почвенных образцов, отобранных в эпицентре загрязнения, полностью отличается от видового состава фоновых почв. Отмечены существенные отличия и в 30 - километровой зоне (Табл. 2). Микоценоз в контроле более богат по видовому разнообразию за счет редких и случайных видов, естественных для почв этого региона.

Таблица 2

Изменение комплекса микроскопических грибов в почвах Норильского промышленного района в зависимости от расстояния от центра загрязнения

Контроль	30 км	Эпицентр загрязнения
Доминирующие виды		
Penicillium chrysogenum 80% Aspergillus versicolor (Vuillemin) Tiraboschi 60% A. glaucus Link ex Gray 50% Mucor angulisporus Naumov 50%	Paecilomyces variotii Bainier 70% Penicillium aurantiogriseum Dierckx 50% Aspergillus ustus (Bainier) Thom 60%	Torula lucifiga Oudem. 70% Cladosporium clado-sporioides (Fresen.) de Vries 60% P. aurantiogriseum 50%
Частые виды		

Mortierella alpina 40% A. ustus 40% Paecilomyces variotii 30% Trichoderma pseudo-koningii 30%	P. chrysogenum Thom 40% P. lanoso – coeruleum 30% Trichoderma viride Persoon: Fries 30%	Pestalotia malorum 40% Stachybortys lobulata Berk. 30% Penicillium funiculosum Thom 30% P. chrysogenum 30% T. pseudokoningii Rifai 30%
Редкие виды		
Penicillium corylophilum Dierckx 15% P.aurantiogriseum 15% Acremonium roseum 15%	Pestalotia malorum 15% Acremonium roseum (Oud.) W. Gams 15% Fusarium solani 15%	Fusarium solani (Mart.) Sacc. (<10%) T. viride (<10%)

Примечание: цифрами обозначена частота встречаемости видов в %.

Выявлены чувствительные к загрязнению почв выбросами металлургического завода микромицеты: *Aspergillus versicolor*, *A. glaucus*. Они отсутствуют в почвах, находящихся в зоне воздействия выбросов завода.

Как правило, наибольшая чувствительность проявляется у видов, имеющих сравнительно узкий ареал распространения. Хотя для почвенных грибов их уста-новлено немного, именно такие виды целесообразно использовать как биоинди-каторы антропогенного воздействия. Виды с широким ареалом более устойчивы к загрязнению. Так, в дерново – подзолистых, черноземных и сероземных почвах с высоким содержанием тяжелых металлов сохраняются и обильно представлены грибы: *Penicillium funiculosum*, *P. purpurogenum*. Они обнаружены в большинстве зональных почв на территории бывшего СССР [8].

Устойчивыми к загрязнению в почвах НПР были грибы: *P. aurantiogriseum*, *Trichoderma pseudokoningii*. Отмечена стимуляция развития микромицетов *Asper-gillus ustus* и *Paecilomyces variotii* в менее загрязненной зоне (30 км). Подобная стимуляция некоторых видов микромицетов отражена в работах ряда авторов [9,10].

Под действием высоких доз загрязнителей (зона эпицентра загрязнения) про-исходит “перерождение” типичного комплекса микромицетов, в результате чего в загрязненных почвах обильно представлены виды, редко встречаемые или вовсе нетипичные для зональных почв: *Torula lucifiga*, *Cladosporium cladosporioides*, *Stachybotrys lobulata*. Разницу в изменении структуры комплексов микромицетов загрязненных и контрольных почв подтверждают и коэффициенты сходства по Сьеренсену (Табл. 3).

Таблица 3

Значения коэффициентов сходства по Сьеренсену для комплексов микромицетов загрязненных и контрольных почв Норильского промышленного района

Сравниваемые варианты	Коэффициент Сьеренсена
Контроль – эпицентр загрязнения	0,191
Контроль – 30 км зона	0,373
30 км – зона - эпицентр загрязнения	0,336

Метод ИМС позволил оценить функциональное состояние почвы, испыты-вающей антропогенные нагрузки, на основании анализа выделенного сообщества микроскопических грибов. Отмечено, что поскольку, основными деструкторами целлюлозы и ее производных являются микроскопические грибы, то они, таким образом, являются доминантами

гидролитического микробного сообщества. Пре-образуя поступающие в почву органические и минеральные соединения, микро-организмы ограничивают диапазон колебания химических свойств почвы и обес-печивают относительное постоянство условий обитания. Механизм регуляции раскрывается в процессе биологической реакции почвы, как ответа микробиоты на внесение в почву каких – либо энергетических веществ. Предполагается, что эта, хотя и небольшая, но отобранная непосредственно в естественной среде обитания, группа микроорганизмов может быть более четким показателем микроб-ной системы в целом, чем совокупность почвенных микроорганизмов на искус-ственной питательной среде [10].

Результаты анализа видового состава почвенных грибов, полученных с ис-пользованием этого метода, отличаются от результатов, полученных традицион-ным методом посева на твердые питательные среды. (Табл.4). Коэффициент сходства по Сьеренсену для сообщества микромицетов фоновых почв, выделен-ных традиционным способом и методом ИМС, составил 0,48. В амилитическом микробном сообществе сохраняются основные виды микромицетов, присущие данным почвам. Также были выделены виды, которые методом посева на среду Чапека с глюкозой не обнаруживались: *Penicillium brevicompactum*, *P. camemberti*, *Cephalosporium glutineum*, *Mucor hiemalis*, причем, первые два вида являются частыми в структуре амилитического микробного сообщества загрязненных промышленными выбросами почв.

Таблица 4

Структура комплекса микромицетов почв НПР, выделенных методом ИМС

Контроль	30 км	Эпицентр загрязнения
Доминирующие виды		
<i>Penicillium chrysogenum</i> 60% (К), 30% (КМЦ)	<i>Aspergillus ustus</i> 60%(К)	<i>Pestalotia malorum</i> 60%(К), 30%(ФБ)
Частые виды		
<i>P. corylophilum</i> 40% (К) <i>Aspergillus ustus</i> 30% (К)	<i>P. brevicompactum</i> 40%(К) <i>P. chrysogenum</i> 40% (К), 30% (КМЦ) <i>P. camemberti</i> 30% (К)	<i>P. funiculosum</i> Thom 30% (К, КМЦ) <i>P. aurantiogriseum</i> 30%(К, КМЦ) <i>P. brevicompactum</i> 30%(К) <i>A. ustus</i> 30% (К) <i>Fusarium solani</i> 30%(КМЦ)
Редкие виды		
<i>Mucor hiemalis</i> 10% (К) <i>P. brevicompactum</i> Dierckx 10%(К)	<i>Cephalosporium glutineum</i> Kamysch. 15% (КМЦ) <i>Pestalotia malorum</i> Stey 15%(К) <i>Fusarium solani</i> 15% (КМЦ)	<i>Mortierella alpina</i> Peyronel 15% (К) <i>Trichoderma viride</i> Pers. 15% (К,ФБ ,КМЦ)

Примечание: цифрами приведена частота встречаемости видов на тех субстратах, где отмечался их рост;

Отмечено невысокое видовое разнообразие целлюлозоразрушающих грибов в тундровых почвах НПР, что в значительной мере обусловлено низким темпера-турным режимом, кислой реакцией почв и недостатком в них подвижных форм азота [11].

Анализ экспериментальных результатов показал, что в загрязненных про-мышленными выбросами почвах изменилась структура комплекса микроскопи-ческих грибов. В загрязненных почвах постоянно встречаются микромицеты, ха-рактерные, по данным авторов метода ИМС [7], для зоны стресса, которая может приближаться к зоне резистентности, так как появляются

устойчивые к большим концентрациям поллютантов грибы. Данный тип реакции микробной системы почвы можно отнести к переходному от зоны стресса к зоне резистентности. Переход микробиологической системы от зоны стресса к зоне резистентности является крайне опасным, так как при дальнейшем поступлении антропогенных загрязнений в почву может наступить зона репрессии (полное подавление роста и развития микроорганизмов).

Следует отметить присутствие в почве НПР в качестве доминирующих и частых видов микромицетов – токсинообразователей (*P. funiculosum*, *Fusarium solani*, *Pestalotia malorum*), что свидетельствует об ухудшении микробиологического состояния почвы и свойств ее в целом. Приведенные выше грибы входят в “таксономическую структуру” микроорганизмов, образующих фитотоксические вещества, разработанную О.А. Берестецким [12].

Список литературы

1. Савченко В.А. Экологические проблемы Таймыра. М.: СИП РИА, 1998. – 194 с.
2. Касимов Н.С. Экогеохимия городских ландшафтов. М.: МГУ, 1995. – 336 с.
3. Андреев В.П., Рябова В.Н., Сороколетова Е.Ф., Шарыгин А.А. К оценке состояния озер и рек Норильско – Пясинской системы //Экологическая химия. 2003. Т. 12, Вып. 3. С. 215 - 220.
4. Бабьева И.П., Зенова Г.М. Биология почв. М: Изд-во МГУ, 1989. – 336 с.
5. Мирчинк Т.Г. Почвенная микология. М.: Изд-во МГУ, 1988.- 220 с.
6. Лебедева Е.В., Назаренко А.В., Козлова И.В., Томилин Б.А. Влияние возрастающих концентраций меди на почвенные микромицеты // Микол. и фитопатол. 1999. Т. 33, Вып. 4. С. 257- 262.
7. Гузев В.С., Бондаренко Н.Г., Бызов Б.А. Структура инициированного микробного сообщества как интегральный метод оценки микробиологического состояния почв // Микробиология. 1980. Т.49, Вып. 1. С. 134 – 140.
8. Лебедева Е.В. Микромицеты – индикаторы техногенного загрязнения почв. //Микология и криптогамная ботаника в России традиции и современность. Тр. Междунар. конф., посвящ. 100- лет. орг. исслед. по микологии и криптогамной ботанике в Бот. ин-те им.В.Л. Комарова РАН. СПб.: Изд-во СПбХФА, 2000. 560 с.
9. Зачиняева А.В., Лебедева Е.В. Микромицеты загрязненных почв северо- западного региона России и их роль в патогенезе аллергических форм микозов // Микол. и фитопатол. 2003. Т. 37, Вып. 5. С. 69-74.
10. Левин С.В., Гузев В.С., Асеев И.С., Бабьева И.П., Марфенина О.Е., Умаров М.М. Тяжелые металлы как фактор антропогенного воздействия на почвенную микробиоту //Микроорганизмы и охрана почв. М.: МГУ, 1989. С. 5-46.
11. Евдокимова Г.А. Эколого – микробиологические основы охраны почв Крайнего Севера. – Апатиты: Изд. КНЦ РАН, 1995. – 272 с.
12. Берестецкий О.А. Фитотоксины почвенных микроорганизмов и их экологическая роль //Методы экспериментальной микологии. Справочник. Киев : Наукова думка, 1982.С. 321-323.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРИМЕНЕНИЕ MS EXCEL В РЕШЕНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ

Князева Анна Александровна
Лыкова Нина Петровна

Одним из важнейших на данный момент разделом логистики, является транспортная логистика. Которая представляет собой систему по организации доставки, а именно по перемещению каких-либо материальных предметов, веществ и прочего из одной точки в другую по оптимальному маршруту.

Оптимальным считается маршрут, по которому возможно доставить логистический объект, в кратчайшие сроки (или предусмотренные сроки) с минимальными затратами, а также с минимальным вредом для объекта доставки.

Одним из способов нахождения такого оптимального маршрута может служить решение транспортных задач в MS Excel.

Транспортная задача является частным типом задачи линейного программирования и формулируется следующим образом: имеется m пунктов отправления (или пунктов производства) A_1, \dots, A_m , в которых сосредоточены запасы однородных продуктов в количестве a_1, \dots, a_m единиц. Имеется n пунктов назначения (или пунктов потребления) B_1, \dots, B_n , потребность которых в указанных продуктах составляет b_1, \dots, b_n единиц. Известны также транспортные расходы C_{ij} , связанные с перевозкой единицы продукта из пункта A_i в пункт B_j , $i=1, \dots, m$; $j=1, \dots, n$.

Общая постановка транспортной задачи состоит в определении оптимального плана перевозок некоторого однородного груза из m пунктов отправления A_1, A_2, \dots, A_m в n пунктов назначения B_1, B_2, \dots, B_n .

В качестве критерия оптимальности (целевая функция) обычно задается минимальная суммарная стоимость перевозок всего груза или минимальная суммарная транспортная работа по доставке грузов, которая может быть пропорциональна времени доставки грузов потребителям или расстоянию между поставщиками и потребителями. Рассмотрим транспортную задачу, в качестве критерия оптимальности которой взята минимальная суммарная стоимость перевозок всего груза.

Обозначим C_{ij} тарифы перевозки единицы груза из i -го пункта отправления в j -й пункт назначения, через a_i - запасы груза в i -ом пункте отправления, через b_j - потребности в грузе в j -ом пункте назначения, а через x_{ij} - количество единиц груза, перевозимого из i -го пункта отправления в j -й пункт назначения. Тогда математическая модель транспортной задачи состоит в определении минимального значения функции:

$$F = \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n c_{ij} x_{ij} \rightarrow \min, \quad (1)$$

при условиях

$$\sum_{i=1}^m x_{ij} = b_j, \quad j = 1, 2, \dots, n, \quad (2)$$

$$\sum_{j=1}^n x_{ij} = a_i, \quad i = 1, 2, \dots, m, \quad (3)$$

$$x_{ij} \geq 0, \quad i=1, 2, \dots, m, j= 1, 2, \dots, n. \quad (4)$$

Поскольку переменные $x_{ij} \geq 0, i=1, 2, \dots, m, j=1, 2, \dots, n.$ удовлетворяют системам линейных уравнений (2) и (3) и условию неотрицательности (4), обеспечиваются доставка необходимого количества груза в каждой из пунктов назначения, вывоз всего имеющегося груза из всех пунктов отправления, а также исключаются обратные перевозки.

Суммарное количество груза у поставщиков равно $\sum_{i=1}^m a_i$ суммарная потребность в грузе в пунктах назначения равна $\sum_{j=1}^n b_j$. Если суммарная потребность в грузе в пунктах назначения равна суммарному запасу груза в пунктах отправления, т. е.

$$\sum_{i=1}^m a_i = \sum_{j=1}^n b_j, \quad (5)$$

то такая транспортная задача называется закрытой или сбалансированной. В противном случае - открытой или несбалансированной.

В случае превышения суммарного запаса над суммарной потребностью, т.е. если

$$\sum_{i=1}^m a_i > \sum_{j=1}^n b_j,$$

вводится фиктивный $n+1$ -й потребитель (или пункт назначения) с потребностью, равной:

$$b_{n+1} = \sum_{i=1}^m a_i - \sum_{j=1}^n b_j$$

а соответствующие транспортные тарифы от всех поставщиков до фиктивного потребителя полагаются равными нулю. Полученная задача становится закрытой транспортной задачей, для которой выполняется равенство (5).

В случае превышения суммарной потребности в грузе над суммарными запасами поставщиков, т. е. если

$$\sum_{i=1}^m a_i < \sum_{j=1}^n b_j$$

вводится фиктивный $m+1$ -й пункт отправления с запасом груза в нем, равным:

$$a_{m+1} = \sum_{i=1}^m a_i - \sum_{j=1}^n b_j$$

а соответствующие транспортные тарифы от фиктивного поставщика до всех потребителей полагаются равными нулю. Полученная задача становится закрытой транспортной задачей, для которой выполняется равенство (5)

Предположим, что $\sum_{i=1}^m a_i = \sum_{j=1}^n b_j$, т. е. общий объем производства равен общему объему

потребления. Требуется составить такой план перевозок (откуда, куда и сколько единиц продукта везти), чтобы удовлетворить спрос всех пунктов потребления за счет реализации всего продукта, произведенного всеми пунктами производства, при минимальной общей стоимости всех перевозок.

Рассмотрим алгоритм решения таких задач на конкретном примере:

Продукты, находящиеся на четырех складах - С1, С2, С3, С4 необходимо развезти по пяти магазинам - М1, М2, М3, М4 и М5. Потребности этих магазинов в продуктах равны соответственно 15, 14, 25, 5 и 9 ед. Запасы продуктов на складах С1, С2, С3, С4 составляют соответственно 23, 15, 45, 15 ед. Тарифы по доставке продуктов (руб./ед. груза) приведены в таблице:

Склады	Магазины				
	М1	М2	М3	М4	М5
С1	10	3	4	5	6
С2	2	1	11	14	3
С3	4	13	3	2	8
С4	5	13	4	12	7

Составьте план перевозок продуктов, при котором суммарные расходы по их доставке будут минимальными.

Так как данная задача относится к задачам линейного программирования, то решение начинается с построения математической модели:

$$\left\{ \begin{array}{l}
 X_{11} + X_{12} + X_{13} + X_{14} = 23 \\
 X_{21} + X_{22} + X_{23} + X_{24} = 15 \\
 X_{31} + X_{32} + X_{33} + X_{34} = 45 \\
 X_{41} + X_{42} + X_{43} + X_{44} = 15 \\
 X_{11} + X_{12} + X_{13} + X_{14} = 15 \\
 X_{21} + X_{22} + X_{23} + X_{24} = 14 \\
 X_{31} + X_{32} + X_{33} + X_{34} = 25 \\
 X_{41} + X_{42} + X_{43} + X_{44} = 5 \\
 X_{51} + X_{52} + X_{53} + X_{54} = 9 \\
 x_{ij} \geq 0, i=1, 2, 3, 4, j=1, 2, 3, 4, 5
 \end{array} \right.$$

При данном плане перевозок суммарная их стоимость составит (целевая функция):

$$F_{ц} = 10X_{11} + 3X_{12} + 4X_{13} + 5X_{14} + 6X_{15} + 2X_{21} + 1X_{22} + 11X_{23} + 14X_{24} + 3X_{25} + 4X_{31} + 13X_{32} + 3X_{33} + 2X_{34} + 8X_{35} + 5X_{41} + 13X_{42} + 4X_{43} + 12X_{44} + 7X_{45} + 0X_{51} + 0X_{52} + 0X_{53} + 0X_{54} + 0X_{55} \rightarrow \min$$

Дальнейшее решение задачи ведётся в MS Excel.

Составляется таблица с исходными данными (рис. 1)

склады	магазины					запасы	ограничения
	1	2	3	4	5		
1						23	
2						15	
3						45	
4						15	
5						0	
спрос	15	14	25	5	9		
ограничения							
матрица затрат на перевозку							
склады	магазины						
	1	2	3	4	5		
1	10	3	4	5	6		
2	2	1	11	14	3		
3	4	13	3	2	8		
4	5	13	4	12	7		
5	0	0	0	0	0		
целевая функция							

Рис.1. Исходные данные

Затем заполняем столбец с ограничениями, при помощи функции СУММ (для ячейки Н4 =СУММ (В4:F4)), а формулу СУММПРОИЗВ мы вводим в строке с целевой функцией (=СУММПРОИЗВ (В4:F8;В15:F19)).

После введения всех данных и формул, мы ставим курсор на ячейку с формулой целевой функции и вызываем программу Поиск решения.

В поле **изменяя ячейки** выбираем ячейки с неизвестными переменными (В4:F8), а поле **ограничения** вводим наложенные нами ограничения.

Далее во вкладке **параметры** выбираем значения: линейная модель, неотрицательные значения и автоматическое масштабирование.

После чего получаем ответ к задаче (рис. 2)

склады	магазины					запасы	ограничения
	1	2	3	4	5		
1	0	8	0	0	0	23	8
2	0	6	0	0	9	15	15
3	15	0	25	5	0	45	45
4	0	0	0	0	0	15	0
5	0	0	0	0	0	0	0
спрос	15	14	25	5	9		
ограничения	15	14	25	5	9		
матрица затрат на перевозку							
склады	магазины						
	1	2	3	4	5		
1	10	3	4	5	6		
2	2	1	11	14	3		
3	4	13	3	2	8		
4	5	13	4	12	7		
5	0	0	0	0	0		
целевая функция	202						

Рис. 2 Результаты поиска решений

Решив математическую модель, пришли к выводу, что

из пункта 1-го необходимо поставлять 8 ед. продукции на 2-й склад, из 2-го необходимо 6 ед. на 2-й и 9 на 5-й, из 3-го 15 ед. на 1-й, 25 на 3-й, 5 на 4-й, из 4-го продукции не требуется, при этом затраты на перевозку составят 202 ден. ед.

Как видно из примера, решение задачи с помощью MS Excel быстрое и удобное, так как:

- создав один раз таблицу, её можно применять для задач такого же типа изменяя только исходные данные;
- практически все необходимые для решения задачи формулы уже представлены в MS Excel;
- решение задачи занимает в несколько раз меньше времени, нежели её же решение вручную;
- точность решения гораздо выше, чем вручную, а погрешности сведены к минимуму.

Список литературы

1. Акулич И.Л. Математическое программирование в примерах и задачах: учебное пособие для ВУЗов. - М.: Высшая школа, 2004
2. Красс М. Математика для экономических специальностей. Учебник. 3-е изд., перераб и доп. М, Экономист, 2004.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

РАЗВИТИЕ РОССИИ И МИРА: ПЕРСПЕКТИВЫ В КОНЦЕПЦИЯХ И СЦЕНАРИЯХ В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Блинов Андрей Олегович

В первом десятилетии XXI века ключевые игроки, определяющие динамику мировой ситуации, расширяют сферы применения теории и методов стратегического анализа. Применение стратегического анализа, обусловлено серьезными причинами и уже имеет свои вполне конкретные последствия. Современная стратегия стран определяется качественными характеристиками национальной стратегической культуры, лидерства и инициативы. В XXI в. тон задают новые реальности — глобальные центры власти, международный терроризм, геополитические комплексы, войны четвертого поколения. В странах, которым принадлежит инициатива в мировой политике и экономике, существует большой интерес к историческим, научным и практическим аспектам стратегического анализа, методам устойчивого развития. Напротив, в странах-аутсайдерах эта область знаний остается неразвитой, что обусловлено рядом причин, некоторые из которых коренятся в т.н. стратегической культуре.

С того времени, когда Советский Союз был стерт с политической карты мира, потребовалось чуть более десяти лет для того, чтобы США перешла к принципиально иной стратегической концепции. В сентябре 2002 года Администрация Д.Буша представила достаточно четко сформулированную «Стратегию национальной безопасности», утвердительно ответив на вопрос о том, встретят ли Соединенные Штаты вызовы, брошенные разлагающимся миром, принимая на себя ответственность и политические атрибуты имперского государства. Жесткая «имперская» позиция состоит в том, что Соединенные Штаты воспрепятствуют наращиванию любого военного потенциала в мире, который мог бы сравняться с военной мощью Соединенных Штатов или превзойти ее. Эта доктрина «господства», отражающая установку США действовать самостоятельно, без оглядки на союзников, была названа идеологией «Новой американской империи». В США основные инструменты господства находятся в руках американских глобальных корпораций, а разработка стратегии национальной безопасности осуществляется в штабах разведывательного и военного сообществ. Ключевой целью стратегии национальной безопасности США является обеспечение доступа и защита путей транспорта сырьевых ресурсов, прежде всего углеводородных, перед лицом прогноза их неизбежного истощения в течение ближайших 50 лет. Для любого государства состояние его политических отношений с другими государственными образованиями является определяющим фактором внутренней стабильности и безопасности.

В России отличие от США, имеют не корпоративное, а номенклатурное происхождение, и на две трети состоят из представителей партийно-комсомольской и хозяйственной номенклатуры. Новая российская номенклатура воспроизводит основные фрагменты психологии старой номенклатуры СССР, но в специфических формах, что вызвано резкой сменой их представлений о социальном порядке и применении политического насилия для достижения господства. Роль разведывательного и военного сообществ в современной России в определении стратегии национальной безопасности по целому ряду причин оказалась сравнительно слабой.

По оценкам известного американского политолога З.Бжежинского, отмечается, что все варианты стратегии России в постсоветский период оказались неуклюжими с исторической

точки зрения и разработанными на основе весьма фантазмагорических взглядов на нынешние мощь, международный потенциал и интересы России за рубежом. По прогнозам некоторых американских аналитических центров, в ближайший период США будут проводить агрессивную линию поведения и начнут наращивание военной мощи на границах с Россией: усиление военного контингента НАТО в странах Балтии, установка в Азербайджане, Грузии и Молдове радиолокационных станций дальнего действия и средств радиоэлектронной разведки. Если намерения и действия США не останутся без внимания, чему есть множество свидетельств, Россия неизбежно придет к смене преобладавшей в ее стратегии национальной безопасности концепции «отсутствия» потенциального военного противника.

Вместе с тем рассматривая сценарии будущего развития мира, нельзя не учитывать ту роль, которую играет и будет играть Россия. По мнению экспертов Европейского национального разведывательного совета, Россия все еще находится на переходном этапе развития и поэтому остается «непредсказуемым игроком на внутренней и международной арене». Эксперты совета отмечают, что возможность построения демократических институтов в России, дает задний ход, и Россия «возвращается к авторитаризму». Во всех докладах разведывательных аналитических центрах, Россия признается экономически слабой страной, но отмечается, что «энергетические ресурсы страны поддержат ее экономический рост» и, как страна богатая природными ресурсами, Россия имеет наилучшие перспективы для более глубокой интеграции в мировую экономику.

Россия переживает тяжелую демографическую ситуацию из-за низкого уровня рождаемости, плохого медицинского обслуживания. На территории России отмечается также неравномерное распределение населения: в Сибири и на Дальнем Востоке проживает только 20% населения, и необходимость миграции населения станет самой важной особенностью мира в 2020 году. Страны, принимающие мигрантов, столкнутся с проблемой интеграции новых мигрантов, которую необходимо решить, чтобы свести к минимуму потенциальный социальный конфликт.

Рассматривая внешнюю политику России, следует отметить, что наиболее вероятным является восстановление ее влияния на соседних территориях, приоритетным будет район Каспийского бассейна. В 2015 году запасы нефти и газа Каспийского моря будут использоваться максимально. Если российское руководство не предусмотрит никаких мер то, к этому времени будут открыты транспортные пути, проходящие не через Россию. Вместе с тем, учитывая, «особые отношения» с Европой, Москва, скорее всего, более терпимо отнесется к сближению бывших советских республик с Европой, чем с США.

По данным европейских аналитических центров, серьезными проблемами для России будут ее южные границы, нестабильные регионы Кавказа и Средней Азии, влияние которых (исламский экстремизм, терроризм и непрекращающиеся конфликты), вероятно, будет и в дальнейшем распространяться на Россию. Во внешней политике России наиболее вероятным является восстановление ее влияния на соседних территориях, приоритетным будет район Каспийского бассейна.

Как мне представляется, серьезными проблемами для России будут ее южные границы, нестабильные регионы Кавказа и Средней Азии, влияние которых (исламский экстремизм, терроризм и непрекращающиеся конфликты), вероятно, будет и в дальнейшем распространяться на Россию. С точки зрения экспертов Европейского национального разведывательного совета Россия, оставаясь экономически слабой страной, не способна поддерживать вооруженные силы на современном уровне и разрабатывать новые виды вооружения, а, следовательно, Россия будет поддерживать статус силовой державы, опираясь на развитие ядерных программ.

Но, как крупнейший экспортер нефти и газа, Россия обладает потенциалом для увеличения

своей международной роли. В качестве сопутствующих факторов российскому укреплению и устойчивому развитию следует назвать следующие потенциалы: идеологический, политический и экономический. Первые два рассматриваются западными экспертами негативно, к третьему – относительно нейтрально. Связь между укреплением и этими факторами эксперты оставляют за скобками.

С точки зрения экспертов американских разведывательных центров, между Россией и США разгорается новая холодная война за влияние на постсоветском пространстве. Как отмечают эксперты, что в отношении России цель США проста и однозначна: добиться ее распада. Отсюда и серия тяжелых поражений, которые за короткое время понесла Москва. Но теперь у США «заняты руки», и это давление вдруг резко ослабло.

Российское руководство мечтает о союзе с Китаем против Запада, но, как мне представляется, Пекин умело использует это заблуждение, и готовится к построению миропорядка, в котором Россия не будет играть заметной роли.

Отношения России с Индией останутся традиционно сильными в области военных и военно-технических связей, активно будет продвигаться и экономическое сотрудничество. При этом основной интерес Индии будет сосредоточен на усилении позиций своего топливно-энергетического комплекса на территории России.

Для противостояния США руководству России необходимо более активно ориентироваться на Восток: развивать отношения с Китаем и Индией, активно сотрудничать с ШОС, АТЭС. Вместе с тем следует отметить, что главная угроза существования российского государства заключена в росте мусульманского населения страны, а также в быстро развивающемся Китае.

Эксперты «Европа 2020» будущее России рассматривают с точки зрения ее отношений с ЕС. После расширения Евросоюза Россия стала ближайшим соседом и характер отношений ЕС-Россия будет влиять на стабильность в регионе по всей границе. Россия рассматривается как глобальный партнер, обладающий военной мощью и с развивающейся экономикой, как общество переходного периода, крупный импортер товаров и экспортер энергии. Следует отметить, что в ближайшие десятилетия Россия не станет членом ЕС, но останется его важнейшим партнером.

Россия обеспечивает до 30% энергетических потребностей Европы, причем это более надежный источник энергии в сравнении с ближневосточным.

Россия идет «своим курсом». Ряд трудностей, с которыми России предстоит столкнуться, она не сможет решить самостоятельно. Без иностранных инвестиций невозможно добиться роста производительности, а государственная собственность и жесткий контроль тормозит развитие экономики. Ориентация во внешнеэкономических связях на торговлю, а не на инвестиции, затрудняет интеграцию в глобальную экономику. Сложная демографическая ситуация (к 2050 году население России будет менее 100 млн.), особенно на Дальнем Востоке и в Сибири, столкнется с «азиатским демографическим давлением». По мнению европейских аналитиков, Россия является экономически более слабой страной по отношению к ЕС, и поэтому более заинтересована в развитии сотрудничества в области инвестиций, технологий, финансов, чем ЕС в сырье и энергии. Учитывая, что отношения ЕС-Россия определяют стабильность в Европе, ЕС, по-видимому, будет выстраивать отношения с Россией в трех направлениях. Продвигать идеи демократии, соблюдения прав человека в странах, лежащих между ЕС и Россией; развивать торговые, экономическое и технологическое сотрудничество, сдерживая вмешательство России во внутренние дела стран-членов ЕС; развивать отношения в гуманитарной сфере, обучении, обмене студентами, сотрудничество с неправительственными организациями. Немалая часть экспертов полагает, что Россия, благодаря своему статусу

основного экспортёра нефти и газа, сохранит потенциал усиления своей международной роли. Рост мировой экономики приведёт к увеличению спроса на многие виды сырья – такие, как нефть, газ. Общее количество потребляемой энергии, возможно, вырастет примерно на 50% в ближайшие два десятилетия. Эксперты Европейского национального разведывательного совета полагают: «если России не удастся всесторонне развить свою экономику, она сполна испытает на собственной шкуре, что такое нефтяное государство с его несбалансированным экономическим развитием, гигантским неравенством доходов, оттоком капитала и нарастающими социальными проблемами». Еще один пессимистический прогноз развития России дает Норвежский институт стратегических исследований: «вследствие непоследовательных и плохо управляемых реформ, которые создали некую гибридную, безжизненную систему Россия лишится единой экономики....».

Способность экономики создавать и эффективно использовать интеллектуальный капитал все в большей мере определяет экономическую силу нации, ее благосостояние. Открытость общества для импорта разнообразных знаний, идей и информации, способность экономики продуктивно их перерабатывать - вот от чего зависит успешное социально-экономическое развитие любой страны

Характерная черта современной человеческой деятельности – наличие компонента знаний в каждом продукте и услуге. Во многих организациях все большая часть полученного эффекта становится результатом применения специальных знаний, широкого обучения персонала и сетевого взаимодействия с партнерами и контрагентами. По доле расходов на НИОКР в ВВП Россия находится на уровне Китая и Италии. По абсолютной численности научных работников Россия традиционно удерживала первенство. Сегодня она (Россия) находится на третьей позиции после США и Японии. К России вплотную приблизился Китай. По удельному параметру численности научных работников на десять тысяч занятых Россия в 7 раз опережает Китай, в 2,6 раза – Италию, на треть – Великобританию и на 20% Германию. По показателю ВВП на одного занятого, характеризующего национальной экономики, Россия примерно в 4 раза уступает США и в 3 раза Европе.

По доле высокотехнологичного экспорта в товарном экспорте Россия находится на уровне Индии, уступая более чем в 5 раз Китаю и в 4 раза Италии. Анализируя в целом готовность России вступить на путь развития, основанный на знаниях, можно отметить, что экономика страны имеет значительные возможности адаптироваться к новым условиям. Эти возможности обусловлены в первую очередь высоким образовательным потенциалом, значительными возможностями инновационного процесса и достаточно развитой материально-технической базой национальной инновационной системы.

Своеобразным тормозом, сдерживающим продвижение России в сторону экономики знаний, остаются нерешенные проблемы развития институциональной среды. Это, в частности, низкая эффективность государственного управления и регулирования экономики, неразвитость венчурного предпринимательства, высокие административные барьеры.

Несмотря на все сложности, российская экономика реализует имеющейся у нее значительный потенциал по формированию устойчивой новой демократической экономики.

СИСТЕМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ РЕИНЖИНИРИНГА БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ОРГАНИЗАЦИИ

Блинов Андрей Олегович
Рудакова Ольга Степановна

С переходом к новому этапу рыночных реформ на всех уровнях управления, во всех звеньях народного хозяйства возрастает роль специалистов, умеющих принимать эффективные решения, относящиеся к будущему, постоянно согласовывать текущую деятельность со стратегическими целями хозяйствования. В статье предложен разработан алгоритм системного управления проведения реинжиниринга бизнес-процессов организаций.

Обострение конкуренции на мировом и внутренних рынках вызвало к жизни особую тактику и стратегию промышленных организаций, для которых накопление, резервирование и своевременное использование инноваций стало первостепенным орудием в борьбе за рынки. Стать лидером можно только при условии внедрения в производство технологии нового поколения, т.е. используя стратегию опережающего, а не догоняющего инновационного развития. В полной мере это относится и к управленческим технологиям, которые гораздо дешевле, чем технологические и внедренческие. Не случайно Еврокомиссия констатировала, что управленческие инновации будут в ближайшие годы одним из основных факторов повышения конкурентоспособности на мировом рынке. Использование в промышленных организациях реинжиниринга, как наиболее инновационного подхода к методам перепроектирования действующих структур бизнеса позволит добиться им конкурентного преимущества.

Под реинжинирингом понимается кардинальное изменение структуры управления, которое базируется на выделении взаимодействующих бизнес-процессов. В реинжиниринге бизнеса определяющую роль играют современные информационные технологии, которые являются его неотъемлемой частью, существенным конструктивным фактором его успеха, основным инструментом для формирования новых возможностей организации. В настоящее время потребность в реинжиниринге возрастает. Этому способствуют два основных фактора – прогресс в информационных технологиях и глобализация. Прежде всего, использование интернет в коммерческих целях позволяет промышленным организациям эффективнее взаимодействовать с клиентами и поставщиками, организуя по-новому движение продуктов, услуг, финансов и информации. А кардинальное изменение масштабов глобализации позволяет практически любой промышленной организации выходить на международные рынки. В этих условиях, безусловно, необходимо перепроектировать бизнес-процессы, приспособлять их к новым информационным технологиям. Однако успеха добьются только те организации, руководство которых возьмет на себя лидирующую роль, сумеет убедить сотрудников в необходимости изменений и привлечь к преобразованиям.

В новой экономике повышение эффективности производства достигается в большей мере за счет роста творческой составляющей трудовой деятельности. Именно на результатах творческого труда, как первоисточнике принципиально новых производств, основан технологический и организационный прогресс.

В связи с этим в современной России требуются новые методы развития промышленных организаций, основанные на стыке гуманитарного и инженерного подходов, что позволит получить синергетический эффект от их взаимодействия. Этот подход базируется на современных достижениях информационных, а именно когнитивных технологий совершенствования промышленной организации.

Необходимо развитие симбиоза концепции управления знаниями, реинжиниринга бизнес-процессов и когнитивной человеческой составляющей, что становится наиболее востребованным инструментом преобразований, обеспечивающим активизацию творчества людей и использование интеллектуального капитала российских промышленных организаций.

Изучению процессного подхода и концепции реинжиниринга бизнес-процессов посвятили свои работы: Аллен П., Беккер Й., Давенпорт Т., Кугелер М., Робсон М., Роземенн М., Уллах Ф., Хаммер М., Чампи Дж., Якобсон И., Абдикеев Н.М, Блинов А.О., Вилков Л., Данько Т.П., Елиферов В.Г., Захаров В.Я., Идельменов С.В., Исаев Р.А., Калянов Г.Н., Киселев А.Д., Кутелев П.В., Медынский В.Г., Мотышина М.С., Николенко И.П., Ойхман Е.Г., Попов Э.М., Репин В.В., Тельнов Ю.Ф., Тютюнник А.В., Уткин Э.А., Чаадаев В.К., Черемных О.С., Черемных С.В.и др.

С переходом к новому этапу рыночных реформ на всех уровнях управления, во всех звеньях народного хозяйства возрастает роль специалистов, умеющих принимать эффективные решения, относящиеся к будущему, постоянно согласовывать текущую деятельность со стратегическими целями хозяйствования.

Значительные структурные изменения организации в ходе реинжиниринга и переход на новые принципы построения организации, требуют разработки и выполнения специального проекта и создания команды по реинжинирингу. Особенно важным на наш взгляд является определение момента начала реинжиниринга, чтобы успеть его провести для достижения поставленных целей.

Высшему менеджменту необходимо определиться с моментом начала проекта по реинжинирингу в организации. Для этих целей необходимо разработать систему индикаторов, диагностирующих назревание проблем в организации. На наш взгляд, это достаточно серьезная проблема, от правильного решения которой зависит успех всего проекта в целом. Но для того, чтобы дать правильный ответ на поставленный вопрос, необходимо провести исследование проблем в деятельности организации. Нельзя ориентироваться исключительно на волевое решение руководителей или советы внешних консультантов.

Нами разработан алгоритм системного управления проведения реинжиниринга бизнес-процессов организаций.

1 этап. На этом этапе происходит инициация проекта. На этом этапе так же необходимо сформировать команду по реинжинирингу - работоспособную, квалифицированную и творческую команду, способную к восприятию на практике перспективных технологий. Цель создания команды по реинжинирингу - объединение потенциала персонала, выраженного в их знаниях, в единую систему и получение синергетического эффекта от их взаимодействия. Сложность управления творческим потенциалом членов команды может быть обусловлена отсутствием культуры совместной деятельности, индивидуализмом, стремлением к лидерству, личным результатам, нетерпением. Это требует от каждого участника понимания общей ситуации. Поэтому здесь важную роль играет свободный обмен информацией, объем, полнота и точность которой намного превышают те, которые нужны для оперативного руководства. Особую роль в команде по реинжинирингу играют IT-специалисты. в организации.

Первый этап является очень важным для успеха всего проекта, но и крайне сложным в силу

того, что наблюдается противоречие: с одной стороны проект запущен, сформирована команда, начинаются исследовательские работы, а конечный результат пока не определен. Сложность заключается и в том, может показать, что проект по реинжинирингу начинать пока рано, либо уже слишком поздно. Снижение управляемости организации связано с различными организационными патологиями, которые присутствуют в ее деятельности. В настоящее время понятие организационная патология имеет два значения – отклонение от нормы и дисфункция. Диагностика имеющихся патологий в развитии организации позволит своевременно выявить и предупредить развитие кризисных явлений.

После принятия решения о начале проведения реинжиниринга необходимо преступить к созданию карты реинжиниринга. Для того, чтобы определить, какие процессы будут подвергнуты реинжинирингу, необходимо, прежде всего, осознать, какие процессы существуют в организации. До начала проекта необходимо четко определить цели, которые необходимо достигнуть по каждому процессу, подвергаемому реинжинирингу, причем определить в конкретных цифрах. Для задания конкретных числовых показателей можно использовать два подхода. Первый подход – это измерить существующие процессы и задать целевые значения (улучшить в несколько раз). Такой подход применим только в случае, если старый процесс можно измерить. В большинстве случаев сделать это весьма проблематично, поскольку старый процесс существует в виде разрозненных функций различных подразделений, четко измерить которые не представляется возможным прежде всего из-за неполной автоматизации. Второй подход предполагает использование бенчмаркинга – целевые показатели процессов задаются исходя из аналогичных существующих показателей других организаций отрасли. При таком подходе возникают проблемы, связанные с тем, что в России найти сведения для сравнения очень сложно. Тем не менее, без задания целевых показателей сложно оценить успех или провал проекта.

2 этап Основной задачей данного этапа является диагностика существующих процессов, их понимание и описание. Без описания процессов можно создать концепцию проведения реинжиниринга. Без знаний о том, как и зачем делается та или иная операция будет слишком общим, пригодным для предварительного обсуждения, но не для конкретного внедрения. Однако тратить слишком много времени на описание того, что будет радикальным образом изменено, тоже нецелесообразно.

3 этап Основные задачи данного этапа. Создание концепции дизайна. На этом этапе также целесообразно использовать смешанный подход – наиболее оптимально перепроектировать процесс, отказываясь от старых правил и используя "революционные" идеи, при этом максимально широко использовать возможности информационных технологий.

Создание дизайна. Дизайн будущих процессов создается командой реинжиниринга с использованием средств моделирования процессов. Реинжиниринг – это разрушение, ломка. Поэтому к процессу нужно подходить крайне внимательно и осторожно. Прежде чем ломать, нужно убедиться, что создаваемое новое будет не просто эффективно, а хотя бы жизнеспособно.

Далее, прежде чем приступать к конкретным преобразованиям, необходимо все «проиграть» на имитационной модели. Первоначально строится модель «как есть». Модель разрабатывается и испытывается, проверяется ее адекватность. Модель позволяет выявить «узкие места», оценить ключевые параметры. С помощью модели можно построить прогноз того, что будет, если ничего не менять. После этого наступает самое сложное – разработать модель «как должно быть?». Этот этап, безусловно, является самым сложным, ибо связан с творчеством, с научным предвидением. Нельзя считать этот этап чисто инженерной задачей, хотя некоторые типовые приемы реинжиниринга существуют и известны (формализованы). По нашему мнению,

успешность выполнения этого этапа, в большой степени зависит от творческого потенциала команды и всей организации в целом. При разработке модели «как должно быть?» используются известные методы исследования систем управления.

Этот этап, безусловно, является самым сложным, ибо связан с творчеством, с научным предвидением. Нельзя считать этот этап чисто инженерной задачей, хотя некоторые типовые приемы реинжиниринга существуют и известны (формализованы).

Успешность выполнения этого этапа, в большой степени зависит от творческого потенциала команды и всей организации в целом. При разработке модели «как должно быть?» используются известные методы исследования систем управления. Выбор конкретных методов определяется знаниями, опытом и интуицией менеджеров и специалистов, проводящих исследования. Грамотное применение методов способствует получению достоверных и полных результатов исследования проблем, возникших в организации. Представляется, что на этом этапе весьма успешно можно применять бенчмаркинг и метод мозгового штурма.

Создание бизнес-модели организации в графическом, текстовом или каким-либо еще виде, позволяет выявить причинно-следственные связи предметной области (отразить организационную, функциональную или информационную структуры организации). Наглядность модели организационной структуры (отвечающей на вопрос: "кто и чем занимается") повышает прозрачность границ ответственности сотрудников. Используя инструментарий моделирования бизнес-процессов, путем связывания ролей с работниками и процессами можно сгенерировать для каждого работника документ, отражающий предъявляемые к нему требования, предоставляемые ему полномочия и должностную инструкцию. При этом модели бизнес-процессов определяют, как должны выполняться те или иные бизнес-функции, и именно они составляют основу комплекса бизнес-моделей организации.

При формализации методов оценки управленческих решений в конкретных условиях необходимо имитационное моделирование, которое является эффективным инструментом для адекватного описания неструктурированных проблем и систем большой размерности, имеющих вероятностный характер поведения.

Работающая модель копирует текущую деятельность организации. Это достигается путем прохождения через возможные события в режиме сжатого времени с одновременным отображением "живой" картины бизнес-процесса при помощи анимации. Так как программное обеспечение имитационного моделирования отслеживает статистические параметры элементов модели, оценка эффективности процесса может быть получена на основе анализа соответствующих выходных данных.

Варьируя переменные данные в рамках модели, и не рискуя при этом нарушить выполнение текущих операций или помешать созданию новой системы, можно точно предсказать, сравнить или оптимизировать показатели эффективности процесса.

В имитационной модели нужно выбрать ключевые показатели, которые будут изучаться, измеряться и исследоваться. Но для каждой организации показатели свои. Не может существовать универсальный измеритель.

По результатам испытания имитационной модели целесообразно оценить эффективность предлагаемых решений. Реинжиниринг - затратная инновация, должны быть критерии, по которым будет доказываться эффективность предлагаемых решений. Возможно, что это не всегда будет количественный показатель. Это может быть и показатель оценки качества системы управления.

Расчет экономической целесообразности реинжиниринга включает сопоставление возможных затрат и потенциальной экономической выгоды от использования нового решения. Для этого могут анализироваться такие параметры, как период окупаемости системы, чистая приведенная стоимость, норма рентабельности, общая стоимость владения и др. Цель всего этого процесса — хотя бы примерно оценить экономическую эффективность решения.

Создание концепции менеджмента качества. Сегодня многие авторы согласны с тем, что наибольшую эффективность дает сочетание революционных и эволюционных методов – радикальное и непрерывное совершенствование. Очевидно, что какой бы замечательный процесс не был создан в проекте реинжиниринга, необходимо практически сразу же приступить к его усовершенствованию. Для внедрения полноценной системы менеджмента качества необходимо при дизайне процесса придумать набор показателей качества процесса и предусмотреть получение текущей информации о поведении этих показателей.

Таким образом, проводя имитационное моделирование бизнес-процессов и используя информационные технологии, организация может создать новую структуру, полностью изменить бизнес-процессы для кардинального повышения эффективности своей деятельности, добиться конкурентного преимущества.

4 этап В основе реинжиниринга лежит принцип проектирования процессов "с чистого листа". Желаемого "идеального" процесса можно достичь методом последовательных приближений. Внедрение каждого приближения при таком подходе называется "релизом". "Релизы" взаимосвязаны между собой как "круги на воде" – каждый последующий релиз все больше приближается к идеальному процессу.

Для внедрения каждого "релиза" представляется разумным использовать предлагаемую Хаммером трехстадийную стратегию внедрения – лабораторная стадия, стадия пилотного проекта и стадия тиража.

Цель лабораторной стадии – "проиграть" несколько модельных процессов и проверить жизнеспособность гипотез. При этом речь идет именно о некой "модели", поскольку нецелесообразно приступать к широкомасштабной реализации (в том числе, с использованием зачастую дорогостоящей автоматизации) без проверки жизнеспособности основных гипотез.

Цель пилотного внедрения – запуск нескольких процессов в "реальную" жизнь, но на ограниченном полигоне.

Цель тиражного внедрения – запуск процессов в "реальную" жизнь в масштабах организации.

5, 6 и 7 этапы – это этапы лабораторной стадии, пилотного внедрения и тиража соответственно. Эти этапы повторяются по каждому релизу итерационно, до тех пор, пока цель не будет достигнута.

Чтобы обеспечить успешное внедрение планируемых изменений, необходимо уже на этапе разработки новой организационной структуры, наряду с целью, принимать во внимание пути ее достижения. Особенно важно еще до начала реализации проекта доступно и понятно объяснить всем сотрудникам необходимость изменений и их суть, а также планируемый порядок действия. Разъяснение изменений оказывает решающее влияние на успех проекта и его одобрение в среде сотрудников. Исследования показывают, что только около 15% ошибок в проектах по реинжинирингу процессов можно отнести к производственно-экономической или технико-организационной сфере. А остальные совершаются по причине нехватки информации и недостаточной подготовленности сотрудников.

Универсального метода внедрения, который подходил бы для любого проекта, не существует. Учитывая экономические, политические и культурные особенности рассматриваемой организации, следует выбирать и рационально комбинировать различные мероприятия. Важными определяющими факторами являются:

- общий объем работ по реорганизации;
- количество задействованных сотрудников;
- количество и значимость затронутых процессов;
- масштабы изменений (революция или эволюция);
- установленные временные рамки;
- преобладающий стиль управления.

Способы внедрения и порядок действий необходимо выбирать исходя из конкретной ситуации.

Известны три возможных варианта внедрения новых процессов и связанной с ними организационной структуры.

1. Внедрение новых процессов с последующей адаптацией организационной структуры.
2. Реализация новой организационной структуры с последующим внедрением процессов.
3. Одновременное внедрение новой организационной структуры и новых процессов.

Первый и второй варианты связаны с меньшим масштабом одновременных изменений, что лучше поддается контролю и сокращает риск. Однако, учитывая тесную взаимосвязь между внедрением процессов и организационной структуры, более предпочтительным является вариант одновременного внедрения. Достаточно часто внедрение новых процессов в среде с неизменной организационной структурой не представляется возможным или же связано с потерями в результате неизбежных разногласий. Проблемы возникают из-за того, что, во-первых, в новых процессах могут принимать участие организационные единицы, не существовавшие до реорганизации. Во-вторых, сотрудники, которые должны совместно выполнять определенные задачи, могут находиться физически в разных местах. Аналогичные проблемы возникают и при обратном порядке действий. После изменения организационной структуры многие процессы, которые раньше были более или менее отлажены, начинают функционировать с перебоями. Кроме того, существует опасность, что в результате временной адаптации возникнут спонтанные нежелательные процессы, которые снова придется разрушать, создавая дополнительную нестабильность внутри организации.

Поэтому более целесообразным представляется вариант одновременного изменения организационной структуры и внедрения новых процессов.

Непосредственно для внедрения процессов существуют различные стратегии:

- пилотное внедрение;
- шаг за шагом;
- стратегия «большого взрыва».

Осторожная стратегия (пилотного) внедрения первоначально предполагает переход на новые процессы только в одном месте (филиале) в рамках одной функции, которая носит пилотный характер. При этом речь идет о комбинации подходов шаг за шагом с точки зрения одного региона и одной функции. Приобретенный опыт используется для адаптации разработанных процессов и совершенствования методов внедрения в других регионах. Возможные проблемы в результате ошибочных концепций затрагивают лишь ограниченную сферу и относительно легко поддаются контролю и корректировке, обеспечивая высокую степень безопасности для промышленной организации в целом. Однако по сравнению с другими стратегиями

постепенный подход предполагает более длительные сроки внедрения. Кроме того, в тесно взаимосвязанных структурах возможно возникновение проблем во взаимодействии между реструктурированным и остальными подразделениями.

При постепенном (шаг за шагом) внедрении на новые процессы последовательно переводятся все региональные или функциональные подразделения, в то время как остальные подразделения продолжают работать по-старому.

Существенным преимуществом этого подхода (как и в случае пилотного внедрения) является более высокая, по сравнению со стратегией «большого взрыва», безопасность. Постепенное внедрение новой организационной структуры позволяет последовательно изучить как особенности процессов, так и требования задействованных в процессах сотрудников. Полученный опыт ложится в основу внедрений в остальных подразделениях. Сотрудники, обученные на первых этапах проекта, могут оказать помощь своим коллегам в других регионах. По мере увеличения числа шагов, однако, возникает ряд временных взаимодействий между подразделениями с различными типами организационной структуры, что может привести к возникновению существенных разногласий.

Стратегия «большого взрыва» предполагает одновременное внедрение новой организационной структуры и новых процессов во всей промышленной организации. Такое внедрение происходит быстрее, разногласий между организационными единицами в результате разных версий процессов не возникает, а процессы, охватывающие несколько подразделений, могут быть внедрены на одном этапе. Таким образом, новый процесс начинает функционировать во всей своей совокупности и с должной эффективностью. С другой стороны, эти преимущества следует рассматривать на фоне серьезного риска для всей промышленной организации в целом. Из-за многочисленных взаимозависимостей реализовать эту стратегию можно только за счет жесткого управления проектом. При этом у руководства промышленной организации проект должен иметь высокий приоритет, чтобы обеспечить своевременное принятие и соблюдение всех необходимых решений. Кроме того, стратегия «большого взрыва» не предусматривает последовательного накопления опыта.

Выбор одной из описанных выше стратегий во многом обусловлен конкретной ситуацией. Несмотря на распространенные ошибки, существует множество примеров успешного проведения реинжиниринга. Организация, руководители которого понимают основы реинжиниринга и привержены его идее, имеет практически 100% шанс добиться успеха.

8 этап Основные задачи данного этапа:

Общее подведение итогов. Оценка эффективности проекта

Создание целевых показателей для процессов на первоначальном этапе позволяет с цифрами в руках оценить успех или провал проекта. Поскольку реинжиниринг обычно затрагивает интересы множества людей, отношение к проекту в организации бывает очень неоднозначным. Именно поэтому определение четких критериев оценки эффективности проекта играют такую важную роль.

Критериями эффективности труда аналитика бизнес-процессов предлагается могут быть:

- достижение целевых значений критериев оценки эффективности бизнес-процессов после проведения их оптимизации;
- степень удовлетворенности сотрудников организации работой в рамках бизнес-процесса после его оптимизации.

В работах по реинжинирингу бизнес-процессов принимают участие ряд взаимосвязанных структурных единиц, которые образуют организационную структуру проекта. Команды РБП выполняют реинжиниринг бизнес-процессов, число которых определяется числом реорганизуемых процессов.

Еще одним залогом успешного проведения проекта по реинжинирингу в организации является достаточное его финансирование, позволяющее внедрить новую технологию в полном объеме. Только в этом случае от решения действительно будет положительная отдача, частичное внедрение может привести к прямо противоположным результатам. Вместо упрощения и повышения эффективности вся система управления информационными технологиями может стать лишь более громоздкой – «половинчатое» решение наложится на уже существующее и обе системы будут существовать параллельно, еще более запутывая ситуацию, приводя систему к полной неуправляемости, а все оценочные показатели – к полностью нерепрезентативным.

Следовательно, необходимость проведения реинжиниринга следует довести не только до IT-руководства, но и до руководителей бизнес-подразделений, а также – до руководства высшего звена.

По мере анализа и документирования процессов деятельности, использования инструментов моделирования, тесного общения с руководством организации и согласования необходимых изменений, процесс реинжиниринга может пройти относительно безболезненно и постепенно, не вызывая катастрофического отторжения новаций у руководителей среднего звена и исполнителей. Руководство организации должно осознавать, что уровень квалификации и способности сотрудников, привлекаемых к внедрению, будет непосредственно влиять на окончательный результат. Чем серьезнее отношение руководства к подбору персонала, тем большую отдачу от внедрения они получат.

Необходим персонал, осуществляющий процесс реинжиниринга, необходимо готовить кадры, которые не только захотят, но и сумеют работать в новых условиях, будут обладать соответствующими компетенциями. Необходимо разрабатывать систему мотивации персонала, адекватную проводимым преобразованиям.

Проект по описанию бизнес-процессов несомненно поможет бизнесу в его деятельности и будет способствовать:

- повышению прозрачности деятельности организации;
- закреплению зон ответственности сотрудников организации;
- улучшению взаимодействия подразделений;
- решению проблемы «незаменимых сотрудников».

Технология описания и оптимизации бизнес-процессов позволяет решить следующие задачи:

- Повысить прозрачность, контролируемость и управляемость бизнеса, навести порядок, реализовать стратегии, поддержать рост.
- Оптимизировать бизнес-процессы в соответствии с различными критериями, например снижение издержек, уменьшение времени процессов, повышение качества процессов, уменьшение рисков.
- Построить эффективную организационную структуру. Выполнить реструктуризацию.
- Спроектировать новые бизнес-направления и бизнес-процессы.
- Тиражирование бизнеса.
- Автоматизация.
- Правильный подбор персонала. Мотивация. Уменьшение персонало-зависимости.

- Регламентация. Высвобождение времени руководителей. Повышение ответственности и эффективности работы персонала.
- Рассчитать финансовые показатели. (расчет себестоимости объектов учета, управленческий учет, бюджетирование.)
- Повысить рыночную стоимость, инвестиционную привлекательность, имидж, обеспечить выход на новые рынки.

Опыт показывает, что основные проблемы внедрения новых продуктов и технологий связаны с человеческим, организационным и информационным капиталом. Когда человеческий, информационный и организационный капитал приведены в соответствие со стратегией, промышленная организация готова к переменам: она обладает возможностью мобилизовать имеющиеся ресурсы на выполнение стратегии. Чтобы подготовить промышленную организацию к переменам, необходимо запустить целый комплекс программ.

Управление изменениями персонала - один из неотъемлемых элементов проекта РБП. Майкл Хаммер говорил о том, что самая озадачивающая, раздражающая, расстраивающая и непонятная часть управления бизнес-процессами - это люди. Люди являются решающим фактором успеха любого проекта РБП, и если не выстроить эту часть проекта правильно, проект либо провалится, либо его успех будет ограничен. Можно выбрать лучшие процессы и системы РБП, но если работники откажутся применять их или будут пользоваться ими неправильно, проект не будет успешен.

Сопrotивление переменам неизбежно, он возникает всегда, в ответ на любые изменения. Оно, как отмечает И. Ансофф, вызывает непредвиденные отсрочки, дополнительные расходы и нестабильность процесса изменений.

Коттер и Шлезингер выделяют четыре причины сопротивления изменениям на личностном уровне.

Узкособственнический интерес. Желание не потерять что-то ценное: положение, власть, материальную выгоду, комфорт, привычную обстановку, политическое преимущество и неформальные связи.

Непонимание и недостаток доверия. Это проблема коммуникаций, которую чуть ниже рассмотрим подробнее. То есть налаживание взаимоотношений с теми, кого затронут изменения.

Низкая терпимость к изменениям. Люди имеют значительно отличающиеся уровни готовности к изменению. Для одних даже незначительное нарушение привычных связей означает кризис. Другие сопротивляются необходимости обучения, а кто-то сопротивляется тому, что он рассматривает как требование приспособляться к чьим-то нормам или ожиданиям.

Различная оценка ситуации. Сопrotивление возникает из-за того, что люди искренне не могут понять выгоды, связанные с изменением или видят больше потерь, чем преимуществ, не только для себя, но и для организации в целом.

На уровне группы или организации в целом эти авторы выделяют следующие причины сопротивления переменам.

Давление со стороны коллег. Очень легко попасть под влияние коллег, которые оказывают сопротивление изменению, особенно если ни у кого нет полной информации, но зато имеется много слухов. Когда сопротивление изменению становится общим делом, то его очень трудно преодолеть.

Усталость от изменений. Даже те, кто был полностью вовлечен во все аспекты происходивших ранее изменений, теряют энтузиазм и приверженность изменениям, когда предлагается все больше и больше изменений. Это приводит к сопротивлению, чаще всего в пассивной форме. Люди уже просто не вкладывают усилий в то, чтобы каждое новое изменение прошло успешно. Более активная форма сопротивления - желание избавиться от инициаторов изменения.

Предыдущий неудачный опыт проведения изменений. Если люди пострадали от ранее проведенных изменений, то, скорее всего, они отнесутся с недоверием к последующим предложениям по изменениям и будут им сопротивляться.

Выделяют технические, политические и культурологические причины.

Техническими причинами он называет действие условий организации, которые представляют собой способы соединения человеческих и технических ресурсов в организации.

Отсутствие ресурсов и коммуникаций для осуществления инноваций. Такая ситуация возникает, когда руководство организации, планируя проведение инноваций, переоценивает свои возможности. Руководители более низких уровней управления, зная реальную картину, оказывают сопротивление изменениям.

Внутренняя разобщенность организации. Причины внутренней разобщенности весьма многочисленны: социальные конфликты между отдельными группами в организации; культурные различия (различные ценности, принятые нормы и т.д.); неправильная позиция руководителей; отсутствие идентификации с коллективами организации и др. Все это может вызвать сопротивление инновациям у отдельных групп в организации.

Неизвестный результат или страх перед неизвестностью. Нередко члены организации просто не видят перспективы внедрения инноваций и поэтому у них возникает ощущение возможного провала или отрицательных последствий, в связи с чем они и сопротивляются нововведениям.

Отсутствие планов, неясность целей. Эту группу причин можно рассматривать как частный случай страха перед неизвестным результатом. Неопределенность будущих действий, отсутствие разделения деятельности на этапы в соответствии с целями организации порождает у работников иллюзию несбыточности планов и нецелесообразности проводимых изменений.

Отсутствие лидеров. Именно лидеры способны подсказывать, направлять действия людей и организовывать проводимые изменения.

Организация успешно развивается. Сопротивление изменениям может усилиться в том случае, если организация находится на гребне успеха. В этой ситуации у членов организации возникает резонный вопрос: зачем что-то изменять, когда организация работает столь успешно?

Отсутствие системы обучения и консультирования. Для осуществления инноваций обучение и консультирование необходимы, так как без этого невозможна полная социализация индивидов по отношению к нововведениям. В случае отсутствия системы обучения и консультирования сопротивление изменениям практически неизбежно.

Политические причины сопротивления изменениям связаны с перераспределением власти при проведении изменений в организации. Перед руководителями различных уровней всегда стоит вопрос: кто и в какой степени будет привлечен к принятию управленческих решений в новой ситуации. Все это определяет основные причины сопротивления.

Угроза влиятельным статусам, т.е. возможной потери влияния и авторитета. Действительно, очень часто инновации связаны со структурными изменениями, и в результате перестройки

организации руководитель может занять более низкую ступень в структуре управления. Кроме того, реализованные инновации могут привести к изменению характера отношений между руководителями и подчиненными, что также может восприниматься болезненно и вызывать сопротивление изменениям.

Возможность критики руководителей. В ходе изменений нередко критикуются прежние способы организации производственного процесса, методы управления и контроля. Учитывая возможность такой критики, и опасаясь ее последствий, многие руководители в организации стремятся избегать нововведений, доказывая преимущества своего, прежнего способа действий.

Изменение в процессах принятия решений. Барьером для руководителя может стать принятие другого способа управления. Дело в том, что каждый руководитель стремится максимально стандартизировать процесс принятия решений, упростить его. При внедрении инноваций руководителю приходится сталкиваться с новыми способами принятия управленческих решений, которые могут быть весьма сложными. В связи с этим до полной адаптации руководителя к новым условиям он может оказывать сопротивление нововведениям.

Изменение форм властного воздействия. При изменении ситуации в организации или ее подразделениях у руководителей может появиться необходимость изменить формы властного воздействия. Например, руководитель до проведения изменений ориентировался на власть принуждения, но при изменении ситуации он вынужден применять информационную власть, референтную власть или власть эксперта. Чаще всего руководители организации не готовы сразу поменять формы властного воздействия, и должно пройти определенное время для адаптации к новым формам власти. Обычно именно в этот момент наблюдается сопротивление изменениям в организации, которое может продолжаться до тех пор, пока руководители не адаптируются к новым условиям применения власти.

Культурологические причины сопротивления изменениям связаны с изменением ценностных ориентации и социальных норм, действующих в организации.

Влияние прежних ценностей. Любое вмешательство извне может привести к явному или неявному отторжению новых ценностей, причем сила инерции весьма велика. Члены организации не могут сразу изменить свои ориентации и становятся беспомощными перед лицом неопределенности, в результате чего возникает сопротивление изменениям.

Возврат к традициям. В любых социальных общностях можно услышать мнение, что в старые времена жизнь была значительно лучше. Это обычное явление, основанное на привычках и стереотипах, облегчающих людям ориентацию в их социальном окружении. Однако весьма полезные людям привычки и обычаи могут оказаться ненужными и вредными при освоении новых ситуаций.

Действие нормативного контроля. Соблюдение норм обеспечивается с помощью неформального контроля, и членам организации психологически трудно не соблюдать существующие нормы деятельности. Любые новые нормы в данной области деятельности считаются отклонениями, против которых и направлены санкции социального контроля. В этот момент и возникает сопротивление нововведениям.

Методы преодоления сопротивления

Изменение порождает напряжение или стресс. Стрессу подвергаются люди, организации и национальные экономики в целом. Известно, что эволюционное развитие предпочтительнее революционного. Однако замедление изменений [9], не будет решением проблемы. Невозможно добиться успеха, если конкуренты будут принимать правильные решения быстрее или, если, несмотря на быстрое принятие правильных решений, решения будут реализовываться медленнее, чем у конкурентов. Напротив, необходимо ускорить реализацию правильных решений, но так, чтобы снизить стресс до минимума, тогда и минимальным будет сопротивление переменам.

Следует понимать, что в процессе преобразований неизбежно ослабляются связи между элементами системы, вследствие чего она может дезинтегрироваться и разрушиться. Это отчетливо ощущают многие работники организации, переживающей коренную трансформацию. Больше всего они опасаются банкротства организации и потери работы. Непременным условием глубоких преобразований является наличие сильной власти в организации, которая способна остановить процесс дезинтеграции в тот момент, когда он перестает поддерживать реинтеграцию организации и ведет к её разрушению.

В условиях кризиса обычно обнаруживается, что одним работникам присущ высокий уровень мотивации и преданности своей организации. Другие работники складывали оружие, пытаются выйти из боя и даже стрелять в спину своим командирам.

В неблагоприятных экономических условиях обнажается и суть глубинных представлений основателя промышленной организации, ее владельца. Учредитель одной организации может провести массовые увольнения, жертвуя и своими ближайшими коллегами. Учредитель другой организации, желая сохранить сотрудников, может перейти на режим работы с неполным рабочим днем и сокращением зарплаты сотрудников.

Проведение изменений представляет собой постоянный цикл приобретения опыта, который характеризует организацию с точки зрения способности сохранять эффективность.

Разрабатывая мероприятия по преодолению сопротивления, следует исходить из того, что необходимость в преобразованиях часто возникает из-за нарушения равновесия между интересами групп, оказывающих сильное влияние на развитие промышленной организации: акционеров, сотрудников, клиентов, общественности и менеджмента. Перераспределять ресурсы в процессе преобразований нужно, имея в виду восстановление баланса этих интересов. Действовать в процессе преобразований нужно в интересах всех заинтересованных сторон, не боясь применять в случае необходимости силу.

Проводить преобразования следует в первую очередь в тех областях, где можно получить наибольшие результаты. Анализ практики проведения преобразований показывает, что часто достаточно осуществить 60% задуманных преобразований, чтобы получить желаемые результаты. Стремиться к минимуму преобразований – но обеспечить максимальный результат. Крайне нежелательны многоэтапные мучительные сокращения персонала.

Чтобы снизить сопротивление переменам, необходимо изменить убеждения людей. Нужно научить людей видеть происходящее объемно, с разных точек зрения. Защищаясь, работники реализуют функцию саморегулирования в экономической системе, пытаясь удержать ее в состоянии равновесия. Тогда как цель – перевести организацию в новое состояние равновесия. Энергию сопротивления предстоит направить в нужное русло.

Катализатором изменений становится лидерство. Руководители не только ставят новые задачи, открывая новые возможности, но и предлагают новую систему оценки деятельности, которая поощряла бы и закрепляла новые модели поведения. Тогда у людей, на которых держится организация, появляются новые стремления и надежды, и они готовы работать на реформы. При этом руководители, так как и их подчиненные, должны меняться, но им это сделать сложнее. Руководители должны быть преданы тем идеям и ценностям, ради реализации которых проводятся преобразования.

Опыт подсказывает, что есть два способа заставить людей изменяться.. Действенным инструментом стимулирования перемен может стать кризис. Страх – мощнейший стимул, угроза уничтожения сплачивает людей, заставляет их действовать более энергично. Задача руководителя - определить масштаб, остроту и последствия кризиса и донести это до людей. Руководитель также должен быть способен указать пути преодоления кризиса - сформулировать и разъяснить новую стратегию, новую модель организации, новую культуру.

Второй способ более тонкий: от руководителей требуется донести до людей существование острой проблемы, разъяснить ее масштаб, последствия и необходимость перемен. Люди должны понять последствия задержки в решении проблемы для себя и организации. Надо поставить задачу превзойти старые достижения, а не поливать грязью прошлое.

Людям не нужны уговоры: им нужно лидерство - направление движения, последовательность и настойчивость. Сотрудникам нужны лидеры, которые нацелены на решения и действия. Если придется принимать жесткие решения, как часто бывает в программе изменений, их следует принять как можно раньше и донесите до всех менеджеров, сотрудников и заинтересованных лиц, объяснив, почему это необходимо. Здесь очень важны эффективные внутрифирменные коммуникации.

Наиболее известная классификация способов преодоления сопротивления [103], включает шесть методов и содержит их оценку с точки зрения преимуществ и недостатков, а также предпосылки применения.

Одни методы принято называть «жесткими»: это принуждение сотрудников к работе по новым правилам, их замена и увольнение.

Другие - «мягкими»: это вовлечение сотрудников в процесс изменений, создание для них возможности вносить свои предложения по целям и методам изменений, обсуждение с персоналом принимаемых организационных решений, убеждение в необходимости и правильности методов перемен, обучение смежным профессиям и новым методам работы, информирование о планах и ходе изменений.

Третьи - «компромиссными»: заключение «сделок», создание гарантий неухудшения положения сотрудников, снижение радикальности изменений

Таблица 4.4. Способы преодоления сопротивления организационным изменениям

Меры	Предпосылки применения	Преимущества	Недостатки
Обучение и предоставление информации	Недостаток информации, недостоверная информация или ее неправильная интерпретация	При убежденности сотрудников в необходимости мероприятия они активно участвуют в преобразованиях	Требует очень много времени, если надо охватить большое число сотрудников

- технология: Практикум. – М.: Финансы и статистика, 2008. – 256 с.
3. Адизес И. Управляя изменениями / И. Адизес; пер. с англ. – СПб: Питер, 2008. – 224 с.
 4. Блинов А.О. Механизмы управления инновационно- технологической модернизацией российской промышленности //Современная стратегия социально-экономического развития России: вопросы экономики и права. К.: ЮИМ, 2009.
 5. Волков К.В., Попов Е.ВСтандарты аудита на основе принципов реинжиниринга //Менеджмент в России и за рубежом.- 2003.-№3. – С.46-53.
 6. Джестон Д., Нелис Й. Управление бизнес-процессами. Практическое руководство по успешной реализации проектов. –Пер.с англ.- СПб: Символ-Плюс, 2008. – 512 с.
 7. Елиферов В.Г., Репин В.В. Бизнес-процессы: Регламентация и управление: Учебник. – М.:ИНФРА-М, 2007. – 319 с.
 8. Калянов Г.Н. Моделирование, анализ, реорганизация и автоматизация бизнес-процессов: учеб.пособие.-М.:Финансы и статистика. 2007. – 240 с.
 9. Реинжиниринг бизнес-процессов: учеб.пособие для студентов, обучающихся по специальностям экономики и управления/ Под ред. А.О.Блинова.- М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.- 343 с.
 10. Управление бизнес-процессами современных организаций Монография/Под общ.ред.М.М.Максимцова.- М.: МГСУ, 2009.- 311 с

РЕГИСТРАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Макарова Надежда Анатольевна

ООО или ИП. Что лучше зарегистрировать?

Конечно, в зависимости от того, какие цели Вы преследуете, можно зарегистрировать ООО или ИП. Отличия их, в основном, сводятся к следующему:

1. Индивидуальный предприниматель- это физическое лицо, и ответственность за свои действия и уплату налогов он несет как физическое лицо, то есть фактически своим имуществом, Общество с ограниченной ответственностью-это юридическое лицо, соответственно, ответственность перед государственными органами, имеется только в пределах, ограниченных размером уставного капитала.
2. При регистрации ИП размер государственной пошлины составляет 800 руб, а за ООО Вам необходимо будет заплатить 4000 руб.
3. Для ООО необходим уставной капитал не менее 10 000 руб, для ИП он не нужен.
4. Для ООО нужно утвердить Устав, распределить доли уставного капитала на общем собрании и составить протокол.
5. ООО регистрируется в налоговой по месту нахождения головного офиса, а ИП - по месту прописки, а деятельность он может вести в любом городе России.
6. Все налоги в Налоговую Инспекцию, Пенсионный фонд и Фонд обязательного медицинского страхования, а также в Фонд социального страхования- в случае, если у Вас есть наемные работники) платятся, соответственно, для ООО - по месту нахождения организации, для ИП - по месту регистрации.
7. ООО имеет юридический адрес, то есть Вы обязаны будете снять помещение и сообщить об этом в Налоговую инспекцию. Для ИП же юридический адрес не нужен.
8. Систему налогообложения и для ООО и для ИП можно выбрать УСН (если в Вашей фирме работает не более 100 человек, и Ваш доход за год составит не более 30 млн руб). При УСН можно платить либо 6% от дохода, либо 15 % от прибыли, то есть доходы минус расходы. ЕНВД выбирается лишь в определенных случаях, установленных законодательством. Не всякая деятельность попадает под данную систему налогообложения.

Регистрация

Сначала необходимо определиться с Вашим видом деятельности, возможно ли им заниматься будучи ИП.

Сама процедура регистрации довольно проста. Вам нужно представить в налоговую следующий пакет документов:

1. Паспорт
2. Копия паспорта (все страницы, необходимо их прошить и пронумеровать).
3. Квитанция об уплате государственной пошлины за регистрацию ИП (Гос. пошлина платится в отделении Сбербанка, ее величина с февраля 2010 года составляет 800 рублей.)

4. Нотариально заверенное заявление на регистрацию в качестве предпринимателя. К нотариусу следует приносить уже написанное заявление, но без подписей. Бланки заявления стандартны, их можно получить в налоговой инспекции.
5. Заявление о переходе на Упрощенную систему налогообложения (я написала его сразу при регистрации)
6. Свидетельство ИНН

Вам в налоговой инспекции должны дать расписку в получении документов.

Срок регистрации по закону составляет 5 дней. Мне, правда, пришлось ждать две недели. (((Ну это, видимо, по принципу "чем дальше, тем дольше".

Вообщем, через некоторое время я получила документы:

1. Свидетельство о государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.
2. Уведомление о постановке на учет в налоговой в качестве налогоплательщика
3. Выписку из Единого государственного реестра юридических лиц.

Налоговая инспекция передает данные в другие органы, поэтому в них обращаться с целью регистрации и постановки на учет не нужно. Так, мне сразу же по почте пришли письма-уведомления о постановке на учет в качестве плательщика взносов из Пенсионного Фонда, Фонда обязательного медицинского страхования. Если есть наемные работники, то Вы получите уведомление и из Фонда социального страхования о постановке Вас на учет в качестве страхователя.

Открытие расчетного счета для индивидуального предпринимателя

Чтобы иметь возможность начать свою деятельность в выбранной сфере, каждый начинающий предприниматель должен открыть расчетный счет в банке для осуществления платежных операций. Я обратилась за информацией в следующие крупные банки: "СБЕРБАНК", КБ "СЕВЕРГАЗБАНК" и "ПРОМСВЯЗЬБАНК". Среди них самым оптимальным вариантом мне показался "СЕВЕРГАЗБАНК", поэтому я решила открыть расчетный счет именно в нем. Для предпринимателей в нем, по- моему, созданы самые благоприятные условия: открытие счета стоит 1000 руб, ведение счета - 200 руб в месяц. Что касается остальных, то там намного дороже - в СБЕРБАНКЕ открытие стоит также 1000 руб, а ведение счета около 900 рублей ежемесячно, в ПРОМСВЯЗЬБАНКЕ примерно такие же расценки.

Для открытия счета мне потребовался следующий пакет документов:

1. Паспорт гражданина РФ
2. Копия всех заполненных страниц паспорта, заверенная нотариально
3. Свидетельство ИНН и его копия, заверенная нотариально
4. Свидетельство ОГРН и его копия, заверенная нотариально
5. Уведомление о постановке на учет в налоговой в качестве индивидуального предпринимателя и его копия, заверенная нотариально
6. Уведомление о постановке на учет из Пенсионного фонда и его копия, заверенная нотариально
7. Выписка из Единого государственного реестра юридических лиц (оригинал, имеющий

давность не более 10 дней, или копия, также заверенная у нотариуса)

8. Банковская карточка с образцами подписей и печати (ее можно заверить либо у нотариуса, либо в банке за отдельную плату)

Также в банке с Вами заключат договор на обслуживание. Через неделю мне открыли счет (срок открытия счета в данном банке 7 дней). Меня прикрепили к определенной расчетной группе, а также попросили заполнить бланки на установление лимита кассы. Также я получила чековую книжку для обналичивания денежных средств на моем счете. Кроме того, мне сообщили о необходимости ведения кассовой книги, на случай, если я буду осуществлять платежи наличными деньгами.

Как только Вам открыли счет, необходимо в течение 7 дней сообщить о его открытии в Налоговую инспекцию (уведомление пишется по определенной стандартной форме), а также в Пенсионный фонд. Я отослала уведомления ценными письмами с уведомлениями и с описью вложения. День отправки письма на почте, вернее день, когда на нем будет поставлен почтовый штампик считается днем уведомления государственного органа.

Как правильно заполнить приходный и расходный кассовые ордера

Для правильного ведения банковского учета необходимо уметь заполнять приходные и расходные кассовые документы.

Приходный кассовый ордер заполняется следующим образом (для ИП):

1. В самом верху, где следует указать организацию или структурное подразделение Вам следует написать, например, Индивидуальный предприниматель Иванов Иван Иванович;
2. Справа указать код по ОКПО;
3. Проставить номер документа и дату его заполнения;
4. Далее следует заполнить строку: "принято от..." и основание, например, получение денежных средств со счета в банке;
5. Строкой ниже следует указать сумму прописью.
6. В строке "в том числе" проставить прочерк, так как там следовало бы указать наличие НДС;
7. Ниже указывается основание, например номер и дата выдачи банковского чека;
8. Внизу Вы ставите две своих подписи с расшифровкой;
9. приходный кассовый ордер состоит из двух частей. Правая часть - Квитанция, является отрывной. В ней также следует указать те же данные.
10. Если Вы работаете с печатью, то ее следует поставить на квитанции.

Заполнение расходного кассового ордере, в целом, аналогично приходному. Так, Вам необходимо заполнить следующие строки:

1. Вверху, как и в предыдущем случае, указать: Индивидуальный предприниматель и Ваши ФИО;
2. Справа также не забудьте указать Ваш код по ОКПО;
3. Проставить номер и дату заполнения;
4. Далее Вам нужно заполнить строку: "выдать...", где следует полностью прописать Ваши фамилию, имя и отчество;
5. Указать основание, например, выдача заработной платы;
6. Прописать сумму прописью;

7. Указать приложение, например, авансовый отчет;
8. Ниже, так как Вы являетесь и руководителем и главным бухгалтером в одном лице, Вам следует поставить две своих подписи;
9. Ниже пишете: "получил" и указываете сумму подписью, ниже - дату выдачи денежной суммы и снова Ваша подпись;
10. В строке "по" Вам следует указать свои паспортные данные (номер, дату и место выдачи документа);
11. "Выдал кассир" - снова Ваша подпись и ее расшифровка.

Кроме того, Вам необходимо вести Журнал регистрации приходных и расходных кассовых документов (по форме КО-3), где Вы должны в хронологическом порядке записывать номера приходных и расходных кассовых ордеров с указанием даты, а также сумму, на которую был выписан данный документ.

В принципе, все оказывается довольно просто, главное - не спешить и во всем разобраться. Тогда заполнение такого рода документов не будет представлять для Вас никакой сложности.

Ведение банковской документации ИП

Каждый индивидуальный предприниматель, работающий на основе Упрощенной системы налогообложения, обязан открыть расчетный счет в банке и вести банковскую отчетность. Так должна быть в обязательном порядке заведена Кассовая книга, в которую вносятся записи о движении наличных денежных средств, снятых/ внесенных на банковский счет.

Кассовая книга представляет собой журнал, каждая страница которого сгибается пополам, и записи вносятся через копировальную бумагу. Затем эта половинка страницы отрывается по линии отреза и вместе с авансовым отчетом, приходным и расходным кассовыми ордерами составляет отчет кассира, который должен храниться отдельно, страницы Кассовой книги нумеруются и прошиваются, а также скрепляются печатью, если индивидуальный предприниматель с ней работает. Данные в книгу вносятся на основании: приходного ордера и авансового отчета. По требованию банковских служащих, кассовая книга должна быть предоставлена в банк для проверки.

В случае ее неведения или наличия нарушений при ее ведении, на лицо - индивидуального предпринимателя может быть наложен денежный штраф в размере нескольких тысяч рублей. Для предприятий сумма штрафа в десятки раз больше.

Ведение Книги учета доходов и расходов ИП

По действующему налоговому законодательству, каждый налогоплательщик, осуществляющий свою деятельность на основе Упрощенной системы налогообложения, обязан вести Книгу учета доходов и расходов. Это обязательно также и для любого индивидуального предпринимателя.

В данной книге в хронологическом порядке ведутся записи о полученных за год доходах и расходах. Запись в Книгу учета доходов и расходов вносится на основе первичного банковского документа, то есть платежного поручения, в обязательном порядке записывается его номер и дата поступления денежных средств на расчетный счет налогоплательщика. Индивидуальные предприниматели, работающие по УСН не вносят данные по расходам, так как

налогом в данном случае объектом налогообложения являются только только доходы.

Книга учета доходов и расходов может вестись как в печатном варианте. так и на электронном носителе. В первом случае, до начала ведения хозяйственной деятельности, Книга должна быть пронумерована, прошита и скреплена печатью Налогового органа. Во втором случае, в конце отчетного года Книга сдается вместе с декларацией в налоговую инспекцию и заверяется в уже заполненном виде.

Печать для индивидуального предпринимателя

Следует заметить, что индивидуальный предприниматель может работать и без печати - она не обязательна. Но в некоторых случаях появляется необходимость в ее наличии: банки предпочитают работать с теми, у кого есть печать, если Вы заключаете значительное количество договоров, то, конечно, лучше скреплять свою подпись печатью.

Изготовить печать Вам могут в любой фирме, занимающейся изготовлением штампов и печатей. Срок изготовления обычно составляет не более одного дня. Форму и вид печати ИП может выбрать сам: это может быть любой логотип или картинка, чаще всего на печати можно увидеть Ваши Ф.И.О. полностью, номер свидетельства ОГРН индивидуального предпринимателя, ИНН, если есть место - можете написать адрес. Печать ИП необязательно должна иметь круглую форму - можете сделать, например, треугольную или любой другой формы, как Вам больше нравится.

Для того, чтобы изготовить печать Вас попросят предоставить следующие документы:

1. Паспорт Гражданина РФ;
2. Копию Свидетельства ОГРН;
3. Копию ИНН.

Стоимость печати будет зависеть от оснастки - в среднем, где-то около 500-700 руб.

Личный опыт получения государственной субсидия на открытие своего бизнеса от Центра занятости

В феврале 2011 года я встала на учет в Центр занятости населения, с целью получения государственной поддержки на открытие своего бизнеса. В РФ существует специальная программа, в Вологодской области, принятая Постановлением Правительства Вологодской области от 2 ноября 2009 года № 1659, направленная на снижение уровня безработицы. Одно из направлений данной программы - содействие самозанятости безработных граждан. Согласно данному направлению программы, безработному предоставляются безвозмездные бюджетные средства в форме субсидии в размере двенадцатикратной максимальной величины по безработице - $12 \times 4900 = 58800$ рублей. В соответствии с Законом "О занятости населения в Российской Федерации" (статья 3, Глава 1) "Решение о признании гражданина, зарегистрированного в целях поиска подходящей работы, безработным принимается органами службы занятости по месту жительства гражданина не позднее 11 дней" со дня постановки на учет. Мне назначили дату следующей явки в Центр занятости через 10 дней.

При постановке на учет в Центре занятости с меня потребовали следующие документы:

1. Паспорт Гражданина РФ;
2. Свидетельство ИНН;
3. Пенсионное страховое свидетельство;
4. Документ об образовании;
5. Справка о среднем заработке на последнем месте работы за 3 месяца;
6. Трудовая книжка.

Кроме того, мне пришлось заполнить заявление-анкету о предоставлении государственной услуги содействия в поиске подходящей работы.

Когда в следующий раз я пришла в Центр занятости, меня попросили написать заявление на оказание государственной поддержки. Заявление было написано и мне сообщили, что я должен подойти через неделю для того, чтобы отдать свой Бизнес-план.

Через неделю, мой Бизнес-план с неохотой приняли, как будто, работники Центра занятости были совсем не заинтересованы в моем трудоустройстве. При этом мне было предложено написать несколько тестов (на наличие способностей к предпринимательской деятельности, а также профориентацию). Пишут их на 100 баллов все, так как ответы фактически даны. Ответы составлены в форме "да-нет", и причем внизу написано, что если Вы на все вопросы отвечаете "да", то у Вас явные способности быть предпринимателем. Интересно, отвечал ли кто-нибудь в этих "тестах" неправильно, если от них зависит получение почти 60 тысяч рублей.

После прохождения "тестов" мне не сказали, когда будет комиссия по рассмотрению Бизнес-плана, а только назначили день следующей явки через неделю. Я приехал, чтобы просто на меня посмотрели и поставили галочку, что я была. Когда я спросила, когда будет рассмотрение проекта, мне что-то невнятно пробормотали в ответ. И назначили день следующей явки через неделю.

Прибыв на следующий раз, я как раз попала на рассмотрение. Комиссия "заседала" часа два, я все это время ждала в коридоре. При этом они смеялись, и комментировали все представленные Бизнес-планы явно не по-существу. Потом одна "дамочка" вышла и сказала, что они отклонили мой проект. Тогда я спросила, на каком основании, мне ответили, что Центр занятости оказывает поддержку в первую очередь лишь тем, кто будет организовывать свою деятельность на территории их района, а не в области вообще. Но в моем родном районе заниматься тем, чем я хотела 100% нерентабельно.

Вот такая она, поддержка от государства.

За месяц, когда я стояла в Центре занятости, мне не было предложено ни одной вакансии, не дали ни одного ценного совета. Интересно, чем они тогда там занимаются в рабочее время?

Льготы по размеру страховых платежей с 2011 года

8 октября 2010 нижняя палата российского парламента одобрила Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования» и статью 33 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в РФ».

Смысл этого документа заключается в принятии для некоторых предприятий **пониженные ставки страховых платежей**. Данные ставки будут действовать в период с 2011 по 2019 года.

В частности согласно новому закону, «для организаций, осуществляющих деятельность в области информационных технологий (за исключением организаций, имеющих статус резидента технико-внедренческой особой экономической зоны)». К этой категории относятся «российские организации, осуществляющие разработку и реализацию программ для ЭВМ, баз данных на материальном носителе или в электронном виде по каналам связи независимо от вида договора и (или) оказывающие услуги (выполняющие работы) по разработке, адаптации, модификации программ для ЭВМ, баз данных (программных средств и информационных продуктов вычислительной техники), установке, тестированию и сопровождению программ для ЭВМ, баз данных» будет введена ставка страховых платежей в размере 14 %.

Также пониженные ставки страховых платежей будут действовать для сельхозпроизводителей, отвечающих критериям ст. 3462 НК, организаций народных художественных промыслов и семейных (родовых) общин коренных малочисленных народов Севера, занимающихся традиционными отраслями хозяйствования, для организаций и индивидуальных предпринимателей, применяющих ЕСХН и для плательщиков страховых взносов, производящих выплаты и иные вознаграждения физическим лицам, являющимся инвалидами I, II или III группы и др.. Данные категории предпринимателей будут платить страховые платежи в размере: 20,2 % (2011-2012 года), и 27,1 % (2012-2014 года).

Для инновационных МСП при вузах (созданных в рамках 217-ФЗ), МСП - резидентов технико-внедренческой ОЭЗ и IT-компаний страховые платежи будут следующими: 14 % (2011-2017 года), 21 % (2018 год) и 28 % (2019 год).

Для сравнения, страховые платежи для не льготных групп возрастут до 34 %. Для малого и среднего бизнеса увеличение страховых платежей будет увеличено на 20 % (с 14 % до 34 %). Напоминаю, что данные меры будут приняты с 1 января 2011 года. Это существенно скажется на доходах предприятий и простых работниках.

Методы снижения расходов на заработную плату для сотрудников фирмы

Данная проблема касается не только предпринимателей на чьи хрупкие плечи ляжет данная повинность, но и на простых работников, которые ощутят в своих кошельках изменения. Предпринимателям чтобы сократить расходы на выплаты страховых взносов придется либо снижать уровень зарплаты, либо искать другие пути снижения расходов. На конференции, которую я посетила по данной проблеме, фигурировала сумма в 15%, которую необходимо будет компенсировать в связи с повышением выплат. Согласитесь это довольно значительная сумма, если работников достаточно много. В данной записи я постараюсь рассказать об основных методах, которые могут сэкономить немного денег при вычислении зарплаты.

Во-первых, нужно подумать об оптимизации расходов на зарплату. Подумайте, может в вашей фирме работают люди, которые получают зарплату за то, что вам действительно не нужно. Например, у вас работает сын сестры или троюродный брат, который не ходит на работу, но исправно получает зарплату, или у вас работает слишком много бухгалтеров, которые половину рабочего времени пьют чай, ходят по своим делам и пр.. Оптимизируйте рабочее время. Возможно стоит сократить перерывы...

Во-вторых, можно выплачивать дополнительные средства, которые исключать из зарплаты, например, материальную помощь, компенсация жилищных расходов, командировочных и прочих расходов.

В-третьих, с сотрудниками можно заключить гражданско-правовой договор, либо оформить сотрудников как ИП и заключать с ними договора на выполнение работ. В случае с гражданско-правовым договором, возможно внимание со стороны контролирующих органов, при нарушении условий, т.е. например, вы заключили гражданско-правовой договор, а по всем правилам необходимо было заключать трудовой договор, то в данном случае возможно будет наложен штраф. В любом случае необходимо изучить законодательство, посоветываться с юристами и бухгалтерами.

В-четвертых, можно оптимизировать само производство, внедрять перспективные разработки, станки, установки, нанять более квалифицированных работников. Всё это может позволить сократить расходы.

ГИБРИДНАЯ ИМИТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ОТДЕЛЕНИЯ БАНКА КАК СИСТЕМЫ МАССОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ: РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА

Румянцев Михаил Игоревич

Статья продолжает рассмотрение вопросов компьютерной реализации имитационной модели безбалансового отделения коммерческого банка, созданной в среде GPSS World с применением структурно-морфологического анализа. Моделируется влияние уровня профессиональной квалификации, мотивированности и эмоционального состояния банковского персонала на производительность труда и эффективность работы с клиентами. Результаты исследования подтверждают гипотезу о приемлемости такого подхода для оптимизации бизнес-процессов в банке.

Введение

Реинжиниринг банковских бизнес-процессов с помощью компьютерных имитационных моделей является сегодня одним из самых перспективных направлений теоретических и экспериментальных исследований в финансово-кредитной сфере. Принимая во внимание несовершенство используемых с этой целью математических инструментов, представляется многообещающей разработка гибридных имитационных моделей, объединяющих положительные стороны разных школ в имитационном моделировании – чтобы тем самым раздвинуть границы их применения к насущным задачам отрасли. Обоснованное применение «неклассических» методов может привести к неожиданным и полезным результатам не только в смежных областях на стыке научных дисциплин, но и для задач, не входящих в ближайшую окрестность первоначального «ареала обитания» того или иного метода.

Объектом настоящего исследования, начатого автором статьей [9], является территориально-обособленное безбалансовое отделение универсального коммерческого банка (ТОБО); соответственно, предмет исследования – бизнес-процессы, характерные для повседневной операционной деятельности банковского подразделения такого рода. Цель работы – компьютерная реализация в системе GPSS World имитационной модели операционного дня ТОБО на основе концепций структурно-морфологического анализа В.Я. Проппа и системной динамики Дж. Форрестера.

Некоторые теоретические соображения по этому поводу были изложены автором в статье [10], в которой банковская структура рассматривается прежде всего как сообщество персонала ТОБО и его клиентов, которое постоянно переходит от фазы сотрудничества к фазе противостояния (враждебности); при этом проявляются типичные для этого бизнеса системные архетипы (клиент-«герой», клерк-«посредник», клерк-«вредитель» и т.п.) – в процессе борьбы «игроков»-клиентов за обладание набором банковских продуктов при посредничестве (содействии, противодействии) персонала банка. Отметим одно принципиальное для данного исследования обстоятельство: архетипам действующих лиц, участвующих в процессе передачи от клерка клиенту некоего банковского продукта, присущи свойства, более отвечающие концепциям «Пятой дисциплины» П. Сенджа [14] (т.е. идеям и практике системной динамики в ее нынешнем состоянии), нежели положениям классических работ В.Я. Проппа. С другой стороны, оперируя

понятиями теории игр, можно рассматривать конкретный предлагаемый (или искомый) набор банковских продуктов или услуг – «волшебных» средств в морфологии Проппа – как набор полезностей, в обладании которыми заинтересованы игроки-клиенты на фоне определенных действий клерков. Полезность здесь рассматривается в теоретико-игровом смысле как некий количественно измеримый и безгранично делимый объект. Как с точки зрения морфологии Проппа, так и с позиций банковских технологий каждое действующее лицо моделируемой структуры характеризуется не только «предписанным» ему определенным кругом действий (функционалом), но и степенью осуществления этого функционала, а также мотивировками своих поступков.

В первой части статьи ([9]) в основу имитационной модели ТОБО было положено изоморфное отображение функциональной структуры отделения банка на структуру {персонал; клиенты = {привлеченные; потенциальные}; операции} – с характерными профессиональными и социальными архетипами поведения людей. В случае успешной формализации указанных архетипов в предикативной форме становится правомочным утверждение о реализации некоей алгебры, отражающей основные аспекты жизнедеятельности коммерческого банка [8]. (Разумеется, упомянутое выше изоморфное отображение – это скорее идеал; более реальной с точки зрения практики является гомоморфная свертка).

С другой стороны, ТОБО рассматривается как в [9], так и в настоящей работе в виде стохастической сети – сложной многофазной совокупности одно- и многоканальных систем массового обслуживания (СМО) класса G/G/m (т.е. моделей с произвольными распределениями вероятностей случайных величин для времени поступления требований и времени обслуживания). Точных аналитических методов для решения задачи с такими параметрами в настоящее время не существует и пока не предвидится (по этому поводу более обстоятельно и математически строго изложено в [13]) – тем самым мы приходим к необходимости применения средств дискретно-событийного моделирования в лице GPSS World [3; 12; 18]. Исходные данные для проведения компьютерных экспериментов с построенной имитационной моделью ТОБО (особенности базовых бизнес-процессов, оценки средней и пиковой рабочей нагрузки персонала и т.п.) были получены в 2009-2010 годах в ходе статистических обследований одного из безбалансовых отделений Днепропетровского регионального управления ПАО КБ «Приватбанк» и приведены в первой части статьи ([9, с. 87]).

Постановка задачи и актуальность

Джей Форрестер в 6-ой главе своей монографии [16], оценивая сложные системы с точки зрения системной динамики, подчеркнул, что жизнь человеческого общества почти всецело характеризуется нелинейными процессами. Он убедительно доказал пагубность стремления регулировать все и вся: «Многозвенная перестройка по нелинейным функциональным зависимостям делает сложную систему чрезвычайно чувствительной к большинству параметров системы... Такое нелинейное поведение в то же самое время делает систему резистентной к усилиям, прилагаемым с целью изменить поведение системы» [16, с. 119]. Затем, после ряда дополнительных рассуждений, следует вывод: «Сложные системы имеют тенденцию к ухудшению качества» [там же, с. 123].

В то же время, как известно из теории массового обслуживания, стремление к максимальной загрузке обслуживающих приборов неизбежно приводит к росту очередей. Отсюда неминуемо следует вывод о том, что понятное желание вышестоящего руководства увеличить для ТОБО плановые показатели по числу обслуженных клиентов (т.е. всемерно максимизировать загрузку персонала) рано или поздно приведет к резкому снижению качества обслуживания – а в итоге и к количественным, финансовым потерям.

Приведенные в первой части статьи результаты анализа «узких мест» в работе ТОО с помощью GPSS-модели версии 2.0 показали, что для большей адекватности имитационной модели необходимо обязательно учитывать влияние и человеческого фактора: разброс в производительности труда между работниками одного и того же банковского участка, уровень мотивации персонала, колебания эмоционального состояния и физической работоспособности клерков на протяжении операционного дня, степень лояльности клиентов по отношению к конкретному банку и т.п. Более того, реалистичная модель должна количественно учитывать воздействие нередко проявляющихся факторов некомпетентности, непрофессионализма, халатности, лени, безразличия со стороны банковского персонала («вредителей» согласно терминологии Проппа; см. [10, с. 1002]). Удовлетворив указанные требования, новая модель сможет отразить ряд особенностей поведения сложных социо-технических систем по Форрестеру: сопротивление административным нововведениям, противодействие и компенсацию внешних воздействий путем снижения темпов осуществления функций системы, присутствие скрытых источников дестабилизации в системе и т.д. [16]. Насколько востребованы усилия ученых и специалистов-практиков, можно судить хотя бы по факту выхода в свет монографии [18] и большого числа других работ (о чем будет сказано далее).

В силу сказанного выше во второй части нашего исследования ставится задача не только принять во внимание наличие т.н. человеческого фактора, но и попытаться количественно оценить степень его влияния на полноценность выполнения работниками ТОО своих функций. Иными словами, должен быть разработан программный симулятор, моделирующий влияние уровня профессиональной квалификации, мотивированности и эмоционального состояния банковского персонала на производительность труда и эффективность обслуживания клиентов.

О теоретическом значении и важных практических аспектах такой постановки вопроса свидетельствует тот факт, что еще Дж. Нейман и О. Моргенштерн в своей классической монографии отмечали роль информационных схем посредника и игрока в игре с нулевой суммой – когда информационная схема посредника содержит информационную схему игрока при его конкретном ходе, а в конце игры определяет партию полностью [4, с. 100]. Уже в наше время не обошли стороной психологические аспекты взаимодействия производителей и потребителей услуг многие исследователи стран СНГ. Так, А.Н. Поддьяков в работах [5-7] выдвинул и обосновал тезис о скрытом («троянском») обучении субъекта тому, что для него невыгодно и отвечает интересам только организатора обучения (коммерческого банка в нашем случае. – М.Р.). В свою очередь, А.В. Ульяновский в диссертации [15] прямо указывает на то, что современное мифологичное сознание, формируемое как в интересах правящих элит, так и обусловленное антропологическими особенностями людей, поддается прогнозируемому управлению.

Более конкретную направленность получили исследования А. Бриштелева из Республики Беларусь, который, рассматривая банковскую систему как детерминированную и стохастическую одновременно, указывает на ее нелинейные реакции на внешние воздействия вполне в духе Дж. Форрестера. В статье [2] он затрагивает, в т.ч. функционально-морфологический аспект функционирования банка – но, к сожалению, на самом абстрактном, теоретико-множественном уровне. Тем не менее Бриштелев откровенно и недвусмысленно подчеркивает изначальную асимметрию взаимоотношений банка и его клиентов: «Определяя приоритетные цели деятельности, банк руководствуется интересами акционеров» [2, с. 31].

Западноевропейские и американские ученые также много внимания уделяют вопросам имитационного моделирования влияния человеческого фактора на поведение экономических систем. Так, С. Jones в работе [20] предложил системно-динамическую модель индивидуальной производительности как бихевиористского фактора, подверженного воздействию, в свою

очередь, эмоциональных и когнитивных факторов: мотивации, настроения, стресса. Со своей стороны, Н. Haraldsson рассматривает с позиций системной динамики новую разновидность поведенческого архетипа – The Tyranny of Small Steps (TYST) – сущность которого заключается в том, что последовательность независимых друг от друга небольших действий может привести к неожиданным изменениям в системе. Эти действия являются достаточно малыми, чтобы не быть обнаруженными «наблюдением» в пределах системы, но достаточно существенными, чтобы вторгнуться в зону «терпимости» системы и поставить под угрозу целостность системы. Социологическое исследование Örbu иллюстрирует реальное проявление архетипа TYST при планировании [19].

Описание модели

Как уже было сказано, структура исследуемого ТОБО моделируется как разомкнутая многофазная совокупность взаимосвязанных СМО, каждая из которых соответствует определенному участку работы с клиентами. Для любой из этих СМО предполагаются справедливыми допущения о случайности нестационарного неоднородного потока требований, об отсутствии последствия относительно требований, об ограниченности ожидании заявок в очередях, о дисциплине обслуживания FIFO.

Для достижения поставленных целей в модель ТОБО, рассмотренную в [9], был внесен ряд принципиальных изменений. Если число и характеристики моделируемых как СМО бизнес-участков в структуре ТОБО остались без изменений (как многоканальные устройства в терминах языка GPSS), то *маршрутизация потока заявок* на обслуживание претерпела существенную модификацию, обусловленную введением в модель новых архетипов поведения персонала банка и клиентов. Влияние аномального (нештатного) поведения клиентов и персонала отражается в модели в решающих блоках, выполняющих маршрутизацию потока заявок на обслуживание. Параметры этих блоков были подобраны так, чтобы максимально точно отразить собранные в ходе обследований ТОБО опорные статистические показатели, дающие представление о нагрузке на персонал ТОБО: среднесуточные минимальные и максимальные количества клиентов по каждому бизнес-направлению работы банка, соответствующие затраты времени на обслуживание и т.д. – существенно влияющие на величины предельных вероятностей состояний.

Для версии 3.x GPSS-модели ТОБО автором в ходе очередного обследования одного из отделений Приватбанка были собраны новые и уточнен ряд уже использовавшихся в модели 2.0 опорных статистических показателей, характеризующих «эталонную» нагрузку на персонал ТОБО. Прежде всего это среднесуточные минимальные и максимальные количества клиентов по каждому бизнес-направлению работы банка, соответствующие затраты времени на обслуживание и т.д., существенно влияющие на величины предельных вероятностей состояний.

Схематически продвижение клиентов по «конвейеру» в ТОБО показано на рис.1.

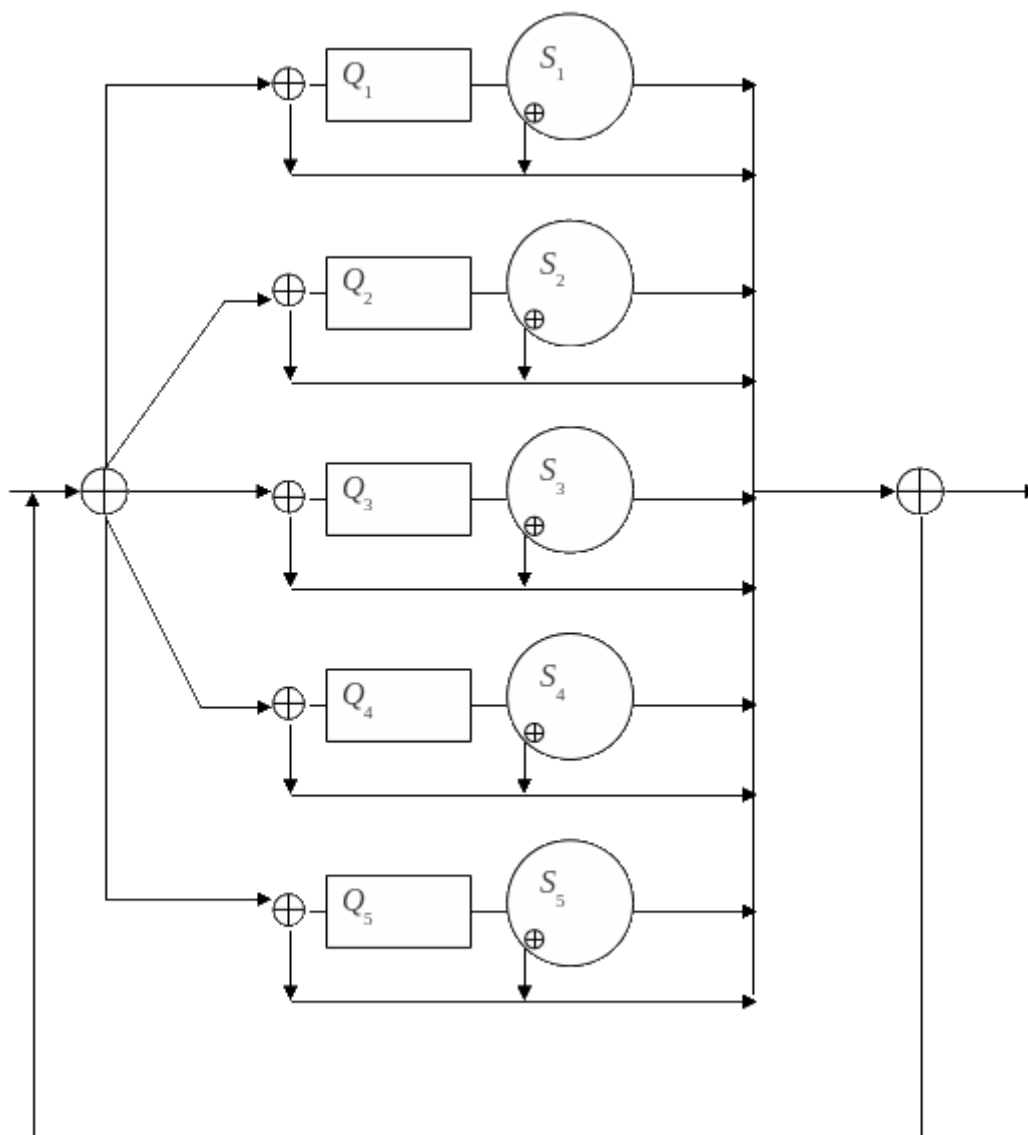

Рис.1. Схема функционирования ТООБ как совокупности СМО

Буквами S_1, S_2, \dots, S_5 на рисунке обозначены одно- и многоканальные устройства – банковские сервисы (с учетом штатной структуры конкретного ТООБ): работа с индивидуальными клиентами (депозиты, оформление и процессинг пластиковых карт) – 3 специалиста; работа с корпоративными клиентами (расчетное обслуживание) – 2 финансовых менеджера; потребительское и корпоративное кредитование – 2 кредитных работника; кассовый узел (кассовое обслуживание в гривне, обмен валюты, работа с пластиковыми картами и т.д.) – 2 кассира; руководитель отделения. Q_1, Q_2, \dots, Q_5 – соответствующие очереди клиентов. Символом \oplus обозначены точки принятия решений клиентами. Необходимо отметить, что каждая из СМО S_i рассматривается не как «идеальная» СМО с ожиданием при ограниченном размере очереди или времени нахождения в очереди, а как смешанная СМО – где встречается как ожидание, так и отказы в обслуживании. Иными словами, в версии 3.x GPSS-модели реализованы следующие варианты маршрутизации заявок по категориям клиентов:

1. *архинетерпеливые клиенты* – которые, едва переступив порог банка и заметив очередь у какого-либо отдела (возможно, даже и не того, который им нужен), немедленно покидают ТООБ;

2. *нетерпеливые клиенты* – становятся в нужную им очередь, но при превышении «лимита терпеливости» по размеру очереди или среднему времени ожидания в ней уходят;
3. *терпеливые клиенты с простейшими (одинарными) потребностями* в банковских услугах – устремляются только в один-единственный отдел (однофазное обслуживание);
4. *терпеливые клиенты с n-арными потребностями* в банковских услугах – обслуживаются последовательно в нескольких отделах (многофазное обслуживание).

Более того, наличие на рис.1 символа принятия решений Π и для каждой СМО S_i означает тот факт, что даже изначально терпеливый клиент может оказаться недовольным качеством обслуживания, явной некомпетентностью клерка и т.п. и покинуть банк, так и не получив нужный ему банковский продукт.

Кроме того, версия 3.x модели учитывает различные варианты поведения клиента в учреждении банка не только в зависимости от требуемой услуги, но и от колебания таких факторов, как *профессионализм, мотивация, эмоциональное состояние и работоспособность* (ПМЭР) персонала банка; также принимается во внимание уровень *лояльности* клиента и уровень его *требований* к качеству обслуживания (ЛТ). Иначе говоря, модель отражает проявления архетипов поведения в аспекте «помощь – вред», усиление либо ослабление которых зависит от сложного синергетического взаимодействия совокупного ПМЭР-фактора персонала и ЛТ-фактора клиентов в течение операционного дня.

Солидаризуясь по некоторым позициям с А.Н. Поддьяковым, автор, в свою очередь, рассматривает банковского клерка в общем случае как «вредителя» для клиента-«героя» (по Проппу). Клерк играет роль «разумного орудия» банка в извлечении прибыли: то, что выиграл банк – проиграл клиент. Такой постулат не оставляет места беспочвенному мифу о равноправности сторон в процессе предоставления банковских услуг юридическим и физическим лицам – только прибыль как системообразующий фактор по П.К. Анохину, и ничего более. Аналогичная ситуация и для игры трех *классов* лиц с нулевой суммой: {*вкладчик; банк; заемщик*}. При этом клерк-посредник выступает как дополнительный фиктивный игрок, позволяющий свести игру с ненулевой суммой к игре с нулевой – а поскольку лично он ничего не выигрывает, то появляются предпосылки для вредительства по Поддьякову по отношению к клиенту (особенно при низкой мотивации банковского персонала к выполнению плановых показателей). В результате, даже если банк и не сумеет заполучить нового клиента и заработать на нем, клиент в любом случае остается в проигрыше, не получив доступ к желаемой банковской услуге.

В предположении о том, что в банковском деле вообще труднодостижима эффективность по Нэшу (договор справедлив, если каждый договаривающийся в результате не проигрывает), автор в [11] наметил подход к моделированию «противодействия» осторожного клиента усилиям банковского персонала. Как следствие, имитационная модель ТОБО версии 3.x учитывает и такой вариант развития событий, когда недостаточно лояльный или недоверчивый клиент нарушает замыслы клерка-контрагента и «ломает» априорную информационную схему партнера по игре.

Исходя из сказанного выше, можно перейти к описанию параметров GPSS-модели. Как и в [9], мы пользуемся тем, что в системах, подобных ТОБО, процесс поступления заявок имеет близкое к показательному распределение интервалов между смежными заявками [12, с. 71]. Текущий уровень профессионализма, мотивированности и эмоционального состояния работника банка задается поправочными коэффициентами k_p , k_m и k_e для генерации случайного времени обслуживания клиента конкретным клерком. Эти коэффициенты также являются случайными величинами и распределены по нормальному закону; в качестве параметра распределения выступают поочередно для различных компьютерных прогонов модели следующие опорные

уровни для k_p , k_m и k_e : 1,0 – высокий, 0,7 – терпимый; 0,5 и менее – низкий.

В модели принято, что за 8-часовой рабочий день работоспособность клерка снижается с 1 до 0,5; т.о., коэффициент замедления выполнения операций клерком (тоже являющийся поправочным) аппроксимируется линейной зависимостью от времени: $k_w = 1 + 0,001t_m$, где t_m – время в минутах, прошедшее с начала рабочего дня.

Степень лояльности клиента к банку k_l является случайной величиной, подчиняющейся нормальному закону распределения с параметром, равным 1,0 (максимальный уровень доверия клиента).

Время обслуживания клиента конкретным клерком t_w является случайной величиной, распределенной по экспоненциальному закону (в качестве параметра потока обслуживания выступает полученное опросно-статистическим путем «средне-нормативное» время).

Таким образом, с учетом всех поправочных коэффициентов для ПМЭР- и ЛТ-факторов величина времени обслуживания текущего клиента моделируется по формуле:

$$t'_w = t_w k_w / k_p k_m k_e k_l$$

(Заметим, что при перемножении случайных эффектов с нормальным законом распределения следует ожидать логарифмически нормального распределения результирующей величины [12, с. 69]).

Пороги ухода нетерпеливого клиента – детерминированные, фиксированные: по длине очереди в кассу – 20 человек (как вариант 10); по времени пребывания в очереди в кассу – 60 минут (как вариант 20). Порог ухода клиента в случае несоответствия его ожиданий к ПМЭ-фактору клерка (ПМЭР без учета физической работоспособности) – также фиксированный, варьируется для разных прогонов модели: 1,0 – высокие требования; 0,5 – реалистичные; 0,3 – заниженные (все равно).

Ниже приводится фрагмент головной GPSS-программы 3-ей версии имитационной модели ТОБО (пояснительные комментарии удалены из соображений экономии места, пояснительные комментарии удалены из места):

...

WC_Decr_Lev EQU 0.001

Work_Delay FVARIABLE 1+WC_Decr_Lev#X\$Clock

Chief_PME FVARIABLE (Normal(2,P_Level,0.1))#(Normal(2,M_Level,0.1))#(Normal(2,E_Level,0.1))

Deposit_PME FVARIABLE (Normal(3,P_Level,0.1))#(Normal(3,M_Level,0.1))#(Normal(3,E_Level,0.1))

FinMngr_PME FVARIABLE (Normal(4,P_Level,0.1))#(Normal(4,M_Level,0.1))#(Normal(4,E_Level,0.1))

Credit_PME FVARIABLE (Normal(5,P_Level,0.1))#(Normal(5,M_Level,0.1))#(Normal(5,E_Level,0.1))

Cashier_PME FVARIABLE (Normal(6,P_Level,0.1))#(Normal(6,M_Level,0.1))#(Normal(6,E_Level,0.1))

Chief_Time FVARIABLE (Exponential(2,0,X2))/V\$Chief_PME

Deposit_Time FVARIABLE (Exponential(3,0,X3))/V\$Deposit_PME

FinMngr_Time FVARIABLE (Exponential(4,0,X4))/V\$FinMngr_PME

Credit_Time FVARIABLE (Exponential(5,0,X5))/V\$Credit_PME

Cashier_Time FVARIABLE (Exponential(6,0,X6))/V\$Cashier_PME

New_Chief_Time FVARIABLE V\$Chief_Time#V\$Work_Delay/P\$Client_Loyalty

New_Deposit_Time FVARIABLE V\$Deposit_Time#V\$Work_Delay/P\$Client_Loyalty
 New_FinMngr_Time FVARIABLE V\$FinMngr_Time/P\$Client_Loyalty
 New_Credit_Time FVARIABLE V\$Credit_Time/P\$Client_Loyalty
 New_Cashier_Time FVARIABLE V\$Cashier_Time#V\$Work_Delay/P\$Client_Loyalty

Req_Level EQU 0.5
 Q_Size_Limit EQU 20
 Q_Time_Limit EQU 60

Service_Time TABLE M1,1,5,20

Work_Delay_Inf TABLE V\$Work_Delay,0.1,0.1,20

Chief_Serv TABLE V\$New_Chief_Time,1,2,30
 CashDesk_Serv TABLE V\$New_Cashier_Time,1,2,30
 Deposit_Serv TABLE V\$New_Deposit_Time,1,2,30

CashDesk_Q QTABLE CashDesk,0,2,30
 Deposit_Q QTABLE Retail,0,2,30
 Chief_Q QTABLE Chief,0,2,30

RoadMap FUNCTION RN1,D5
 .050,Chief_Proc/.478,CashDesk_Proc/.898,Deposit_Proc/.963,FinMngr_Proc/1.0,Credit_Proc

GENERATE (Exponential(1,0,X1))
 ASSIGN Client_Loyalty,(Normal(7,1.0,0.1))
 SAVEVALUE RunNum,(AC1\480+1)
 QUEUE Door
 SEIZE Door
 DEPART Door
 RELEASE Door
 TRANSFER FN,RoadMAp
 TRANSFER ,FlyAway

Chief_Proc QUEUE Chief
 SEIZE Chief
 DEPART Chief
 TEST GE V\$Chief_PME,Req_Level,Fool_Chief
 SAVEVALUE Clock,AC1
 ADVANCE V\$New_Chief_Time
 SAVEVALUE Lucky_Clients+,1
 Fool_Chief RELEASE Chief
 TRANSFER ,FlyAway

Deposit_Proc TEST LE Q\$Retail,Q_Size_Limit,FlyAway
 TEST LE QT\$Retail,Q_Time_Limit,FlyAway
 QUEUE Retail
 ENTER Retail
 DEPART Retail
 TEST GE V\$Deposit_PME,Req_Level,Fool_Dep
 SAVEVALUE Clock,AC1
 ADVANCE V\$New_Deposit_Time

```
SAVEVALUE Lucky_Clients+,1
Fool_Dep LEAVE Retail
TRANSFER 0.3,,CashDesk_Proc
TRANSFER ,FlyAway
```

```
...
GENERATE 480
TERMINATE 1
START 1
```

Обсуждение результатов моделирования

В ходе компьютерных экспериментов были получены результаты прогонов нескольких вариантов модели ТООБ версии 3.x в среде GPSS World 5.2.2 при различных сочетаниях основных факторов: отклонении уровней профессионализма, мотивации и эмоционального состояния (ПМЭ) в пределах от 0,5 до 1,0; варьировании требований клиента к ПМЭ персонала от 0,3 до 1,0; порогов ухода клиента в зависимости от длины очереди в кассовый узел и отдел частных вкладов и времен пребывания в них. Это позволило выявить не только источники потенциальных проблем с обслуживанием потока клиентов в течение рабочего дня – но и обнаружить ряд закономерностей, выражающихся в скачкообразном снижении числа *реально* обслуженных клиентов и коэффициента загрузки персонала при снижении ПМЭ-фактора либо росте требований клиентов к качеству обслуживания и уровню подготовки персонала.

Основные результаты прогонов нескольких вариантов имитационной модели на ПК в среде GPSS World (version 5.2.2) приведены в обобщенном виде в таблицах 1-4. Эти варианты отличаются только значениями параметров k_p , k_m и k_e ; прочие параметры задаются единообразно (уровень требований клиента к ПМЭ-фактору клерка – 0,5; порог ухода по длине очереди в кассу – 20 человек, порог ухода по времени ожидания в очереди в кассу – 60 мин).

Табл. 1. Результаты моделирования – вариант 1 ($k_p = 1,0$; $k_m = 1,0$; $k_e = 1,0$)

Участок работы	Загрузка	Среднее количество обслуженных клиентов за 8 часов	Из них были вынуждены стоять в очереди	Средняя длина очереди	Среднее время пребывания в очереди (мин.)
Руководитель	0,635	12	6	0,330	13,205
Индивид. бизнес	0,841	91	53	2,493	11,288
Корпорат. бизнес	0,452	15	5	0,082	2,633
Кредитный сектор	0,085	8	0	0	0
Кассовый узел	0,977	104	99	6,127	25,572

Табл. 2. Результаты моделирования – вариант 2 ($k_p = 0,7$; $k_m = 1,0$; $k_e = 1,0$)

Участок работы	Загрузка	Среднее количество обслуженных клиентов за 8 часов	Из них были вынуждены стоять в очереди	Средняя длина очереди	Среднее время пребывания в очереди (мин.)
Руководитель	0,549	15	6	0,261	7,827
Индивид. бизнес	0,975	71	65	11,078	74,896

Участок работы	Загрузка	Среднее количество обслуженных клиентов за 8 часов	Из них были вынуждены стоять в очереди	Средняя длина очереди	Среднее время пребывания в очереди (мин.)
Корпорат. бизнес	0,641	13	5	0,377	13,903
Кредитный сектор	0,105	5	0	0	0
Кассовый узел	0,981	85	79	8,844	40,047

На рис.2 приведена гистограмма распределения t_s – времени пребывания клиента в банке (для «оптимистического» варианта 1) – до проведения мероприятий по оптимизации структуры ТОБО и функциональных обязанностей персонала, которые были осуществлены руководством ДРУ. (Справедливости ради отметим, что эти перестановки были вызваны не борьбой с «узкими местами» и очередями, а преследовали сугубо прозаические цели – экономию фонда заработной платы и повышение прибыльности отделения).

Табл. 3. Результаты моделирования – вариант 3 ($k_p = 0,7$; $k_m = 0,7$; $k_e = 1,0$)

Участок работы	Загрузка	Среднее количество обслуженных клиентов за 8 часов	Из них были вынуждены стоять в очереди	Средняя длина очереди	Среднее время пребывания в очереди (мин.)
Руководитель	0,347	20	5	0,361	8,658
Индивид. бизнес	0,837	79	46	7,873	37,791
Корпорат. бизнес	0,228	12	0	0	0
Кредитный сектор	0,101	6	0	0	0
Кассовый узел	0,726	110	68	3,482	13,811

Табл. 4. Результаты моделирования – вариант 4 ($k_p = 0,7$; $k_m = 0,7$; $k_e = 0,7$)

Участок работы	Загрузка	Среднее количество обслуженных клиентов за 8 часов	Из них были вынуждены стоять в очереди	Средняя длина очереди	Среднее время пребывания в очереди (мин.)
Руководитель	0,009	17	0	0	0
Индивид. бизнес	0,051	97	0	0	0
Корпорат. бизнес	0,030	16	0	0	0
Кредитный сектор	0,000	13	0	0	0
Кассовый узел	0,301	124	21	1,206	4,667

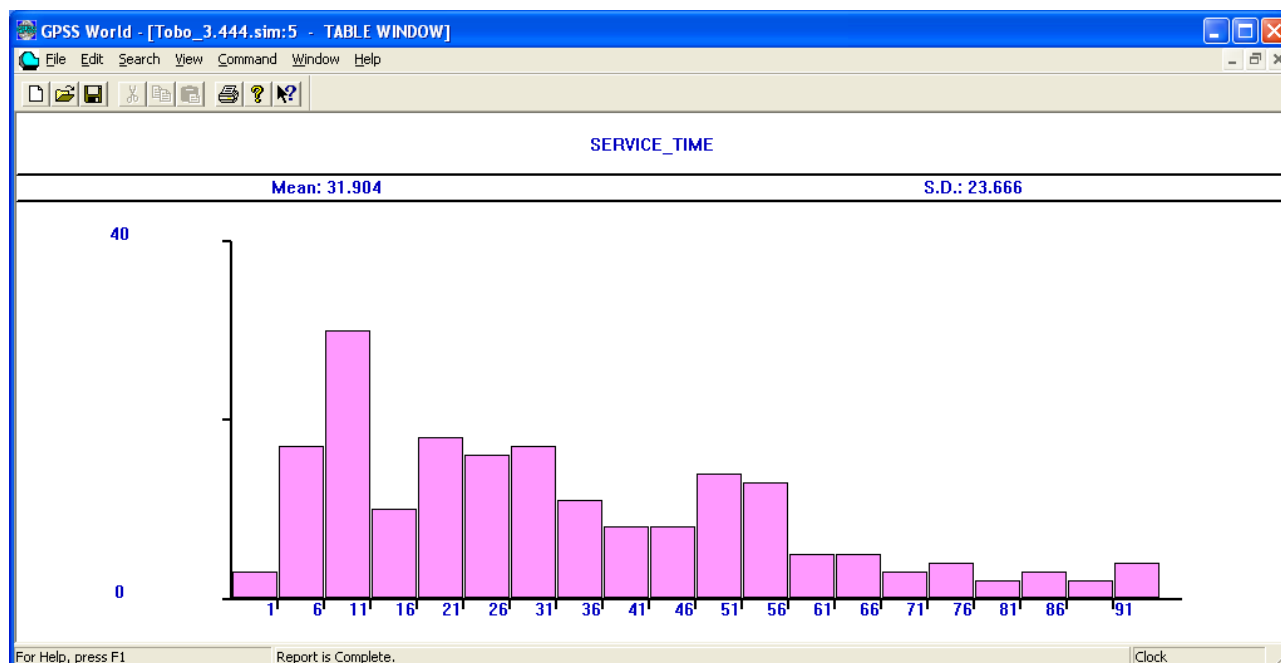

Рис. 2. Гистограмма распределения времени обслуживания клиента в ТОБО

Из приведенных таблиц хорошо видно, что как только ПМЭ-фактор становится заведомо меньше 0,5 (варианты 3 и 4), то нагрузка персонала начинает стремительно снижаться, поскольку клиенты практически сразу достойно оценивают недостаточную квалификацию и низкую заинтересованность клерков – и «голосуют» ногами. В силу этого показатели работы ТОБО по варианту 2 являются пиковыми для депозитного отдела и кассового узла и предвещают приближающееся падение работоспособности персонала ТОБО, уменьшение их мотивации к безусловному выполнению плановых показателей и т.д. Даже если все исходные параметры оставить без изменения (как в варианте 1), ужесточив всего-навсего пороги ухода по длине очереди в кассу (с 20 до 10 человек) и по времени пребывания в этой очереди (с 60 до 20 минут) – смоделировав эффект тесного, плохо приспособленного помещения ТОБО – мы немедленно получим падение загрузки кассиров до 0,357. А если в варианте 1, не затрагивая ничего, установить более высокий уровень требований клиентов к персоналу (1,0 вместо 0,5), то нагрузка снижается сразу по всем участкам работы (0,096, 0,513, 0,270, 0,021 и 0,390 соответственно).

Небезынтересно сопоставить предлагаемую нами модель с моделью для оценки загруженности сотрудников отделения банка, разработанную И. Янковским [17]. Отмечая, что скорость и точность выполнения операций существенно подвержены влиянию психологического настроения и физического состояния банковского работника в данный момент времени, Янковский считает, что перечисленные факторы не подчиняются ни вероятностным, ни более точным математическим методам расчета – и поэтому предлагает при анкетировании экспертов для получения оценок времени использовать аппарат теории нечетких множеств. Соответственно, ПМЭР-факторы как таковые в его модели не используются. По нашему мнению, в этом случае вполне достаточно и оправданно использовать в расчетах оценки времени выполнения технологических операций на основе бета-распределения.

Может показаться, что наличие на рабочих местах специалистов ТОБО достаточно производительных ПК, объединенных не просто в локальную сеть отделения, а взаимодействующих с головным офисом Приватбанка через корпоративный портал, должно бы в определенной мере нивелировать разницу в профессионально-психологических качествах персонала ТОБО. Но как показала многолетняя практика, это не так, а сама проблема является широко распространенной и в других сферах человеческой деятельности. Стаффорд Бир еще в

1972 году высказал мысль о том, что большие расходы на содержание офисного персонала могут быть вызваны заменой компьютерами значительной группы работников – если при этом произошел разрыв связей между людьми, важность которых была не понята. В предельном случае полной автоматизации фирмы может вообще не остаться путей для поддержания социальных связей, что крайне рискованно для благополучия предприятия [1]. Со своей стороны заметим (в виде следствия из более общего правила Бира), что уровень профессионализма банковского специалиста и его отношение к работе, как ни странно, могут снизиться, если работник столкнется с проблемами, вызванными появлением на его рабочем месте средств вычислительной техники либо нового программного обеспечения. Так, предпринятая несколько лет назад попытка перехода на автоматизированные рабочие места под управлением Linux взамен MS Windows в одном из украинских банков привела к регулярным сбоям в работе ряда функциональных подразделений и недовольству клиентов.

Оценивая в свете сказанного выше возможности симулятора ТОБО версии 3.x, можно отметить следующее:

1. разработанная GPSS-модель позволяет, используя не более 2-х десятков ключевых регулируемых параметров, проводить многофакторные эксперименты для исследования и оптимизации действующей структуры ТОБО и его бизнес-процессов;
2. в модели ТОБО удалось в первом приближении количественно отразить степень влияния профессиональных и психологических факторов на производительность труда персонала и результативность его работы с клиентами;
3. сравнительно просто моделируются не только ожидаемые («взаимовыгодные»), но и в ряде случаев откровенно враждебные взаимоотношения между персоналом банка и его клиентами;
4. адекватность и пригодность модели подтверждается эмпирически – степень совпадения результатов имитационных экспериментов с наблюдаемыми данными составляет 80-85%; предпринятые в ТОБО перемещения персонала между участками привели к снижению загрузки индивидуального бизнеса и кассового узла, близкому к предсказанным значениям 0,734 и 0,794 соответственно, а среднего времени обслуживания в ТОБО – с 31,904 до 25,081 минут (для варианта 1 с новым штатом ТОБО).

Выводы и перспективы

Имитационное моделирование на ЭВМ, выступая как инструмент реинжиниринга финансово-кредитной деятельности, позволяет при относительно небольших затратах времени и средств приблизиться к качественно новому уровню организации работы с клиентами – и при этом обеспечить минимальное среднее время реакции системы в условиях ограниченности людских и материально-технических ресурсов банка. Рациональное сочетание структурно-морфологического анализа и системной динамики позволяет *по-новому* подойти к процедурам формализации банковских бизнес-процессов и их моделирования. *Целесообразность* практического использования такого гибридного подхода заключается в легкости и удобстве компьютерного моделирования не только партнерских, но и в ряде случаев откровенно недружелюбных взаимоотношений между банком и его клиентами – применительно к процессу непрерывной адаптации банка как системы к постоянно усложняющейся и агрессивной внешней среде.

Дальнейшая работа над рассмотренной моделью предполагает поэтапную реализацию таких возможностей, как учет финансово-экономических показателей работы ТОБО, комплексное обслуживание клиента по сразу нескольким банковским услугам, а также варьирование графика работы (и, соответственно, рабочей нагрузки) с учетом отпусков и больничных персонала,

выходных и праздничных дней, расширения зоны обслуживания и универсализации персонала и т.д. В силу ограничений freeware-версии GPSS World все это может потребовать перехода к модульной структуре модели и широкому использованию средств PLUS-процедур [12].

Благодарности

В первую очередь автор выражает глубокую признательность профессору А.Н. Поддьякову, чьи работы побудили автора заинтересоваться вопросами моделирования взаимоотношений клиентов и персонала банка. Отзывчивость и разносторонняя помощь со стороны Е.Л. Пироговой (Приватбанк) помогли существенно улучшить первоначальную модель и приблизить ее к банковским реалиям. Особая благодарность – в адрес С.Б.-Х. Дворянского, который в период с октября 2008 года по июль 2010 года разделил с автором тяготы библиографического поиска и подготовительных компьютерных экспериментов.

Список литературы

1. Бир Ст. Мозг фирмы / Пер. со 2-го англ. изд. – Изд. 2-е. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 416 с.
2. Бриштелев А. Особенности согласования интересов центрального банка и банков // Банкаўскі веснік. – 2006. – № 4. – с. 30-34.
3. Кудрявцев Е.М. GPSS World. Основы имитационного моделирования различных систем. ­­– М.: ДМК Пресс, 2004. – 320 с.
4. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / Пер. с англ. под ред. Н.Н. Воробьева. – М.: Наука, 1970. – 708 с.
5. Поддьяков А.Н. Ориентировочная и дезориентирующая основы деятельности: иерархии целей обучения в конфликтующих системах // Вопросы психологии. – 2002. – № 5. – с. 79-84.
6. Поддьяков А.Н. Противодействие обучению конкурента и «тройное» обучение в экономическом обучении // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2004. – № 3. – с. 65-82.
7. Поддьяков А.Н. Типы противодействия в помогающем поведении // Вопросы психологии. – 2010. – № 4. – с. 3-13.
8. Румянцев М.И. Обобщенная математическая модель коммерческого банка // Грузинский Электронный Научный Журнал «Компьютерные науки и телекоммуникации» – 2006. – № 4(11). – с. 44-48. – <http://gesj.internet-academy.org.ge/download.php?id=1276.pdf>
9. Румянцев М.И. Гибридная имитационная модель отделения банка как системы массового обслуживания // Грузинский Электронный Научный Журнал «Компьютерные науки и телекоммуникации» – 2010. – № 2(25). – с. 85-91. – <http://gesj.internet-academy.org.ge/download.php?id=1635.pdf>
10. Румянцев М.И. Структурно-морфологический анализ бизнес-процессов коммерческого банка // Информационные технологии моделирования и управления. – 2008. – № 9(52). – с. 997-1005.
11. Mikhail I. Rumyantsev. About some applications of Kolmogorov equations to the simulation of financial institution activity // arXiv e-prints. Quantitative Finance Papers. – 2009. – No. 0912.1037. – 8 p. – <http://arxiv.org/pdf/0912.1037>.
12. Рыжиков Ю.И. Имитационное моделирование. Теория и технологии. – СПб.: КОРОНАпринт; М.: Альтекс-А, 2004 – 384 с.
13. Рыжиков Ю.И. Теория очередей и управление запасами. – СПб.: Питер, 2001. –

384 с.

14. Сендж П. Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающихся организаций / Пер. с англ. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес»;, 1999. – 408 с.
15. Ульяновский А.В. Мифодизайн как метод социальной конвенции в маркетинговых коммуникациях: автореф… дисс. канд. культурологии (24.00.04) / СПб., 2000. – 24 с.
16. Форрестер Дж. Динамика развития города / Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1974. – 288 с.
17. Янковский И. Моделирование загруженности сотрудников банка // Банкаўскі веснік. – 2003. – № 5. – с. 55-56.
18. Dahai L., Trocine L., “Chapter 10. Human Factors and Discrete-Event Simulation”;, in: Human Factors in Simulation and Training, CRC Press, 2009, pp. 189-199.
19. Haraldsson H.V. et al., “The Tyranny of Small Steps I: Discovery of an Archetypical behavior”;, in Proceedings of 23rd International Conference of the System Dynamics Society, July 17 – 21, 2005, Boston, USA, The System Dynamics Society, Albany, NY (available at: <http://www.systemdynamics.org/conferences/2005/proceed/papers/HARAL414.pdf>).
20. Jones C.A., “Behavioral Theory In Simulation: Ambiguous Results From Simple Relationships”;, in Proceedings of 23rd International Conference of the System Dynamics Society, July 17 – 21, 2005, Boston, USA, The System Dynamics Society, Albany, NY (available at: <http://www.systemdynamics.org/conferences/2005/proceed/papers/JONES179.pdf>).

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Осипов Антон Станиславович

Внешнеэкономическая деятельность России представляет собой совокупность направлений, форм и методов торгово-экономического, научно-технического сотрудничества, а также валютно-кредитных и финансовых отношений с зарубежными странами.

Внешнеэкономические связи — это международные хозяйственные и торгово-политические отношения, в сферу которых входят: обмен товарами, специализация и кооперация производства, научно-техническое сотрудничество, оказание экономического и технического содействия, создание совместных предприятий других форм экономического сотрудничества. Все это является результатом развития товарного производства, которое исторически давно вышло за пределы удовлетворения общественных потребностей отдельных стран.

Через внешнеэкономические связи осуществляется международное разделение труда, имеющее целью экономию общественного труда в процессе производства и обмен его результатами между различными странами. Международный обмен товарами экономически целесообразен для страны, если она затрачивает на производство экспортных товаров меньше общественного труда, чем должна затрачивать на производство товаров, взамен импортируемых, на средства, вырученные от экспорта.

Стратегия развития внешнеэкономических связей направлена на улучшение положения России в системе международного разделения труда, расширение рынков сбыта продукции, достижение устойчивого экономического и социального роста.

Для этого государством предусматриваются меры по развитию экспортного потенциала, рационализации импорта, повышению конкурентоспособности продукции отечественных предприятий на мировом рынке, привлечению иностранных инвестиций для технологической модернизации производства, обеспечению экономической безопасности страны.

Политика внешнеэкономического регулирования должна в своей сущности определять условия и обстоятельства, позволяющие осуществлять систему экономических, организационных, политических мер для развития внешних отношений данной страны.

Потенциал России и ее возможности по интеграции в мировое хозяйство достаточно велики. Так, в настоящее время в суммарном ВВП всех новых рынков доля России составляет свыше 25 %. Причем это единственный нарождающийся рынок, где есть своя космическая программа, инфраструктура и реальные возможности для ее реализации. По самым скромным оценкам в России больше природных ресурсов (10,2 трлн долл. США), чем у Бразилии (3,3 трлн долл.), Южной Африки (1,1 трлн долл.), Китая (0,6 трлн долл.) и Индии (0,4 трлн долл.) вместе взятых. Удельный же вес нашей страны в международных инвестициях в нарождающиеся рынки составляет всего 0,5%. Остальные 99,5% приходятся на Мексику, Бразилию, Аргентину, Турцию, другие развивающиеся и новые индустриальные страны.

Государственное регулирование внешнеэкономических связей - это система хозяйственно-

политических мер, осуществляемых государственными органами по углублению и расширению участия страны в международном разделении труда с целью повышения эффективности общественного производства и оптимизации структуры потребления. Оно является составной частью механизма воспроизводства национального экономического потенциала и представляет собой один из основных объектов государственного регулирования национальной экономики наряду с воспроизводственной, технологической, отраслевой и территориальной ее структурой, научно-техническим прогрессом, социальными отношениями, окружающей средой и др. Глобальные цели государственного регулирования внешнеэкономических связей конкретизируются в зависимости от остроты конкретных проблем, возникающих в хозяйственной и социальной сферах. Это, например, преодоление кризиса экономики, необходимость структурной перестройки производственного потенциала, защита отечественного производителя, увеличение занятости, оздоровление платежного баланса, борьба с инфляцией и т.д. Достижение поставленных целей и определяет конкретные направления, формы, масштабы государственного регулирования внешнеэкономических связей. Существенное влияние при этом оказывает внутри - и внешнеэкономические установки государства, интегральный вектор интересов субъектов внешнеэкономической деятельности.

Государственное регулирование внешнеэкономических связей осуществляется при помощи административных, денежных, кредитных, бюджетных средств, а также политики в государственном секторе экономики.

Сущность государственного регулирования внешнеэкономических связей заключается в приведении системы внешнеэкономических отношений в такое состояние, которое обеспечивало бы оптимальную реализацию государственных, коллективных и личных интересов субъектов внешнеэкономической деятельности в конкретном временном периоде и на перспективу на основе права, общепризнанных международных норм и правил.

Механизм регулирования международных экономических связей представляет собой определенную систему принципов, инструментов и методов управления отношениями, в которые вступают субъекты внешнеэкономической деятельности. Эта система включает три основных блока: принципы управления; совокупность конкретных методов и инструментов регулирования; институционно-правовые структуры.

В соответствии с ФЗ от 22 августа 2004 года N 122-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» основными принципами государственного регулирования внешнеэкономическими связями являются:

1. защита государством прав и законных интересов участников внешнеторговой деятельности, а также прав и законных интересов российских производителей и потребителей товаров и услуг;
2. равенство и недискриминация участников внешнеторговой деятельности, если иное не предусмотрено федеральным законом;
3. единство таможенной территории Российской Федерации;
4. взаимность в отношении другого государства (группы государств);
5. обеспечение выполнения обязательств Российской Федерации по международным договорам Российской Федерации и осуществление возникающих из этих договоров прав Российской Федерации;
6. выбор мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности, являющихся не более обременительными для участников внешнеторговой деятельности, чем необходимо для обеспечения эффективного достижения целей, для осуществления которых предполагается применить меры государственного регулирования внешнеторговой деятельности;

7. гласность в разработке, принятии и применении мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
8. обоснованность и объективность применения мер государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
9. исключение неоправданного вмешательства государства или его органов во внешнеторговую деятельность и нанесения ущерба участникам внешнеторговой деятельности и экономике Российской Федерации;
10. обеспечение обороны страны и безопасности государства;
11. обеспечение права на обжалование в судебном или ином установленном законом порядке незаконных действий (бездействия) государственных органов и их должностных лиц, а также права на оспаривание нормативных правовых актов Российской Федерации, ущемляющих право участника внешнеторговой деятельности на осуществление внешнеторговой деятельности;
12. единство системы государственного регулирования внешнеторговой деятельности;
13. единство применения методов государственного регулирования внешнеторговой деятельности на всей территории Российской Федерации.

Принципы управления внешнеэкономическими связями характеризуют подход к международным экономическим отношениям. Различают два главных принципа международного сотрудничества, которые определяют характер и формы регулирования внешнеэкономических связей: протекционизм и свобода торговли.

Протекционизм - это защита внутреннего рынка от иностранной конкуренции. Проводится через высокие ставки таможенного тарифа на ввозимые из-за рубежа товары, а также через такие нетарифные ограничения, как количественные и валютные ограничения импорта товара. Чрезмерный протекционизм может привести к падению эффективности производства национальных предприятий, снижению конкурентоспособности производимых товаров.

Свобода торговли – она означает устранение ограничений во внешнеэкономических отношениях. В своем крайнем выражении для стран с развивающейся экономикой это может привести к поглощению национальной экономики конкурентами из стран с развитой экономикой. Поэтому извечной проблемой является дилемма: протекционизм - свобода торговли, в рамках которой и колеблется внешнеторговая политика, осуществляется комбинация двух подходов.

Совокупность конкретных экономических методов и инструментов государственного регулирования включает: таможенные тарифы; экспортные и импортные квоты и лицензии; субсидии; валютные курсы; систему установления цен на экспортно-импортные товары.

Институционно-правовые структуры составляют: различные международные и национальные акты, договора, соглашения, нормы, правила, обычаи и т.д., которые регулируют порядок осуществления международного экономического сотрудничества.

Эффективность механизма регулирования внешнеэкономических связей может быть оценена с помощью следующих критериев:

- Эффективность использования и распределения имеющихся национальных экономических ресурсов с точки зрения обеспечения потребления товаров и услуг населением страны.
- Влияние системы регулирования на рост экономического потенциала, привлечение инвестиций.
- Обеспечение занятости населения.
- Распределение доходов между субъектами внешнеэкономической деятельности как на международном, так и на национальном уровне.

- Стабильность цен.
- Качество жизни в обществе.
- Экономическая безопасность страны.

Механизм регулирования международных экономических отношений состоит из двух взаимосвязанных элементов: национального и международного. Поэтому механизм государственного регулирования внешнеэкономических связей находится под определенным влиянием международных рычагов и инструментов. Тяжесть этого влияния зависит от степени интеграции национального воспроизводственного потенциала в мирохозяйственные связи, места и роли национальной экономики в мировом хозяйстве.

Рассматривая государственное регулирование как определенную систему, при изучении ее структуры целесообразно выделить четыре основных элемента:

Важнейшим элементом, определяющим эффективность функционирования всей системы, является выработка и реализация внешнеэкономической политики.

В основе внешнеэкономической политики стран-участниц международного разделения труда лежит перманентный (постоянный, непрерывный) процесс сложного приспособления структур национальных экономик (отраслевой, технологической, организационной и т.д.) к более динамичной по своей природе структуре мирового хозяйства.

Основной двуединой задачей является проникновение на мировые рынки и адаптация национальной экономики в мировую экономику. Для этого необходимо:

- сформировать собственный экспортный потенциал, способный предложить конкурентоспособные товары, услуги и технологии;
- улучшить структуру и пропорции внешнеэкономического обмена за счет импорто-замещения, увеличения части наукоемких товаров и услуг в экспорте;
- переходить к прогрессивным формам международного сотрудничества.

“Технологическим” элементом системы регулирования внешнеэкономических связей являются экономические инструменты. В зависимости от способа действия они могут быть подразделены на инструменты прямого и непрямого действия.

К инструментам прямого действия относятся: целевые государственные затраты (например, на создание инфраструктуры в свободной экономической зоне); непосредственный контроль государства за внешнеэкономическими процессами (регулирование количественных объемов экспорта-импорта, установление валютных курсов, регулирование цен на экспорт-импорт и т.д.); законодательное регулирование.

Инструменты непрямого действия влияют на стоимостные пропорции народного хозяйства. Например, через величину налогов можно влиять на объемы производства и платежеспособность населения; рост процентной ставки в сбербанке стимулирует рост сбережений, ведет к росту объема отложенного спроса; девальвация национальной валюты создает интерес в экспорте товаров.

В качестве инструментов регулирования государство обычно использует следующие экономические категории:

- Экспортная лицензия - документ, контролирующий вывоз из страны товаров, услуг и объектов, представляющих стратегическую, историческую или культурную ценность. Она выдается в форме разрешения, подписанного специальными правительственными

органами;

- Экспортная субсидия - дотация производителю или продавцу экспортного товара, возмещающая часть его издержек производства или обращения и повышающая конкурентоспособность товара на внешнем рынке. Экспортная субсидия - одна из форм стимулирования развития экспорта, предоставляется в различных формах. Среди них наиболее распространены: прямое финансирование НИОКР при разработке конкурентоспособных экспортных товаров, финансирование модернизации производства, снижение налогообложения экспортного производства, включая введение повышенных норм амортизации, финансирование маркетинговых исследований, предоставление благоприятных кредитов на развитие экспортного производства, гарантирование экспортных кредитов и т.д.
- Экспортные премии - экономические рычаги финансового и ценового характера, используемые государством (а также монополиями, предприятиями, организациями и фирмами) для поощрения вывоза определенных видов продукции и предоставления услуг иностранным партнерам. Они используются для расширения экспорта, овладения внешними рынками, создают благоприятные ценовые условия для реализации товаров на зарубежных рынках. Обычно экспортные премии выступают в форме полного или частичного освобождения фирм-экспортеров от уплаты тех или иных налогов, импортных пошлин, возврата акцизных сборов или в виде прямого субсидирования экспорта.
- Импортная квота - это нетарифные количественные (стоимостный или натуральный) способы ограничения ввоза определенных товаров. Они устанавливаются с целью защиты национального товаропроизводителя или уменьшения импорта для улучшения платежного баланса страны.
- Добровольное ограничение экспорта - своеобразный аналог импортных квот, один из методов государственного регулирования внешней торговли. Он означает обязательство одного из партнеров по внешнеэкономическим связям ограничить или, по крайней мере, не расширять объем экспорта. Обязательство может быть принято в результате официального или неофициального соглашения об установлении квот на экспорт товаров. Часто добровольное ограничение экспорта вызывается угрозой страны-контрагента применить санкции или является уступкой в обмен на экономическую, техническую или военную помощь.
- Антидемпинговая пошлина. Валютный демпинг-экспорт товаров по ценам ниже мировых, что становится возможным вследствие падения курса национальной валюты в большей степени, чем уменьшается ее покупательная способность внутри страны. Экспортеры, приобретая в стране товары по низким ценам, реализуют их на внешнем рынке за более твердую валюту, которую затем обменивают по заниженному курсу на национальную валюту, получая вследствие этого большую прибыль за счет курсовой разницы. Антидемпинговая пошлина - это дополнительная импортная пошлина, которой облагаются товары, экспортируемые по ценам ниже "нормальных" цен мирового рынка или внутренних цен импортирующей страны. В ряде стран законодательством установлены предельные отклонения от нормальных цен, превышение которых признается демпингом.

Инструментом регулирования экспорта-импорта являются также акциз и налог на добавленную стоимость.

- Акциз - одна из разновидностей косвенных налогов, связанных с движением товаров, а не доходов физических и юридических лиц. Плательщиком акциза выступает потребитель при покупке облагаемых акцизом товаров (табак, спиртные напитки, автомобили и др.). Взимание акциза ведет к росту цен на импортируемые товары и повышает конкурентоспособность аналогичных товаров отечественного производства. Аналогичный механизм влияния на импорт налога на добавленную стоимость, который в этом случае представляет собой налог с части стоимости реализованных внутри страны продукции и услуг, добавленной в

обращении. Добавленная стоимость исчисляется как доход (выручка) от реализации продукции или услуг за вычетом материальных затрат.

Льготы и привилегии предприятиям с иностранными инвестициями заключаются в следующем. Имущество иностранных инвесторов, ввозимое в качестве вклада в уставной фонд этих предприятий, предназначенное для собственного материального производства и собственных нужд иностранных работников, не облагается таможенными пошлинами. Валютная выручка таких предприятий от экспорта продукции собственного производства остается полностью в их распоряжении.

Гарантирование экспортных кредитов - выдача гарантии государством, коммерческими банками по обязательствам клиентов перед зарубежными партнерами. Основная их цель - страхование покупателя от убытков, вызванных нарушением продавцом своих обязательств. Государство также может выступить гарантом по возврату кредитов, получаемых отечественными организациями от иностранных кредитов.

Важнейшим элементом системы государственного регулирования внешнеэкономических связей являются различные стандарты и технические нормы. Международные стандарты - рекомендации международных специализированных организаций, устанавливающие общие для однородных товаров, производимых в разных странах, требования к этим товарам или процессам их производства либо использования.

В отличие от национальных стандартов международные не носят обязательного характера для их использования, однако применение международных стандартов повышает конкурентоспособность товаров на мировых рынках. Международные стандарты разрабатываются и рекомендуются к применению, в частности, Международной организацией по стандартизации ООН, а также большим количеством других специализированных организаций. Международные стандарты увязывают входные и выходные параметры изделий разных производителей, призванных работать в едином комплексе.

Соответствие продуктов международного обмена определенным стандартам и техническим требованиям подтверждается посредством сертификата. Сертификация бывает трех видов: самосертификация (проводимая самим изготовителем); осуществляемая потребителем; проводимая третьей стороной (специализированной организацией, независимой от изготовителя и потребителя). Государство может влиять на потоки экспортно-импортных товаров, устанавливая соответствующие сертификатные требования.

Валютно-финансовое регулирование внешнеэкономических связей государство осуществляет через выработку и реализацию валютной политики. Валютная политика - это комплекс мер экономического, правового и организационного характера, проводимых государственными органами, центральными финансовыми учреждениями и национальными (государственными) банками, а также международными валютно-финансовыми организациями в области валютно-кредитных отношений. Валютная политика государства является составной частью его внешнеэкономической политики, важным средством, содействующим включению экономики страны в мировое хозяйство. Это достигается проведением различных мер по регулированию расчетных и валютно-кредитных отношений страны и ее субъектов (валютные ограничения, продажа или скупка валют центральными банками на валютном рынке, повышение или понижение учетных ставок, ограничения динамики курса национальной валюты определенными пределами (установление "коридора", его повышения или понижения). Изменение валютного курса влияет на динамику экспорта-импорта страны.

Основными средствами таможенного регулирования внешнеэкономических связей являются: участие в таможенных союзах, зонах свободной торговли и таможенных конвенциях;

применение таможенных тарифов, таможенных пошлин и таможенных сборов, таможенных формальностей; установление режима прохождения грузов через границу; система государственных органов таможенного контроля.

Таможенное регулирование оказывает прямое влияние на воспроизводственный комплекс страны, норму прибыли и, соответственно, темпы развития в отдельных отраслях, поскольку оно воздействует на уровень внутренних цен.

Экономический эффект установления таможенных тарифов проявляется в следующем виде:

- производственный эффект - защита отечественного производителя;
- потребительский эффект - повышение цен на импортные товары снижает объемы их потребления;
- бюджетный эффект - таможенные доходы являются одной из доходных статей госбюджета;
- эффект перераспределения доходов - снижение конкуренции отечественным товарам позволяет устанавливать на них более высокие цены и получать большую прибыль (за счет потребления);
- конкурентный эффект - в зависимости от уровня таможенного тарифа напряженность конкуренции изменяется и может влиять на процесс воспроизводства как положительно, так и отрицательно;
- влияние на платежный баланс страны - меньше платежей в другие страны за счет снижения объема импорта;
- влияние на условиях торговли - снижает конкурентоспособность импортного товара на рынке страны-импортера, что заставляет экспортера снижать цену продавца.

Таким образом, сущность государственного регулирования внешнеэкономических связей заключается в обеспечении гармонии интересов субъектов внешнеэкономической деятельности. Механизм включает разнообразные рычаги, инструменты и средства воздействия на всю систему национальных экономических интересов, отражающих внешнеэкономические отношения страны.

ОРГАНЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РФ

Осипов Антон Станиславович

В соответствии с законодательством Президент РФ наделен следующими функциями:

- осуществлять общее руководство государственной внешнеэкономической политикой (в частности, подписывать законы и издавать указы по ключевым ее направлениям);
- подписывать международные соглашения, представлять Россию на соответствующих международных форумах;
- регулировать военно-техническое сотрудничество;
- определять условия экспорта драгоценных камней, металлов, расщепляющихся материалов.

Государственная Дума и Совет Федерации разрабатывают и принимают законы, регламентирующие ВЭД, через соответствующие комитеты и комиссии участвуют в руководстве ВЭД на государственном уровне, заслушивают отчеты руководителей ведомств.

Правительство РФ выполняет следующие функции:

- проводит в стране единую внешнеэкономическую политику, осуществляет разработку соответствующих программ;
- участвует в организации и проведении международных переговоров;
- участвует в формировании экспортного и импортного режимов;
- осуществляет управление федеральной российской собственностью за рубежом;
- регулирует величины ставок таможенного тарифа;
- принимает конкретные меры по защите внутреннего рынка от массированного импорта;
- разрабатывает и осуществляет мероприятия по реализации указов Президента РФ.

Специальным государственным органом регулирования ВЭД является Министерство внешних экономических связей (МВЭС) РФ. В его функции входят:

- государственное регулирование ВЭД (разработка рекомендаций по совершенствованию нормативно-правовой базы ВЭД; тарифное и нетарифное регулирование деятельности участников ВЭД; защита внутреннего рынка и интересов отечественных экспортеров; участие в валютном и экспортном контроле РФ; организация импортных поставок для федеральных государственных нужд; контроль за обеспечением государственных интересов и т.д.);
- координация действий российских участников ВЭД (разработка мер по совершенствованию внешнеэкономической политики; координация действий федеральных властей и регионов в сфере ВЭД; совершенствование институциональной организационной структуры управления ВЭД; координация действий российских экспортеров и т.д.);
- оценка перспектив и текущего состояния внешнеэкономических связей РФ (анализ и прогноз мировой экономической конъюнктуры; участие в разработке платежного баланса, ведение внешнеэкономической статистики; анализ эффективности ВЭД и разработка мер по повышению ее уровня);
- кадровое и информационное обеспечение ВЭД (подготовка и повышение квалификации специалистов по ВЭД; формирование единой информационной системы, выпуск соответствующих специальных изданий; консультирование участников ВЭД; содействие

- проведению выставок, ярмарок, презентаций);
- создание благоприятного режима внешнеэкономического сотрудничества с иностранными государствами (подписание двусторонних межправительственных договоров и протоколов; участие в деятельности соответствующих международных организаций; борьба против дискриминации российских экспортеров, обеспечение равноправной интеграции РФ в мировое хозяйство, участие в разрешении спорных ситуаций на межправительственном уровне и т.д.);
- участие в экспортно-импортных операциях по ряду товарных групп через внешнеэкономические объединения, входящие в систему МВЭС («Продинторг», «Росвнешторг» и др.);
- руководство деятельностью торговых представительств РФ и аппаратов торгового советника при посольствах РФ за рубежом, аппаратов уполномоченных МВЭС в субъектах РФ.

В систему МВЭС входят:

1. Центральный аппарат (департаменты: поддержки промышленного экспорта; координации ВЭД; многостороннего экономического сотрудничества; регулирования ВЭД; экономики и информации; валютно-финансовый и др. Центральный аппарат имеет также ряд отделов и управлений).
2. Внешнеэкономические объединения, осуществляющие внешнеторговую деятельность по определенной номенклатуре товаров.
3. Всероссийская академия внешней торговли, осуществляющая подготовку руководящих работников и специалистов в сфере ВЭД для работы в международных экономических организациях. На обучение принимаются, как правило, лица с высшим образованием, имеющие практический опыт работы в народном хозяйстве. При Академии имеется аспирантура, ее преподаватели активно занимаются консультационной деятельностью.
4. Всероссийский научно-исследовательский конъюнктурный институт (ВНИКИ). Его сотрудники изучают общие проблемы мирохозяйственных связей, конкретные конъюнктурные вопросы основных товарных рынков. Предоставляются платные информационно-консультационные услуги участникам ВЭД. Выполняются соответствующие заказные работы, издается Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ), содержащий актуальную коммерческую информацию зарубежных информационных агентств.
5. Объединение информационного обеспечения и автоматизированной обработки данных (ИнформВЭС). Оно является генеральным подрядчиком при разработке и внедрении информационных систем, обеспечивающих выполнение функций регулирования, координации ВЭД, внедрении автоматизированной системы валютного и экспортного контроля. Оно обеспечивает информационное обслуживание центрального аппарата МВЭС и его уполномоченных на местах, снабжает информацией торгпредства РФ за рубежом, а также собственно участников ВЭД. ИнформВЭС имеет доступ к глобальным компьютерным сетям, располагает сервисным центром.
6. В условиях децентрализации управления ВЭД особую роль играет институт уполномоченных МВЭС в регионах. К их важнейшим функциям относятся:
 - проведение общегосударственной политики в сфере ВЭД на всей территории России, общий государственный надзор;
 - обеспечение разграничения прав и ответственности в сфере ВЭД между федерацией и регионами;
 - оказание возможного содействия региональным участникам ВЭД в налаживании деловых контактов и выходе на внешние рынки;
 - помощь региональным властям в подготовке и осуществлении государственных и региональных программ международного сотрудничества;
 - регистрация экспортных контрактов для стратегически важных сырьевых товаров.

7. В структуре МВЭС важное место занимают торговые представительства РФ за рубежом. Их задачи:

- защита и представительство интересов российских участников ВЭД в стране пребывания, снабжение их необходимой информацией, оказание консультационных услуг;
- контроль за соблюдением резидентами страны размещения торгпредств и российских участников ВЭД межгосударственных соглашений;
- содействие в установлении и расширении деловых контактов между фирмами соответствующих государств;
- сбор и анализ конъюнктурной информации в стране пребывания.

Министерство экономики, помимо разработки и проведения единой государственной социально-экономической политики в целом, также играет важную роль в управлении ВЭД России. Согласно утвержденному 26 августа 1995 г. Положению о Министерстве экономики Российской Федерации оно участвует в разработке предложений по экономической политике в сфере международного сотрудничества, совершенствованию механизма государственного регулирования внешнеэкономических связей, осуществлению совместных проектов и программ, участвует в составлении платежного баланса страны. Министерством разрабатываются и осуществляются меры по привлечению иностранных инвестиций, размещению российского капитала за рубежом. Оно координирует взаимодействие с международными финансовыми институтами. Этими вопросами заняты: департаменты международного инвестиционного сотрудничества; внешнеэкономической деятельности; экономического сотрудничества с государствами — участниками СНГ; инвестиционной политики.

Министерство финансов регулирует кредитно-денежную сферу, по соглашению с другими ведомствами вносит в правительство предложения об изменении ставок импортных и экспортных таможенных пошлин. Оно регулирует систему налогообложения, в том числе при осуществлении ВЭД, определяет методические основы разработки платежного баланса.

Центральный банк России определяет совместно с Министерством финансов условия и порядок финансирования ВЭД, активно участвует в совершенствовании соответствующего законодательства, регулирует валютные операции и курс рубля по отношению к валютам другим государств, вывоз российского капитала, выдает лицензии коммерческим банкам на осуществление валютных операций. Центральный банк участвует в осуществлении валютного контроля по экспорту и импорту.

Государственный комитет РФ по науке и технологиям призван контролировать и координировать международное научно-техническое сотрудничество, финансирование международных проектов, принимать участие в подготовке и подписании соответствующих межправительственных соглашений, в совершенствовании законодательной базы международных научно-технических связей.

Государственный таможенный комитет (ГТК) непосредственно подчинен Президенту РФ и выполняет следующие функции:

- осуществляет контроль за пересечением государственной границы РФ гражданами и грузами, декларированием соответствующих грузов и имущества;
- принимает участие в изменениях ставок таможенных пошлин и размеров таможенных сборов;
- участвует в формировании доходной части федерального бюджета РФ посредством взимания таможенных пошлин, сборов, штрафов, конфискации грузов, финансовых средств имущества граждан;
- осуществляет защиту экономических и иных интересов России через борьбу с незаконным

вывозом грузов, ценностей и т.д. из России и путем предотвращения незаконного ввоза в страну оружия, отходов и т.д.;

— ведет таможенную статистику;

— принимает участие в валютном и экспортном контроле;

— принимает участие в разработке таможенного законодательства и таможенной политики РФ в обеспечении реализации последней.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РФ

Осипов Антон Станиславович

Общее законодательство регулирует экономическую деятельность во всех ее видах и сферах. Радикальные изменения в экономике России, связанные с ее превращением в рыночную, происходят в рамках права, которое закрепляет такие важнейшие положения, как неприкосновенность собственности, новый метод регулирования предпринимательской деятельности - "дозволено все, что не запрещено", недопустимость вмешательства государства в хозяйственную деятельность субъектов и т. п. Эти и другие положения закреплены в Гражданском кодексе РФ, ряде законов: "Об инвестиционной деятельности", "О предприятиях и предпринимательской деятельности", "Об акционерных обществах", "О финансово - промышленных группах", "О защите прав потребителей", "О стандартизации", "О сертификации продукции и услуг" и др.

Изменения в экономике привели также к радикальным изменениям во внешнеэкономической сфере: ликвидации монополии внешней торговли, предоставлении права участия во ВЭД всем юридическим и физическим лицам, организации внутреннего валютного рынка, развитию иностранного предпринимательства, усилению контролирующей функции государства, расширению экономического метода регулирования ВЭД и т. д.

Интеграция России в мировое хозяйство невозможна без развития национального законодательства в соответствии с международным. Правовое регулирование ВЭД - это совокупность нормативных актов, в рамках и на основе которых осуществляется ее практика. Эта совокупность представлена:

- международными правилами и нормами, подписанными РФ. международными договорами России с другими странами:
- национальным - законодательством по ВЭД, представленным законами, кодексами, а также подзаконными актами.

Создание системы правового регулирования ВЭД - длительный процесс, который несет на себе отпечаток развития как национальной экономики, так и международных обязательств РФ, предстоящего вступления во Всемирную торговую организацию. Поэтому в ряд законов, принятых в 1991-1993 гг., уже внесены изменения и дополнения.

К законам, регулирующим ВЭД, относятся следующие: "О государственном регулировании внешнеторговой деятельности"; "О валютном регулировании и валютном контроле"; "О таможенном тарифе"; "Об иностранных инвестициях"; "Таможенный кодекс Российской Федерации".

Особо остановимся на регулировании иностранного предпринимательства. Основой его является закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Закон устанавливает формы иностранных инвестиций, гарантии, правовое положение иностранных предпринимателей, правила регистрации. В соответствии с Законом, иностранное инвестирование может осуществляться не только путем долевого участия при создании СП, приобретения долей участия в существующих предприятиях, акций, паев, ценных бумаг, но и путем создания предприятий, полностью принадлежащих иностранным предпринимателям.

Для иностранных предприятий исключительно важен вопрос о гарантиях. Для любого инвестора опасны национализация, т. е. возможность отчуждения его собственности и перехода ее в собственность государства, а также применение иных принудительных мер (например, национализация, проведенная в советской России и других странах Восточной Европы). Все это обостряет вопрос о гарантиях и делает необходимым их установление во внутреннем законодательстве и в международных договорах России с другими странами. Общее представление о гарантиях иностранных инвестиций дает следующий их перечень, предусмотренный российским законодательством. Это гарантии:

- от изменения законодательства;
- от национализации и реквизиции;
- при прекращении инвестиционной деятельности;
- перевода платежей в иностранной валюте, доходов;
- сумм, полученных при исполнении договорных обязательств;
- сумм, полученных в связи с ликвидацией или продажей;
- компенсаций при национализации;
- компенсаций при возмещении убытков;
- использования прибылей в национальной валюте каждого государства.

Определение круга лиц, которые являются иностранными инвесторами, имеет существенное практическое значение. Во-первых, от признания лица иностранным инвестором зависит предоставление ему соответствующих льгот, которые устанавливаются внутренним законодательством и международными договорами. Во-вторых, статус иностранного предпринимателя имеет значение при регистрации, допуске к осуществлению хозяйственной деятельности. В-третьих, если лицо признано инвестором в определенном государстве, на него могут распространяться гарантии и другие условия, предусмотренные международным договором с соответствующей страной, а также дипломатическая защита со стороны государства - страны инвестора.

К числу иностранных инвесторов в России относят следующие категории субъектов:

1. Иностранные юридические лица.
2. Иностранные физические лица:
 1. иностранные граждане;
 2. лица без гражданства.
3. Отечественные граждане, проживающие за рубежом.
4. Международные организации.
5. Иностранные государства.

Предприятие с иностранными инвестициями может быть создано различными способами. Во-первых, путем его учреждения, во-вторых, в результате приобретения иностранным инвестором доли участия (пая, акции) в ранее учрежденном предприятии без иностранных инвестиций, в-третьих, путем приобретения такого предприятия полностью.

Необходимо подчеркнуть, что размер уставного капитала (фонда) предприятия с долевым участием иностранных инвестиций, независимо от организационно-правовой формы, не может быть менее 1000-кратного размера минимальной оплаты труда в месяц, который установлен законодательством РФ на дату представления учредительных документов для регистрации.

Кроме названных источников права (Международные договоры и национальные законы) существуют негосударственные источники права, которые широко используются в практике ВЭД. К ним относятся:

1. Публикации Международной торговой палаты, например, Международные торговые термины - "Инкотермс-90", "Унифицированные обычаи и практика для документарных аккредитивов" .
2. Документы Европейской экономической комиссии ООН, например, общие условия поставок, проформы контрактов и т. п.
3. Обычное право (обычаи и обыкновения).
4. Судебно-арбитражная практика.

Законодательство признает в качестве регулятора ВЭД контракты между непосредственными участниками внешнеэкономической деятельности, но это такой регулятор, который основывается на нормах национального права и нормах международного права, носящих диапозитивный характер, когда стороны имеют право отступать от этих норм. Диапозитивные нормы права играют большую роль во взаимоотношениях иностранных партнеров, так как способствуют единообразию в понимании самих терминов, прав и обязанностей сторон, способствуют ускорению проведения переговоров.

Все регуляторы ВЭД должны действовать в системе, не противоречить друг другу. Через нормы права осуществляется защита участников ВЭД, интересов общества в целом.

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Осипов Антон Станиславович

В целом формирование внешнеторгового режима Российской Федерации отражает усилия государства по введению в действие методов экономического регулирования, превалирующих над административными методами. Система становится более гибкой, адекватно реагирующей на изменение общеэкономической ситуации в стране и развитие мирохозяйственных связей. Не означая возврата к прежней системе монопольного осуществления ВЭД под эгидой государства, оно совершенно оправданно начинает вводить необходимый элемент усиления контроля с его стороны за этой деятельностью.

Однако со всей очевидностью проявились и недостатки в области государственного регулирования внешнеэкономических связей России, которые определяют основные направления совершенствования системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в дальнейшем в целях повышения степени защиты национальной экономики России от негативного влияния со стороны внешнего рынка:

1. По-прежнему запаздывает разработка и утверждение отдельными ведомствами важнейших инструктивных материалов, конкретизирующих положения и установки документов "высшего уровня", т. е. законов, указов Президента, постановлений и распоряжений Правительства.
2. Введение новых правил тарифного и нетарифного регулирования экспорта и импорта в целом осуществляется в правильном направлении. Однако существующая система тарифного регулирования импорта и система налоговых платежей (НДС и акцизов) представляется недостаточно эффективной как с точки зрения уровня ставок по отдельным видам товаров, так и с позиций самой методики применения.
3. По-прежнему происходит несогласованность между законодательной и исполнительной властью, отдельными ведомствами России при подготовке нормативных документов по регулированию ВЭД. Нарушаются положения закона "О государственном регулировании внешнеторговой деятельности", который установил принцип "единовластия" в сфере оперативного регулирования внешних экономических связей.
4. На начальной стадии находится разработка систем страховых приоритетов во внешней торговле России. В силу объективных причин оказались нарушенными десятилетиями существовавшие внешнеэкономические связи России с республиками бывшего СССР, странами-членами СЭВ, развивающимися странами.

Однако ориентация на более "выгодных" партнеров из числа промышленно развитых стран обернулась стагнацией и даже деградацией структуры российского экспорта, примитивизацией ее импорта, потерей достаточно надежных и емких зарубежных рынков сбыта отечественной продукции, разрушением давних кооперационных связей. Государственная политика в этой области должна строиться на четко выверенных оценках, предусматривая в своей основе комплекс мер стимулирующего характера с учетом долгосрочных задач развития ВЭС.

5. Должна быть исключена эйфория в отношении возможности быстрой перестройки структуры экспорта России уже в ближайшей перспективе, хотя в долгосрочном плане глобальный

ориентир должен быть выбран в этом направлении. На первых этапах реализации стратегии повышения в экспорте доли продукции обрабатывающей промышленности усилия должны быть направлены на поддержку тех отраслей, продукция которых уже обладает высокой конкурентоспособностью на мировых рынках.

- б. Не отрицая крайней необходимости восстановления нарушенных хозяйственных связей с республиками бывшего СССР не следует форсировать реализацию идеи создания и расширения Таможенного и Платежного союза, к которому пытаются присоединиться государства, структура экономики которых и методы управления ею, в том числе внешнеторговой сферой, значительно различаются. Опыт зарубежных государств показал, что к такого рода объединениям они шли долгие годы по мере постепенной унификации структур экономики и механизма ее регулирования.

В том же смысле необходимо до конца просчитывать последствия форсирования процесса вступления России в ВТО на безоговорочной основе.

Следует отметить, что специфика нового этапа реформ в части ВЭС нашла отражение в Программе Правительства Российской Федерации, которая в этой сфере исходит прежде всего из необходимости решения триединой задачи: развитие экспорта и совершенствование его структуры; защита внутреннего рынка и отечественных производителей; продолжение курса интеграции российской экономики в мировое хозяйство и обеспечение для этого благоприятных внешних условий.

Среди основных мероприятий, предусмотренных в области ВЭС, необходимо выделить принятие Федеральной программы развития экспорта и развитие системы кредитования и страхования экспорта, разработку процедуры введения защитных мер, отвечающих правилам и нормам ВТО, снижение экспортных пошлин и в дальнейшем их полную отмену по мере выравнивания внутренних и мировых цен, усиление контроля за ВЭД на основе более тесной координации работы систем регистрации экспортных контрактов и валютного контроля и введения на этой базе единой государственной системы внешнеторгового и валютного контроля и учета.

Вместе с тем уже сейчас становится ясно, что вышеперечисленные пункты программы отнюдь не обеспечивают реализации всего комплекса задач, стоящих перед ВЭС на сегодняшнем этапе. Конкретные механизмы пока лишь обозначиваются. В случае же их оптимальной отработки внешнеэкономическая сфера может стать реальным, весомым фактором структурной перестройки российской экономики, роста ее производственного потенциала.

Однако во внешней политике России нельзя не отметить явные положительные тенденции.

	Миллиардов долларов США												
	Импорт	131,1	113,7	89,4	76,9	72,7	129,4	97,1	93,2	124,1	131,9	110,1	112,2
импорт	18,3	20,8	18,6	14,3	10,4	13,4	13,0	12,2	15,1	19,9	21,9	24,6	31,9
Экспорт	122,3	100,0	96,9	85,6	101,6	139,0	97,0	105,3	126,7	134,8	133,1	124,7	116,9
со странами СНГ													
импорт	44,3	47,3	53,4	43,7	29,2	31,4	40,7	48,8	61,0	77,5	103,5	140,1	191,2
сальдо торгового	-1,4					0,8	2,2	4,2	6,3	10,3	11,7	18,8	21,9
баланса		-2,2	0,5	1,5	1,6								
Импорт	124,1	108,8	105,7	80,6	68,1	113,5	119,8	113,4	124,8	128,0	128,8	131,3	135,4
Экспорт	82,4	89,7	86,9	74,4	75,6	105,0	101,9	107,3	135,9	183,2	243,8	303,9	355,2

сальдо торгового	21,2					59,3	45,9	42,1	53,6	75,5	106,7	120,4	110,3
баланса		23,8	14,4	15	34,4								
экспорт	17	18,6	19,1	15,8	12,0	14,3	15,3	16,4	21,4	30,2	33,5	43,4	53,7
Сальдо торгового	19,8	21,6	14,9	16,4	36,1	60,1	48,1	46,3	59,9	85,8	118,4	139,2	132,1
баланса													
	В процентах к предыдущему году												
	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
со странами													
дальнего													
зарубежья													
со странами													
дальнего													
зарубежья													
импорт	121,4	106,8	112,9	81,8	66,8	107,8	129,6	119,9	124,9	127,0	133,6	135,3	136,5
экспорт	65,4	71,1	67,8	58,7	63,6	90,8	86,6	90,9	114,6	153,0	210,2	260,6	301,5
из него:													
Импорт	62,6	68,1	72,0	58,0	39,5	44,9	53,8	61,0	76,1	97,4	125,4	164,7	223,1
Внешнеторговый	123,1	108,8	100,7	83,3	86,9	130,2	103,8	108,1	126,0	132,4	131,6	126,9	123,4
оборот													
экспорт	108,0	109,4	102,7	82,7	75,9	118,8	107,2	107,2	130,4	141,4	111,1	129,3	123,9
Внешнеторговый	145	157,8	158,9	132,4	115,1	149,9	155,6	168,3	212,0	280,6	369,2	468,6	578,2
оборот													
экспорт	126,7	108,7	95,4	86,6	108,3	142,8	95,4	105,0	126,0	133,5	137,4	123,9	115,7
со странами СНГ													
в том числе:													

На протяжении последних восьми лет внешнеторговый оборот увеличивается, причём уверенными темпами (до 20-30% в год). Особенно стоит выделить рост экспорта, значительную долю которого занимает вывоз отечественных ресурсов (нефть, газ, уголь).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ

Дубровский Давид Израилевич

Выше уже отмечалось, что понятие субъективной реальности обозначает как отдельное явление СР (например, «восприятие этого предмета», «мысль о...» и т.п.), так и СР как персональную целостность, олицетворяемую нашим Я, хотя всякое взятое в качестве «отдельного» явление СР необходимо принадлежит некоторому конкретному Я. Всё множество «отдельных» явлений СР, развертывающихся одновременно и последовательно, в той или иной степени охватывается, организуется, упорядочивается, управляется нашим Я, которое, в свою очередь, в той или иной степени проникнуто их «содержанием». Вместе с тем само «Я» может в ряде отношений вполне корректно рассматриваться в качестве «отдельного» явления СР. В данном случае мы имеем дело с особым объектом познания, требующим специального гносеологического подхода, творческой разработки новых познавательных средств.

При попытках четкого выделения и описания такого рода объектов (прежде всего «отдельного» явления СР) сразу же возникают большие теоретические трудности. Они связаны в первую очередь с проблемой дискретизации континуума СР. Ведь всякое явление СР есть «текущее настоящее», т.е. характеризуется непрерывным изменением и дано каждому в настоящем, «сейчас», хотя его содержание может составлять не только настоящее, но и прошлое и будущее; вместе с тем отдельное явление СР в большинстве случаев демонстрирует своего рода «дисперсивность», затрудняющую его ограничение.

Решение проблемы дискретизации требует корректного расчленения указанной непрерывности и определения форм существования явлений СР, выяснения ее имманентной структуры (которая мыслится инвариантной для множества отдельных Я).

Необходимо подчеркнуть, что СР как целостное образование существует лишь в единично-уникальной форме, которая накладывает свою печать на охватываемые ею «отдельные» явления СР. Это, конечно, создает определенные трудности в исследовании СР. Однако они являются типичными при изучении всякого единичного объекта и преодолеваются столь же типичным способом – в каждом из них обнаруживаются свойства, инвариантные для всех единичных явлений данного класса.

Перед нами в принципе та же методологическая и теоретическая задача, что и при изучении берез, голубей или крокодилов, ибо они все существуют лишь в единично-уникальной форме. Научное познание способно описывать, объяснять, а в ряде случаев и предсказывать единичное, формируя всё более прицельные инварианты и создавая соответствующие теории и концепции. Даже постулаты теории при ближайшем рассмотрении обнаруживают характер инвариантов весьма широкого класса явлений. В тех же случаях, когда теоретическое знание не достигнуто (как это имеет место во многих областях изучения живой природы и общества), мы довольствуемся эмпирическими способами описания, объяснения и понимания, но опять-таки формируя соответствующие инварианты. На этом пути возможно решение задачи дискретизации СР, как «текущего настоящего», и корректного описания «отдельных» явлений СР по крайней мере в ряде частных случаев. (Это подробно показано мной в результате систематического анализа способа квантификации такого сравнительно простого явления СР, как зрительный образ и формулировки понятий личностного инварианта и межличностного

инварианта определенного зрительного восприятия).

Ниже сделаем попытку обозначить некоторые общие свойства и структурные инварианты СР (предложить своего рода эскиз модели того, что Гуссерль называет «исходной функционирующей субъективностью», «последним истоком всех познавательных образований», т.е. предложить один из возможных подходов к теоретическому рассмотрению столь сложного объекта, которое, однако, учитывает эмпирические результаты научных исследований).

Как показывают анализ и обобщения эмпирических данных психологии, психиатрии и смежных с ними областей знания, а также феноменологические исследования, структура СР обладает следующими общими существенными свойствами. Ее характеристиками являются следующие:

1. динамичность (образующие ее компоненты и их связи пребывают в постоянном изменении; присущие ей формы упорядоченности, стабильности, идентичности реализуются лишь в процессе локальных и глобальных изменений);
2. многомерность (не является линейно упорядоченной, представляет собой единство многих динамических измерений, каждое из которых выражает особое качество, не сводимое к другому, ибо обладает своим способом упорядоченности, организации; например, ценностное измерение структуры СР хотя и связано неразрывно с ее действительным волевым измерением, однако не может быть сведено к нему, как и наоборот – каждое из них представляет специфический регистр целостной организации СР);
3. биполярность (основные ее внутренние связи, определяющие целостность СР, представляют единство противоположных модальностей «Я» и «не-Я», о чем подробнее будет сказано далее);
4. способность к самоорганизации – свойство, которое следует особо выделить (целостность и сохранность структуры СР поддерживается, реализуется внутренними факторами, которые обеспечивают меру автономности локальных изменений и реконструкций, не нарушающих ее целостности, идентичности Я).

Выделенные общие свойства структуры СР взаимообусловлены, могут определяться друг через друга. Это означает, что динамичность многомерна, биполярна и выражает процесс самоорганизации, что биполярность динамична, многомерна и служит фактором самоорганизации, что многомерность динамична, биполярна и т.д. Тем самым глубже раскрывается не только содержание каждого свойства, но и абстрактная характеристика структуры СР.

При этом каждое из выделенных свойств может служить исходным пунктом для более конкретного описания базисной структуры СР. В качестве примера рассмотрим биполярность – единство противоположных модальностей «Я» и «не-Я», которое является собой фундаментальное интросубъективное отношение, непременно представленное в каждом наличном интервале СР, формирует его ценностно-смысловой каркас и деятельно-волевые векторы. В динамическом биполярном контуре «Я» – «не-Я» совершается движение «содержания» СР. Это «содержание» способно переходить из одной модальности в другую. Например, когда «содержание», относящееся к модальности «Я» (мои личностные свойства, мои отображения и оценки себя), становится для меня объектом внимания, анализа и оценки, а, значит, выступает в данном интервале уже в модальности «не-Я». Аналогично «содержание», относящееся к модальности «не-Я» (т.е. выражающее свойства, особенности других людей, внешних предметов, процессов), может переходить в модальность «Я», превращаться из «другого» в «свое», «усваиваться» данным «Я» в актах эмпатии, «очеловечивания» явлений природы, в интериоризации опыта другого человека, в игре, в освоении новой социальной роли и т.п.

Такого рода взаимопреобразования, перемена модальности переживаемого «содержания» – механизм эффективного отображения и проектирования действительности (в том числе самой

СР), освоения социального опыта, осуществления творческой деятельности. Взаимопереходы модальностей «Я» и «не-Я», однако, постоянно сохраняют биполярную структуру СР в любом ее интервале.

Каждая из модальностей определяется лишь через противопоставление другой и соотнесение с ней. И если данное «содержание» переходит в другую модальность (например, из «Я» в «не-Я»), то оно замещается иным «содержанием», сохраняющим наличие прежней модальности. Поэтому в самом общем виде «Я» есть то, что противопоставляется «неЯ» и соотносится с ним, и, наоборот, «не-Я» есть то, что противопоставляется «Я» и соотносится с ним.

Структура СР раскрывается конкретнее, когда выясняются основные виды противопоставления и соотнесения «Я» и «не-Я». Попробуем выделить их, взяв в качестве системы отсчета модальность «Я».

Отношение «Я» к «не-Я» выступает как отношение «Я»: 1) к внешним предметам и процессам, 2) к собственному телу, 3) к самому себе, 4) к другому «Я» (другой личности), 5) к «Мы» (той социальной общности, группе с которой «Я» себя идентифицирует, к которой оно себя причисляет), 6) к «Они» (той общности, социальной группе, которой «Я» себя противопоставляет или, по крайней мере, от которой оно себя отличает), 7) к «Абсолютному» («Мир», «Бог», «Космос», «Природа» и т.п.).

Таковы основные виды содержания «не-Я», а, следовательно, и самого «Я», ибо «Я» полагает себя и раскрывает лишь посредством «неЯ». Другими словами, таковы основные смысловые (когнитивные) и ценностные «измерения» нашего Я. И чтобы сравнительно полно раскрыть одно из выделенных отношений «Я», нужно рассмотреть его не только само по себе, но и сквозь призму всех остальных. Так, нельзя во многом понять отношения «Я» к самому себе (столь знакомое и жизненно значимое), если оставить в тени отношение «Я» к предметному миру, к собственной телесности, к другим «Я», к «Мы», к «Они» и к «Абсолютному». В этой многомерности «Я» и полагает себя как свое не-Я, которое выступает в форме «знания», «оценки» и «действия». В биполярном и многомерном динамическом контуре «Я» – «не-Я» непрерывно совершаются процессы самоотображения и самоорганизации (поддержания идентичности, целостности, процессы самопреобразования) структуры СР.

В этом контуре также формируется и реализуется активность СР, ее деятельно-волевые функции, в том числе функции управления поведенческими актами. Биполярный контур представлен в месте с тем двумя оперативными регистрами в структуре СР: во-первых, единством рефлексивного и арефлексивного и, во-вторых, актуального и диспозиционного. Но рамки статьи не дают возможности осветить эти вопросы. (Попытка их систематического анализа, как и обозначенных выше характеристик структуры СР, предпринималась мной ранее).

Здесь хотелось бы еще раз вернуться к проблеме взаимообусловленности онтологического и гносеологического планов изучения СР. Гносеологические утверждения и выводы, так или иначе, опираются на определенные онтологические послышки. Но эти послышки должны быть основательными. Да, они обязаны, в свою очередь, выдержать испытание гносеологической рефлексии, но в их формировании (когда речь идет о СР) неизбежно участвуют эмпирические составляющие. В этом отношении важную роль играют факты и обобщения психиатрии, хорошо проверенные данные психопатологии. Они позволяют выявить ряд сложнейших интросубъективных связей, которые в норме скрыты, «незаметны».

Это касается, в частности, более глубокого понимания единства и меры взаимоотношенности модальностей «Я» и «неЯ». Сохранение этой меры является условием тождества личности: как бы далеко «Я» не уходило в свое «не-Я» (в предельных абстракциях, фантазиях, игровых перевоплощениях, экстатических состояниях и т.п.), оно

всегда возвращается к себе и остается самим собой. Патологические деструкции СР нарушают эту меру, в результате чего возникают различные варианты «расщепления» модальностей «Я» и «не-Я», их «чуждого» противостояния друг другу.

Они располагаются в широком диапазоне: от отдельных и кратковременных «чуждых» фрагментов своего «не-Я», «психических автоматизмов» (сенсорных, эмоциональных, переживаний «неуправляемости» текущих психических процессов со стороны Я) или преходящих состояний деперсонализации и дереализации, возникающих в экстремальных условиях (например, у космонавтов, полярников, спелеологов и др.), до тотального «расщепления». В последнем случае «мое другое Я» в качестве «не-Я» приобретает автономность, «отчуждается» и может не только существовать как бы самостоятельно наряду с «Я» (ситуация, характерная для шизофренического «расщепления» и «овладения»), но и устранять или заменять его время от времени (одним из ярких и хорошо описанных случаев такого рода являются метаморфозы личности Евы Уайт).

Данные психопатологии ясно свидетельствуют о взаимообусловленности самоотображения и иноотображения (включающих ценностный идейно-волевой параметры). Некоторые патологические нарушения убедительно показывают, что отношение «Я» к самому себе существенно определяется отношением «Я» к предметному миру (к внешней «предметности») и к собственному телу. Это наблюдается в тех случаях, когда явление дереализации, возникающее по различным причинам, влечет явление деперсонализации (чувство «потери собственного Я»). Последнее наступает как типичное следствие нарушения восприятия собственного тела, ибо отображение телесной организации образует одно из базисных «измерений» модальности «Я», а следовательно, выступает в качестве «содержания», к которому оно постоянно относится как к своему «не-Я».

Еще более отчетливо указанная зависимость проявляется в условиях сенсорной депривации и вообще при длительном пребывании человека в необычных для него условиях резкого сокращения поступающей из внешнего мира информации. Такое обеднение текущего «содержания» модальности «не-Я» вызывает дезинтеграции в сфере модальности «Я», особенно в отношении «Я» к самому себе¹⁸.

Гносеология СР основывается на исследовании свойства самоотображения, которое является фундаментальным, так как присуще всякому явлению СР, всякому сознательному акту. Оно может выступать в разных формах: от развитой и утонченной рефлексии до «чувства Я». Последнее как раз представляет его простейшую форму и самый глуболежащий уровень. Данные психиатрии показывают: «чувство Я» присутствует в всяком акте сознания, во всяком интервале СР и нарушается лишь в патологических случаях, что сопровождается феноменом деперсонализации. Но и тут «чувство Я» не исчезает, а лишь деформируется. Психиатры подчеркивают, что в таких случаях имеет место не потеря «чувства Я», а чувство потери Я. Вместе с тем феномен деперсонализации сопровождается, как правило, феноменом дереализации.

Приведенные данные психологии и психиатрии позволяют еще раз подчеркнуть тот кардинальный факт, что всякое отображение внешнего объекта органически включает самоотображение субъекта и зависит от него. Это справедливо и для тех познавательных актов, когда в качестве «внешнего» объекта выступает само явление СР, т.е. когда в модальности «не-Я» выступает само «Я».

Итак, задачи гносеологии СР состоят в теоретическом осмыслении процессов и результатов отображения (и оценки) в явлениях СР самой себя: ее «содержания» и форм существования, ее локальной и целостной организации, потенциала оперативных возможностей и творческой активности, ее интенционально-волевой структуры и самоорганизации системы нашего Я.

Здесь, как и во всяком гносеологическом исследовании, на первом плане проблема истинности знания, адекватности отображения, а также его правильности и целесообразности. Вместе с тем для гносеологического осмысления явлений СР высоко актуальной является проблема подлинности, имеющая ряд уровней рассмотрения. Определение подлинности мыслей, чувств, намерений другого имеет жизненно важное значение, которое в информационную эпоху быстро возрастает – особенно в связи с выдающимися достижениями технологий дезинформации и обмана на общественном уровне и изощренным творчеством в области самообмана на личностном (хотя такого рода творчество весьма характерно в том числе для коллективных и институциональных субъектов).

Единство иноотображения и самоотображения составляет важнейший принцип гносеологии и онтологии, а также аксиологии и праксеологии СР. Игнорируя этот принцип, нельзя теоретически корректно объяснить процессы саморегуляции и самоконтроля, поддержания целостности («идентичности», эффективной самоорганизации) многосложной системы нашего Я, и в конечном счете нельзя объяснить результативность познавательного акта (и компетенцию познающего субъекта в целом!), ибо при этом всегда действует механизм оценки «принятия» наличного «содержания» или его «непринятия», что выражается в феноменах «веры», «неверия», «сомнения».

Иными словами, познавательный акт непременно включает в той или иной форме отчет от первого лица для себя и лишь потом для другого. Такого рода отчет от первого лица для себя, когда он уже сложился, приобретает более или менее четкое словесное выражение и может быть представлен в интерсубъективной форме, т.е. в форме отчета от третьего лица. Если самоотображение неадекватно, то неадекватно и отображение в целом, не говоря уже о неэффективности логического и иного самоконтроля. Это еще раз свидетельствует о существенной роли гносеологии СР для развития теории познания в целом.

Надо отметить, что при разработке гносеологии СР важно учитывать богатый опыт дискуссий по проблемам сознания в аналитической философии, особенно по поводу «интроспекции», «привилегированного доступа», «некорректируемости», «непосредственно данного» и «другого сознания». В большинстве случаев представители этого направления занимают позицию физикалистского или функционалистского редукционизма, которая нередко сочетается с установками логического бихевиоризма, они озабочены больше всего проблемой единства научного знания, места сознания в физическом мире, стремятся объяснить субъективные феномены с помощью «объективистского» (физического, биологического или функционалистского) языка и крайне слабо акцентируют собственно гносеологическую проблематику в исследованиях СР.

В заключение важно еще раз подчеркнуть следующее. Рассуждения гносеологии СР и путей ее разработки, конечно, имеют в виду не создание некоей обособленной области философского знания. Речь идет о достижении более высокого уровня освоения гносеологической проблематики. Исследование вопросов гносеологии СР – важнейший аспект необходимого условия разработки такой теории познания, которая отвечала бы насущным нуждам нашего времени, задачам, выдвигаемым информационной цивилизацией.

ГНОСЕОЛОГИЯ И ОНТОЛОГИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ; ЕЕ КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ЧЕТЫРЕХМЕРНОСТЬ

Дубровский Давид Израилевич

Гносеология СР предполагает наличие некоторой онтологии СР, которая служит предметом анализа, критики, дальнейшего развития и преобразования. Гносеологическая рефлексия наличной онтологии служит постановке новых проблем. С другой стороны, проверенные эмпирические данные и концептуальные построения, относящиеся к явлениям внешнего мира или к явлениям самой субъективной реальности, обычно онтологизируются, т.е. то, что выражено в их содержании, считается действительно существующим (хотя многие онтологизации, как известно, оказываются в конечном счете неточными или ложными).

Категории онтологического и гносеологического взаимопологаемы, ибо то, что считается существующим (или не существующим) всегда облечено в форму определенного знания. В свою очередь, само знание есть реальность, которая тоже представлена в форме знания о нем. При этом, как подчеркивалось выше, знание в своей исходной форме есть явление именно СР.

В связи с этим возникают сложные вопросы. Например, чувственные формы знания включают, если так можно выразиться, «первичную», «автоматическую» онтологизацию: я знаю, что вижу этот предмет и одновременно испытываю уверенность, что он реально существует вне меня. Здесь на уровне текущего субъективного переживания онтологические и гносеологические аспекты слиты, недифференцированы. Это связано с действием своего рода «первичных» (несознаваемых, интуитивных) механизмов отображения (самоотображения) данного явления СР (знаемого мной «содержания») и одновременного его санкционирования в качестве реального для меня и адекватного переживания этого субъективного состояния. Здесь мы имеем дело, если так можно выразиться, с личным уровнем онтологии и гносеологии.

Стоит заметить, что ряд философов, с нашей точки зрения, недооценивают объективность содержания чувственных отображений, подходя к этому вопросу сугубо абстрактно-теоретически и непривлекая достижений современной науки в исследованиях биологической эволюции, результаты генетики, биологии поведения, зоопсихологии. Этот материал свидетельствует, что СР у животных – довольно надежный инструмент объективного отображения действительности и целесообразного поведения; он достался во многом по наследству человеку, если иметь в виду, по крайней мере, чувственные, эмоциональные и простейшие когнитивные формы психики.

Ведь само возникновение психики в ходе эволюции (т.е. способность иметь информацию в «чистом» виде, способность оперировать ею и использовать ее для целей управления системой организмов в целом и его отдельными подсистемами) означало создание эффективного средства взаимодействия со средой, которое потребовалось усложняющейся биологической системе, стало новой формой управления поведением на уровне целостной самоорганизующейся системы (в отличие от допсихических форм управления, присущих ее подсистемам).

Онтология СР многомерна, слабо систематизирована, и наиболее широко она, конечно, представлена естественным языком быденным знанием. Этот уровень онтологии СР, выражающий исторический опыт человеческой жизнедеятельности, несмотря на свою

ограниченность, служит, тем не менее, базисом для философских, психологических и других научных концепций СР. Последних – превеликое множество. Не имея возможности их рассмотрения, следует отметить, что, на наш взгляд, даже самые значительные из них лишь в крайне малой степени содержат анализ и обоснование тех познавательных средств, которые используются для описания и объяснения феноменов СР. В большинстве своем это конгломераты из эмпирических данных и обобщений, кое-как скрепленных постулативными утверждениями и теоретическими клише, без намека на специальную гносеологическую рефлексию. Между тем без нее, особенно когда речь идет о новациях, нельзя выяснить, что же в действительности является «реально реальным».

Без основательной гносеологической рефлексии невозможна основательная онтология. Иначе мы получаем наивный онтологизм – легковерную установку с ее неотрефлексированными постулатами, символами веры и проекциями наличных представлений на «всю» реальность, лишенных чувства ее неизведанной глубины и многомерности.

Подчеркивая взаимопологаемость гносеологического и онтологического планов СР и особую актуальность гносеологических исследований, необходимо видеть и более широкий контекст. Категориальная структура философского знания (и, видимо, всякого знания) четырехмерна. Она включает онтологическое, гносеологическое, аксиологическое и праксеологическое (активность – интенциональность, воля, целеустремленность и др.) измерения. Соответственно можно выделить четыре основных типа философских проблем. Каждая из названных категорий нередуцируема к какой-либо из других, но взаимопологаема с другими.

Более двадцати лет тому назад я попытался для удобства представить это в виде простенькой схемы, которую слишком «громко» назвал «Философским квадратом». Думаю все же, что эта схема может быть для нас полезной. Из нее видны связи категорий и все варианты взаимопологаемости между ними, а тем самым рефлексии каждого измерения через остальные (буквы О, Г, А, П в углах квадрата обозначают соответственно «Онтологическое», «Гносеологическое», «Аксиологическое» и «Праксеологическое»). Например, онтологическое предполагает не только гносеологическую, но также аксиологическую и праксеологическую рефлексию. Соответственно, гносеологическое требует прояснения онтологических оснований (часто неявных), а вместе с тем аксиологической и праксеологической рефлексии, ибо ценностные параметры и факторы активности непременно включены в любой акт познания и сказываются на его результате. Так же обстоит дело, когда мы намерены решать проблемы аксиологического или праксеологического типа.

Вряд ли нужно доказывать необходимость рассмотрения СР в аксиологическом и прагматическом планах, а также плодотворность рефлексии гносеологической проблематики и ее концептуальных разработок сквозь призму категорий аксиологического и праксеологического. Ценностное отношение и активность – неотъемлемые существенные свойства СР, характеризующие ее способности самоотображения и самопреобразования. Поскольку всякий акт познания несет в себе эти измерения, они имеют как онтологический, так и гносеологический статус. Все это показывает, что продуктивная разработка гносеологии СР предполагает, наряду с онтологической, основательную аксиологическую и праксеологическую рефлексию.

Следует отметить, что на современном этапе познавательной деятельности человечества факторы ценностной ориентации, целеустремленности и воли приобретают исключительно важное значение (они всегда служили необходимыми условиями творческого процесса, часто выступали решающими факторами достижения нового истинного знания).

Эти факторы, особенно воля, реализуют функцию самопреобразования. Дефицит воли вызывает редукцию ценностной ориентации, соскальзывание на более низкий уровень ценности, на

менее значимую цель. Сэтим связана типичная форма самообмана, уклонения от истины о себе(важный пункт гносеологии СР!). Указанные факторы, столь хорошоизвестные философии, однако, не находят места в концептуальных построениях современной гносеологии. Соответственно, вне ее поля зренияостаются существенные аспекты исследования напряженных проблемныхситуаций и процесса научного творчества.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Дубровский Давид Израилевич

Классическая гносеология (включая ее современные модификации) представляет собой главным образом гносеологию того, что именуют объективной реальностью, имеет фактически своим объектом познание явлений внешнего мира. В своих теоретических построениях она стремится корректно элиминировать типичные свойства СР (например, ценностное, интенционально волевое и др.), чтобы достигнуть «объективного знания».

Такая установка в большинстве случаев адекватна для целей «физикалистского» естествознания. Но она обнаруживает свою ограниченность, а нередко и явную несостоятельность, когда ставятся задачи изучения социальных, экономических, коммуникативных процессов, когда мы имеем дело с современными интегральными объектами, которые включают в качестве неперменного фактора человеческое сознание. Это физико-техно-био-социально-личностные объекты в различной комбинации и субординации названных составляющих. Основательный анализ вопросов гносеологии и онтологии современного научного познания приводит к выводу, что на поверку всякий объект научного познания в той или иной степени включает все перечисленные составляющие (мы видим это на примере современных физических исследований в области квантовой механики, в которых наибольшие теоретические трудности связаны с ролью наблюдателя, т.е. с фактором сознания). Традиционные формы естественнонаучного исследования игнорируют некоторые из указанных составляющих как несущественные или просто их «не замечают», упрощая тем самым объекты познания соответственно своим теоретическим задачами практическим целям.

В философии и методологии науки все в большей степени осознается и осмысливается роль субъективного фактора в формировании объекта познания и самого принципа объективности знания. Тем не менее гносеология СР находится пока в зачаточном состоянии, она демонстрирует нищету своих концептуальных средств, четко не выделена в виде особой проблематики. Относящиеся к ней вопросы, которые то и дело затрагиваются и фрагментарно обсуждаются, теоретически неупорядочены, слабо осмыслены, находятся под прессом концептуального инструментария теории познания внешнего мира.

Это во многом связано, как уже неоднократно отмечалось нами, с фундаментальной асимметрией в познавательной и практической деятельности, которая, будучи нашим биологическим наследием, оформилась в процессе антропогенеза, неуклонно углублялась на протяжении всей истории человечества и сегодня угрожает самому его существованию. Суть этой асимметрии заключается в том, что познавательная и деятельная активность человека направлены преимущественно во внешний мир, в то время как вектор самопознания и самопреобразования сильно укорочен (последнее несопоставимо с внешней активностью ни по масштабам и результатам, ни по затрачиваемым силам и средствам).

Нетрудно, однако, увидеть необходимую зависимость познания внешнего мира (в отношении его целей, способов и результатов) от самопознания. Слабость последнего влечет неподлинность цели познания и преобразования внешнего мира, сужает диапазон творческих возможностей, ведет к нарастанию негативных практических следствий и явному абсурду, ибо слишком уж часто человек не ведает, что творит, а если ведает, что творит зло, то не может остановиться, побороть свои эгоистические устремления и свое слабование.

Указанная асимметрия привела к основным кризисным состояниям нашей цивилизации (к экологическому кризису и др.). Она обуславливала на протяжении веков соответствующую направленность научного, технического и социокультурного развития, в том числе философии и теории познания.

Концентрация усилий философской мысли на вопросах гносеологии СР – настоятельное требование времени. Это одно из необходимых условий развития самопознания и самопреобразования, реализации возможности преодоления фундаментальной асимметрии познавательной и преобразующей деятельности человечества.

Однако последняя – в этом надо отдавать себе полный отчет – имеет глубокие и мощные биологические корни. Основная активность животного направлена во внешний мир, что обусловлено целью выживания. Но масштаб этой внешней активности жестко ограничен генетической программой, существенно не меняется в энергетическом плане, не нарушает отработанные в эволюции экологические связи. Соответственно, у животного ограничены содержание и формы отображения внешнего мира, и они гармонично скоординированы с самоотображением (и вектор внешней активности существенно не растет).

У человека же вектор внешней активности растет в гигантском темпе по сравнению с ростом «внутренней» активности (самопознание и самопреобразование). Фактически человек продолжает действовать как животное, сохраняет свойственную биологической системе направленность основной активности во внешний мир, но использует уже небологические (технические) средства, превышающие на много порядков энергетику биологического воздействия, и в результате разрушает строившуюся сотни миллионов лет биологическую самоорганизацию, в том числе и свою собственную.

Выходит, человек слишком биологичен, недостаточно человечен. Тут кроется глубочайший парадокс человеческой судьбы. И я пытаюсь понять, возможно ли вообще преодолеть указанную фундаментальную асимметрию, оставаясь биологическим существом. Способен ли человек ограничить свою безудержную экспансию во внешний мир, хватит ли силы человеческого духа, чтобы обуздать силу заложенной в нем могучей биологической интенции? Все известные ответы на эти вопросы пока проблематичны.

Но нам ясно, нынешний этап земной цивилизации предельно обострил альтернативу: либо человечество обречено, либо мы найдем пути и средства преодоления фундаментальной асимметрии. Модные ныне проекты перехода человека в небологическую форму существования теоретически допустимы (хотя во многом остаются, конечно, весьма проблематичными). Даже если они осуществимы, для их реализации нам, скорее всего, не хватит времени. Человечество находится в остром цейтноте, и гораздо более реалистичной является установка на разработку эффективных способов самопознания и самопреобразования, которые способны открыть нам новые измерения бытия и, соответственно, новые смыслы, ценности и цели, а вместе с тем помочь обрести необходимую силу воли, силу духа для успешных действий в соответствии с высшими ценностями и целями.

Поскольку мы еще не утратили веры в конструктивные возможности разума, в способность решать глобальные проблемы современности, нам остается крепить силу воли, напрягать наши творческие усилия. На этом пути разработка гносеологии СР составляет одну из стратегических философских задач.

ФЕНОМЕН «ОТРЕШЕННОСТИ ОТ СЕБЯ». Э. ГУССЕРЛЬ О «ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ»

Дубровский Давид Израилевич

Всякая гносеологическая концепция СР необходимо связана с определенной онтологией СР. И наиболее острым для теоретика здесь является вопрос о познавательной способности Я, так как, пытаясь ответить на него, он прежде всего сталкивается с самим собой, с собственным Я. Чтобы преодолеть эмпирическую неопределенность, теоретик использует корректные абстракции, принимает некоторую парадигмальную систему отсчета. Однако он оказывается в весьма затруднительном положении. Исходные описания, исходные посылки должны носить интересующий характер, производиться от третьего лица, но при этом они неизбежно производятся от первого лица. Ведь именно данное уникальное «Я» утверждает нечто о «Я» вообще, и другого не бывает. Такого рода парадоксальную ситуацию нельзя оставлять в тени. Тут гносеологическая проблема необходимо связана с онтологической проблемой, как и наоборот, т.е. утверждения, касающиеся способности «Я» знать нечто, в том числе и о самом себе, явно и неявно обусловлены утверждениями, которые касаются реальности «Я» и его существенных свойств (подробнее об этом речь пойдет ниже). Возникает замкнутый круг, и его надо теоретически корректно разомкнуть.

Однако, несмотря на значительный историко-философский опыт осмысления такого рода трудностей (Декартом, Беркли, Юмом, Кантом, Гуссерлем и др.) и к тому же исключительную актуальность их основательного теоретического анализа в условиях информационного общества, указанный ключевой пункт гносеологии субъективной реальности (и гносеологии вообще!) зачастую отодвигается на дальнюю периферию, а нередко попросту игнорируется. Подходя к этому пункту, философ обычно одним махом вскакивает на трансцендентального коня и указанные теоретические трудности сразу оказываются у него за спиной.

Теоретик легко отвлекается от того, что является обычным человеком, легко входит в роль трансцендентального субъекта (и вещает как бы от его имени) или, по крайней мере, выступает в роли субъекта, наделенного некими необычайными качествами, которые дают эксклюзивное право судить и учить. Он похож на актера, использующего свой дар сценического перевоплощения. Даже включая в свой текст местоимение «Я», философ сразу начинает вещать от анонимного третьего лица, теряя чувство того, что говорит не более, чем от себя.

Налицо типичный феномен, который можно назвать «отрешенностью от себя». Суть его в том, что автор как бы не относит лично к себе того, что утверждает им в общем виде о человеке, познании, сознании, деятельности и т.п., игнорирует тот факт, что его личные качества не отвечают этим общим положениям (как правило, такого рода противоречия затушеваны, прикрыты удобными клише). Этот феномен проявляется в разных формах, часто напоминая вариации известного «парадокса лжеца»: то, что отрицается явно, опирается на неявное утверждение того же самого (или, наоборот: то, что утверждает явно, опирается на его неявное отрицание). Чего стоят, например, навязчивые, расцвеченные метафорическими блестками утверждения постмодернистов о «смерти автора», «смерти метадискурса» и т.п., в то время как сами они выступают в роли амбициозных авторов и опираются на «свой» метадискурс. Себе позволено то, что не позволено другим.

В разработке гносеологических проблем феномен «отрешенности от себя» чаще всего проявляется, когда автор принимает позу трансцендентального субъекта, оставаясь в своих

рассуждениях не более чем обычным эмпирическим субъектом, когда он «не замечает» собственной субъективной реальности (в ее специфических качествах) как производителя его концептуальных построений, а, соответственно, в этих построениях не учитывается (или крайне слабо, неадекватно учитывается) непреременный регистр самоотображения (и самополагания) субъекта, присущий всякому акту познания.

По нашему мнению, это определяет существенный дефицит в современных гносеологических разработках, что порождает другие серьезные теоретические трудности гносеологии и методологии науки. И это широко используется новомодным оккультизмом, спекулирующим на «темных» сторонах нашей субъективности, на теоретически непроясненных, неосвоенных явлениях СР. То, что называют сегодня кризисом рационализма, во многом обусловлено как раз обострившимися концептуальными трудностями гносеологии, ориентированной на внешний объект и не развившей эффективных средств теоретического осмысления и освоения СР.

В философии нового времени подобная ситуация была отмечена и проанализирована Э. Гуссерлем. В работе «Кризис европейской науки трансцендентальная феноменология» он показал ограниченность «физикалистского натурализма» и «объективизма». Возникающие при таком подходе теоретические трудности, как пишет Гуссерль, привели со времен Беркли и Юма к «парадоксальному скептицизму», но в то же время стимулировали проявление нового, «теоретико-познавательного» типа философствования – переход от «объективизма» к «трансцендентальному субъективизму». По убеждению Гуссерля, «лишь радикальное возвращение к вопросу о субъективности» «позволяет понять объективную истину»; «исходной точкой не является бытие мира как что-то само собой разумеющееся». «Исходной точкой является субъективность, а именно субъективность, которая является истоком наивной преданности бытия мира, позднее рационализирующая или, что тождественно, объективирующая бытие мира».

Далее Гуссерль блестяще анализирует философскую концепцию Декарта. Рассматривая его как основателя идеи «объективного рационализма нового времени» и вместе с тем идеи «трансцендентального субъективизма», он показывает, как у него последняя идея подрывает первую. Это проявляется у Декарта в его отождествлениях «Я» с душой, в непоследовательности гносеологической рефлексии, когда ее результаты, призванные заложить первооснову объективного знания, подменяются онтологическими постулатами (касающимися души и Бога).

Высоко оценивая в целом философский вклад Декарта, Гуссерль прослеживает линию развития идеи трансцендентального субъективизма от него – через Беркли и Юма – к Канту. Эта идея выражает «возвращение к последнему истоку всех познавательных образований, само осмысление себя как субъектов познания, так и познающей жизни... Этот исток называется Я-сам, с присущей мне действительной и возможной познавательной жизнью, в конечном счете с присущей мне конкретной жизнью».

Как полагает Гуссерль, несмотря на выдающееся значение философии Канта, она недостаточно радикально проводит идею трансцендентального субъективизма: «... трансцендентальная философия тем более истинна... чем более она радикальна; и, наконец, она лишь тогда впервые обретает свое действительное и истинное начало, когда философ приходит к ясному пониманию себя как исходной функционирующей субъективности».

Рамки статьи не позволяют более подробно рассмотреть взгляды Гуссерля. Мы ограничились главными его положениями, которые относятся к обсуждаемой теме. Безусловно, концепция Гуссерля вносит значительный вклад в осмысление интересующей нас проблематики.

Однако все же она, с нашей точки зрения, не вполне удовлетворительно справляется с рядом болезненных вопросов, которые предъявляются концепции трансцендентального

субъективизма.

Прежде всего это вопрос о способе существования трансцендентального субъекта (несколько «усовершенствованного» Гуссерлем) и связанный с ним вопрос о соотношении трансцендентального и интерсубъективного. Ведь трансцендентальный субъект мыслится в качестве надличностной, «чистой» субъективности, которая представляет универсальные и необходимые формы, конституирующие все возможные миры опыта («жизненные миры»). Он несет в себе абсолютные основания и нормы истинного знания. Подобный субъект должен, конечно, существовать лишь в единственном числе, и возникает так называемая проблема трансцендентального «одиочества». Известно, что Гуссерля не раз упрекали в «трансцендентальном солипсизме». Ведь клонирование трансцендентального субъекта, множества одного и того же, в данном случае бессмысленно.

Между тем Гуссерль говорит об интерсубъективности и полагает «трансцендентальную интерсубъективность», что означает наличие многих субъектов, к тому же отличающихся друг от друга. В таком случае, если речь ведется о «трансцендентальной интерсубъективности», то мы получаем множество тождественных трансцендентальных субъектов, что вряд ли имеет смысл. Если же берется «обычная» интерсубъективность, которая включает конвенциональные факторы, выражает взаимоотношения и взаимопонимание субъектов, не удовлетворяющих определению трансцендентального субъекта, то тогда неясно, каким образом возможна связь между ними и трансцендентальным субъектом (разве что постулируя некую обособленную трансцендентальную способность у множества эмпирических субъектов, у которых эта способность не подлежит воздействию со стороны их обычных познавательных способностей). Конституирование интерсубъективности у Гуссерля чревато рядом концептуальных нестыковок и неопределенностей, что подробно показал в результате специального анализа А. Шютц.

Трансцендентальный субъект – это, в сущности, теоретический субъект поэтому он должен быть корректно соотношен с эмпирическим субъектом.

Проблема соотношения теоретического и эмпирического – один из самых болезненных пунктов теории познания. У Гуссерля эмпирическое лишено какой-либо автономности, оно целиком управляется «сверху» – всеобщими и необходимыми формами чистой субъективности (которые отчасти напоминают идеи Платона). Последние не подлежат эмпирической корректировке. Феноменологическая редукция (которая сама, кстати, не мыслима без эмпирических операций) сулит построение царства абсолютных истин. Но эти обещания Гуссерля выглядят слишком неубедительными, особенно в свете полувекового опыта изучения проблемы эмпирического и теоретического в русле аналитической философии. Как показывает этот опыт, не лишенный горького привкуса, познающий субъект амбивалентен, сочетая в себе эмпирическое и теоретическое в таких взаимоотношениях, которые не могут быть представлены линейно и однозначно.

«Трансцендентальная субъективность» – полезная абстракция, фиксирующая теоретическую составляющую в активности нашего Я, но у Гуссерля она явно сужает диапазон гносеологических исследований субъективной реальности, взятой во всем многообразии ее эмпирических определений, а они способны в существенной степени стимулировать и корректировать ее теоретическое осмысление. Радикальный антипсихологизм Гуссерля превышает меру продуктивной критики психологизма в теории познания, ведет к тому, что и в его концептуальных построениях проявляется феномен «отрешенности от себя» – параноидальный симптом философов и пророков, вещающих от имени некоего Всемогущего Субъекта (а иногда неявно олицетворяющих себя с ним). Это наблюдается у Гуссерля, когда он рассуждает о двух исторических поворотах в философии, связанных именами Декарта и Канта, и называет свой собственный подход «окончательным поворотом и последним

решением».

Философия Гуссерля, несмотря на высокую актуальность многих ее интенций и теоретических положений, остается в рамках постулатов классической гносеологии. «Осмысление себя как субъекта познания, так и познающей жизни», «возвращение к последнему истоку всех познавательных образований» (который именуется Гуссерлем «Я-сам»), устремления философа «к ясному пониманию себя как исходной функционирующей субъективности» должны исходить не из трансцендентальной

субъективности, но из реальной собственной субъективности, реальной в смысле ее наличной, сознаваемой многомерности, противоречивости, неукорененности в себе, требующей создания в ней опорных пунктов для теоретического самоосмысления, которые способны получить интерсубъективную проверку и признание. Лишь таким путем, во взаимокорректировке теоретического и эмпирического (с учетом достижений конкретных научных знаний о человеческой СР и ее историческом развитии) можно сейчас добиваться серьезных результатов самопознания.

ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Дубровский Давид Израилевич

Социальное развитие проективно, включает интенцию планирования и «созидания» желаемого будущего. Эта интенция проявляется в намерениях не только частных, но и глобальных преобразований (например, знакомый нам проект построения коммунизма). Исторический опыт показывает, что успех планируемых изменений зависит от реалистического понимания того, что именуется природой человека. Если это понимание не реалистично, социальный проект оказывается утопическим, он с треском проваливается, несмотря ни на какие усилия и благие намерения его инициаторов, организаторов, исполнителей, которые ведь тоже являются людьми и, следовательно, превратно понимают и оценивают самих себя (впрочем, инициаторы подобных проектов склонны, как правило, учить других, но не себя). Сколько раз уже в истории такого рода благие намерения мостили дорогу в ад!

Между тем и сама социальная организация в ее общих и существенных чертах необходимо обусловлена природой человека. Это утверждение кажется тривиальным. Но лишь на первый взгляд. Дело в том, говоря кратко, что не только свойства системы обуславливают свойства ее элементов, но и, наоборот, свойства элементов обуславливают свойства системы. Для понимания функционирования и развития общества, как сложной самоорганизующейся системы, необходимо выделять и анализировать специфическую линию детерминации, исходящую от человеческого индивида, взятого в его общих и существенных свойствах. Эта зависимость недостаточно учитывается до сих пор теоретиками социальной жизни. И главное здесь в том, что ряд существенных свойств человеческого индивида не покрываются социальным качеством, имеют биологический характер. Человек есть социальное существо, но в не меньшей мере он есть существо биологическое.

Ведь социальная самоорганизация выросла из биологической самоорганизации и в каком-то смысле паразитирует на ней. Первая насчитывает несколько десятков тысячелетий, вторая – миллиарды лет. Биологическая эволюция в течение столь длительного периода отработала чрезвычайно эффективные механизмы самоорганизации, на фоне которых способы социальной самоорганизации выглядят весьма несовершенными и ненадежными, более того внушающими сейчас тревогу за судьбы земной цивилизации, ибо вместо того, чтобы прилежно учиться у биологической самоорганизации, она подрывает, ухудшает свою жизненную основу, в том числе свой собственный базисный элемент – человека. Одним из проявлений этой парадоксальной ситуации как раз и может служить недооценка роли указанной выше специфической линии детерминации, недостаточное внимание к биологическим аспектам природы человека.

Само понятие природы человека, столь часто встречающееся в философской литературе, то и дело мелькающее в публицистике, в разных областях гуманитарного и медицинского знания, употребляется в большинстве случаев без какой-либо экспликации, но интуитивно воспринимается как имеющее смысл. Его систематический анализ представляет немалые трудности. Здесь мы попытаемся лишь кратко обрисовать некоторые его черты. Под «природой человека» обычно имеют в виду комплекс устойчивых свойств социального индивида, инвариантных по отношению к различным историческим эпохам, этносам, общественным и государственным устройствам, что указывает на их детерминированность биологической организацией (т.е. генетическими факторами). Они формируются и варьируются под влиянием внешних условий, особенно на ранних стадиях онтогенеза с непременно участием генетических факторов.

Взятые по отдельности и в комплексе, эти свойства касаются потребностей, способностей,

склонностей, особенностей коммуникации, саморегуляции, форм поведения и деятельности человека. Они служили предметом описания и размышления для философов, историков, литераторов, начиная с древних времен. Центральное место они занимают в трудах представителей философской антропологии (экзистенциализма, психоаналитических концепций и др.).

Не ставя своей задачей систематизацию указанных свойств (это потребовало бы специального исследования), мы ограничимся лишь несколькими примерами. Наша цель – подчеркнуть их биологическую детерминанту. В одних случаях эта детерминанта очевидна, например, когда речь идет о смертности человека или о влечении к другому полу (сексуальной потребности, чувстве любви) или, скажем, о феномене страха. В других – она замаскирована в большей или меньшей степени. Возьмем такой механизм психологической защиты как вытеснение.

Казалось бы, эта функция носит сугубо социальный и психологический характер, так как служит поддержанию целостности «Я», деятельной способности личности. Однако уже элементарный анализ показывает, что она служит сбалансированию информационных процессов в головном мозгу, а тем самым сохранению приемлемого энергетического тонуса и разрешающей способности этого центра управления человеческим организмом; ее глубинный источник и ее предназначение носят биологический характер. Нетрудно увидеть подобные биологические источники, когда мы рассматриваем такие феномены коммуникации и аутокоммуникации, как обман и самообман, или более общие комплексные характеристики – эгоизм и альтруизм (блестящий анализ их биологических детерминант представлен в работе выдающегося отечественного генетика В. П. Эфроимсона «Родословная альтруизма». Его исследования показали наличие вероятностной генетической детерминации ряда важнейших этических качеств человека.

Важно отметить, что свойства, связанные с понятием природы человека, которые демонстрируют выраженную биологическую детерминацию, чаще всего рассматриваются в двух планах:

1. как присущие множеству людей; здесь они берутся в общем виде (к примеру, та же эгоистичность и, добавим, ненасытность в потреблении, в обладании вещами, деньгами, людьми, властью и т.п.) и
2. как присущие данной неповторимой личности; здесь они индивидуализируются с учетом их степени проявления и взаимосвязи, выступают в виде качеств, приписываемых лишь индивидуальному субъекту (темперамент, характер, способности и др.).

Приведенное различие носит методологический характер, служит задачам исследования многоплановых зависимостей социальной организации и социальной динамики от существенных свойств индивида. Разумеется, когда мы говорим о природе человека как о совокупности ряда существенных, типических свойств, то они должны приписываться всем людям, хотя и выражены у них в разной степени, своеобразно актуализуются у каждого индивида в зависимости от множества факторов (этнических и культурных особенностей, социального положения, возраста, наличных условий исторически данного социума и т.д.); к тому же этот комплекс свойств включает диспозициональные противоположности, например, эгоистические и альтруистические побуждения, соотношение которых у конкретного индивида определяет вероятность тех или иных его действий как социального существа. Таким образом, понятие природы человека в виде комплекса его существенных свойств выражает общие и наиболее вероятные цели, стремления, действия людей.

Взятые в указанном выше первом плане эти свойства образуют тот контекст, в котором «природа человека» соотносится, связывается с «социальной организацией» и «социальным

развитием». Именно в таком контексте как раз и выясняется утопичность коммунистического проекта в силу его противоречия природе человека, несостоятельность идеи создания «нового человека» путем «коммунистического воспитания» (хотя в последнем, конечно, было немалорациональных моментов). Коммунистическая идеология в СССР носила, как известно, ультрасоциологизаторский характер, отрицала даже малейшее влияние генетических факторов на формирование личности, отметала всё, что противоречило идее переделки человека и полной его управляемости. Отсюда и разгром генетики, разгулы сенковщины, партийная нетерпимость в брежневские времена к попыткам научного анализа биосоциальной проблемы.

Дело дошло до того, что даже известный генетик Н. П. Дубинин подлачился под эту идеологию и под установки партийного начальства, «доказывал» в журнале «Коммунист», что генетические факторы не играют роли в формировании личности, громил своих коллег академиков Б. Л. Астаурова и Д. К. Беляева, особенно же В. П. Эфроимсона, занимавших по этим вопросам научную позицию.

Во втором плане понятие природы человека используется в контексте выяснения роли личности в социальных процессах с учетом генетической обусловленности ее особенностей. Такой ракурс исследования является весьма существенным, например, для историка, особенно в тех случаях, когда личность обладает огромной властью. Мы видим это у Светония в его «Двенадцати Цезарях», где автор всегда специально останавливается на тех свойствах правителя, которые он полагает врожденными, данными «от природы». Вот что пишет он о Нероне: «Наглость, похоть, распущенность, скупость, жестокость его поначалу проявлялись постепенно и незаметно, словно юношеские увлечения, но уже тогда всем было ясно, что пороки эти – от природы, а не от возраста». Интересные размышления о природе человека мы встречаем у Макиавелли, особенно в его замечательном труде «История Флоренции», в котором изложение событий органически связано личностными описаниями их участников, даны пронизательные психологические портреты деятелей тех времен.

За обозримый период истории природа человека не изменилась. Так позволяют думать обширные материалы о людях Древнего Египта и Месопотамии⁵, древнегреческие и древнеримские источники, в которых столь ярко обрисованы люди того времени с их интересами, делами, заботами, страстями, поступками. Читая «Характеры» Теофраста, поражаешься удивительному сходству: прошло две с половиной тысячи лет, но ничего не изменилось – всё те же человеческие типы и те же формы поведения. Подтверждения этому мы находим у Тацита и Августина, у таких корифеев человековедения, как Монтень, Ларошфуко, Ницше, у выдающихся философов, психологов, историков различных эпох и народов.

Если природа человека обусловлена его биологической организацией, то она и не могла измениться за столь мизерный срок. Человек сложился в ходе биологической эволюции, ибо антропогенез совершался по ее законам. Поэтому природа человека может измениться опять-таки лишь в результате биологической эволюции либо в результате вмешательства в его геном или в мозговые структуры (теперь, когда расшифрован код ДНК и почти весь геном человека, когда на повестке дня стоит расшифровка мозговых нейродинамических кодов психических явлений, такие возможности теоретически мыслимы, хотя попытки их реализации не исключают и крайне отрицательных, даже катастрофических последствий).

Проблема состоит в том, что человек должен изменить негативные свойства своей природы (прежде всего неумный потребительский аппетит, агрессивность по отношению к себе подобным и к экологической системе в целом, а тем самым агрессивность по отношению к самому себе). В противном случае перспективы земной цивилизации весьма мрачны. Здесь необходим максимально реалистический подход. Надежда на то, что человека можно просветить, отучить, образумить, что большинство из нас способно побороть в

себененасытного потребителя и эгоиста – такая надежда, скорее всего, тщетна. Одно дело – знать и хотеть, другое – уметь. Алкоголик знает, что пить вредно, что это ведет к гибели, но продолжает пить... и надеяться. Подобные надежды неявно лежат в основе современных концепций, обещающих нам выход из тупика путем, так сказать, просвещения масс, их религиозного воспитания или путем включения в дело неких новых «объективных закономерностей», новых надличностных структур (государственных, церковных и др.). Но как быть с миллиардами людей, которые живут во власти своих инстинктов, потребностей и влечений? И как быть с теми отдельными людьми, которые являются авторами прекраснотушных концепций, живущих также удовлетворением своих потребностей и влечений, готовых научить кого угодно, только не самих себя?

Так как надежда на желаемое изменение человеческой природы посредством дальнейшей биологической эволюции – нонсенс, нам остается только самообразование. Каким путем добиться необходимых изменений и возможны ли они вообще – это открытые вопросы, ждущие творческих решений. Но ясно одно: самообразование человека равносильно самообразованию общества, ибо все известные нам до сих пор основные социальные структуры и функции были обусловлены именно природой человека, что проявляется в таком социальном институте, как государство с его функциями упорядочивания и принуждения.

История человечества представляет неоглядное множество и разнообразие событий, но весьма скудный набор форм организации социальной жизни (видов государственных устройств, способов реализации политических целей и т.д.). Нас интересует здесь именно общее, то, что воспроизводилось из века в век у разных народов. И мы видим отчетливые структурные и функциональные инварианты, причем не только на уровне видов государственного устройства (с их характерными вариациями) и межгосударственных отношений (войны, союзы и т.д.), но и в области тактики правления, типичных политических игр, методов сбалансирования интересов или устранения противников (например, квазидемократические формы правления – Римский Сенат при цезарях, Верховный Совет в СССР и т.п.; такой метод расправы с политическими противниками, как объявление их «врагами народа» при Тибериусе, Робеспьере, Сталине и т.д.). Именно подобные инварианты коррелируют со свойствами, составляющими природу человека. Разным людям эти свойства присущи в разной степени, но они неизменно коренятся в недрах нашей психики.

Многие люди очень хотели бы изменить некоторые из подобных свойств, но это выше их сил. Упрямая телесность с ее позывами невнемлет голосу разума. Сознательное психическое управление в подавляющем числе случаев не в состоянии перестроить мощные диспозиционные структуры, сложившиеся на бессознательном уровне большей частью в процессе биологической эволюции. Такого рода глубинные структуры психики роднят нас с животными, но у них они вполне адекватны и целесообразны. Потребности животных стабильны, весьма жестко ограничены генетическими программами, что относится и к целям их действий, взаимоотношениям с другими живыми существами, «включенности» в экологическую нишу. Это связано с способами отображения ими окружающей среды и самих себя.

У животных нет рефлексии собственных психических состояний, подобно тому, как это свойственно человеку, нет столь же выделенного субъективного центра как человеческое Я, хотя, согласно новейшим данным зоопсихологии, организация субъективного мира высших животных весьма сложна и оригинальна (в ней есть и нечто подобное нашей «самости», а, главное, – такие качества, которых нет у нас, но были бы нам желательны). Поэтому результаты сопоставления человеческой и животной психики не укладываются целиком в привычные отношения сложного и простого, высшего и низшего. Многого в их психике мы пока не понимаем, из-за чего наше общение с животными ограничено и часто оказывается превратным (один из факторов экологического кризиса). Человек в своей гордыне все еще

возносится над «братьями меньшими», все еще «стесняется» признать себя животным, видя в этом нечто унижительное, противостоит живой природе, словно конкистадор. Расплата за это – неуклонно углубляющийся экологический кризис, который доходчиво демонстрирует нам судьбоносную биосоциальную проблему во всеем грандиозном масштабе. Наступила пора, когда человек должен понять смертоносность своей гордыни, признать себя скромной частью живой природы, стать ее прилежным учеником, чтобы нейтрализовать, преодолеть свои антиэкологические устремления. Если он хочет выжить – другого выхода нет!

Тема взаимоотношения человека и высших животных актуальна и многопланова. У последних есть индивидуальность, нечто весьма сходное с тем, что у людей именуется характером. У высших животных в соответствии с их видовыми различиями также имеется набор устойчивых психических и телесных свойств, определяющих особенности их поведения. Поэтому по аналогии с понятием «природа человека» можно говорить о «природе собаки», «природе кошки», «природе слона» и т.п. Было бы интересно провести тут концептуальное сопоставление.

Однако мы хотим обратить внимание на другой аспект этой темы, касающийся происхождения особенностей «природы человека». Биологическая эволюция в течение сотен миллионов лет шлифовала механизмы эффективной самоорганизации животных, что привело к возникновению психической формы отображения и управления. Это было связано с усложнением животного организма, состоящего из множества самоорганизующихся субсистем, обладающих определенными степенями автономности и подчиненности центральному управлению. Возникновение психики ознаменовало качественно новый этап в развитии сложных самоорганизующихся систем, так как представляло собой более эффективный способ выбора, актуализации и переработки информации, а вместе с тем прогнозирования и управления, по сравнению с допсихическим уровнем, т.е. чисто биохимическими механизмами самоорганизации, которые, естественно, целиком сохранились на уровне субсистем и составили субстратную основу самих психических процессов. Психика резко повысила способность прогнозирования и оперативность управления, расширив тем самым возможности приспособляемости к среде. Она явилась новым способом управления сложным организмом как целым, его поведением.

И тут следует отметить одно важное обстоятельство. Психическое управление (как управление целым) имеет прямой, непосредственный, моментальный доступ к внешним органам, но не имеет такого доступа к внутренним органам; управление последними носит опосредствованный характер (через программы подготовки и осуществления внешних действий) либо вообще оказывается неэффективным и невозможным (в большинстве случаев внутренние органы и их элементы целиком закрыты для прямого психического управления). Аналогично психика животного хорошо отображает внешние органы в их статике и динамике, но практически не отображает внутренние органы; она, соответственно, эффективно, весьма адекватно, детализированно отображает внешнюю среду животного и крайне слабо, лишь суммарно, в самых общих или фрагментарных проявлениях отображает его внутреннюю среду, внутреннюю деятельность организма, его внутренние структуры и процессы (ряд грозных изменений, нарастающих во внутренних органах человека, вообще не получают психического отображения).

Приведенные особенности психического отображения и управления вполне понятны, если учесть, что психика возникла в ходе эволюции как аппарат оптимизации поведения животного организма в его внешней среде, как дополнительное эффективное средство его выживания. В отличие от внутренней среды организма именно внешняя среда нестабильна, чревата неожиданными изменениями, грозящими гибелью, требующими немедленного адекватного отображения, быстрой реакции, целесообразных действий животного. Психический способ отображения и управления как раз и служит успешному решению этих задач.

По сравнению с внешней средой внутренняя среда животного относительно стабильна, в том смысле, что в ней мало «неожиданностей», управление на клеточном, органном и межорганном уровне хорошо отработано на предшествующих этапах эволюции, совершается как бы автоматически, надежно скоррелировано с характером внешних действий животного (повышение энергетики мышц, ускорение тока крови и снабжения легких кислородом и т.п.). Механизмы управления внутренними органами и процессами весьма надежны, как в состояниях покоя животного, так и при его разнообразных действиях. Кроме того, они настолько сложны, включая в себя разнообразные микро- и макропроцессы, настолько превышают воспринимаемую степень сложности внешней среды, что психическое отображение и управление здесь невозможно, если не считать общего, суммарного отображения состояния организма позитивного или негативного характера. (Когда мы говорим о гораздо меньшей сложности внешней среды, то имеем в виду ту сравнительно невысокую степень ее дискретизации, отображение которой достаточно для адекватного поведения животного; именно этой степенью сложности ограничивается разрешающая способность психики животных в форме чувственных восприятий.)

Таким образом, психика животных обнаруживает определенную асимметрию, которая становится все более заметной в восходящем эволюционном ряду. Психическая активность животного, в том числе его действия (деятельность), почти целиком устремлена во внешний мир, и она лишь в крайне малой мере обращена вовнутрь. Для животного, если так можно выразиться, это вполне нормально ввиду того, что его потребности, как уже отмечалось, постоянны, четко определены его генетической программой, а тем самым довольно жестко заданы цели его действий и объекты его окружения, с которыми он взаимодействует (т.е. его «мир» вещей и явлений, ограниченный определенной степенью дискретизации и соответствующей экологической нишей, в которую оно эволюционно вписано).

Возникновение человека с его сознанием представляет собой качественно новый уровень развития психики. Но человеческое сознание, будучи также продуктом эволюции, закономерно сохраняет фундаментальные свойства психики, общие и существенные свойства всякого психического отображения и управления. Оно сохраняет указанную асимметрию и резко углубляет ее. Мы остановимся на этом подробнее, так как данный вопрос является важным для понимания природы человека. Но прежде выскажем еще несколько соображений о происхождении человека как мыслящего и сознающего себя животного (живого существа – так звучит для уха приятнее).

Человек возник в результате уникальной цепи мутаций. В итоге при малосущественных изменениях его телесной конституции, внутренних органов и вегетативной нервной системы чрезвычайное развитие и усложнение получил головной мозг. Мы оставим в стороне бытующие метафоры о человеке как «ошибке эволюции», об «антропологической неадекватности человека», но должны обратить внимание на такое, в какой-то мере одностороннее, усложнение.

Это чрезвычайное усложнение относится не столько к элементному составу мозга и его общей массе, хотя и оно было весьма значительным, сколько к гигантскому функциональному усложнению на уровне мозговых нейродинамических структур, межнейронных связей, что создало качественно новый (по сравнению с животной психикой) уровень производства, переработки и использования информации. Здесь проявилась все та же фундаментальная направленность биологической эволюции в сторону наращивания информационной мощности самоорганизующейся системы. Соответственно, возникли новые кодовые формы хранения, преобразования и передачи информации (прежде всего – язык).

Суть нового качества человеческой психики, связанного с расширением функционального

диапазона мозговых нейродинамических процессов, состояла, говоря кратко, в способности такого оперирования информацией, при котором производится не только информация о внешних явлениях, но может неограниченно производиться информация об информации, и возможно не только информационное управление своими органами, но и управление самими информационными процессами. Это создает характерное для сознания «двойное» отображение, связанное с центрированием субъективной реальности в контуре «Я» – «не-Я», возможность абстрагирования, высокую степень свободы «движения» в сфере субъективной реальности, пробного прогнозирования, проектирования, моделирования будущего, творческих решений, не связанных с задачами сиюминутного выживания, возможность самополагания и волеизъявления. Вместе с тем такое гигантское возрастание возможностей активности, степеней свободы повлекло новые, специфически человеческие проблемы, так сказать, укоренения в бытии.

Прежде всего, новый уровень сложности требует адекватных средств управления. И, по-видимому, с самого начала в этом отношении обнаружился серьезный дефицит. Человек постоянно переживает то, что многие исследователи называют «кризисом сложности», ибо при необъятном числе возможностей и альтернатив налицо хронический недостаток критериев и оснований оптимального выбора.

У животных эта проблема решается отработанными в эволюции механизмами вероятностного прогнозирования и регулирования действий (в условиях сравнительно постоянного, практически не расширяющегося уровня сложности «мира» животных). Для колоссально расширившейся усложнившейся человеческой реальности эти механизмы оказались недостаточными. Хотя они и сохранили свое значение, но оказались неспособными справиться с зыбучей, неоглядной средой неопределенности, порожденной возросшей сложностью.

Следствием этого являются многочисленные, бросающие вызов нашей аутентичности механизмы компенсации, неустранимый иррационализм, эмпирическая неоправданность веровательных установок, амбивалентность, превалирование эмоциональных пусковых механизмов действий над интеллектуальными, невротические реакции, в конечном итоге – специфическая для природы человека психопатология.

Надо подчеркнуть, что проблемы, связанные с ростом сложности и, следовательно, неопределенности, со снижением управляемости, касаются не только внешнего мира человека и его деятельности (не говоря уже о социальных процессах, где это принимает характер бедствия), но и самого головного мозга. Биологическая эволюция в качестве главного способа повышения надежности использует избыточность (огромное количество икринок, мальков, из которых выживут единицы, огромное число функциональных элементов, из которых задействованы лишь несколько, а остальные – на всякий случай).

Этот способ повышения надежности во многом себя оправдывает (например, при инсульте погибают иногда многие миллионы нервных клеток, а функции мозга сохраняются или восстанавливаются за счет включения других нервных клеток и т.п.). Физиологи с гордостью пишут, что мы используем функциональные возможности мозга лишь на четыре процента – вот, мол, какой у нас потенциал. Это верно лишь частично. Дело в том, что мы не просто не используем столь гигантский резерв, но не можем, не умеем его использовать, не можем во многих случаях задействовать хотя бы его небольшую часть для более оптимального функционирования нашей психики (улучшение памяти, интеллекта, управление своими сильными эмоциями, волей и т.п.).

Биологическая эволюция плохо знает меру избыточности, она похожа на скредного накопителя. Однако чрезмерная избыточность имеет негативную сторону, так как ослабляет

механизмы поддержания целостности, создает тенденцию ухудшения управляемости, повышает вероятность ее срывов, что отмечали крупные биологи и физиологи (С. Н. Давиденков, Н. А. Бернштейн, Г. Ф. Хильми и др.). В сложных системах сомногими слабо контролируемые степени свободы чрезмерная функциональная избыточность создает «чрезмерную активность», чреватую явлениями хаотизации, «тенденцией к сумасшествию».

Здесь хотелось бы отметить еще два момента. Избыточность, как средство повышения надежности биологических систем, и ее чрезмерное проявление в головном мозгу, скорее всего, отражается и на некоторых сторонах человеческой природы. Это наводит на мысль о ее связи с частой встречающейся у людей тягой к чрезмерному накопительству, к избыточному потреблению.

Что касается «чрезмерной активности», то многие выдающиеся интеллектуалы, размышлявшие о природе человека (Платон, Августин, Достоевский, Ницше, Мечников и др.) подчеркивали присущее людям (в крайне малой или в очень высокой степени) некое разрушительное, нигилистическое, «бесовское начало». Это «начало», конечно, стимулируется определенными социальными условиями. Однако, пытаясь осмыслить многочисленные и всё нарастающие факты деструктивного поведения в современной общественной жизни, следует учитывать также и их биологические корни (особенно важны в этом плане результаты исследований по генетической детерминации преступных наклонностей).

Вернемся к вопросу о преемственности человеческого сознания с психикой животных. Выше мы пытались кратко описать существенное, можно сказать, фундаментальное свойство психики животных, состоящее в ее направленности во внешний мир, и отмечали, что оно сохраняется и на уровне человеческой психики. Это демонстрирует нам вся история человечества. Остается очевидным фактом, что, несмотря на первостепенную важность самопознания, отчетливо сознаваемую со времен Сократа, несмотря на ясную и весьма существенную зависимость познания внешнего мира от познания человеком самого себя, подавляющая по своим масштабам результативная познавательная активность была всегда направлена во внешний мир. В той же мере это относится и к практической, преобразовательной деятельности человека. Бросаются в глаза мизерные результаты самопознания и самопреобразования по сравнению с познанием и преобразованием внешнего мира. Здесь налицо вопиющая асимметрия. И она, конечно, имеет глубокие причины, лежащие в природе человека, который, обладая сознанием, продолжает действовать как животное.

Но если животное, располагая слабым и стабильным энергетическим потенциалом, ограниченным его биохимическими процессами, не нарушало, а, наоборот, поддерживало экологический баланс, то человек, развивший благодаря своему разуму производительную технологическую деятельность, достиг такой энергетической мощи, которая разрушает экологический баланс, всю систему живой природы, и он не может остановиться в этой своей самоубийственной деятельности. Тут явный парадокс. Таким образом, глубинное биологическое начало человеческой природы влечет к уничтожению земной биологической самоорганизации, к самоуничтожению. Напрашивается мрачная аналогия между отношением человеческого общества к системе земной жизни, с одной стороны, и отношением раковой опухоли к человеческому организму – с другой. Раковая опухоль – новообразование, состоящее из чрезмерно быстро развивающихся и размножающихся клеток, которые потребляют энергию окружающей их среды нормальных клеток и тем самым разрушают ее, это ведет к гибели организма, а вместе с ним погибает и сама опухоль. Таков один из наиболее тревожных аспектов биосоциальной проблемы.

И тем не менее прогноз фатального исхода является преждевременным. Он означал бы полную утрату веры в разум, в творческие возможности человека, т.е. полную утрату человеческого

достоинства. Да, действительно вектор самопознания и самопреобразования сильно укорочен по сравнению с вектором познания и преобразования внешнего мира.

Следствием этого была и пока еще остается колоссальная трата жизненной энергии на неподлинные цели, темнота смысловых ориентиров человечества, нарастание абсурда в личной и общественной жизни, разрыв между знанием и волей («знаю лучшее, но следую худшему»). Но сейчас, когда мы оказались в ситуации жесткой альтернативы, в ситуации борьбы за выживание – прямого действия этого бескомпромиссного биологического закона, – можно ждать резкой интенсификации творческих усилий в самопознании и самопреобразовании, в решении экологических проблем. Некоторые позитивные тенденции такого рода обозначились в последние десятилетия (успехи в познании биологической организации, прежде всего впечатляющие результаты генетики и геномики).

Нас должно обнадеживать, что на протяжении своей долгой истории живые существа проявляли поистине чудеса адаптации и приспособления, генерировали новые ресурсы жизнестойкости и выживали внеимоверно трудных условиях. А мы ведь тоже – живые, биологические существа, имеющие, однако, более широкий творческий диапазон и гораздо более разнообразные средства приспособления, чем животные. Биологической системе присуща фундаментальная способность напряжения сил в экстремальных ситуациях, их концентрирования в конкретном узком канале целереализации, что отчетливо видно у животных с развитой психикой. У человека такое возрастание целенаправленной активности выступает в форме упрочения веры в достижение цели и укрепления воли, которые питают творческую изобретательность. В этом плане можно говорить о творчестве веры и воли. Исторический опыт многократно демонстрировал, что именно вера и воля, творческая находка были решающими факторами победы, достижения желанной цели в казалось бы безнадежных ситуациях. Эти факторы всегда служили необходимой предпосылкой возможного успеха в условиях непредсказуемого развития событий. Поэтому нам нужно, несмотря ни на что, всемерно крепить нашу веру и волю – залог человеческого достоинства и жизненной силы, решительно противостоять нигилизму, скепсису и унынию, той эйфории «деструктивности» и «катастрофизма», которую нагнетает и подпитывает ныне заметная часть интеллектуальной элиты, постмодернистствующие фронтеры разнообразных оттенков. Человеческая природа противоречива. Наряду с отмечавшимися негативными свойствами и даже посредством них в природе человека коренится непреложная интенция утверждения жизни и противодействия смерти. Этот глубинный и неиссякаемый источник человеческого творчества еще способен сказать свое решающее слово.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СУДЬБЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Дубровский Давид Израилевич

Бурное развитие информационных технологий существенно изменило вкратчайшие исторические сроки всю систему массовых коммуникаций, значительно повлияло на содержание и формы социокультурной деятельности. Оно вызвало новые особенности массового и элитарного сознания, заметно способствовало усилению в нем иррационалистических тенденций. Я хотел бы остановиться на некоторых аспектах этой темы.

Начну с феномена «журнализма» в современной культуре, который я попытался выделить и описать в своих публикациях. Этот феномен выражает существенную черту начавшейся информационной эпохи – заметную деформацию культуротворческой деятельности в условиях колоссального роста потоков информации, числа ее производителей и участников коммуникаций, ускорения и умножения изменений социальной жизни, связанных с развитием информационных технологий. Неповторяя уже приводившихся описаний феномена «журнализма» в указанных публикациях, хочу отметить, что он проявляется и в философской продукции. «Спешащее», «ситуативное» журналистское сознание, жаждущее публичной экспозиции и новаций, дает здесь о себе знать в ослаблении теоретической интенции, заботы о концептуальной оформленности текста и концептуальной ответственности автора. Слишком велик удельный вес «версальности», «мнений», философической скорописи с ее ужасающей компилятивностью, когда из превеликого множества текстов очень трудно извлечь «сухой остаток». Дефицит концептуальности обычно сочетается с гиперкритицизмом и компенсируется релятивистским антуражем, игровыми стилистическими изысками, «публицистичностью». И, конечно же, первостепенное внимание уделяется оригинальной, привлекательной «упаковке». Всё это мы весьма часто видим у западных коллег, да и у нас – не столь уж редко.

В чем смысл и ценность философской деятельности? Зачем, для чего (и кого) мы думаем и пишем? Рефлексия этих вопросов сильно ослабела (вместе с чувством личной ответственности) – один из симптомов «журналистского» сознания и мышления. В наших коммуникациях редко встречается серьезное критическое внимание авторов друг к другу. Приведем в большом числе субъектов философской деятельности среди них трудно обнаружить тех, кто действительно создает устойчивые коммуникативные контуры, кто ставит проблемы и выдвигает основательные концепции, образующие притягательный центр коллективного обсуждения, предмет систематичной и продуктивной дискуссии (на западе, кстати, это наблюдается, – например, в кругу представителей аналитической философии).

Негативные проявления феномена «журнализма» связаны с размыванием критериев истинности, правды, подлинной ценности. Это влечет слом экспертных барьеров на пути тиражирования информации, особенно благодаря Интернету. Публикуется что угодно – малограмотный лепет, бредовые идеи, множество серых, компилятивных текстов, сработанных в той же «версальной» манере, когда ничего нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Философский масскульт! Полное торжество демократии, все равны: талант и энергичная посредственность, профессионал и самонадеянный дилетант, Академик РАН и «Академик высшей магии».

Эту ситуацию нужно рассматривать, конечно, в более широких контекстах. Один из них – разгул иррационализма и «магизма» в современной культуротворческой деятельности. Страна чудес: в России практикует почти полмиллиона магов, колдунов, гадалок, экстрасенсов, целителей и т.п.

(каково же число их клиентов!). Это – хорошо организованный рынок, на котором ежегодно оборачивается гораздо более миллиарда долларов. Есть на что покупать прессу, телевидение, которые пестрят рекламой оккультных услуг, изо дня в день зомбируют массовое сознание. И в этом принимает участие немалое число представителей так называемой интеллектуальной элиты.

На рынке оккультных услуг нарастает конкуренция и вместе с ней процессы институционализации. Только в Москве действует около сотни «Институтов», «Академий», «Школ», «Центров» черной и белой магии, целительства, экстрасенсорики. И чуть ли не каждый день возникают новые. Вот что заявляет о себе один из них под названием «БЕЗУАН» – «международный центр высшей магии, парапсихологии и целительства». «БЕЗУАН – это Академики оккультных наук, Магистры высшей магии, это единственные в России методики, разработанные совместно с “Кланом Английских Введьм”». «Только в центре БЕЗУАН выполняются следующие воздействия: Шабашный приворот. Вживание фортуны на линию судьбы. Переклад удачи, богатства (у Ваших знакомых отбирается, Вам отдается – по фото)», а также «возврат молодости», «наказание обидчиков» и «психологические семинары для дам: Как безоговорочно влюбить в себя любого мужчину» и т.п. Это – реклама из газеты «Центр plus», тираж которой 1 400 000 экземпляров (в номере опубликовано около 50 подобных объявлений):

Я привел один из множества примеров наглости заведомых шарлатанов, их полной безответственности. И это стало привычным, не вызывает сколько-нибудь заметной реакции у государства и общественности. Можно было бы привести большое число имен титулованных деятелей культуры (особенно из числа артистов, писателей и журналистов), которые вполне искренне или в корыстных целях рекламируют, пропагандируют, поддерживают оккультизм. Это как бы крайняя часть спектра «магизма» в современной культуре. Далее располагаются его более «сдержанные» формы, в которых акцентируются «неизвестное», «сверхъестественное», «чудесное» безпрямой рекламы практикующих магов и колдунов, но с привлечением религиозно-мистических учений. Еще далее мы видим некую смесь колонаучных и лженаучных воззрений (с философским уклоном) по поводу природы человека, резервных возможностей психики, парапсихологических феноменов, восточных практик (йоги и др.), выдающихся способностей отдельных личностей. К этой части спектра примыкает область, в которой размыты границы между наукой и псевдонаукой, чему способствует деятельность множества дипломированных ученых и некоторых философов, увлеченных паранаучными идеями. Здесь расстилается океан неопределенности – поприще скепсиса, растерянности, невротизма, всевозможных спекуляций, которым трудно что-либо противопоставить. Ведь нас донимают не только проблемы и псевдопроблемы, мы еще стоим над пропастью незнания о незнании (допроблемная ситуация!), и это всегда служило козырной картой иррационализма.

Наконец, за всем этим располагается то измерение культуры, в котором доминируют проверенные исторической практикой представления, научные подходы, критический здравый смысл, продуктивное воображение и реалистическое проектирование, где постоянно создаются опорные пункты для противостояния мракобесию, спиритуалистической эйфории, иррационалистическим поветриям, ловкому шарлатанству, обману.

Сказанное выше, конечно же, не претендует на роль некоей систематизации. Социокультурная реальность многомерна. Этого нельзя упускать из виду, ибо мы склонны выдавать за реальность в целом одно или несколько ее измерений, с которыми мы освоились. Отмеченные выше негативные явления касаются лишь некоторых измерений нынешней социокультурной реальности. Нечто подобное не раз уже бывало в истории, пусть не в таких масштабах. Иррационализм же всегда являлся неизбежным спутником рационализма и здравого смысла. Можно считать, что иррациональное (в смысле антирационального) выступает

неустранимым компонентом индивидуального сознания и поэтому всегда представлено и в элитарном, и в массовом сознании. Вопрос в том, каков его удельный вес, в каких формах оно выражается и каковы его конкретные социокультурные функции.

Здесь трудно вдаваться в анализ понятия рационального и его антипода. В самых общих чертах рациональное есть адекватно отображенное, целесообразное, логическое, разумное, обоснованное, причем обоснованное не только эмпирическими и теоретическими средствами в процессах познавательной деятельности, не только историческим опытом, но результатами биологической эволюции и антропогенеза – в них основания рациональности, создающей средства для формирования критериев реальности, которые позволяют отличать реально существующее от мнимого, «реально реальное» от виртуально реального, возможное от невозможного и т.п.

Иррациональное выражает хронический дефицит укорененности в бытии и выполняет, в частности, компенсаторную функцию, оно резкорасширяет свою представленность в культуре в смутные времена социальных кризисов. И оно связано, как правило, с неадекватными критериями и оценками реальности, несет деструктивный заряд. Да, оно присутствует в творческом процессе, но готовый продукт творчества, обладающий существенной социальной ценностью, есть новая, уникальная целостность и потому есть по сути своей рациональное качество, которое противостоит хаотичному, разлагающемуся, аморфному, субъективистскому, абсурдному.

В современной социокультурной реальности действительно сильно выражены тенденции деструкции, хаотизации, роста неопределенности – того, что многие связывают с феноменом децентрации сознания. Типичной реакцией на это является невротический алармизм, чрезмерный пессимизм, эдакое философическое уныние – знаковая поза «утомленного», «разочарованного» интеллектуала. Моя мысль до крайности проста. Ну, ладно: кризис, беда, угроза жизни! Что же должен делать тот, кто сохраняет человеческое достоинство? Обуздывать паникеров, помогать слабым, искать выход, напряженно думать, решительно действовать, поддерживать веру в творческие возможности, крепить волю.

Долг философа в такой ситуации – всемерно содействовать сохранению человеческого достоинства, ясности мысли, оптимистической перспективы, укреплению веры, силы духа, решимости преодолеть грозные кризисные явления. Другого не дано, если мы хотим сохранить земную цивилизацию. Роль философии – в творческих и жизнеутверждающих смыслах и ценностей, в противостоянии разрушительным тенденциям и абсурду. Тем самым философия может способствовать созиданию духовной силы. Дефицит воли – характерная черта нынешней интеллектуальной элиты, а без высоконапряжения духовных сил нельзя глубоко мыслить даже при наличии таланта. Как часто мы видим, что талантливый человек ничтожен как личность.

В этой связи следует сказать несколько слов о постмодернизме, который явился провозвестником начавшейся информационной эпохи и выразил реакцию на ряд ее негативных особенностей. Не думаю, что эта реакция была адекватной. Оголтелый релятивизм, скепсис, нигилизм, эпатажирующая манера самовыражения – характерные черты невротического сознания. И это в сочетании с концептуальной худосочностью, которая со временем всё более бросается в глаза.

В Саратове вышла оригинальная книга, посвященная М. Фуко. Ее автор Дмитрий Михель, проделал кропотливую работу, поставив своей целью упорядочить и дискретно, в лаконичной форме представить те позитивы, те основные положения, которые содержатся почти во всем массиве текстов Фуко. Автором выделено 318 пронумерованных пунктов. Это квалифицированная сводка мыслей и новаций Фуко, хорошее подспорье при анализе и оценке

его творчества. Я утверждаю, что в указанной сводке не представлены сколько-нибудь существенные концептуальные новации. Есть, конечно, интересные ходы мысли, постановки вопросов, обобщения эмпирического материала. Но вместе с тем множество повторений пройденного, общеизвестного, «упакованного» в новые, затейливые термины, множество метафор и метаметафор, расплывчатых постулативных утверждений, используемых для «объяснения», не говоря уже об одиозных суждениях.

За последнее десятилетие философия постмодернизма на Западе сильно поблекла. У нас она тоже не слишком влиятельна. Однако в культуре творческой деятельности (прежде всего в искусстве, литературе, кино), в сфере массовых коммуникаций велико влияние, так сказать, идеологии и психологии постмодерна, которые питают релятивизм, нигилизм, разгул измененного субъективизма, упаднические настроения и деструктивные интенции. Иногда задают вопрос: а что мы можем противопоставить постмодернизму? Как будто в философии и в системе культуры ему ничего не противостоит. Известно, что многие направления западной философии находятся в жесткой оппозиции к постмодернизму. Это относится и к теоретическим разработкам многих российских философов.

Хочу еще раз коснуться вопроса о децентрации субъекта, который является одним из наиболее значимых для постмодернизма. Он большей частью выражается слишком абстрактно. Теоретическое клише «децентрации» относится к весьма неопределенному «субъекту», который не имеет ясных логических связей с реальным многообразием «эмпирических субъектов», с надличностными субъектами разного уровня и плана (групповым, профессиональным, конфессиональным, национальным и т.п., не говоря уже о таких особых планах, как «гносеологический субъект» или «праксеологический субъект»).

Надо признать, что на фоне современных гносеологических проблем классические абстракции «субъекта» обнаруживают существенную недостаточность. Трансцендентальному субъекту, конечно же, нельзя приписывать децентрированность. Понятие трансцендентального субъекта есть теоретическая конструкция (вводимая постулативно), но она должна иметь основательную эмпирическую интерпретацию. А здесь как раз обнаруживается серьезный разрыв. В этом, как я думаю, проявляется недостаточность классической гносеологии, зацикленной на внешнем объекте и выносящей за скобки субъективную реальность эмпирического индивида (весьма поучительна в этой связи критика Гуссерлем кантовского трансцендентализма).

Между тем именно субъективная реальность есть первооснова всякой познавательной деятельности и должна служить объектом гносеологического анализа в качестве необходимого условия основательного познания внешнего объекта, ибо даже простейшее отображение внешнего объекта включает самоотображение субъекта. Другими словами, нужна специальная разработка гносеологии субъективной реальности как необходимой составляющей современной теории познания, способной удовлетворять нуждам информационного общества (которое резко обострило проблему самопознания!).

Современный этап развития цивилизации воочию демонстрирует существенную зависимость познания внешнего мира (в отношении его целей, способов и результатов) от самопознания, те грозные последствия, к которым ведет (и уже привел) дефицит самопознания в познавательной и преобразующей деятельности. Эта вопиющая асимметрия в познавательной и преобразующей деятельности и составляет глубинный источник децентрации.

Однако феномен децентрации относится не столько к собственно гносеологическому субъекту в его классическом выражении, сколько к сиологическому и праксеологическому субъектам. Точнее, классические абстракции гносеологического субъекта, «очищаемые» от параметров ценности и активности, не способны выражать, описывать, объяснять те структурные и

содержательные изменения, которые связывают феноменом децентрации сознания.

Теоретически корректное описание сознания вообще и децентрации сознания в частности должно производиться в четырехмерной категориальной системе: 1) онтологического, 2) гносеологического, 3) аксиологического и 4) праксеологического (активность, интенциональность, воля и т.п.), с учетом того, что они взаимополагаемы, но не редуцируемы друг к другу.

Нередко феномен децентрации истолковывается преимущественно в аксиологическом плане, в смысле инфляции ряда высших ценностей, падении их управляющей, организующей, центрирующей роли в динамической структуре индивидуального сознания, и затем это приписывается некоторому массовому субъекту (не вполне определенному). Таково в общих чертах расхожее клише «децентрации сознания». Это клише произведено западными интеллектуалами для «западного сознания», но явно или неявно подразумевает «всякое сознание», создавая недоразумения. Вряд ли, например, имеет смысл говорить о децентрации «китайского» сознания. Да и к широкой массе западных обывателей (и тем более российских) такая характеристика не подходит, их сознание весьма хорошо центрировано, особенно у россиян, насущными жизненными нуждами. Хотя феномен децентрации действительно заслуживает серьезного внимания, надо учитывать склонность интеллектуальной элиты проецировать свое самоотображение на остальных.

Весьма актуально осмысление противоположного децентрации феномена суперцентрированного сознания. В мире нарастают волны экстремизма разного толка, представители которого демонстрируют параноидальную центрацию сознания, создаваемую некоторой сверхценной идеей. Это характерно для воинствующего мусульманского экстремизма. В таком сознании выражена иерархическая организованность, оно сужено, целеустремленно, обладает высокой действенной энергетикой, которая впечатляет на фоне «сытого», «дряблого» «западного сознания». Религиозный или революционный фанатизм нам хорошо знакомы; то и другое иногда сочетается, создавая кумулятивный эффект, как мы видим это у идейных мусульманских террористов, у зомбированных шахидов.

Важно отметить, что когда речь идет о децентрации сознания, нередко остается неясен не только субъект, которому приписывается это качество, но и то, в каком смысле и в каком отношении оно берется. Аспект децентрации присущ «всякому сознанию» (сознанию любого человека), ибо «Я» постоянно «раздергивается» множеством интенций, потребностей, информационных стимулов, ролевых игр и т.д., но в то же время оно столь же постоянно осуществляет рецентрацию, сохраняя свою идентичность. Мы располагаем мощными механизмами самоорганизации психики, которые непрерывно поддерживают идентичность-центрированность «Я» и нарушаются лишь в глубокой патологии. Это – только одна сторона вопроса о децентрации, правда весьма актуальная.

Указанные фундаментальные механизмы психики, выработанные в ходе эволюции и антропогенеза, включают первичные критерии реальности и вероятностной оценки. Их нарушение чревато дезорганизацией и гибелью. Развитие информационного общества как раз и создает существенные угрозы этим фундаментальным механизмам самоорганизации Я. Компьютер, Интернет, электронные средства массовых коммуникаций наращивают все новые этажи виртуальной реальности. Человек живет в ней и ею. Будучи особой формой бытия, виртуальная реальность формирует новые потребности, гедонистические ориентации, фобии, роли и позы, игровые образы собственного Я.

Возникает параллельная квазиз жизнь со своими критериями реальности, что порождает своего рода раздвоенность сознания, ценностно-смысловую, экзистенциальную децентрацию, перед которой пасуют обычные компенсаторные способы рецентрации (актуальное действие

компенсирующего эффекта становится кратким и не достигает диспозиционного уровня).

В итоге нарастает состояние неопределенности не только на уровне оценки текущей информации, но и на самом критериальном уровне, т. е. нарушаются, «размываются» те основания, благодаря которым можно нечто принять или не принять, во что-то поверить или не поверить, происходит резкое снижение критериальных (а тем самыми критических) регистров определенности. И в то же время усиление такого рода децентрации сочетается с усилением центрации средств массовых коммуникаций (их концентрации в руках небольшого числа субъектов – индивидуальных или институциональных). Попробуйте возразить телевизионному оракулу, провозглашающему свои откровения миллионам. Резкое углубление коммуникативной асимметрии создало небывалые возможности для оперативной манипуляции массовым сознанием.

Это проблемы не только социально-психологического и социально-политического, но, безусловно, и антропологического характера. Они – следствие выдающихся достижений в области информационных технологий, средств и способов коммуникации. Ничего особенного: выдающиеся достижения создают выдающиеся проблемы, для решения которых нужны новые выдающиеся достижения и т.д. Замкнутый круг, из которого, скорее всего, нет выхода. Но ведь это составляет суть биологической и социальной самоорганизации.

Целью и результатом самоорганизации является сохранение, поддержание целостности, жизнеспособности системы (в экстремальных условиях путем включения резервных ресурсов саморегуляции, в итоге – путем эволюции). Исторический опыт позволяет верить, что ресурсы самоорганизации останутся значительными и что сознательная деятельность способна их увеличивать. Это относится к функциональным возможностям головного мозга и организма в целом, к экологическим системам и земной социальной самоорганизации. Мы находимся в начальной стадии информационного общества. Компьютерная революция набирает все новые обороты, бурно развиваются Интернет-технологии и робототехника, невиданные перспективы открываются генной инженерией и нанотехнологией. Человечество обретает новые, поистине колоссальные возможности. Но как оно ими воспользуется? Какую цепную реакцию новых, еще более масштабных проблем вызовет их практическая реализация?

Стратегическая, судьбоносная задача состоит в том, чтобы сохранить контроль над размножением этих новых проблем. А это возможно лишь на основе преодоления того типа ментальности, который господствовал в индустриальную эпоху, ментальности, возводившей в высший ценностный ранг новацию саму по себе (с ее количественными параметрами: еще больше, дальше, выше, быстрее и т.п.). Здесь мышление творца новации отключено от осмысления ее возможных негативных последствий и ответственности. Наше время настоятельно требует развития нового типа научного мышления, нацеленного в равной мере как на производство новации, так и на оценку ее последствий негативного характера.

ЧЕЛОВЕК И КОМПЬЮТЕР: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Дубровский Давид Израилевич

За последние пятьдесят лет человеческое общество неузнаваемо преобразилось. Незаметно мы оказались в новых условиях, создаваемых информационной цивилизацией и пока еще не успели это глубоко прочувствовать и осмыслить. Компьютерная революция, Интернет, бурное развитие информационных технологий качественно изменили объекты и способы человеческой деятельности. Вот несколько иллюстраций. К 1900 г. в индустриально развитых странах 95% трудоспособного населения занималось физическим трудом. К 1945 г. в США – уже только 70%, а остальные – обработкой информации; к 1980 г. – 50%. В течение последних 20 лет произошел особенно резкий скачок – в сфере обработки информации в США занято сейчас примерно 90% трудоспособного населения. Чтобы число пользователей радиоприемником (со времени его изобретения) достигло 50 миллионов человек понадобилось 40 лет, телевизором – 13 лет, Интернетом – 4 года. Поток информации в Интернете удваивается примерно каждые 100 дней, т.е. на 700% в год.

Масштабы и темпы преобразований, новые степени свободы и способы коммуникации, небывалая власть виртуальных миров бросают вызов не только нашему мироощущению, привычным системам норм и ценностей, но, без преувеличения, самой природе человека, его биологической организации. Имеются в виду прежде всего генетически заданные пространственно-временные параметры человеческой психики (хронотопоса) и связанные с ними возможности адекватного отображения собственной двигательной активности, а также объемы восприятия и переработки информации, границы управленческих возможностей нашего «Я» и способности поддержания его идентичности.

Мир онлайн-ролевых игр существенно изменяет привычные формы самоотображения и самопроектирования, позволяет безгранично раздвигать рамки виртуальных возможностей, стать «всемогущим», побывать в роли «Бога» – Великого Управляющего Событиями и Судьбами. В появившихся недавно Центрах виртуальной реальности вы можете получить свой «дубль», живущий в виртуальном пространстве, стать одновременно зрителем и участником фильма, «раздвоиться». Через 2–3 минуты у человека в таких условиях наблюдаются нарушения двигательной моторики. Поэтому сеанс ограничен двадцатью минутами – через 25–30 минут у него возникают стойкие нарушения двигательных рефлексов.

Благодаря Интернету, электронным средствам массовых коммуникаций неуклонно нарастает «виртуализация жизни». Эта квазиз жизнь, особая форма бытия, в которую все глубже погружается современный человек, формирует новые потребности и гедонистические ориентации, задает свои критерии реальности, которые проецируются на подлинную реальность. Это порождает своего рода раздвоенность сознания, усиливает тенденции иррационализма и релятивизма, влечет масштабные социальные следствия. «Раздвоение между двумя реальностями, между двумя формами бытия означает не только трудности психологического плана, но и необходимость новой социализации» [1, с. 84]. А вместе с ней и необходимость новых способов управления и социального регулирования.

«Виртуализация жизни» включает новые степени «удаления» от подлинной реальности. Теперь уже не только актер изображает некоего персонажа, а и его цифровой двойник. Профессия актера под вопросом. Скоро оцифрованная Марлен Дитрих исполнит новые роли; с ее родственниками подписан контракт сроком на триста лет. Еще в 2000 г. вышел фильм «Финальная фантазия: духи внутри нас», в котором впервые цифровые клоны полностью заменили актеров. Разница между анимацией и игровым кино исчезла. Но дело не

ограничивается кино. Началось виртуальное клонирование ныне живущих личностей, политических деятелей. Завтра на экране телевизора мы можем увидеть Жириновского, который объявляет, что принял мусульманство и избран президентом Египта.

Информационные технологии позволяют создавать все более изощренные формы виртуальной реальности, конкурирующие по своей значимости и действенности с подлинной реальностью. Экзистенциальные константы реальности, вместе с ними и естественные механизмы мозга, ответственные за поддержание самоорганизации нашего «Я», оказываются под угрозой. Эти глубинные, фундаментальные регистры психики, сформированные в процессе биологической эволюции и антропогенеза, выступающие на чувственном и интуитивном уровнях, имеют в своей основе мощную бессознательную базу переработки информации. Они ответственны за исходные различия действительного и кажущегося, того, что есть, и того, чего нет, задают, так сказать, первичные критерии реальности, санкционируют решимость к действию и сами действия; их нарушение ведет живое существо к неминуемой гибели. Никогда еще в истории человечества эти фундаментальные регистры психики не подвергались столь серьезным испытаниям. Такова плата за прогресс в информационном обществе, развитие которого нагромождает все новые острейшие проблемы социального, экономического, психологического, экзистенциального характера, ставит уже не только для отдельной личности, но и перед всем человечеством задачу выживания.

Однако, несмотря на множество негативных следствий, отмечаемых в индивидуальном и массовом сознании (это требует отдельного рассмотрения), мы еще вправе говорить о колоссальных ресурсах мозга, огромных адаптивных возможностях психики и поддерживать оптимистическую перспективу. Оставаясь реалистами, мы во что бы то ни стало, при любых обстоятельствах обязаны надежно охранять эту перспективу, крепить силу духа, веру в творческие способности разума, твердо противостоять паникующим алармистам, столь модным в среде новоявленной интеллектуальной элиты, тенденциям разнузданного релятивизма, нигилизма, иррационализма. В противном случае... будет гораздо хуже.

Тем не менее вопрос остается открытым. Не исключено, что нам придется пережить полосу экономических, социальных и экзистенциальных катаклизмов, прежде чем мы научимся ставить под контроль стихию развития информационных технологий и их практического использования, выработаем разумную стратегию самосохранения и саморазвития. Теоретически возможны и более мрачные сценарии будущего, и крайне маловероятные варианты – вовсе непредполагаемые ныне результаты (как отрицательные, так и положительные) развития информационной цивилизации.

Компьютерная революция продолжается, набирает все новые обороты. Ее талантливые творцы охвачены конкурентным состязанием, в их ментальности преобладают все те же устремления прошлой, индустриальной эпохи, даже, я бы сказал, извечные спортивные категории массового сознания: еще больше, еще дальше, выше, быстрее, экономичнее.

Ажиотаж частных целей и задач отодвигает, как всегда, на задний план стратегическое осмысление совокупного результата, баланса достижений и вызываемых ими проблем. Вот-вот уже компьютер будет выполнять миллиарды миллиардов операций в секунду, новые технологии памяти позволяют наращивать гигантские объемы информации, плотность транзисторов в микросхеме удваивается каждые полтора года – этот «закон Мура», как полагают, будет действовать еще минимум 10 лет. Двоичная электронная логическая схема, однако, недостаточна; на повестке дня квантовые компьютеры, способные обеспечить качественно новый уровень накопления, оценки и переработки информации. На базе компьютера монтируются миниатюрные устройства, совмещающие в себе функции мобильного телефона, телевизора, органайзера, управления домашними бытовыми приборами и т.д. и т.п. Создана

универсальная беспроводная связь. Теперь к Интернету можно подключиться, находясь в любой точке Земного шара. А сам Интернет захватывает свою сеть всё большее число пользователей компьютером, в США им уже охвачена более половины населения. Посредством Интернета сотнями тысяч и миллионы компьютеров могут объединяться в единую систему для решения сверхсложной задачи. Это называется метакомпьютингом, позволяет создавать гигантскую вычислительную мощность. Так, в проекте поиска внеземных цивилизаций объединились со своими компьютерами полтора миллиона добровольцев.

В сущности, Интернет – это всемирный суперкомпьютер, наиболее яркое выражение процессов глобализации. В нем представлены все континенты, государства, нации, культуры. Это вместе с тем всемирный универсам и всемирное агентство по оказанию каких угодно услуг – от финансовых и охоты на крокодилов до порнофильмов. Специалисты обещают нам, что к 2010 году Интернет проникнет во все сферы человеческой жизни.

Открыты невиданные возможности межличностных коммуникаций и самовыражения. Каждый может учредить свой сайт, публично, на весь мир заявить о себе, выступить в роли писателя, философа, журналиста, «учителя», «пророка», «чудотворца», пуститься в плавание по бескрайнему океану информации в поисках необходимых сведений, развлечений, знакомств, дружбы, любви, дивидендов, славы, своей «земли обетованной». Это – уже новый тип общения и новый тип общества, раньше такого человечество не знало.

Членство в Интернете становится атрибутом современного человека. Для этого ему нужен компьютер и умение общаться с ним. Компьютер – посредник во взаимодействиях человека с другими людьми, техническими, экономическими, социальными системами, с земной природой и космосом. Этот, сейчас уже неустранимый, посредник обладает весьма сложным внутренним устройством, которое, как правило, не контролируется пользователем: последний знает лишь вход и выход. Обретая посредством компьютера огромную дополнительную мощь (деятельную, коммуникативную, интеллектуальную), человек становится в такой же степени зависимым от состояния этого посредника. Подобная зависимость человека от орудия, вещи, машины, которой он пользуется, извечна. Разница – в масштабах и возможных последствиях этой зависимости. Хочется повторить: опытный ум уже не испытывает прежней эйфории от выдающихся достижений. Новые выдающиеся достижения означают новые выдающиеся проблемы. Для их решения нужны новые выдающиеся достижения и т.д. Таков замкнутый, но быстро расширяющийся круг человеческого бытия – проза и поэзия, трагизм и комедия жизни, сохранение которой требует поддержания, укрепления силы духа. Эта философская сентенция – всего лишь общее место; и, тем не менее, ее смысл приобретает в наше время судьбоносное звучание. Именно под таким углом зрения перед нами встает проблема взаимоотношения (общения, взаимодействия) человека с компьютером – орудием мышления, труда и управления, этим монстром, которого мы открыли в самих себе и выпустили во внешний мир, где он становится все более капризным и независимым.

Названная проблема – многопланова, она представляет в сущности один из аспектов человеческого самопознания и самосовершенствования. Наша теоретическая мысль не поспевает за бурным развитием компьютерной практики. Уже сейчас способы взаимодействия с компьютером далеко выходят за рамки нажатия клавиш. Успешно разрабатываются технологии речевого общения с компьютером и восприятия им написанного от руки текста. На очереди распознавание жестов и мимики. Скоро компьютер станет квалифицированным синхронным переводчиком.

Один из актуальнейших аспектов проблемы – прямое подключение компьютерного устройства к мышцам, внутренним органам, нервным узлам и непосредственно к головному мозгу. Недавно профессор одного из американских университетов устроил шоу. Он вживил себе на несколько

дней в мышцу руки чип, связанный с компьютером, управлявшим включением электричества, открыванием дверей, штор, запуском кондиционеров в здании университета, и как бы мысленно производил соответствующие действия – к восторгу студентов.

Создан искусственный глаз – компьютерное устройство, которое преобразует изображение в нервные импульсы, посылаемые в мозг посредством вживленных электродов. Благодаря этому уже несколько тысяч слепых обрели способность видеть. Перспективы такого симбиоза в медицинских целях очевидны. Особенно это относится к уже оправдавшей себя практике имплантации электронных чипов для восстановления функций отдельных органов (сердечный стимулятор, искусственное ухо и др.). Открываются возможности и для решения многих задач другого рода, в том числе фундаментального характера – в плане совмещения и сближения принципов переработки информации мозгом и компьютером (которые пока остаются качественно различными).

Уже сейчас благодаря компьютерной технике возможно воспроизводить, точнее, имитировать практически все основные чувственные модальности – от зрительных образов до обоняния. Что касается слуховых и зрительных ощущений и восприятий, то достижения в этих областях хорошо известны. С помощью компьютерной голограммы создаются впечатляющие трехмерные изображения. В выставочном зале Лас-Вегаса демонстрируют эффектное зрелище: во время осмотра экспозиций вдруг появляются и начинают расхаживать динозавры в натуральную величину, от которых шарахаются посетители.

Соответствующие устройства, управляемые компьютером, могут воспроизводить примерно половину доступных человеку запахов. Решена, в принципе, проблема имитации вкусовых ощущений. В последние годы компьютер далеко продвинулся в имитации осязания. Созданы специальные экраны для слепых, не говоря уже о более простых устройствах (например, электронные перчатки, которые надевает играющий в звездные войны, чтобы ощущать с обратной связью штурвал звездолета).

Все эти достижения в области имитации чувственных модальностей ставят ряд глубоких и острых теоретических вопросов, касающихся взаимоотношений человека и компьютера. Остановлюсь лишь на некоторых из них.

Пожалуй, самый важный вопрос возникает при сопоставлении продукции компьютера и способов его действий с психическими процессами человека. В общей форме он звучит так: в чем сходство и различие функций, осуществляемых компьютером и мозгом?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо выделить, по крайней мере, три типа функций, связанных

1. с чувственными отображениями (ощущения, восприятия, представления),
2. эмоциональными состояниями
3. когнитивными операциями (вычисления, анализ, систематизация, решение задач и т.п.).

Чувственные отображения у человека осуществляются в форме явлений субъективной реальности. Зрительное или слуховое ощущение вызывается действием определенных физических факторов, но само качество субъективного переживания генетически задано человеку устройством его нервного аппарата, который кодирует внешнее воздействие на рецептор и затем передает информацию в головной мозг, на уровне которого и возникает нейродинамический акт, переживаемый человеком в виде ощущения.

Зрительное восприятие есть результат интеграции многих зрительных ощущений. В результате, я вижу сейчас, например это дерево. На экране компьютера (или телевизора) может быть изображено это дерево, что является результатом перекодирования

соответствующей информации. В данном случае передо мной не реальное, а виртуальное дерево, но его изображение воздействует на мои зрительные рецепторы и производит примерно то же субъективно переживаемое мной восприятие. Информация, содержащая образ этого дерева, может быть воплощена в самых разных кодовых формах (например, записана на диске компьютера) и затем декодирована, снова развернута в виде образа.

Так же обстоит дело и с другими чувственными модальностями. Компьютер кодирует вкус сахара в виде «распечатки», воздействующей на мои вкусовые рецепторы и способной вызывать ощущение сладкого, т.е. тот же результат, что и химические свойства сахара. Поэтому, когда мы говорим об имитации компьютером чувственных модальностей, у нас нет ни малейших оснований приписывать ему ощущения или восприятия. Компьютер содержит информацию о дереве или о вкусе сахара, но ему не присуща субъективная представленность этой информации для себя. Он есть устройство для кодирования, переработки и декодирования информации в форме удобной для использования человеком или созданной им технической системой. В равной степени компьютеру нельзя приписывать эмоциональные состояния или чувство боли.

Что касается когнитивных операций, то в этом отношении сопоставление мозга и компьютера требует дополнительного анализа. Компьютеру, конечно, нельзя отказать в том, что он действительно выполняет когнитивные операции, присущие мышлению. Некоторые из них он выполняет гораздо лучше человека. Компьютер обыграл Каспарова, которому пока так и не удалось взять реванш. Расшифровка генома человека, ряд других выдающихся достижений науки последних десятилетий были бы невозможны без использования аналитической и вычислительной мощи компьютера.

Однако всего этого недостаточно, чтобы приписывать современному компьютеру способность мышления, если последнее понимать в полном объеме его существенных признаков, не сводить его к логическим операциям, технологии решения задач, чисто «содержательному» (информационному) контексту. Реальное человеческое мышление есть явление субъективной реальности (взятой в ее рефлексивном и арефлексивном, актуальном и диспозициональном измерениях), оно включает чувственные и интуитивные составляющие, факторы воображения, надежды, веры и воли (которые заведомо отсутствуют у компьютера), наконец, реальные акты мышления осуществляются данным конкретным «Я» и несут на себе его индивидуальную, личностную печать.

«Удобная» компьютерная абстракция «мышления» исключает указанные существенные свойства. Но даже в оперативном плане человеческое мышление далеко не совпадает с компьютерным. Мозг осуществляет переработку информации отнюдь не по двоичной логической схеме, его логика скорее похожа на многозначную логику, в которой число значений истинности есть величина переменная. Мозгу присущи функции вероятностного прогнозирования и вероятностной оценки, весьма эффективные способы сжатия информации, выборки нужных элементов из памяти, эвристического синтеза и многие другие операции, не свойственные компьютеру. Поэтому, когда задают сакраментальный вопрос «может ли машина мыслить?», то ответ прост: не может (по крайней мере, пока не может). Этот вывод эмпирически очевиден.

Я сделал акцент на различиях, поскольку среди теоретиков когнитивной психологии и близких к ним по духу философов, а также среди популяризаторов науки в большинстве случаев акцент ставится на общем, качественные различия затушевываются, создается впечатление, что еще чуть-чуть – и компьютер обретет человеческое сознание.

Между естественным и искусственным интеллектом пока сохраняется очень большая

дистанция. Она может отсчитываться не только от мозга к компьютеру, но и наоборот (некоторые виды интеллектуальной деятельности компьютер выполняет несравненно лучше мозга). Мыслим такой путь развития искусственного интеллекта, при котором останутся многие указанные качественные различия, но мы получим новый тип интеллекта, превосходящий по большинству показателей наш собственный.

Вместе с тем утверждение, что будущие компьютеры смогут научиться мыслить по-человечески, является теоретически допустимым. Это обусловлено парадигмой функционализма, которая лежит в основе теоретических построений кибернетики, широкого круга научных дисциплин, имеющих своим предметом самоорганизующиеся системы, компьютерные технологии, переработку информации. Выдающийся математик А. Тьюринг обосновал принцип изофункционализма систем, суть которого в том, что один и тот же набор функций может быть воспроизведен различными по своему субстрату, по своим физико-химическим свойствам системами. Хорошо известна «Машина Тьюринга» – так называется его теория, убедительно доказывающая нередуцируемость функционального описания систем к их физическому описанию. Соответственно, при обсуждении проблем соотношения искусственного и естественного интеллекта широко используется так называемый «Тест Тьюринга»: если принято, что функции, выполняемые некой системой, считаются разумными, то эта система должна быть признана разумной.

Логически, теория Тьюринга безупречна, и парадигма функционализма заслуживает, на мой взгляд, полной поддержки, поскольку противостоит установкам радикального физикализма, которые не отвечают задачам исследования информационных процессов. Это определяется фундаментальным принципом, который я называю принципом инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя (одна и та же информация может быть воплощена и передана физическими носителями, имеющими разную массу, энергию, разные субстратные, пространственные и временные характеристики; одна и та же информация может кодироваться по-разному, что очевидно).

Указанный принцип инвариантности лежит в основе теоретического объяснения устройства и функционирования самоорганизующихся систем, поскольку в них результат управления определяется кодовыми зависимостями, информацией как таковой (а не чисто физическими факторами – величиной массы, энергии и т.п.). Принцип инвариантности не встречает эмпирических опровержений и в ряде существенных соотношений подкрепляет теорию Тьюринга.

Однако, «Тест Тьюринга», рассматриваемый как следствие из его теории, допускает различные интерпретации, и некоторые из них сомнительны. Прежде всего это относится к пониманию того, что именуется «разумным». Этот термин не имеет достаточно определенного значения и чаще всего подразумевает рациональное, логически правильные операции, эмпирически подтверждаемые положения, действия, которые соответствуют определенной цели, служат для ее достижения. Но в таком смысле функции двигателя моей автомашины вполне разумны и сам он должен быть назван разумным. Любая машина есть воплощенная человеческая программа, задающая цели и действия для их реализации. В этом отношении компьютер по сути не отличается от самой простой машины, он тоже светит лишь отраженным светом человеческого разума.

Настоящий, т.е. человеческий разум (ибо другого мы не знаем, хотя и признаем возможность существования во Вселенной иных видов разума), предполагает сознание, субъективную реальность, столь знакомую каждому из нас¹. Допускается, что можно сконструировать сложное самоорганизующееся устройство, обладающее основными деятельными функциями человека, но вместе с тем лишенное сознания (хотя это вызывает серьезные сомнения). Западные

теоретики называют такого мыслимого деятеля «зомби». Используя этот термин, некоторые из них стремятся показать слабость функционалистского подхода к проблеме сознания. Действительно, «Тест Тьюринга» не дает критериев для определения «другого сознания», т.е. наличия или отсутствия сознания (и вообще субъективной реальности) у другого живого существа (и шире – у другой самоорганизующейся системы).

Здесь требуются дополнительные средства для понимания специфики субъективной реальности, психической формы отображения действительности и управления организмом. Хотя мы точно не знаем, когда именно в эволюционном ряду возникли первые проблески психики, намясно, что это было связано с задачей выживания усложняющегося организма, т.е. создания эффективного способа отображения им внешней действительности и управления собой. Для этого в процессе эволюции формируется специальный аппарат – нервная система, и мы видим в дальнейшем четкую корреляцию между развитием нервной системы и развитием психики (равнозначным расширению диапазона активности животного). Психическая форма отображения и управления, выступающая для живой системы в виде ее субъективной реальности, представляет собой чрезвычайно удобный, экономичный, высокооперативный способ получения, переработки и использования информации в целях управления. Это вместе с тем – способ эффективной централизации управления многосложным целостным организмом, его действиями во внешней среде, централизации, которая интегрирует нижележащие уровни управления (в клетке, комплексах клеток, отдельных внутренних органах), сохраняя их относительную автономию.

В ходе антропогенеза произошло качественное развитие психического способа отображения и управления – возникло сознание, отличительная черта которого состоит в том, что психическое отображение и управление само становится объектом отображения и управления. Это по существу способность неограниченного производства информации об информации. Человеческая субъективная реальность есть информация, данная индивиду как бы в чистом виде – в силу элиминированности в ней ее носителя (мы не знаем, что происходит в нейродинамических системах нашего мозга, когда испытываем ощущения, чувства, думаем, фантазируем и т.п.) и вместе с тем есть способность оперировать этой информацией с высокой степенью произвольности (что и знаменует новый уровень мозговой самоорганизации у человека в сравнении с животными).

Нахождение критериев диагностики явлений субъективной реальности у другого существа возможно путем решения проблемы расшифровки мозговых нейродинамических кодов информации, представляемой индивиду в виде явлений его субъективной реальности. Эта задача носит герменевтический характер, она стоит на повестке дня после расшифровки кода ДНК и генома человека.

Таким образом, человеческая субъективная реальность, сознание, не просто некий эпифеномен мозговых процессов, а выражение специфического, качественно особого уровня и способа переработки, производства и использования информации в самоорганизующейся системе. Поэтому прямые аналогии между мозгом и компьютером нередко оказываются неадекватными. По той же причине субъективная реальность оказывается неуловимой для привычных функционалистских методов, опирающихся на описание внешних действий системы, ее реакций (типично бихевиористский ход мысли!). Тем самым определяется недостаточность и «Теста Тьюринга».

Однако, всё сказанное выше не отменяет утверждения, что сознание (поскольку оно, в принципе, допускает функциональное описание) может быть присуще не только человеку, но и сложным самоорганизующимся системам, состоящим из других по своим физико-химическим свойствам компонентов (т.е., что качество сознания зависит именно от функциональной

организационные системы). Следовательно, нельзя отрицать, что будущие компьютеры и оснащенные ими роботы смогут стать сознательно мыслящими.

Здесь, правда, наш оптимизм должен аккуратно дозироваться, сохраняя чувство меры и понимание проблемности каждого шага на этом тернистом пути. Хотелось бы заметить, что теоретическая возможность носит характер «обещания». И такова уж наша человеческая реальность, что диапазон обещания зачастую гораздо шире получаемых реальных результатов.

Действительно, многие действия естественного интеллекта успешно реализуются роботами. Успехи робототехники весьма впечатляющи. Японцы создали электронных рыбок, которые плавают в аквариуме и внешне ничем не отличаются от настоящих. А в США уже есть робот, получающий энергию тем же путем, что и мы, – переваривая обычную пищу. Есть и самовоспроизводящиеся роботы, и, более того, моделирующие процесс собственной эволюции на много поколений вперед. Процесс роботизации теперь идет не только на макроуровне, но и на микроуровне. Развитие нанотехнологий сделало реальным создание микророботов, состоящих из отдельных атомов и молекул. Они могут, например, доставлять по сосудам лекарства к больному органу, манипулировать с отдельной молекулой и реконструировать ее, что открывает путь к созданию новых организмов и различным биотехническим симбиозам.

Наметилось направление, объединяющее макро- и микро-уровни робототехнологии, которая стремится интегрировать достижения многих областей науки и практики: создания новых материалов, миниатюризации деталей и узлов, лазерных и инфракрасных сенсоров, средств связи, систем различения и имитации речи, минипроцессоров особо высокой мощности и др. Не далеко время, когда роботы станут квалифицированно выполнять многие виды человеческой деятельности (сантехника, уборщика, сиделки, полицейского и т.д.).

Но как быть с сознанием? Послушаем мнения ведущих специалистов в области робототехники. Профессор Токийского университета естественных наук Фумио Хара полагает, что к середине XXI века роботы будут обладать сознанием и появится новая раса мыслящих существ. Она ознаменует завершение биологического этапа эволюции и переход к новому, более высокому уровню развития – цивилизации трансгуманоидов. Правда, этому, как думает Фумио Хара, скорее всего, будет предшествовать война между людьми и роботами за господство на Земле, которую начнут проигрывать люди.

Несколько иную, более мирную картину рисует нам профессор Университета Карнеги (США) Ханс Морабек. По его мнению, наблюдаемая уже сегодня интеграция естественного и искусственного интеллекта придет к финалу в конце нынешнего века. Совместная жизнь и симбиоз с роботами приведут к тому, что человек будет постепенно замещать свои естественные органы искусственными и, наконец, вовсе покинет свое бременное тело, подверженное болезням и дряхлению, приобретет новую, небиологическую форму существования.

Как видим, различие между типичной фантастикой и научными прогнозами быстро сокращается. В этих условиях полезно сохранять здоровый критицизм, чтобы лучше осмыслить качество новейших прогнозов. На мой взгляд, можно выделить две стратегии (два символа веры), которые лежат в основе такого рода прогнозов. Первая стратегия, изложенная выше, предвещает отмирание, конец биологической формы существования разума, преобразование человека в трансгуманоида, свободного от ограничений, налагаемых биологической телесностью (зависимость от микробов и вирусов, старость, непереносимость радиации, высоких и низких температур и т.п.). Неявно эта стратегия полагает и неизбежный конец биологической жизни на Земле, который наступит в результате дальнейшего углубления экологического кризиса и цепи экологических катастроф.

Вторая стратегия, выражаемая не столь жестко, громогласно и революционно, сохраняет в основном традиционные ценностные ориентиры. Она однозначно не расторгает человека с его биологическим телом, по крайней мере, в обозреваемом будущем, не спешит заменять человека трансгуманоидом, подчеркивает наличие больших ресурсов самосовершенствования человека, а возможность парировать нарастающие угрозы связывает с достижениями генной инженерии, геномики, нейрофизиологии, психологии, других наук, в том числе, безусловно, с успехами информационных технологий и робототехники. И она, конечно, уповаема на преодоление экологического кризиса и сохранение земной жизни как непреходящей ценности.

Признавая, что сценарии Фумио Хара и Ханса Морабека теоретически возможны, я отдаю предпочтение второй стратегии как более реалистичной и ответственной. Она поддерживает перспективу сохранения жизни как высшей ценности, веру в адаптивные и творческие возможности живой системы, в фундаментальную самоценность земной биологической самоорганизации, которая, возможно, является уникальной во Вселенной. Ведь человек может не успеть с заменой своего тела, и тогда земная цивилизация погибнет. Эта стратегия питает веру в нашу способность преодолеть экологический кризис, несмотря на то, что он неуклонно углубляется и мы пока не нашли существенных средств даже для его смягчения. Тем самым она стимулирует творческие поиски таких средств, намечая вероятные направления действий.

Важнейшее из этих средств – минимизация потребления человеком вещества и энергии (именно его рост в геометрической прогрессии служит причиной углубляющегося экологического кризиса). Добиться этого путем резкого сокращения человеком своих потребительских appetitов пока не представляется реальным (хотя и в этом направлении имеются, как мне кажется, немалые ресурсы). Информационная цивилизация создает, однако, новые пути. Поскольку удовлетворение всякой потребности информационно опосредствованно, открываются широкие возможности замещения вещественного потребления информационным. Благодаря быстрому развитию информационных технологий такое замещение выглядит гораздо более реальным, чем замещение биологического тела чем-то другим.

Выше я приводил примеры имитации компьютером всех основных чувственных модальностей. Именно соответствующие чувственные сигналы обеспечивают акт удовлетворения потребности, независимо от того, чем они вызваны. В силу принципа инвариантности информации по отношению к физическим свойствам своего носителя минимизация массы и энергии для достижения необходимого информационного воздействия оказывается вполне реальной. К тому же в отличие от потребления вещества и энергии потребление информации не исчерпывается, может бесчисленно повторяться.

Первая из обозначенных стратегий настораживает тем, что слишком уж решительно ставит крест на земной биологической жизни, берет ее лишь со стороны ее негативных проявлений. Одержимая идеей бессмертия, она исключает, однако, из прогноза экзистенциальную проблематику, обходит молчанием множество существенных следствий, вытекающих из подобного радикального решения. Кроме того, аргументы в пользу скорого появления сознания у роботов способны вызывать сомнения.

Наиболее яркая версия такой стратегии принадлежит нашему соотечественнику, профессору Александру Болонкину, проживающему ныне в США. «Биологическое человечество – говорит он – лишь маленькая, начальная ступенька в развитии более высокой электронной цивилизации, которая приведет к созданию еще более сильной цивилизации и, возможно, к созданию некоего Высшего Разума Вселенной, если хотите, Бога» [3]. «Человек как личность – это не более (?) чем память, программы, привычки. Перезаписав перед смертью всю эту информацию в чипы, мы дадим ему возможность продолжить существование в новом, электронном облике» [Там же].

И далее проф. Болонкин описывает преимущества нового «электронного человека», который не будет нуждаться в пище, воздухе, сможет приобретать любую телесную оболочку, любой внешний вид, путешествовать в космосе со скоростью света и быть неуничтожаем любым оружием. Сама процедура создания «электронного человека» выглядит так: «Человеческий мозг имеет 10 миллиардов нейронов, которые легко(?) моделируются на компьютере. Как только мы сможем смоделировать все нейроны и научимся переписывать их связи в чипы, человек станет бессмертным» [Там же]. Автор утверждает: «В 2020 – 2030 годах бессмертие станет доступным для жителей развитых стран, а еще спустя 10–20 лет и для основной массы человечества» [Там же].

Заманчиво, не правда ли? Рукой подать до бессмертия. Наши дети, а может быть и кое-кто из нас, людей старшего возраста, станут бессмертными. Однако столь оптимистический прогноз крупного специалиста оставляет все же впечатление упрощенности его посылок и его техницистского подхода к проблеме человека в целом. Это касается прежде всего моделирования нейронов и их связей. В каком смысле они «легко моделируются на компьютере»? То, что сегодня моделирует компьютер в своей двоичной системе, имеет крайне мало общего с реальным функционированием нейронов в головном мозгу. Механизм кодирования информации на уровне мозговых нейродинамических систем пока неизвестен. Даже если мы расшифруем мозговые коды психических явлений (задача эта уже поставлена и, на мой взгляд, разрешима), то и тогда сохранятся острые вопросы. Допустим, вы перепишите всю информацию, содержащуюся в моем мозгу, в чип. Но будет ли этот чип обладать моим сознанием, моей субъективной реальностью, способностью мечтать и фантазировать, чувствовать красоту заката и запах розы? Профессор Болонкин говорит лишь об информации, а последняя прекрасно существует во множестве внепсихических форм. Непонятно, каким образом можно было бы приписывать сознание «электронному человеку». Если у него сознания нет, то это «зомби», робот. Бессмертие же «зомби» нас интригует в неизмеримо меньшей степени.

В общем, перед нами все тот же старый вопрос. Из того, что компьютер хранит колоссальную информацию и умело ее перерабатывает, посылает сообщения, управляет сложными системами и помогает мне писать статью, вовсе не следует, что ему присуще сознание.

Этот вопрос почему-то не беспокоит профессора Болонкина и его коллег. Они исходят из чисто количественной посылки: вычислительная мощность компьютера лавинообразно нарастает, уже построен компьютер в 8 терафлоп, лет через 20 будет создан «суперкомпьютер, мощность которого превзойдет мощность мозгов всего человечества» [Там же]. Следовательно, он не может не обладать тем качеством, которое реализуется отдельным человеческим мозгом. Но, к сожалению, это совсем не тот случай, когда огромные количественные накопления приводят к новому качеству (подобно тому, как несметное накопление количества атомов водорода не приведет к возникновению биологической системы).

Психика и сознание – один из оригинальных эффектов биологической самоорганизации, найденных в процессе эволюции и совершенствовавшихся ею в течение сотен миллионов лет. Самоорганизацией такого типа компьютер не обладает. Как я уже не раз отмечал, теоретически возможно искусственное создание самоорганизующихся систем подобного типа, но пока развитие компьютерной техники идет не в этом направлении.

Теоретически мыслима и та новая электронная цивилизация, которая с таким энтузиазмом обрисована профессором Болонкиным. Быть может, придет время, когда человечество вступит в новый этап своего развития и указанная мыслимая возможность начнет приобретать реальные черты. Однако сейчас земная цивилизация находится в сильной цейтноте (прежде всего из-за быстрого нарастания масштабов и последствий экологического кризиса), и нам

следует прежде всего думать не столько о создании «электронного человека» и его бессмертии, сколько о сохранении жизни обычного человека и земной жизни в целом. Сама же стратегическая установка на «неизбежность гибели биологического человечества» [Там же] не имеет достаточного обоснования, крайне опасна, самоубийственна.

Характерной и во многом парадоксальной особенностью мышления сторонников первой стратегии является то, что в пылу новаторства, иницируемого информационной, функционалистской парадигмой, они сохраняют ценностные установки минувшей индустриальной эпохи: возводят саму новацию в высший ценностный ранг и целиком отключаются от осмысления ее негативных последствий. Это – мышление, не обремененное ответственностью перед обществом за свои результаты, оголтелое новаторство, параноидальная одержимость непрестанно менять, перекраивать наличное бытие, вне контроля с позиций более высоких целей и смыслов. Сейчас наступило новое время, настоятельно требующее нового типа творческого мышления, нацеленного в равной мере как на производство новаций, так и на оценку его последствий негативного характера. Проектирование и производство новаций должно органически включать творческое осмысление тех проблем, которые оно способно породить. И это – обязанность прежде всего самого творца новаций (индивидуального или коллективного субъекта). В противном случае мы рискуем потерять контроль за цепными реакциями производимых нами изменений, вызвать такое «размножение ошибок», которое чревато Апокалипсисом.

Это относится сегодня в первую очередь к новейшим направлениям науки и практики, таким как геновая инженерия, нанотехнология, робототехника. Озабоченные подобными угрозами, некоторые выдающиеся представители указанных областей науки призывают умерить «жажду знаний», законодательно ограничить развитие опасных технологий – по примеру контроля за ядерным и биологическим оружием (см.: [2]).

Надо пытаться делать это, но вряд ли мы можем рассчитывать на серьезные результаты. Чтобы решать, что можно, а чего нельзя, нужна основательная и компетентная экспертная база. Необходим новый поворот в развитии науки, чтобы ее творческая мощь концентрировалась на задачах безопасности, прогноза, противодействия деструктивным тенденциям, сохранения и упрочения жизнестойкости земной самоорганизующейся системы. Такой поворот в развитии науки как раз и предполагает новый тип творческого мышления, цели которого определяются не стихией традиционной экспансии во внешний мир, а результатами самопознания, т.е. обоснованным знанием того, что действительно нужно человеку, что полезно для него преобразовывать во внешнем мире, а что опасно и вредно. Таким образом, в этом мышлении должны доминировать чувство ответственности и общественного долга, ценностные регулятивы высшего порядка.

Долг философа – всемерно содействовать становлению и развитию именно такого типа творческого мышления.

Список литературы

1. Самохвалова В. И. Человек и судьба мира. – М.: Новый век, 2000.
2. Смеян А. Технологический Армагеддон // Известия. – 2000. – 16 марта.
3. Человек – бессмертен! (Интервью с профессором Александром Болонкиным) // Известия. – 1998. – 8 сентября. 236

«ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ ДОСТУП», «НЕКОРРЕКТИРУЕМОСТЬ» И «ДРУГИЕ СОЗНАНИЯ»

Дубровский Давид Израилевич

Практически все представители аналитической философии, занимавшиеся проблемой сознания, затрагивали вопросы, обозначение которых приведено в заголовке этого раздела. Эти три вопроса тесно связаны, вряд ли отношений дублируют друг друга. Рассмотрим кратко тезис о «привилегированном доступе». По словам Серла, эта метафора является «даже более путаной, нежели метафора здравого смысла об интроспекции», ибо она наводит на мысль, что «сознание подобно изолированной комнате, войти в которую позволено только нам» (с. 105). Однако, продолжает он, я не могу отличить себя тут от пространства, в которое я вхожу, ибо не в состоянии отличить себя от самого себя.

Такая «пространственная» трактовка «привилегированного доступа» заведомо несостоятельна. Суть этой метафоры в том, что мои субъективные явления (в их данном «содержании») доступны мне, даны мне сразу, непосредственно, а другим людям нет, для них доступ к моему сознанию может быть лишь опосредованным. Сейчас, например, я испытываю боль в большом пальце правой ноги, но внешне стараюсь этого не выказывать. Переживая боль, я знаю это, а вы о ней сможете узнать, если только я сообщу о своем состоянии (и если вы поверите мне); не исключено, что вы сможете узнать об этом, наблюдая мое поведение, выражение лица и т.п. (хотя мое знание и ваше знание о моей боли, даже если я расскажу о ней, все равно будет различаться по ряду существенных признаков). Факты такого рода обычны, повсеместны.

Но они обязывают к анализу важнейшей специфической черты субъективной реальности, связанной с ее способностью непосредственно самоотображения в системе нашего Я, а это предполагает, в свою очередь, и анализ опосредованного самоотображения. Последнее относится к различным уровням интерпретации «содержания» собственных субъективных состояний, которые могут быть и неадекватны; это касается также собственных диспозициональных состояний и свойств. Однако подобные интерпретации тоже представляют собой явления субъективной реальности и неизбежно включают аспект непосредственного знания.

Таким образом, всякое явление субъективной реальности (сознательно переживаемое в данном интервале) несет в своем «содержании» единство непосредственного и опосредованного знания. В этом «содержании» аспект непосредственного знания устранить невозможно, что и выражает суть «привилегированного доступа», а во многом и того, что именуют «некорректируемостью». Последнее акцентирует сам по себе факт переживаемости определенного «содержания» в данный момент, независимо от того, каково оно. Допустим, я сейчас испытываю головокружение. Это есть; когда оно прошло, я скажу, что оно было, и это событие нельзя отменить или переиначить. Вчера же во сне я видел улыбающегося крокодила в женской шляпке, а сосед, бия себя в грудь, клялся, что наяву перед ним явился белый ангел и сказал: «Коля, не пей!» Здесь речь идет о некотором наличном, действительном субъективном переживании (пусть самом фантастичном или тривиальном по своему «содержанию», независимо от его оценки мной или вами), которое, конечно, нельзя уже «отменить» или «исправить».

Такого рода «некорректируемость» составляет важную черту всякого явления субъективной реальности, одно из его неперемных «измерений» (онтологических свойств). «Корректировка»

наличного переживания совершается постоянно – одновременно и последовательно, но как бы в другом «измерении»; она выступает в разных оперативных формах (действие веровательного регистра – «принятие», «непринятие», «сомнение» и т.п.; интуитивная и рассудочная оценки, интерпретация, анализ связи с прошлым опытом и т.д.). Естественно, что всякий акт «корректировки», будучи тоже явлением субъективной реальности, включает «измерение», которое именуется «некорректируемостью». Попытки устранить аспект «некорректируемости» ведут к чрезмерно упрощенной, неадекватной модели явлений субъективной реальности. Это относится к отбрасыванию метафоры «привилегированного доступа», поскольку тут главное состоит в отрицании реальности непосредственного самоотображения. Такую модель, связанную, как известно, с критикой «Мифа непосредственно данного» (см.: [25, р. 161-170]), настойчиво предлагали представители физикалистского и бихевиористского редукционизма, включая тех, кто стремился свести мышление к речи и вообще отрицал существование явлений субъективной реальности вне речевого оформления и «лингвистического поведения».

Дж. Серл, как ни странно, не касается этих столь существенных для его целей вопросов, занимавших значительное место в более чем полувекковой дискуссии по проблеме сознания, которую вели и продолжают вести западные философы аналитической ориентации. Он категорически не приемлет положений о «некорректируемости» и «привилегированном доступе», выражая в этом пункте полную солидарность со своими главными философскими противниками (редукционистами физикалистского и бихевиористского толка). Эти положения, как он считает, вкучены «интроспекцией», «не имеют никакого отношения к существенным свойствам сознания. Они всего лишь элементы ошибочных философских теорий о нем» (с. 146). Источник ошибок Серл видит в картезианстве и сводит суть вопроса к тому, что мы способны часто заблуждаться относительно собственных субъективных переживаний. Он приводит пример: Салли думала, что любит Джимми, но потом поняла, что ошибалась. О какой же «некорректируемости» тут можно вести речь? Такое утверждение является «очевидно ложным» (см. с. 143).

Таким образом, Серл игнорирует именно суть вопроса о «некорректируемости» – важный проблемный пункт исследования субъективной реальности, подменяет его тривиальным, «очевидным» положением о возможном «неверном описании собственных ментальных феноменов» в случаях, когда имеет место «самообман, неправильное толкование и невнимательность» (с. 144). Такой маневр лишает его контраргумент смысла и интереса. Но это не снимает суть вопроса, которая напрямую затрагивает основу взглядов Дж. Серла, особенно в той части, где у него ведется речь о «субъективной онтологии», о «признании первичности точки зрения от первого лица» (с. 40.). Как совместить это утверждение автора о «первичности» с его же отрицанием того, что «нам присущ определенный род авторитет от первого лица» (с. 143) и отрицанием того, что «мы должны обладать достоверным знанием сознательных состояний» (см. с. 146). Приведенные отрицания как раз используются автором для опровержения «некорректируемости» (с. 146). Но если мы не обладаем «достоверным знанием сознательных состояний» даже в некоторых случаях, то как Дж. Серл может верить себе в том, что он утверждает, и как мы можем верить ему?

Здесь «очевидно» разительное противоречие! Кроме того, мы в который уже раз наблюдаем у автора полную рассогласованность онтологических и эпистемологических утверждений. Создается впечатление, что он обладает некой загадочной суперспособностью твердо знать о том, что некий предмет существует или не существует, без анализа и обоснования этого знания и тех познавательных средств, которыми он пользуется (без рефлексии собственных мыслей, которые он должен оценить, как правильные, истинные и т.п., прежде чем сообщать их нам).

Обратимся теперь к вопросу о «других сознаниях». Он рассматривался философами в разных

аспектах. Доступ к другому сознанию является по необходимости лишь опосредованным. Каковы теоретические основания и способы доказательства наличия сознания у других существ? Интерес к этому вопросу повысился в связи с развитием кибернетики, теорий самоорганизующихся систем, компьютерных технологий, робототехники, а также в связи с новым этапом размышлений о внеземных цивилизациях (и попытками поиска наших братьев по разуму).

Дж. Серл справедливо выступает против точки зрения, согласно которой единственным критерием «другого сознания» является поведение: «Система может обладать сознанием без соответствующего поведения и осуществлять поведение без участия сознания» (с. 81). Поэтому диагностика наличия у некоторой системы ментальных феноменов, сознания только на основе того, что она «делает», оказывается неубедительной. Дж. Серл полагает, что для более основательной диагностики нужно добавить критерий каузальности, «связи между поведением и каузальной структурой других организмов» (с. 87). Например, признание ментальных феноменов у собаки опирается «на относительное сходство каузального базиса поведения в собачьей физиологии с моими» (с. 84): у собаки, как у нас, есть глаза, уши, следовательно, она слышит и видит. Такая аргументация, однако, вряд ли помогает продвинуться в решении проблемы «других сознаний», что отчасти признает сам Дж. Серл (см., напр., с. 85, где говорится, что субъективные феномены «недоступны прямым проверкам в третьем лице»). Речь ведется тут лишь о сознании человека и психике высших животных, в отношении которых вопрос заранее решен утвердительно. Нас же интересует теоретически корректное решение вопроса в общем виде, позволяющее диагностировать наличие (или отсутствие) субъективной реальности во всех мыслимых случаях, включая организмы на низших ступенях эволюционной лестницы.

Сейчас нам точно известны два типа субъективной реальности – человеческий и животный. Они имеют общий эволюционный источник и, соответственно, общие черты. Отличие человеческой субъективной реальности связывают обычно с абстрактным мышлением и речью, феноменами свободы воли, воображения, фантазии, мечты. Поэтому в отличие от Дж. Серла, ведущего речь о сознании собак и кошек, лучше оставить термин «сознание» лишь для обозначения человеческой субъективной реальности, тогда для постановки вопроса в общем виде и его исследования желательнее говорить не о «другом сознании», а о «другой субъективной реальности». Это связано также с гипотетическими допущениями, во-первых, о возможности появления нового типа субъективной реальности в результате создания суперкомпьютеров или симбиозов человека с компьютерами, во-вторых, о существовании в других звездных мирах качественно иных типов субъективной реальности (не только по ценностно-смысловой и интенционально-волевой структуре, по оперативным и творческим способностям, но и по иным параметрам, которые нам даже трудно предположить).

Учитывая два последних случая, теоретическая разработка проблематики «другой субъективной реальности» встречает серьезные трудности. Некоторые из них сохраняются и тогда, когда мы ограничиваемся частным случаем – человеческой субъективной реальностью, «другим сознанием». Дело в том, что само качество субъективной реальности неотрывно от ее «содержания» (хотя, с другой стороны, определенное «содержание» может существовать в объективированном виде, отчуждаться от породившей его субъективной реальности). Поэтому диагностика наличия сознания у другого, так или иначе, предполагает постижение, понимание его определенного «содержания» (без которого субъективная реальность не существует). Однако диагностика наличия самого по себе «содержания» («разумности») у некоторой системы еще недостаточна для признания у нее субъективной реальности. И здесь выступает такой важный аспект проблемы, как «закрытость» субъективного мира личности. Она открывает определенное «содержание» другому по своей воле, причем избирательно и лишь в той или иной степени, дозируя свою искренность; некоторое же «содержание» она старательно

закрывает, искусно камуфлирует.

Конечно, «закрытость» относительна, и ее степень выражена у разных людей по-разному (к тому же надо иметь в виду не только «закрытость» для другого, но и «закрытость» для себя). Существует множество средств, способов межличностных коммуникаций (в том числе лингвистических), позволяющих независимо выяснить, понять существенную часть «содержания» субъективной реальности другого. Тем не менее «закрытость» выражает относительную автономность личности (связанную с ее самополаганием, свободой выбора, защитой интересов, личной тайной, «сокровенным») и служит важнейшим фактором социальной самоорганизации.

Теоретически мыслимы вземные цивилизации качественно иного типа, чем наша, в которых отсутствует «закрытость» индивида. Не исключено, что в ходе развития нашей цивилизации мера «закрытости» («открытости») будет изменяться в сторону большей «открытости» под влиянием новых каузальных факторов экономического, политического, социального, идеологического и научно-технического характера, и это может содействовать снижению внутренней конфликтности, упрочению целостности, жизнестойкости земной цивилизации. Подобное предположение, правда, способно встретить и серьезные контраргументы. Однако некоторые, пусть слабые, тенденции такого рода, вызванные вступлением в эпоху информационного общества, все же дают о себе знать. Они проявляются, в частности, по линии научно-технического развития. Например, после расшифровки генетического кода на повестке дня стоит расшифровка мозгового нейродинамического кода психических явлений. Решение этой задачи (вполне реальное и не столь далекое) способно изменить извечные принципы и механизмы человеческой коммуникации. Но вместе с тем оно может вызвать и грозные негативные последствия глобального масштаба (как, впрочем, и расшифровка генетического кода). Здесь полная аналогия с открытием внутриядерной энергии. Вопрос в том, хватит ли у человечества разума, мудрости и воли, чтобы использовать достижения науки себе во благо, а не во вред.

Расшифровка мозговых кодов явлений субъективной реальности открывает принципиально новые возможности самопознания и самопреобразования, новый этап в решении проблемы «другого сознания» (см.: [4]). Познание-понимание «другого сознания» представляет собой герменевтическую задачу, т.е. познавательную задачу особого рода, отличную от задач физикалистского естествознания. Это задача расшифровки кода, постижения «содержания», заключенного в его физическом носителе, который используется в данной самоорганизующейся системе. Это постижение информации как таковой, которая всегда существует лишь в определенной кодовой форме, и ее постижение человеком означает не что иное, как преобразование «чуждого» кода («непонятного» кода, содержащаяся в котором информация «закрыта» для данной самоорганизующейся системы) в «естественный» код (содержащаяся в котором информация «открыта», непосредственно доступна данной самоорганизующейся системе).

Всякое явление субъективной реальности (у человека и животных) есть информация, воплощенная в «естественном» мозговом нейродинамическом коде, т.е. дана личности непосредственно, в «чистом» виде, в то время как субстрат и организация «естественного» кода скрыты, не отображаются на уровне сознания. Такое устройство нашей психики было выработано в ходе биологической эволюции и антропогенеза в силу фундаментального принципа инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя (одна и та же информация способна кодироваться по-разному). А поскольку для адекватного поведения в изменяющейся среде нужна именно информация о ней и о собственных действиях, т.е. информация как таковая, то в ходе эволюции и антропогенеза развивалась именно способность получения информации и оперирования ею и не развивалась способность

отображения мозгового носителя этой информации, его свойств и организации, поскольку они могут быть разными, а, следовательно, их отображение несущественно для адекватного поведения (по крайней мере, в подавляющем числе случаев).

Излагая свой взгляд на проблему «другого сознания», я хотел показать узуальность подхода Дж. Серла к этой теме, игнорирование ее многоаспектности, затушевывание им весьма значительных теоретических трудностей, встающих на пути ее исследования. Эти трудности, как уже отмечалось, особенно остро дают о себе знать, когда проблема ставится в общем виде и речь идет о «другой субъективной реальности». Ключевым пунктом здесь является вопрос: на каком основании я могу уверенно приписывать другому существу «ментальные состояния», наличие у него субъективной реальности? Несомненного ответа на этот вопрос пока не существует. На мой взгляд, это вопрос о способе представленности информации для самоорганизующейся системы или для ее самоорганизующейся подсистемы (в отличие от того способа, когда информация, воплощенная в «естественном коде», выполняет свои функции, например, на клеточном уровне, не будучи представлена для клетки в форме субъективного переживания; последнее связано, по-видимому, со специфической способностью производства информации об информации, расширяющей возможности саморегуляции системы, проектирования будущего и его вероятностного отображения, предваряющего, пробного проигрывания, моделирования в субъективном плане предстоящих реальных ситуаций и реальных действий). Указанный вопрос ставился и широко обсуждался в рамках концепций функционализма и когнитивизма, по отношению к которым Дж. Серл занимает резко критическую позицию.

ФУНКЦИОНАЛИЗМ И «КОГНИТИВИСТСКАЯ БАСНЯ»

Дубровский Давид Израилевич

Среди западных материалистических концепций сознания альтернативой физикалистскому редуccionизму выступает функционализм. Согласно Х. Патнэму – одному из основателей этого направления, «функциональная организация системы в принципе логически отличается как от описания в плане ее физико-химического состава, так от описания в плане ее актуального и потенциального поведения». Поэтому функциональные свойства нередуцируемы к физическим. Это обосновывается тем, что «Машина Тьюринга» может быть реализована с помощью различных по своим физико-химическим свойствам элементов. Ментальные феномены нельзя отождествлять с физическими процессами, так как они представляют собой функциональные свойства мозга.

Суть теоретического положения Тьюринга сформулирована достаточно корректно и не встречает логических и эмпирических опровержений. Оно подтверждается сформулированным выше принципом инвариантности информации и вместе с ним выражает принцип изофункционализма систем. Из него однозначно следует теоретическая возможность существования вне Земли (или возникновения в будущем или сотворения человеком) самоорганизующейся системы, обладающей сознанием, но состоящей из других физико-химических компонентов, нежели наше тело. Отсюда, однако, не следует, что оно само себе достаточно для определения наличия субъективной реальности. Разумеется, принцип изофункционализма систем, обладающий высокой степенью абстрактности, допускает разнообразные интерпретации конкретизации, часть которых вызывает большие сомнения. Однако основы концепции функционализма этим, конечно, не опровергаются.

Дж. Серл отвергает концепцию функционализма, причем крайне эмоционально и высокомерно: «Я не собираюсь, – утверждает он, – представить еще одно “опровержение функционализма”, скорее, я хочу приступить к задаче разоблачения... Если вы склоняетесь к функционализму, то, полагаю, вам требуется не опровержение, а помощь». Ну, что же! Я «склоняюсь к функционализму» и готов принять «помощь». Она оказывается весьма «объемистой». Несмотря на столь высокомерную, уничижительную преамбулу, Дж. Серл посвящает «разоблачению» функционализма добрую треть своей книги. Однако его основные критические выпады, как я попытаюсь показать, сами не выдерживают критики. Главная задача Дж. Серла – опровержение тезиса, что «одна и та же функция может быть реализована многими способами». Одним из «гибельных следствий» этого тезиса, по его словам, выступает следующее положение: «Принцип, предполагающий возможность различной реализации, должен также предполагать возможность универсальной реализации». Предложенный контраргумент, однако, несостоятелен. Из того, что функцию естественного зуба может осуществлять пластмассовый, вовсе не следует, что зуб можно сделать из подсолнечного масла или воска. Значение термина «универсальная реализация» к тому же неясно. Если имеются в виду любые вещества и любые физические свойства, то положение Серла очевидно ложно (или бессмысленно). Если же подразумевается весь класс веществ с определенными физическими свойствами, подходящими для реализации данной функции, то теоретически корректное описание такого класса вряд ли осуществимо, а главное, оно не только не затронуло бы основного тезиса функционализма и ничего не прибавило бы к нему.

Другой контраргумент Дж. Серла состоит в том, что функциональные свойства являются якобы «чисто синтаксическими», что они «внутренне присущи» физической системе, лишь «приписываются ей». Поэтому, мол, и создается впечатление, что «один и тот же физический

результат может быть получен с применением различных физических веществ». Здесь отрицается объективный характер функционального отношения. Например, функция перекачивания крови, реализуемая сердцем или заменяющим его во время операции аппаратом, является «чистосинтаксической», «внутренне не присущей» и т.д. Такой подход к общему понятию функции заведомо несостоятелен.

Дж. Серл выступает как непримиримый, яростный противник концепции функционализма, ее основного тезиса, что «одна и та же функция может быть реализована многими способами». Такой человек, конечно же, не способен допустить даже простейших случаев различной реализации одной и той же функции, не говоря уже о возможности реализации на разных физико-химических субстратах такой функции, как разумное действие и тем более сознание. Но... листаем страницы и видим нечто прямо противоположное. Оказывается, автор признает, что «в других солнечных системах... сознание могло эволюционировать в системах, не основанных на углероде, но использующих вместо этого какую-либо иную разновидность химии». А постольку «не должно быть теоретических препятствий развитию сознания в системах, состоящих из других элементов». Снова разительное самоопровержение!

Выступая против «шатких оснований когнитивной науки», Дж. Серл стремится дискредитировать аналогию между работой мозга и компьютера, отбрасывая с порога «информационный язык», который, по его мнению, лишен какого-либо онтологического смысла. В утверждении, что «мозг перерабатывает информацию», подобно компьютеру, он усматривает «одну из самых грубых ошибок когнитивной науки». Но при этом автор сильно сгущает краски, неявно превращает аналогию в тождество и изображает дело так, будто «когнитивизм убеждает нас в том, что мозг работает как продающийся в магазине компьютер и что эта работа является причиной познания». Такие крайности, конечно, легко опровергать. Но кто целиком отождествляет мозг компьютером? Среди серьезных исследователей таковых нет. Вопрос о степени и формах указанной аналогии требует конкретного анализа и представляет значительный интерес (особенно в плане дальнейшего развития компьютерных технологий). Действительно, нередко встречаются преувеличения, нивелирование специфики деятельности мозга, попытки свести сознание к «когнитивно-информационным процессам» и оставить за бортом «квалиа», «субъективно переживаемый опыт». В отношении подобных случаев общая эмоциональная реакция Дж. Серла понятна, однако она не может заменить серьезного анализа сложных и актуальных проблем когнитивной науки, связанных с исследованием информационных процессов в головном мозгу.

Согласно автору «информация», точно так же, как и «функция», лишь «приписывается» мозгу: «Что касается внутренне присущих мозгу операций, то он не осуществляет никакой переработки информации». В головном мозгу «имеют место грубые, слепые нейрофизиологические процессы, здесь же имеет место и сознание, но ничего более». Нисуществует никаких информационных, никаких бессознательных психических процессов, в том числе «бессознательных психических причин», «глубинных бессознательных правил» и «бессознательного следования правилам», а также «универсальной грамматики» и т.д. и т.п. Все это не более чем «когнитивистская басня». Такова участь и «вычислительных процессов», которые приписываются и компьютеру и мозгу. По словам Дж. Серла, «описание процесса как вычислительного является описанием физической системы, осуществляемым снаружи...», т.е. «наблюдателем». «Вычислительные состояния не выявляются внутри физических свойств, они приписываются физическим свойствам» (там же). Вычисление присуще лишь интенциональным состояниям, т.е. сознанию – «гомункулу», по терминологии автора. «Без гомункула не существует вычисления, а есть только замкнутая электронная цепь». Ни зрительная система, ни мозг, ни тем более компьютер не вычисляют. «Мы, как внешние гомункулы, можем описать их вычислительно, и это зачастую полезно сделать».

Складывается занятная ситуация. Попробуем ее конкретизировать. Например, когда автор подсчитывает полученную сдачу, то считает егосознание, а не мозг; это его сознание приписывает его мозгу вычислительные операции. Но, как он многократно утверждал, сознание (в том числе и его собственное, конечно) «есть просто обычная биологическая, т.е. физическая черта мозга», «свойство мозга высшего уровня». «Ментальное есть нейрофизиологическое на высшем уровне». И несмотря на всё это, мозг, оказывается, не вычисляет. Загадка! Вычисление «внутренне не присуще» физическим свойствам, но сознанию как «физической черте мозга» оно, оказывается, присуще. Вряд ли все это стоит комментировать далее. Ко всему Дж. Серл, ополчаясь на когнитивную науку, не считает нужным разъяснить, на каком же основании некое свойство можно (или нельзя) приписывать данному предмету исследования, если оно ему «внутренне не присуще», и почему «это зачастую полезно сделать». Быть может, обоснованное приписывание выражает, отображает объективные свойства предмета (например, «вычисление» – объективно присущие, т.е. «внутренне присущие», предмету количественные свойства, количественные изменения)? Тут мы опять сталкиваемся со столь характерным для автора произволом в вопросе о соотношении онтологического и гносеологического. Надо сказать и о том, что, отрицая наличие вычислительных процессов в мозгу, как «внутренне присущих» ему, он вступает в противоречие с обоснованными результатами нейрофизиологии и смежных с ней дисциплин. Возьмем хотя бы такую фундаментальную функцию мозга, как «вероятностное прогнозирование» (Н. А. Бернштейн и др.); последнее осуществляется большей частью на бессознательном, досознательном уровне (например, когда мозг мгновенно рассчитывает траекторию движения руки для предстоящего действия и затем корректирует ход его исполнения). Подобное игнорирование общепринятых результатов научных исследований касается и отношения автора к «информационным процессам». Коснемся понимания Дж. Серлом каузальности. Он выделяет два вида причинных факторов: физические действия и «интенциональности гомункула», т.е. «интенциональное содержание», явления сознания. «Интенциональное содержание функционирует каузально при продуцировании поведения, которое оно репрезентирует».

Вопрос заключается в том, каким образом «интенциональное содержание» способно служить причиной телесных изменений? Если отбросить постулат духовной субстанции и ее активности, то остается, на наш взгляд, два вразумительных ответа: либо «интенциональное содержание» признается физическим (явления субъективной реальности отождествляются с физическими процессами), либо «интенциональное содержание» рассматривается в качестве информации. Тогда в силу принципа инвариантности информации по отношению к физическим свойствам своего носителя мы имеем дело с особым типом причинности – информационной причинностью, одним из видов которой является психическая причинность (когда причиной выступает именно «интенциональное содержание»). Так как Дж. Серл категорически отвергает «информацию» и функционализм, ему остается только отождествлять «интенциональное содержание» с физическим свойством, что мы уже неоднократно наблюдали (сознание есть «физическая черта мозга», оно – «субъективный физический компонент как компонент физической реальности» и т.п.). Выходит, что Дж. Серл, несмотря на пафосную защиту субъективной реальности, несмотря на весь его убийственный сарказм по адресу физикалистов и редукционистов, продолжает оставаться под влиянием парадигмы физикализма, вращается в кругу предписываемых ей решений проблемы сознания. Мы видели, насколько непоследователен автор. Ряд фрагментов его текста, в которых он выступает против крайностей функционализма и когнитивизма, звучат актуально и справедливо. Сознание, действительно, нельзя сводить к «компьютерной программе» и к «разновидности черного ящика». Дж. Серл подчеркивает, что функционализм «упускает то качественное субъективное переживание, которое присуще, по крайней мере, некоторым нашим ментальным состояниям». Это справедливо по отношению к большинству функционалистских концепций. Однако если брать приведенное утверждение Дж. Серла в общем виде, то с ним нельзя согласиться.

Суть парадигмы функционализма и главное в ней состоит вовсе не в том, что постулируется недоступность содержания «черного ящика» и безразличие этого «содержания» для описания функции (подобная интерпретация имеет частный характер и методологически пригодна лишь для некоторых научных целей, которые характерны и для «когнитивной науки»). Суть парадигмы функционализма заключается именно в качественном разграничении отношений функциональных и физических (с учетом необходимой связи первых со вторыми), в отрицании редукции функционального к физическому, в обосновании особого типа каузальности и закономерностей, не сводимых к физическим, что имеет принципиальное значение для исследования самоорганизующихся систем (где главная роль принадлежит расшифровке кодовых, т.е. функциональных, зависимостей). Эта суть выражается принципом воспроизводимости одной и той же функции на различной субстратной основе и принципом инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя.

В такой интерпретации парадигма функционализма может служить продуктивной теоретической платформой для разработки концепций, ставящих в фокус исследований именно специфику субъективной реальности – этот самый трудный и «болезненный» пункт проблемы сознания (который пытаются обойти, «научно» элиминировать ряд приверженцев функционализма). Одной из попыток разработки концепции такого рода как раз и является предлагаемый мной информационный подход к объяснению связи явлений субъективной реальности с мозговыми процессами. Естественно, он подлежит тщательной критической проверке. Возможны желательны иные объяснения специфики субъективной реальности. Думается, однако, что теоретическая платформа функционализма способна стимулировать наиболее перспективные направления научных исследований проблемы сознания.

В заключение хотелось бы сказать, что критический акцент при рассмотрении книги Дж. Серла вызван слишком высокой мерой теоретической рыхлости ее содержания, непоследовательности, неосновательности и противоречивости суждений автора в сочетании с претензией на «новое открытие сознания», на фоне рекламной издательской аттестации автора как «одного из наиболее влиятельных современных философов с мировым именем». Я убежден, что серьезная философская разработка проблемы сознания требует неустанной заботы о концептуальности изложения ее результатов.

Надеюсь, мне удалось показать, как мало значат правильные общеположения Дж. Серла, если они не могут быть последовательно проведены и содержательно раскрыты в основных категориальных планах проблемы сознания – онтологическом, гносеологическом, аксиологическом и праксеологическом, если они вступают в противоречие с суждениями автора на нижележащих уровнях рассмотрения, где требуются ответы на многие конкретные вопросы. Дефицит концептуальности обнаруживается в нестыковке, рассогласовании общего и частного, в своего рода теоретической амбивалентности, невнимании к логическому самоконтролю. Хотелось бы сказать и о таком характерном явлении, которое я называю феноменом «журнализма» в современной культуре, дающем о себе знать в философских работах последних десятилетий.

Этот феномен выражается в поспешности публичного сообщения, в его высокой конкурентной энергетике и рекламности, в нагнетании «привлекательности» (с элементами экстравагантности и эпатажа), в чрезмерной «версильности» заключений (в ущерб четкой аргументации и тщательному обоснованию) и, конечно же, в расчете на быстрый дивиденд. Некоторые из этих черт прослеживаются и в книге Дж. Серла.

Не скрою, что этой статьей я хотел бы также содействовать и преодолению чего-то наподобие комплекса неполноценности, свойственного многим из нас – «бывшим марксистам», когда мы

соизмеряем себя с западными философами. Предпринятый мной критический анализ «нового открытия» сознания, быть может, будет полезным в этом отношении.

НОВОЕ ОТКРЫТИЕ СОЗНАНИЯ? (ПО ПОВОДУ КНИГИ ДЖОНА СЕРЛА «ОТКРЫВАЯ СОЗНАНИЕ ЗАНОВО»)

Дубровский Давид Израилевич

Перед нами книга Джона Серла со столь интригующим названием. Издатели представляют автора как «одного из наиболее влиятельных современных философов с мировым именем». В чем же состоит «новое» открытие сознания?

Если говорить кратко – в истолковании сознания как субъективной реальности, в доказательствах неустранимости его описаний от первого лица, ибо «сознанию присуща неэлиминируемая субъективная онтология» ([1, с. 70]; далее при цитировании этой книги будут указываться лишь соответствующие страницы).

Отсюда резкое отрицание физикалистского редукционизма и бихевиористского замещения сознания поведением, неприятие теоретических оснований «когнитивной науки». Отдавая должное здравому смыслу, автор стремится сократить разрыв между философскими концепциями сознания и обыденными знаниями о «ментальной жизни», ее описаниями в естественном языке. Он опирается на принципы биологической эволюции с целью обоснования естественного происхождения сознания в качестве эмерджентного свойства высокоразвитых живых систем.

Такая позиция, как ни странно, весьма близка к той, которая в свое время защищалась у нас под флагом диалектического материализма. Сейчас она, оказывается, выражает некоторую новейшую тенденцию в развитии взглядов представителей аналитической философии (совпадает в существенных пунктах с концептуальными установками, например, Дж. Марголиса, Т. Нагеля и др. – см.: [11, 12]). Важно подчеркнуть, что эта позиция во многом повторяет те подходы к разработке проблемы сознания, которые были характерны для советской философии 1960-1980-х годов, в том числе для моих статей и книг того времени (см.: [9, 15, 16, 2, 3, 4, 5, 7] и др.). Поэтому, читая Дж. Серла, трудно связывать ход его мыслей с «новым открытием сознания».

Однако в его книге немало интересных рассуждений и выводов, стимулирующих размышления в области столь актуальной и сложной темы. Именно близость во многом наших общих подходов к ее трактовке создает благоприятную возможность для полемики. Ниже я попытаюсь высказать свои критические соображения по ряду теоретических вопросов, а также по поводу некоторых экстравагантных суждений автора.

Против идеализма, против дуализма и особенно против материализма

Так декларирует свою общефилософскую позицию Дж. Серл, что вызывает недоумение. Допустимо ли отрицать идеалистические и дуалистические трактовки сознания, не разделяя в то же время материалистических убеждений? Это вызвано, конечно, неопределенностью в понимании материализма.

Рассмотрим основные положения концепции Дж. Серла.

Автор ставит своей чуть ли не главной задачей: «преодолеть как дуализм, так и материализм» (с. 22). Он решительно отвергает существование бессмертных духовных субстанций (см. с. 46 и др.), постулируемых представителями объективного идеализма и религии, а также картезианским дуализмом. Не приемлет он и «дуализм свойств» (т.е. характерную для некоторых

представителей аналитической философии установку «концептуального дуализма» в отличие от «субстанциального дуализма» Декарта). «Дуализм свойств», по его мнению, связан с традиционными картезианскими категориями несоответствующим им словарем, что не позволяет нам преодолеть дуалистический раскол единой реальности: «Я отвергаю, – пишет Дж. Серл, – и дуализм свойств, и субстанциальный дуализм, но именно потому, что я отвергаю дуализм, я также отвергаю материализм и монизм. Глубокое заблуждение считать, будто необходимо выбирать между этими взглядами» (с. 47).

Вот это любопытно! В чем же состоит «глубокое заблуждение»? И почему впадают в него?

Неразумно думать, заявляет Серл, что «все должно быть категоризовано либо как ментальное, либо как физическое» (с. 44). Куда, спрашивает он, следует отнести, например, «правительство Калифорнии»? В равной степени неверно считать, что все в мире является исключительно физическим. «Экономическое», «политическое», «атлетическое» и т.д. «имеет свой способ существования» (с. 45). А это показывает, что дихотомия ментального и физического, на которой основывается дуализм, является упрощенной и в конечном итоге ложной: «Вывод отсюда такой: как только вы поймете противоречивость дуализма, вы также сможете понять, что материализм и монизм столь же ошибочны. Дуалисты спрашивают: “Сколько имеется видов вещей и свойств?” и считают до двух. Монисты, поставленные перед тем же вопросом, не идут дальше одного. Но подлинная ошибка заключалась в том, что вообще начинали считать. Монизм и материализм определяются в терминах дуализма и ментализма, и поскольку определения ментализма и дуализма противоречивы, то монизм и материализм наследуют эту противоречивость» (с. 45). Поэтому, утверждает Серл, «лучше всего считать материализм в действительности формой дуализма. Материализм, таким образом, в определенном смысле оказывается наивысшим расцветом дуализма...» (с. 45). Я привел столь длинные цитаты, чтобы показать манеру и уровень аргументации автора.

Далее Серл подробно занимается «разоблачением» материализма, недавняя, однако, его общего определения. Он справедливо критикует «элиминативный материализм», «теорию тождества» – различные варианты редукции «ментального» к «физическому», концепцию бихевиоризма, а также «функциональный материализм» (критика последнего вызывает, однако, ряд серьезных возражений, о чем речь пойдет далее).

Избегая общего определения материализма, Серл ограничивается некоторыми его характеристиками (см. с. 31-33 и др.), подчеркивая его «объективистскую онтологию» и «объективистскую методологию», которые будто бы исключают признание нередуцируемой «субъективной онтологии от перволица»; это – «бегство от субъективности» (с. 41), «это просто сильный страх перед сознанием» (с. 69). «Глубочайшей причиной боязни сознания служит то, что сознание обладает этой, в сущности, ужасающей чертой – субъективностью. Материалисты не желают принимать эту черту, ибо они убеждены, что допущение существования субъективного сознания могло бы оказаться несовместимым с их понятием того, каким должен быть мир» (с. 69).

Эти выпады Серла против материализма во многом справедливы по отношению к «физикалистскому материализму», доминировавшему в «теориях сознания» аналитической философии. Справедливы они и по отношению к радикальному бихевиоризму. Однако такая общая трактовка материализма неправомерна (это много раз обосновывалось в нашей философской литературе). Неопределенность в истолковании материализма у Серла обусловлена, конечно, неопределенностью в понимании категории материи. Во многих местах книги, где говорится о материи, имеются в виду лишь физические явления и процессы. Отрицая физикалистский материализм, Серл остается на позициях физикалистского понимания материи, т.е. отождествляет понятие материи с понятием «физического», не различает философский и

естественнонаучный категориальные уровни при использовании термина «физическое».

Материя есть объективная реальность, основу которой составляют физические явления. Отсюда вовсе не следует, что «правительство Калифорнии» или «политическое» надо относить к физическому, но оно вполне подходит под категорию объективной реальности, сохраняя свое отличие в качестве социальной реальности от сугубо физической реальности (и между тем, не существуют в отрыве от физической реальности). Что касается понятия субъективной реальности, то оно может быть вполне совместимо с принципами материализма. Это неоднократно демонстрировали советские авторы, а также некоторые представители западной философии. И это же – да, именно это! – демонстрирует нам в своей книге сам Серл, несмотря на столь жесткие и эмоциональные антиматериалистические декларации, приведенные выше.

Свой общий взгляд на проблему сознания Серл именует «биологическим натурализмом» (с. 24). Он стремится придерживаться научных позиций, подчеркивает необходимость соответствия выдвигаемой концепции сознания двум фундаментальным достижениям науки: «атомарной теории материи» (под которой он имеет в виду теорию известных физике частиц, полей, взаимодействий) и «эволюционную теорию в биологии» (с. 95 и др.). Сознание возникло естественным путем, «лишенные разума частицы материи могут породить разум в силу своей ор

ганизации. Подобные кусочки материи организованы определенными динамическими способами, и именно динамическая организация создает разумность» (с. 50). Если это не материализм, то тогда что же?

Далее в результате рассуждений Серл делает следующий вывод: «Сознание есть биологическое свойство мозга человека и определенных животных. Оно причинно обусловлено нейробиологическими процессами и в той же степени является частью естественного биологического порядка, как и любые другие свойства вроде фотосинтеза, пищеварения или деления клетки» (с. 99). Эти положения многократно повторяются и варьируются в книге (см. с. 94, 95, 101 и др.). Серл подчеркивает «эволюционное преимущество сознания», связанное с увеличением возможностей различения, гибкости и креативности (с. 112-114).

Значительное внимание автор уделяет рассмотрению необходимой связи сознания с мозговыми процессами. С этой целью он использует идею эмерджентности. «Сознание есть свойство мозга высшего уровня (или эмерджентное свойство) в совершенно безобидном смысле слов “высший уровень” и “эмерджентный”, подобно тому, как твердость является высшим уровнем эмерджентным свойством молекул H₂O, когда они обладают решетчатой структурой (лед)...» (с. 35). Сознание «является каузально эмерджентным свойством поведения нейронов» (с. 119), «есть каузально эмерджентное свойство систем» (с. 115), «все ментальные макрофеномены причинно обусловлены микрофеноменами нижнего уровня» (с. 127). Серл продуктивно анализирует формы каузальности «снизу-вверх» или «от микро к макро» и, наоборот, «от макро к микро» (с. 126-127 и др.), рассматривает различные аспекты принципа эмерджентности.

Использование идеи эмерджентности в целях объяснения естественного происхождения сознания и его необходимой связи с мозговыми процессами является шагом вперед в обосновании материалистической позиции по сравнению с физикалистским редукционизмом. Здесь, однако, хотелось бы высказать ряд замечаний. Принцип эмерджентности является существенным, но недостаточным для объяснения специфики сознания и характера его связи с мозговыми процессами. В книге Серла это проявляется в том, что указанный принцип как бы уравнивает различные системные свойства, не позволяет четко выделить специфику субъективной реальности, более того, маскирует качественное различие между биологическим и физическим уровнями системности.

В этом отношении Серл отдает определенную дань парадигме физикализма: «ментальное состояние сознания есть просто обычная биологическая, то есть физическая, черта мозга» (с. 34). «Сознание есть ментальное и потому физическое свойство мозга в том смысле, в каком жидкое состояние есть свойство системы молекул» (с. 35; см. также с.36). Сознание в нашей Вселенной представляет собой «нередуцируемо субъективный физический компонент как компонент физической реальности» (с. 125, курсив мой. – Д.Д.), Как видим, Серл близко подходит к «тождеству ментального и физического», которое он столь категорично отрицал. Утверждение, что сознание есть физическое, пусть и эмерджентное, является неправомерным. Остается совершенно непонятным, что такое «субъективный физический компонент», каким образом явлению субъективной реальности можно приписывать массу, энергию, пространственные характеристики (если оно действительно физическое свойство) и каким образом физическому свойству самому по себе можно приписывать интенциональность, «содержание».

Это относится и к определению сознания в качестве «биологического свойства», так как общие и необходимые характеристики биологического сами по себе ничего не говорят о субъективной реальности в еспецифическом качестве. В тени остается самый трудный вопрос о характере связи явлений сознания, субъективной реальности и мозговых процессов (об этом речь пойдет ниже). И, конечно, нельзя согласиться с тем, что всякое эмерджентное свойство является физическим (подобным «твердости», «жидкости» и т.п. – такие аналогии не способны продвинуть нас в понимании субъективной реальности). Тем не менее Серл сполным правом мог бы резюмировать суть своей позиции так: «сознание есть свойство высокоорганизованной материи». (Помните?) Он выступает как последовательный материалист и его взгляды в главном можно отнести к той разновидности материализма, которая в западной номенклатуре обозначается как «эмерджентистский материализм».

Весьма удивительно, однако, что Серл ни словом не упоминает о своих предшественниках. Эта разновидность материализма, которая именуется еще и «нередуктивистским материализмом», выступает в качестве четкой альтернативы не только идеализму и субстанциальному дуализму, но и различным версиям физикалистского материализма. Среди представителей аналитической традиции концепция эмерджентистского материализма была наиболее четко сформулирована и многопланово развита четверть века тому назад Дж. Марголисом в его монографии [11]. Непостесняюсь сказать, что, благодаря моим немалым усилиям, эта ценная книга была переведена и после долгих проволочек всё-таки опубликована у нас в 1986 г. издательством «Прогресс»; во вступительной статье я пытался отметить ее значительные достоинства, связанные прежде всего с материалистическим истолкованием сознания, социальных процессов, явлений языка и культуры. Концепция эмерджентистского материализма разрабатывалась в различных аспектах Н. Сварцем [27], М. Бунге [17] и другими западными философами. Существенный вклад в развитие этого направления под углом проблемы сознания и мозга внесен выдающимся нейрофизиологом Р. Сперри [4]. Присоединение Серла к этому направлению материализма не может не вызывать положительного отношения.

Список литературы

1. Серл Дж. Открывая сознание заново. – М., 2002.
2. Дубровский Д. И. Мозг и психика // Вопросы философии. – 1968. – № 8.
3. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. – М., 1971.

4. Дубровский Д.И. Проблема нейродинамического кода психических явлений (некоторые философские аспекты и социальные перспективы) // Вопросы философии. – 1975. – № 6.
5. Дубровский Д. И. Информационный подход к проблеме “сознание и мозг” // Вопросы философии.– 1976. – № 11.
6. Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг. – М., 1980.
7. Дубровский Д. И. Проблема идеального. – М., 1983 (2-е изд., доп. – М., 2002).
8. Дубровский Д. И. Проблема духа и тела: возможности решения (В связи со статьей Т.Нагеля «Мыслимость невозможного и проблема духа и тела»); // Вопросы философии. – 2002. – № 10.
9. Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. – М.,1980.
10. Лекторский В. А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница // Разум и экзистенция.– СПб., 1999.
11. Марголис Дж. Личность и сознание. Перспективы нередуктивного материализма. – М., 1986.
12. Нагель Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы философии. – 2001. №8.
13. Смирнов В. М. Стереотаксическая неврология. – Л.,1976.
14. Сперри Р. У. Перспективы менталистской революции и возникновение нового научного миро-воззрения // Мозг и разум. – М., 1994.
15. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. – М., 1972.
16. Тюттин В. С. О природе образа. – М., 1963.
17. Bunge M. The Mind-Body Problem: A Psycho-Biological Approach. – Oxford, N.Y., 1980.
18. Dennet D. C. Consciousness Explained. – Boston, 1991.
19. Eccles J. C. Facing Reality. Philosophical Adventures by a Brain Scientist. – N. Y., Heidelberg, B., 1970.
20. Foster J. The Immaterial Self: a Defence of the Cartesian Dualist Conception of Mind. – L., 1991.
21. Putnam H. The Mental Life of Some Machines // Modern Materialism: Reading on Mind-Body Identity. – N.Y., Chicago, 1969.
22. Penfield W. The Mystery of the Mind: The critical Study of Consciousness and the Human Brain.– Princeton Univ. Press, 1975.
23. Polten E. P. Critique of Psycho-Physical Identity Theory. A Refutation of Scientific Materialism and Establishment of Mind matter Dualism by Means of Philosophy and Scientific Methods. The Hague, Paris,1973. Кстати, одобрителное предисловие к этой книге было написано выдающимся нейрофизиологом Дж.Экклзом.
24. Popper K., Eccles J. C. The Self and its Brain. – B., N.Y., L., 1977.
25. Sellars W. Science, Perception and Reality. L., 1963.
26. Sherrington Ch. Man on his Nature. Cambridge, 1942.
27. Swartz N. Emergence and Materialist Theory of Sentience // The Philosophy Forum. – 1975. Vol. 14. – № 3.
28. Weizsaker C. P. von. Die Einheit der Natur. Studien. – Munchen, 1972/

В «ТЕАТРЕ» ДЭНИЭЛА ДЕННЕТА (ОБ ОДНОЙ ПОПУЛЯРНОЙ КОЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ)

Дубровский Давид Израилевич

Дэниэл Деннет – один из самых популярных и влиятельных англоязычных философов, автор около десятка книг, посвященных проблеме сознания и переведенных во многих странах. Они неизменно оказываются в центре философских дискуссий по данной проблеме, встречаются отклик среди представителей различных наук. У нас переведено и опубликовано несколько небольших работ Деннета [1]. Рассмотрению его взглядов посвящены статьи Н. С. Юлиной [10; 11; 12; 13], которая недавно завершила работу над монографией о творчестве Деннета [14]. Я имел возможность внимательно прочесть рукопись этой монографии, представляющей кропотливый труд. В нем взгляды Деннета рассматриваются в широком контексте исследований проблемы сознания, которые интенсивно ведутся в последние десятилетия представителями аналитической философии. Мощный поток литературы по проблеме сознания в русле аналитической философии, как ни странно, остается вне поля заинтересованного внимания российских философов. Поэтому труд Н. С. Юлиной, выполненный в историко-философском ключе, особенно ценен.

Правда, я отношусь к концептуальным установкам и результатам Деннета гораздо более критично, что и послужило основанием для этой статьи. Сейчас, когда в философской литературе наблюдается чрезвычайная информационная избыточность, необходимо более взыскательно относиться к анализу не только исходных посылок предлагаемых концепций сознания, но и к логической последовательности их реализации в решении конкретных вопросов, к аспектам обоснованности и теоретической корректности философского изложения, оригинальности и результативности предлагаемых подходов. Такого рода взыскательность способна повысить продуктивность нашей деятельности, ее ответственность, если, конечно, мы исходим из убеждения, что философская разработка проблемы сознания претендует на теоретический статус и, следовательно, ее результаты подлежат проверке на основании общепринятых критериев.

Деннет – блестящий стилист, эрудит, изобретательный аналитик, творец оригинальных метафор, его писательская палитра многокрасочна, насыщена яркими образами и ассоциациями, способными стимулировать творческую мысль. Но можно ли найти в его многочисленных текстах концептуальные новации? В чем «сухой остаток»? Насколько последовательны и обоснованы предлагаемые им способы решения проблемы сознания? Вот вопросы, требующие ясных ответов.

Отстаивая материалистическую позицию в понимании сознания, Деннет резко критикует картезианский дуализм. Однако вместе с субстанциальным дуализмом Декарта он отбрасывает его феноменологические послышки (касающиеся прежде всего статуса Я) как совершенно устаревшие, противоречащие якобы современной науке. С этой целью Деннет вводит метафору «Картезианского театра», в котором «Я» разыгрывает свои роли центра сознания, источника целеполагания и воления. В итоге, отвергая феноменологическую традицию, идущую от Декарта, пытаюсь справиться с феноменом «Я» («Самости»), Деннет сооружает такую систему декораций, ролевых игр и объяснений, которую в его же манере можно назвать «Театром» Деннета. Ниже я попытаюсь выступить в качестве критически настроенного зрителя, который побывал на всех его главных спектаклях.

* * *

Итак, что есть «Самость»?

Этот вопрос является наиболее острым для теоретика, который исследует проблему сознания, ибо здесь он прежде всего сталкивается с самим собой, с собственным Я. Стремясь преодолеть эмпирическую неопределенность, теоретик создает корректные абстракции, формирует или принимает некоторую парадигмальную систему отсчета. Это относится к вопросу о собственном Я. Пытаясь ответить на него, он попадает в трудное положение: первичное описание должно носить интерсубъективный характер, производиться от третьего лица, но при этом оно неизбежно производится от первого лица. Ведь именно данное уникальное «Я» утверждает нечто о «Я» вообще, и другого не бывает. Такого рода парадоксальную ситуацию нельзя оставлять в тени. Недопустимо обходить токардинальное обстоятельство, что тут гносеологическая (эпистемологическая) проблема необходимо связана с онтологической проблемой, каки наоборот (т.е. утверждения, касающиеся способности «Я» знать нечто, в том числе и о самом себе, явно и неявно обусловлены утверждениями, касающимися реальности Я, и наоборот). Налицо своего рода замкнутый круг, который надо теоретически корректно разомкнуть.

Между тем, несмотря на значительный историко-философский опыт осмысления подобных трудностей (Декартом, Беркли, Юмом, Кантом, Гуссерлем и др.), несмотря на актуальность их основательного теоретического анализа в условиях информационного общества, указанный ключевой пункт проблемы сознания отодвинут на дальнюю периферию, а зачастую вообще игнорируется. Это справедливо для нынешних как физикалистских, так и функционалистских концепций сознания, которые одержимы задачей редукции феноменального к объективно реальному.

Мы видим это и у такого яркого представителя функционалистского направления в разработке проблемы сознания, как Деннет. Он является продолжателем традиции, идущей от Витгенштейна, Райла, Гудмэна, визвестной степени от Куайна, и ничего концептуально нового в этом отношении нам не предлагает: сознание редуцируется к 1) поведению, 2) лингвистическим отчетам, 3) когнитивному содержанию, которое присуще компьютерной программе. Интересны частности, способы аргументации автора, то, как он интерпретирует основные вопросы проблемы сознания, как пытается реализовать указанную программу редукции. И, конечно, важны те поводы к дискуссии с автором, которые во множестве содержатся в его трудах и способны стимулировать творческие размышления.

Итак, Деннет начинает с того, что безжалостно крушит «Картезианский театр», в котором Самость выступает в качестве особой ментальной реальности и образует центр сознательной активности, стягивает и систематизирует чувственные данные, редактирует, обобщает, принимает решения, дает команды к действиям. Всё это не более чем кажимости. Таково основное содержание первого акта в «Театре Деннета». Мыслышим вдохновенные декламации по поводу того, что представление о Самости возникло из-за приверженности к «дефективному набору картезианских метафор» и неоправданного доверия к собственной интуиции. Подобной реальности в виде «Главного Режиссера» или «Главного Редактора» на самом деле не существует, это мнимая реальность (см.: [16, p. 433 – 434]).

Сразу хочется прервать автора и возразить. Разве такой реальности не существует, например, в акциях декламатора, который сам себережиссер и целенаправленно ведет свою партию, выстраивает доводы, хочет увлечь нас своими мыслями? К тому же вопрос о том, что значит «не существует» или «существует» (и в каких смыслах берутся эти термины) автор оставляет за скобками. Он считает, что признание реального существования Самости (и шире – ментального) обусловлено картезианским постулатом об особой духовной субстанции.

Отбрасывая указанный постулат, мы тем самым должны якобы признать ложным тезис о реальном существовании ментальных явлений.

С этим, однако, нельзя согласиться. Между феноменологией Декарта (его утверждениями «Я мыслю...» и т.д.) и полаганием духовной субстанции нет необходимой логической связи, как ее нет между моими утверждениями о моем «Я» (типа «Я мыслю...», «Я хочу...», «Я должен...», «Я люблю...» и т.п.) и утверждением о существовании духовной субстанции, одним из проявлений которой обязано будто бы выступать мое «Я». (Разве тезис о реальности ментальных явлений нельзя обосновать иначе, как только путем отнесения ее к категории особой ментальной субстанции или путем отождествления ее с физическими явлениями?)

Это важно подчеркнуть, ибо Деннет не исследует вопрос о связи онтологии и феноменологии, не дает четкого анализа оснований своей онтологии, т.е. того, к чему редуцируется ментальное (поведение, лингвистический отчет, когнитивное содержание и шире – функциональное отношение), не замечает, что эти основания сами предполагают учет ментального, и его онтология неявно содержит в себе тот круг, о котором говорилось выше.

Признание Самости иллюзорной означает, конечно, признание того же в отношении феноменальных состояний вообще, т.е. субъективной реальности в целом. В этом отношении Деннет последователен. Он предлагает ироническую метафору «Феноменального сада», в котором пребывает Самость. Человек искренне верит, что звуки, образы, запахи и т.п. существуют в потоке его сознания в виде особых феноменальных качеств – «квалиа». По его убеждению, надо «дисквалифицировать квалиа», ибо таких объектов нет в природе (см.: [16, р. 45] и др.).

Весьма сильные утверждения, не правда ли? Посмотрим же, какие аргументы приводит Деннет.

Это в основном старые (иногда несколько перефразированные) доводы радикальных физикалистов и логических бихевиористов о «Мифе Данного», о несостоятельности интроспекции и «Привилегированного доступа»; такого рода доводы подвергались мной подробному критическому разбору (см.: [2; 6]). Суть их в том, что не существует якобы никакого прямого, непосредственно данного мне знания о моих субъективных состояниях (боли, звуковых или зрительных ощущениях и т.п.) и нет никакого привилегированного доступа к собственным субъективным состояниям. Это – «иллюзии картезианского театра». Нет якобы никакого различия между переживаемым в опыте субъективным феноменом и лингвистически оформленной мыслью об этом феномене. «В норме достаточным условием для того, чтобы иметь опыт, является последующий вербальный отчет» [16, р. 140]. Таким способом кажущаяся феноменов нашего субъективного мира редуцируется к тому, что полагается подлинной реальностью – словесным отчетам, и это считается научным объяснением субъективного опыта и сознания, от которых теперь не остается и следа (типичная иллюзия «Театра Деннета», сооруженного в своем основании в общем-то на средства бихевиоризма и физикализма!).

Столь крайняя, редукционистская установка вызывает категорическое возражение. Она подвергалась серьезной критике со стороны ряда представителей аналитической философии. Например, Т. Нагель [8; 20], Дж. Серл [9], М. Локвуд [19] и другие справедливо подчеркивали, что объяснение сознания, ментальных феноменов не должно сводиться к требованию обязательной редукции явлений сознания к чему-то такому, что имине является (к физическому процессу, словесному отчету, поведенческому акту). Адекватные методы объяснения сознания не должны элиминировать качественную специфику явлений субъективной реальности (а это как раз и происходит в концепциях радикального редукционизма).

Помимо указанных выше, Деннет приводит ряд других доводов, большей частью эпистемологического и психологического плана: субъекты «часто не могут дать

непротиворечивые ответы» о том, что они испытывают в опыте, подвержены «когнитивным иллюзиям», «часто» не могут дать ясного отчета об операциях собственного «Я» с «данными опыта» ит.п. Весомость этих доводов близка к нулю. Если «часто» не могут, а хотябы «редко» могут, то это не подтверждает тезиса о сплошной кажимости «данных опыта», об иллюзорности «Феноменального сада».

Кроме того, Деннет умалчивает о том, как обстоит дело у него самого, как он оценивает собственные переживания, например, боли, жажды или, простите, острого желания зайти в туалет. Неужели как иллюзии кажимости? (Хочу отметить, что Деннет широко использует в своей аргументации выгодные примеры и контрпримеры «из жизни», но «незамечает» противоречащие факты).

Вот еще несколько примеров аргументации Деннета в пользу неадекватности самоотображения. Люди «могут рассказывать красивые сказки, не осознавая их сказочности, заполняют провалы, гадают, спекулируют, подменяют наблюдаемое его теоретизацией» [16, р. 31]. Даже, когда они вполне искренни! «Мы готовы допустить, что это так и есть, должно быть тем, что кажется им; но тогда то, что им кажется, оказывается слабым руководством к тому, что реально происходит в них» [Там же]. Разумеется, к себе автор этого не прилагает. Видимо, потому, что его сознание либо вовсе лишено кажимостей, либо обладает безотказными средствами, чтобы во всех случаях их сразу распознавать и блокировать. Он становится в позицию некоего анонимного величия – «Мы» («мы готовы допустить...» и т.п.). «Вы уверены, что знаете собственное сознание?» – спрашивает Деннет, и продолжает: «Поэтому рассказывайте нам. Мы поверим вам. Однако мы вряд ли поверим, что вы сообщаете истину о процессах, происходящих внутри вас... Тем не менее мы поверим вам, когда вы будете рассказывать о том, что вам кажется; мы наделяем вас авторитетом относительно кажущегося вам» [Там же].

А вот авторитетом относительно не кажущегося, а действительного Деннет фактически наделяет собственное «Мы». Такую, мягко выражаясь, сомнительную манеру суждений, когда теоретик берется утверждать нечто о свойствах человеческого сознания вообще, но не прилагает этого к самому себе, к собственному сознанию, я называю «феноменом отрешенности от себя». Этот феномен, как ни странно, весьма типичен для философов, обсуждающих проблему сознания. Его корни, как мне думается, произрастают из классической гносеологии, которая в главных своих теоретических интенциях является экстерналистской, имеет своей задачей познание внешнего объекта, в крайне слабой степени учитывает фундаментальное обстоятельство, что всякое отображение внешнего объекта необходимо включает самоотображение субъекта. Такая экстерналистская стратегия адекватна при постановке и решении лишь некоторого класса познавательных задач (характерных для классического, физикалистского естествознания). Классическая гносеология (эпистемология) стремится корректно элиминировать аспект субъективной реальности и таким путем достигнуть того, что именуется объективным знанием, она не выработала эффективных средств теоретического отображения субъективной реальности как особого предмета познания и не располагает достаточными теоретическими средствами оценки ее вклада в формирование всякого результата познания. На нынешнем этапе нашей информационной цивилизации быстро возрастает число таких классов познавательных задач, которые настоятельно требуют новой эпистемологии, необходимо включающей теоретическую рефлексию самоотображения субъекта (см. подробнее: [4; 6; 7]).

К сожалению, Деннет не предпринимает эпистемологического анализа самоотображения. Более того, не обращает внимания на элементарные психологические механизмы самокритики и самокоррекции, которые присущи всякому сознанию и способны минимизировать «кажимости». Он оставляет в тени и тот чрезвычайно существенный для нашего обсуждения столь очевидный факт, что отчеты от первого лица (не только для других, но и для себя), хотя и могут вводить в заблуждение, могут быть «красивыми сказками», в то же время исправно

работают в огромном числе случаев, производят интерсубъективные продукты и служат руководством к эффективным действиям. И разве не то же самое мы видим, когда кто-либо воспринимает внешние объекты, рассуждает и теоретизирует по поводу них? Но, пожалуй, главное состоит в том, что отрицая возможность адекватного самоотображения, теоретик подрывает одно из необходимых оснований возможности адекватного познания вообще. Познавательный акт непременно включает в той или иной форме отчет от первого лица для себя и лишь потом для другого. Если самоотображение неадекватно, то это свидетельствует о неэффективности логического и интуитивного самоконтроля, что влечет неадекватность познавательного акта в целом.

Уже это показывает, что стремление элиминировать качество субъективной реальности, характерное для редукционистских стратегий, связано с весьма узким пониманием гносеологической проблематики. Эти редукционистские стратегии препятствуют постановке и решению новых актуальных задач в области гносеологии. Здесь еще раз обнаруживается существенная взаимосвязь онтологии и гносеологии: новые онтологические проблемы требуют новых гносеологических исследований.

Концепция Деннета в основном воспроизводит стратегические установки «научных материалистов» 50–70-х годов прошлого века (Г. Фейгл, Дж. Сمارт, Д. Армстронг, П. Фейерабенд и др.; особенно близка она к позиции «элиминативного материализма» раннего Р. Рорти). Последние стремились покончить с «чужеродностью» ментального в научной картине мира, редуцировать «ментальное к «физическому» (критический анализ этого направления был проведен мной еще в 1970-х годах; см. [3, ч. 1, гл. 1 и 2]). В отличие от большинства «научных материалистов», которые выступали с позиций радикального физикализма, Деннет пытается осуществить программу редукции позиций функционализма, используя известные теоретические результаты Тьюринга («Машина Тьюринга», «Тест Тьюринга»). С этой целью он предлагает свой «гетерофеноменологический метод», который, по его словам, позволяет преодолеть иллюзорность аутофеноменологии, объяснить сознание без ментального, чисто экстерналистским способом (сугубо «объективно»).

Формулируя альтернативу «гетерофеноменология или аутофеноменология», Деннет использует характерное для бихевиористски мыслящих теоретиков клише. Как будто возможна некая чистая аутофеноменология, а соответственно, и ее антипод. Где вы встречали, у кого, чистую аутофеноменологию в качестве концепции сознания? Интроспективные данные, выступая в словесном облачении, так или иначе «гетерофеноменологичны». С другой стороны, любые «гетерофеноменологические» построения неизбежно включают интроспективные данные (отчеты от первого лица), более того, в определенном смысле основываются на них.

Понятие сознания используется не только в философии, но и в разных науках, оно употребляется в разных смыслах, которые часто недостаточно четко определены. Некоторые свойства, приписываемые сознанию, характеризуют, например, его операциональные аспекты. В этом случае они хорошо определяются эмпирически и имеют стандартные функциональные описания от третьего лица. То, что Деннет называет гетерофеноменологией, как раз и представляет такого рода описания, используемые в когнитивной психологии, психофизиологии, в проблематике искусственного интеллекта и других областях науки. Но при этом за скобками остается специфика субъективной реальности – наиболее существенная, неотъемлемая черта сознания.

Гетерофеноменологический метод выражает, по существу, хорошо известную методологию бихевиоральных исследований, которая оправдана в целях изучения отдельных функций сознательной деятельности, но не более того. Теоретические основания такого рода исследований далеко не совпадают с теоретическими основаниями общей концепции сознания.

Деннет же выдает первое за второе.

На сцене «Театра» Деннета мы наблюдаем привычную игру, когда удивительное, загадочное оборачивают и подают в виде «всем понятной», расхожей банальности; мы отмечаем одаренность актера, богатый антураж, иногда восхищаемся режиссерскими находками, но это не отменяет острого чувства неподлинности, «выхолащенности» образа.

Различие между двумя указанными уровнями теоретических подходов к проблеме сознания четко фиксирует Д. Чалмерс, внесший заметный вклад в анализ ее теоретических оснований [15; 16]. Он различает «легкую» и «трудную» проблему сознания. «Легкая» проблема включает набор феноменов, которые обычно «ассоциируются с понятием сознания» и являются предметом исследования нейрофизиологи, когнитивной психологии и смежных с ними дисциплин. Сюда относятся: реакция на внешние стимулы, их дискриминирование и категоризация; отчеты о ментальных состояниях; интегрирование информации когнитивной системой; фокус внимания; контроль поведения; научение; различие между бодрствованием и сном. Все эти феномены хорошо объясняются в привычных функциональных терминах (см.: [15, р. 200 – 201]).

«Трудная» проблема сознания – это проблема «субъективного опыта». «Почему дело обстоит так, что определенные электромагнитные волны, воздействующие на сетчатку, дискриминируются и категоризируются зрительной системой, но эта дискриминация и категоризация переживается как ярко-красное?» [Там же, р. 203]. «Почему эти процессы не идут в «темноте», свободно от какого-либо внутреннего чувства?» [Там же]. Как объяснить «субъективный аспект информационных процессов?». В этом – «ключевой вопрос проблемы сознания» [Там же]. Объяснение в функциональных терминах «оставляет вопрос открытым» [Там же, р. 207]. Большинство представителей функционализма, в их числе Деннет, стремятся свести «трудную» проблему к «легкой» и таким путем «решить» проблему сознания. Их оппоненты (Т. Нагель, Дж. Серл и др.) отвергают функционализм на том основании, что принципы последнего позволяют приписывать «сознание» существам, способным выполнять «разумные операции», обладать «когнитивной компетентностью», но лишенным качества субъективной реальности (они именуется «зомби»). Деннет прямо заявляет: если «зомби» успешно пройдет все гетерофеноменологические тесты (подтверждающие наличие у него достаточной «когнитивной компетентности»), то мы обязаны приписывать ему сознание. Но такой ответ был ведь предreshен с самого начала, поскольку Деннет исходит из того, что главным признаком сознания является «функционирование когнитивно-информационных процессов», а эта черта является общей для человека и компьютера (см.: [17, р. 216–218]). Он иронизирует по поводу «тайного огня сознания», которого не затрагивает его теоретическая рефлексия, и утверждает, что его оппоненты не привели никаких доказательств в свою пользу.

Действительно, «Тесты Тьюринга» позволяют установить «разумность» некоторой системы, наличие у нее «когнитивной компетентности», но не имеют средств для диагностики наличия или отсутствия у нее субъективной реальности. Последняя, конечно, предполагает наличие «когнитивной компетентности». Однако наличие «когнитивной компетентности» не предполагает обязательного наличия субъективной реальности, без которой нет сознания. Таким образом, суть проблемы не просто в наличии «когнитивной компетентности», а в способе ее существования. Радикальный функционализм игнорирует вопрос о способе существования «разумного содержания» и в результате выхолащивает проблему сознания.

Между тем идея функционализма, принципы функционализма допускают различную интерпретацию. Парадигма функционализма противостоит парадигме физикализма и тем самым открывает новый теоретический горизонт. Эти новые теоретические возможности связаны прежде всего с категорией информации (поскольку информация инвариантна по отношению к физическим свойствам ее носителя) и соответственно с понятиями кодовой

зависимости и информационной причинности. Поэтому парадигма функционализма способна инициировать такой подход к проблеме сознания, который, по моему убеждению, может вполне корректно ставить и решать вопрос о способе существования «когнитивного содержания» и «когнитивной компетенции». Я пытался показать это в полемике с Т. Нагелем и Дж. Серлом – решительными противниками функционализма (функционалистского редукционизма в духе Деннета), стремящимися, как и я, отстоять сознание именно в качестве субъективной реальности (см.: [5; 6]). В статье, посвященной анализу взглядов

Т. Нагеля [5], дано краткое изложение моей концепции связи сознания с мозговыми процессами, опирающейся на принципы функционализма. Думаю, эвристический потенциал этих принципов далеко не исчерпан.

Вернемся, однако, к Самости, как ее трактует Деннет. Этот пункт феноменологии сознания является, пожалуй, самым важным. Тезис об иллюзорности Я, его отрицание как центра сознательной активности, ценностно-смыслового ядра персональной системы субъективной реальности означает перечеркивание личности – крах ее достоинства, воли и ответственности. Этот эпатажирующий тезис тоже не нов. Здесь в «Театре Деннета» начинают проступать постмодернистские декорации, а в будке сфлора теперь сидит уже некто наподобие Делёза или Деррида.

Идея децентрации сознания имеет, конечно, некоторые основания. Вовсе времена структура сознания никогда не выглядела строго иерархичной, включала разнообразные связи и отношения многих своих оперативных и ценностно-смысловых блоков, которые не удовлетворяли принципу иерархической организации, сохраняли определенную меру автономии и неуправляемости со стороны Я. В этом, кстати, проявляется один из существенных факторов надежности и эффективности целостной системы психической самоорганизации личности (в которой соотношение функций централизации и автономизации весьма многообразно, аналогично тому, как это имеет место в сложных биологических системах). Однако нарушение определенной меры автономии и неуправляемости ведет к тем или иным видам психопатологии (психические автоматизмы, деперсонализация, шизофреническое расщепление личности).

Кроме того, люди всегда сетовали на собственное «Я» (разрыв между желаемым и действительным), на «слабость» «Я», его недостаточность в оперативном, волевом, управленческом плане (хотя история знает множество выдающихся личностей, добивавшихся высочайшего уровня саморегуляции, управляющей силы Я; хорошо известен и феномен фанатической суперцентрации сознания, в структуре которого иерархический принцип выражен наиболее полно).

И тем не менее психическая организация личности остается целостной системой, в которой подсистема «Я» выполняет упорядочивающую, центрирующую и управляющую функцию. Эта подсистема, будучи ядром сознания, вместе с тем охватывает его актуальное (и, конечно, диспозициональное) содержательное поле. И она в свою очередь является самоорганизующейся, саморегулируемой, самоуправляемой, что обеспечивается фундаментальным, чрезвычайно надежным механизмом поддержания идентичности Я, «тождества личности» (его нарушение, поломка влечет тяжелейшую психопатологию).

В ходе развития цивилизации этот генетически заданный механизм несет все большую нагрузку в силу возрастания внешних децентрирующих факторов – умножения числа вещей, потребностей, коммуникаций, видов деятельности. В наше время такое умножение нарастает в геометрической прогрессии, что создает угрозу идентичности «Я» (главным образом для западного общества, для «золотого миллиарда»). Это послужило одним из оснований распространенности постмодернистских клише о децентрации сознания, «деструкции Я»,

«смерти автора», «смерти субъекта», которым оказался подвержен и «Театр» Деннета.

Способность «Я» поддерживать свою идентичность, несмотря на непрерывное его «растаскивание» по множеству «содержаний», относящихся к модальности «не-Я», способность постоянного «возвратак себе», сохранения различия между собой и внешней предметностью, между собой и другими «Я» свидетельствует о наличии могучей по своей энергетике и оперативному диапазону центрирующе-интегративной функции (она реализуется ежесекундно, хотя и в разной степени, отчего суть данной функции не меняется; даже в патологии, когда действительно нарушается целостность Я, психиатры отмечают, что эта функция продолжает действовать в каких-то нижних этажах и ряде локальных областей структуры сознания).

Поэтому попытка Деннета отрицать Самость, как обладающую качествами самоидентичности и центризма, противоречит не только нашему повседневному опыту (и, конечно, опыту самого Деннета), но и общепринятым данным психологии и психиатрии. Отчасти такая установка Деннета подходит для описания Самости больных шизофренией и случаев старческого маразма.

Что же предлагает Деннет вместо отставленной им Самости? Как мы увидим дальше, его взгляды на сей счет не отличаются последовательностью. Да они и не могут быть последовательно проведены, так как даже сама по себе когнитивная способность (независимо от того, какому агенту она приписывается – человеку или роботу) обязательно несет себе качества центризма и самоидентичности – необходимые условия целенаправленного действия, решения задачи.

Вначале Деннет, отвергая Самость, воинственно идет по пути децентрализации. Он предлагает свою «Модель множественных набросков». «Наброски» («драфты») – фрагменты текущей ментальной активности, образующие калейдоскопические узоры. В мозгу «нет Короля», он организован более демократично и в чем-то анархично. Ментальная активность осуществляется на основе «мультитрековых процессов интерпретации и обработки чувственных данных». «Сети бессловесных нарративов», накладывающиеся друг на друга, мгновенно производят различные содержательные добавки, исправления, регистрации, корректировки, одни драфты перекрывают и подавляют другие, самые же «упорные» заявляют о себе «через пресс-релиз в виде вербального поведения» (см.: [17, р. 111–135]). Всё это колоссальное и децентрированное многообразие сливающихся и конкурирующих драфтов, тем не менее, подвергается постоянной «редакторской ревизии» [Там же, р. 112], в силу чего и становится возможным «пресс-релиз».

И автор, как видим, благополучно приходит к идее центра. Мы помним, что он отрицал роль «Главного редактора», но теперь признает просто «Редактора», который не допускает какофонии драфтов. Кто же выполняет столь ответственную миссию? Она отведена «диспозициям». Это, во-первых, генетически заданные, биологические диспозиции (в «Театре» Деннета они красиво именуется «зависящими от спроектированного Матерью-Природой дизайна человека») и, во-вторых, социально заданные диспозиции, обусловленные воспитанием, обучением.

Для современного научного знания – это общие места. Вопрос в том, как осуществляется селективная и центрирующая функции этих диспозиций на уровне сознания и в каждом индивидуальном «Я». В «Театре» Деннета «Я» представляется так, что оно оказывается не более, чем своего рода диспозициональным автоматом. У сознания все-таки возникает центр, но в нем трудно обнаружить нечто похожее на самополагание, творческую интенцию и свободу воли.

Итак, на сцене, как ни удивительно, появился центр сознания, загримированный под

диспозиции. Еще несколько упреждающих монологов и зритель увидит саму ранее изгнанную Самость, правда, сильноотличающуюся от привычной. Она выходит на подиум в роли «Центранарративной гравитации». Такова очередная изысканная метафора Деннета. Поскольку ментальное отождествляется с вербализованным, «нарративным», то Самость выступает (по аналогии с центром тяжести в физике) неким виртуальным центром «паутины нарративов», которые постоянно плетутся нами. Однако: «Наши рассказы о себе плетутся, но большей частью не мы их сплетаем; они плетут нас. Наше сознание и наша нарративная самость представляют собой результат, а не источник» [17, р. 418]. «Нарративные самости» это – «артефакты творческих социальных процессов» [Там же, р. 423].

Как это до боли знакомо нам, бывшим советским философам! Моей вашей, и любое «Я» – не является источником волеия и самополагания, творчества новых смыслов и ценностей, оно без остатка продукт «Машины Социума», жалкая марионетка. Такова, несмотря на многочисленные оговорки, суть позиции Деннета. Подобный социальный пандетерминизм проистекает из физикалистских оснований его мировоззрения, для которого остается чуждой идея самоорганизации и самодетерминации; объяснение строится путем подыскания внешней причины. Набор этих причин исчерпывается физическими, биологическими и социальными факторами. Личностные факторы (самополагание, самовоспитание, саморегуляция, самопреодоление, сила воли, мужество духа и пр.) не имеют онтологического причинного статуса, могут быть сведены к биологическим и социальным факторам. Нетрудно представить, какие следствия, касающиеся теории общества, допустимо выводить из таких посылок. Вместе с тем из тезиса о «Нарративной Самости» вытекают и любопытные заключения, касающиеся понимания личности.

Но вначале надо решить совсем простой вопрос. «Центр Нарративной Гравитации» («Нарративная Самость») есть, как подчеркивает Деннет, теоретическое понятие. Приложимо ли оно к конкретным людям, к отдельной реальной личности? Ведь то, что обычно (прежде всего в психологии личности) именуется «Самостью», «Я» и столь отвечает нашей интуиции, представляет, согласно автору, на самом деле нечто существенно иное, а именно «Центр Нарративной Гравитации».

Судя по всему, приложимо. И не только к отдельной личности, но даже к отдельным роботам. «Если самость есть «именно» Центр Нарративной Гравитации... тогда в принципе соответствующим образом «запрограммированный» робот с компьютерным мозгом на силиконовой основе был бы сознательным, был бы самостью» [17, р. 431]. Об этом уже шла речь выше.

Нам важно было установить, что «Нарративная Самость», согласно Деннету, и есть подлинная Самость каждого человека, в том числе автора концепции «Нарративной Самости». Из этого как раз и вытекают любопытные следствия.

Итак, Деннет «сплел рассказ» о «Нарративной Самости» («Центре Нарративной гравитации» – сокращенно «ЦНГ»), т.е. в том числе о себе, о своем Я. Этот «рассказ» сплетен «по большей части» не им, а кем-то или чем-то другим. Тогда он не может претендовать на роль автора и отвечать за достоверность «рассказа» (типично постмодернистский ход мысли). Однако «Центр Нарративной Гравитации Деннета» (сокращенно «ЦНГД») весьма агрессивен, спорит с другими «ЦНГ», считает их неправильными, пытается по своему образу и подобию исправить эти «ЦНГ», которые тоже «по большей части» сплетены не ими самими, а кем-то или чем-то. «ЦНГД», следовательно, присваивает себе эксклюзивное право быть единственно правильным, универсальным «ЦНГ», хотя это самоопределение опять-таки либо «по большей части» сплетено не «ЦНГД», а по меньшей – все-таки им, либо целиком им, либо целиком не им. Во всех случаях «ЦНГД» ускользает из класса «ЦНГ», становится супер-ЦНГ, хотя неизвестно, как ему это удалось и

от кого именно получен такой божественный дар.

Все эти и многие другие несообразности (их перечень можно было бы долго продолжать) вытекают из приведенной выше трактовки Самости. Понятно, Деннет предлагает нам всего лишь интеллектуальную игру, театр одного актера, в котором он сам устанавливает и меняет правила. Но в теоретическом отношении это – весьма слабая игра. На сцене выступает фабрикованное виртуальное «Я» автора. Его живое, подлинное «Я» (совсем с амбициями, комплексами, волей, целеустремленностью, творческими порывами и прочим) – за кулисами. Оно никак не отображается в теоретической конструкции Деннета, но, конечно, именно это подлинное, реальное «Я» выступает и актером, и продюсером, и режиссером, и суфлером. И оно хочет быть еще и публикой. Аплодирующей публикой!

Разумеется, в многочисленных трудах Деннета имеются различные сюжеты, относящиеся к проблеме сознания, которых я не касался, ибо это потребовало бы слишком много места. В текстах автора нередко встречаются противоречия, склонность к эпатажу и «журналистским» квазиновациям. Вместе с тем в его трудах, безусловно, есть немало такого, что с полным правом можно назвать интересным, ценным, стимулирующим творческую мысль. В данной статье я ограничился критикой ряда ключевых положений концепции Деннета, которые связаны с наиболее «болезненными» пунктами проблемы сознания, являются предметом острых дискуссий.

Утверждаю: побывать в «Театре» Дэниэла Деннета – весьма полезно. Если кто-то примет это за рекламу, я не стану с ним спорить.

Список литературы

1. Деннет Д. Онтологическая проблема сознания // Аналитическая философия: становление и развитие. – М., 1998; Он же. Условия личностного // История философии. – 2000. – № 5; Он же. Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно // Вопросы философии. – 2001. – № 8; Он же. Почему каждый из нас является новеллистом // Вопросы философии, 2003. – С. № 2.
2. Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. – М., 1971.
3. Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг. – М., 1980.
4. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. – 2-е изд. – М., 2002.
5. Дубровский Д. И. Проблема духа и тела: возможности решения (В связи со статьей Т. Нагель «Мыслимость невозможного и проблема духа и тела» // Вопросы философии. – 2002. – № 10.
6. Дубровский Д. И. Новое открытие сознания? (По поводу книги Джона Серла «Открывая сознание заново» // Вопросы философии. – 2003. – № 7.
7. Дубровский Д. И. К вопросу о гносеологии субъективной реальности // Смирновские чтения. 4-я Международная конференция. – М., 2003.
8. Нагель Т. Мыслимость невозможного и проблема духа и тела // Вопросы Философии. – 2001. – № 8.
9. Серл Дж. Открывая сознание заново. – М., 2002.
10. Юлина Н. С. Дэниел Деннет: концепция сознания и личностного // История Философии – № 5. – М., 2000.
11. Юлина Н. С. Д. Деннет о проблеме ответственности в свете механицистского объяснения человека // История философии. – 2001. – № 8.

12. Юлина Н. С. Деннет о вирусе постмодернизма. Полемика с Р. Рорти о сознании и реализме // Вопросы философии. – 2001. – № 8.
13. Юлина Н. С. Д. Деннет: самость как «центр нарративной гравитации», или Почему возможны самостные компьютеры // Вопросы философии. – 2003. – № 2.
14. Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания. Концепция Дэниэла Деннета. – М., 2004.
15. Chalmers D. J. Facing Up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies 2 (3), 1995.
16. Chalmers D. J. The Conscious Mind. In Search of Fundamental Theory. – N. Y., Oxford, 1996.
17. Dennett D. Consciousness Explained. – Boston, 1991.
18. Dennett D. Kinds of Mind. – N.Y., 1996.
19. Lockwood M. Mind, Brain and Quantum. – Oxford, 1989. 20. Nagel T. The Last Word. – N.Y., Oxford, 1997.

СОЗНАНИЕ И «ПРЕДСМЕРТНЫЙ ОПЫТ» (НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О КНИГЕ Л. М. ЛИТВАКА «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ. ПРЕДСМЕРТНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ И ПРИРОДА ПСИХОЗА. ОПЫТ САМОНАБЛЮДЕНИЯ И ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ» (М., 2007))

Дубровский Давид Израилевич

Автор этой книги – известный психиатр, бывший наш соотечественник, проживающий ныне в Израиле – сам пережил клиническую смерть, ставшую для него предметом тщательного научного анализа. После знаменитой книги Р. Муди «Жизнь после смерти» эта тема вот уже более тридцати лет вызывает интерес широкой общественности, ей посвящено значительное число публикаций.

Уникальность книги Л. М. Литвака в том, что он исследует феномен «жизни после смерти» не просто на основе представленных в литературесвидетельств, объективных данных и наблюдений, в том числе накопленных им самим в процессе многолетней психиатрической и психоневрологической практики, но и на основе осмысления своих личных субъективных состояний в период клинической смерти и после выхода из нее. Последнее представляет исключительную ценность. Насколько мне известно, научных публикаций такого рода, когда автором выступает именно психиатр, перенесший клиническую смерть, нет в мировой литературе.

Работа многопланова, она охватывает основные теоретические аспекты обозначенной проблематики, ставит остро актуальные вопросы не только психиатрического, психологического и психоневрологического, но и философского характера. В сравнительно небольшой статье трудно рассмотреть и оценить исключительно богатый материал книги, все поставленные в ней принципиальные вопросы и выводы. Поэтому ограничимся в основном теми из них, которые тесно связаны с актуальной психологической, психофизиологической и философской тематикой.

Прежде всего, это относится к современным разработкам проблемы сознания. За последние десятилетия в философском осмыслении сознания явно возросла роль конкретнонаучных эмпирических данных о его структуре, функциях, оперативных возможностях. Развитие информационного общества во многом меняет и дополняет классические ракурсы философского анализа сознания. Это вызвано, конечно, и заметными успехами психологии, психофизиологии, психиатрии, лингвистики, компьютерных и когнитивных наук. Особенный интерес представляют данные психиатрии и смежных с ней областей знания и медицинской практики. Различные патологические нарушения сознания позволяют увидеть те его действительные структуры и свойства, которые обычно в нормальных состояниях глубоко скрыты и потому не учитываются в философских и психологических концепциях сознания, из-за чего последние снижают свой объяснительный потенциал.

Заслугой автора является не только детальное и систематизированное описание феноменологии NDE (принятое в западной литературесокращенное обозначение того психического состояния, которое именуется «Околосмертным опытом» – «Near Death Experience»), но и его концептуальное объяснение, исключающее мистические толкования, столь распространенные в популярных изданиях.

Наряду с термином «NDE» автор гораздо чаще использует термин «TSC» (сокращенное обозначение «Terminal State of Consciousness» – «Терминальные состояния сознания»). Он специально не уточняет соотношение этих терминов, употребляя их большей частью как равнозначные, хотя иногда создается впечатление, что второй из них, включая значение первого, является все же более широким, так как охватывает не только субъективные состояния в период клинической смерти и в процессе выхода из нее, но и ряд других субъективных феноменов, относимых к острому психозу, но не представляющих собственно состояния клинической смерти. Впрочем, это не имеет существенного значения для концепции автора. На основе тщательного анализа Л. М. Литвак показывает, что TSC (в дальнейшем будем пользоваться именно этим термином) представляет собой психоз, вызванный тяжелой соматической патологией и, следовательно, существенным нарушением мозговой нейродинамики. Это – «психоз умирания» (здесь и далее взятое в кавычки – слова и высказывания автора настоящей книги). При этом характерные для TSC черты автор выявляет и в других видах психозов, в том числе среди типичных для симптоматики шизофрении, тяжелых форм алкоголизма и острых психозов иной этиологии. Как он отмечает, такое направление его исследовательской мысли было вызвано тем, что он не только пережил TSC, но и за много лет до этого, будучи молодым врачом-психиатром, перенес психоз, вызванный испытанием на себе препарата (метамизила), предназначенного для лечения алкоголизма, но должным образом не апробированного и вызывавшего сомнения (см. главу XII «Самонаблюдение в метамизиловом и атропиновом психозе», представляющую самостоятельный интерес). Сравнивая этот давний опыт с собственными переживаниями в TSC, автор обнаружил ряд важных общих черт, что подтверждалось и самонаблюдениями других психиатров, испытывавших состояние острого психоза. Эта общность, как он показывает в ходе тщательного анализа, обусловлена общностью неврологических нарушений. Подчеркивая принцип «единства психопатологии и неврологии», автор формулирует «парадигму острого психоза».

Общая картина острого психоза определяется следующими важнейшими чертами: 1) недифференцированный поток онирических (сновидных) переживаний, «вырывающийся из тьмы бессознательного», 2) аффективно-протопатический сдвиг с витальной депрессией и деперсонализацией, 3) блокада речи со сдвигом когнитивных процессов от понятийно-логических к образным, влекущим нарушение образования представлений и понятий.

Эта парадигма может служить исходным пунктом для понимания затяжных и хронических психозов, поскольку всякий психоз есть выражение патологических изменений в организме человека, которые, как к своему пределу, приближаются к терминальному состоянию, независимо от того, завершается ли оно биологической смертью, клинической смертью или выздоровлением. Понятие предельности позволяет концептуально представить целиком, во всех фазах патологический процесс и его психопатологическое выражение. Тем самым процесс умирания («танатогенез») позволяет более глубоко осмыслить проблему психоза в плане патологического регресса психики, подойти к ней с эволюционных позиций. Это представляет значительный интерес, так как позволяет уяснить роль древних, глубинных пластов психики в структуре сознания, прежде всего протопатической чувствительности, которая, выступая в качестве первичной формы психики, объединяет в себе чувства боли и страха (в отличие от филогенетически более поздней гностической чувствительности, в которой на первый план выходит уже не аффективная, а когнитивная функция).

Л. М. Литвак прослеживает последовательные фазы регресса психики в TSC вплоть до «филогенетического нуля» и ее последующее восстановление, воспроизводящее в общих чертах этапы развития психики в филогенезе и онтогенезе (в этом плане рассматриваются особенности психики животных и развития ее у ребенка – см. гл. VIII и др.).

Автор выделяет и детально описывает основные стадии TSC, их содержание, структурные и динамические особенности, опираясь прежде всего на свои самонаблюдения, но используя также и другие материалы, в том числе объективные неврологические данные. Думаю, это самое подробное и лучшее в профессиональном отношении описание феномена «околосмертного опыта» в мировой научной литературе.

Надо заметить, что этот феномен встречается примерно лишь в 15–18 процентах случаев среди перенесших клиническую смерть или близкие к ней экстремальные состояния, остальные же не испытывали в этих состояниях каких-либо субъективных переживаний или, по крайней мере, не могли хотя бы что-то о них рассказать. Имеющиеся же сообщения, как правило, фрагментарны, слишком эмоциональны, несут груз последующих интерпретаций, которые способствуют их мистическим толкованиям. Наиболее интригующие сообщения, используемые для такого рода толкований (пребывание как бы вне собственного тела, движение сквозь темное пространство, будто через туннель, в конце которого яркий свет, общение с «образом света», пребывание на границе «этого» и «того» мира, эйфорические и экстатические переживания и др.) получают в работе автора убедительное объяснение как результат психопатологического процесса. Более того, он специально сопоставляет ряд мистических переживаний с переживаниями в остром психозе и выявляет их общность, что позволяет лучше объяснить склонность к мистическим истолкованиям «околосмертного опыта».

В книге Л. М. Литвака феноменология TSC представлена в системно-аналитическом виде, что имеет большое значение не только для психиатрии и ряда других областей медицины, но также для психологии и философии.

Но здесь обычно возникает вопрос о достоверности описаний, основанных на самонаблюдении. Ведь они представляют собой утверждения от первого лица, которые в большинстве своем недоступны проверке объективными методами – в отличие от утверждений от третьего лица (вокруг этого давно ломают копья представители аналитической философии и «объективистской» психологии). Заслуга автора в том, что он не только обосновывает, но и демонстрирует первостепенное значение для психиатрии квалифицированных самонаблюдений.

Попытки дискредитировать данные самонаблюдения перечеркивают возможность познания субъективной реальности вообще, а тем самым исследования человеческих проблем, т.е. ведут к абсурду. Явления субъективной реальности – исходная форма всякого знания, и для того, чтобы утверждать нечто от третьего лица, мы должны утверждать это от первого лица (вначале для себя, а затем для других, стремясь придать данному утверждению интерес субъективный статус). Другого не бывает! В равной мере это относится к описанию и внешней реальности и «внутренней», субъективной реальности.

Разумеется, существуют серьезные гносеологические проблемы, касающиеся адекватности отображения собственных явлений субъективной реальности, интерес субъективного статуса отчетов от первого лица, верификации данных самонаблюдения, различных уровней и способов рефлексии собственных субъективных переживаний и др. Не имея возможности останавливаться здесь на этих вопросах (они подробно обсуждались в моей статье «Гносеология субъективной реальности») следует лишь подчеркнуть, что эта проблематика чрезвычайно актуальна для современной гносеологии, призванной давать ответы на вызовы информационного общества. И для ее разработки важное значение имеют результаты

конкретных исследований психики человека, что в полной мере относится к содержанию обсуждаемой книги.

Значительный интерес для разработки проблемы сознания представляет рассмотрение автором форм дезинтеграции базисной структуры субъективной реальности, представляющей динамическое единство противоположных модальностей «Я» и «не-Я». В пике TSC (2-я стадия, по автору) «Я» и «не-Я» как бы слиты, в дальнейшем, при онейроидных (сновидных) состояниях происходит их некоторая дифференциация, хотя границы между ними остаются крайне размытыми, и еще позже эти границы становятся более четкими, но адекватное содержание модальности «Я» и модальности «не-Я» нарушается. Это находит выражение в состояниях деперсонализации и дереализации, которые обуславливают друг друга, что указывает на скрытую в норме фундаментальную зависимость адекватного отображения внешних объектов и ситуаций от адекватного отображения внутренних процессов в организме.

Именно патологические нарушения отображений многообразных внутренних процессов в организме, их координаций и интеграций определяют дереализацию собственной телесной целостности, феномены «двойника», «фантома ампутированных», различные «расщепления», нарушения «схемы тела», дисморфофобии (искаженное отображение частей собственного тела и его общего восприятия), а в итоге те или иные проявления деперсонализации. Другими словами, патологические нарушения того, что автор называет «внутренним пространством», приводят к дезинтеграции целостной структуры субъективной реальности личности, олицетворяемой нашим «Я». «В TSC, – пишет Л.М. Литвак, – главным становится не столько нарушение восприятия внешнего пространства (оно погружено в онтологический поток), сколько внутреннего, телесного, изменяющего спомощью иррациональных интерпретаций самосознание, в котором создается психический автоматизм».

Развиваемое в книге представление о «внутреннем пространстве» (которое в норме как бы «незаметно») – существенный аспект понимания динамической структуры субъективной реальности. Возражая Канту (хотя в данном контексте это, может быть, не вполне уместно), автор утверждает, что пространство не априорно, а апостериорно, складывается в младенчестве и дезинтегрируется в танатогенезе и что оно содержит всебе (это очень важно!) «еще и внутреннее пространства интеро- и проприоцепций, сердца и тела, становящиеся заметными в TSC».

Много внимания уделяется в книге когнитивным аспектам психики, вопросам нарушения мыслительного процесса и чувственных отображений. Особенно интересны для философа и психолога, занимающегося эпистемологической проблематикой, материалы, в которых речь идет о механизмах оценки и контроля восприятий и мыслей, об интуитивно используемых критериях реальности. Это относится не только к отображению внешних объектов и собственной телесности, но в то же время и к отображению самих явлений субъективной реальности, в которых отображаются эти объекты. Последнее чаще всего ускользает из поля зрения эпистемологии или выносится за скобки, как вопрос, не имеющий якобы прямого отношения к адекватности отображения, истинности, правильности и т.п.

Между тем всякое явление субъективной реальности, протекающее в определенном интервале, несет не только отображение некоторого объекта, переживание некоторого «содержания», но и отображение самого себя. Таково кардинальное свойство всякого сознаваемого состояния (независимо от его степени), в частности всякого когнитивного акта. Однако эта существенная сторона когнитивного акта остается большей частью в тени нашего эмпирического и теоретического внимания. Она выходит на первый план в условиях психопатологии. Анализ TSC под углом «парадигмы острого психоза» ярко демонстрирует не только наличие этого свойства самоотображения и последствия его нарушения, но и сложную структуру процесса

этого самоотображения, включающего его саморегуляцию.

Здесь нет возможности представить в систематическом виде различные уровни указанного самоотображения и его функции, тем более, что этот вопрос недостаточно разработан и требует специальных исследований. Поэтому ограничимся лишь некоторыми, которые хорошо иллюстрируются материалами книги. Естественно, когда речь идет о самоотображении, то предполагается, что этот процесс содержит оценочный результат и, следовательно, соответствующие критерии, позволяющие различать «полезное» и «вредное», «правильное» и «неправильное», «истинное» и «ложное» и т.п.

Простейшим примером самоотображения (хотя этот процесс в действительности является очень сложным и реализуется на высоком уровне) является санкционирование принадлежности переживаемого явления субъективной реальности моему Я. В норме это настолько естественно, что, как правило, «незаметно». При некоторых патологических нарушениях наступает агнозия принадлежности собственных явлений субъективной реальности (в случае аутоперсонагнозии, различных форм деперсонализации). Больному кажется, что его субъективные переживания принадлежат другому или навязаны другим (психический автоматизм). Однако во многих подобных случаях, а также при ряде других серьезных патологических нарушений больной отдает себе отчет в ненормальности своего состояния, и это вызывает у него сильную аффективную реакцию и вместе с тем стремление как-то понять свое изменившееся состояние. Но это как раз и свидетельствует о сохранении критериев «правильного» и «неправильного» и их активности, т.е. некоторого высшего уровня контроля и саморегуляции.

Эту способность Л.М. Литвак называет «сторожевым механизмом», подчеркивая его чрезвычайную устойчивость в условиях тяжелых психопатологических нарушений, при которых «тенденция к самоконтролю, хотя бы в самом несовершенном виде, не прерывалась». Он прямо заявляет, что эта исключительная устойчивость не имеет научного объяснения, «непонятна».

Действительно, здесь затронута глубокая проблема. В общих чертах можно предположить следующее. Психика возникла в эволюции как эффективное средство управления усложняющимся организмом, умножающим свои двигательные функции и число своих самоорганизующихся подсистем, начиная от отдельных клеток и выше (сохранивших свои специфические программы жизнедеятельности). Появилась необходимость поддержания и укрепления целостности организма, которая требовала оптимального соотношения централизации и автономизации в процессах управления. Психика, психическая регуляция (находка эволюции!) стала способом решения этой задачи.

Главная функция психического управления – сохранение целостности и, следовательно, жизнестойкости сложной биологической системы (организация ее поведения, нахождения способов сохранения жизни в экстремальных ситуациях, экстренная мобилизация энергетических и иных ресурсов и т.д.). Поэтому «сторожевой механизм» столь же древен, как и психика, выражает суть психического управления (несмотря на его модификации в ходе эволюции и в антропогенезе), действует до тех пор, пока существует психика, даже в условиях ее тяжелых нарушений, вплоть до самой смерти. И этим определяется его чрезвычайная устойчивость.

Важные стимулы для эпистемологических размышлений содержат материалы книги, которые касаются различных агнозий (нарушений узнавания предметов и ситуаций), галлюцинаций и иллюзий, интерсомний (состояний, промежуточных между сном и бодрствованием), «онирических дисгностических предвосприятый»; потока плохо оформленных образов, часто лишенных цветности, деиконизации (распада чувственного образа), невозможности

образования представлений при наличии восприятий, нарушения константности, инвариантности и проективности зрительных образов.

Эти материалы позволяют глубже осмыслить ряд существенных для эпистемологии вопросов, таких как идентификация и категоризация чувственных образов, дискретность и непрерывность явлений субъективной реальности, соотношение чувственного и рационального, когнитивного и аффективного. Особенно же они значимы для анализа такого важнейшего регистра познавательного акта, который именуется «верой», «убеждением» (в английском – «belief») – вопроса, занимающего видное место в современной аналитической философии. Имеются в виду прежде всего те формы веры, которые выражают санкционирующие механизмы «принятия» чего-либо (как существующего или несуществующего, истинного или ложного, правильного или неправильного), сформированные на генетическом уровне и в онтогенезе, но действующие главным образом интуитивно. Это выработанные в ходе эволюции и на основе индивидуального опыта критерии реальности в действии.

В некоторых патологических случаях и при сновидениях эти критерии могут блокироваться или нарушаться (как, например, при галлюцинациях, когда человек убежден, что видит предмет, которого на самом деле нет). Особый тип нарушений веровательного регистра связан с состояниями делирия и бреда. В онтологических переживаниях при TSC теряется грань между «объективным» и «субъективным», кажимость принимается за реальность, а реальность за кажимость, возникает феномен «растерянности», хорошо описанный автором.

Приводимые им факты, анализ собственных самонаблюдений позволяют основательнее оценить роль базисных санкционирующих механизмов, удостоверяющих реальность; они выработаны в ходе эволюции, борьбы за выживание в течение многих миллионов лет. В норме они как бы скрыты, но ясно выступают в психопатологических случаях, позволяя вместе с тем увидеть зависимость от них веровательных регистров более высокого порядка.

Заслуживают внимания соображения автора о связи мышления и языка. Как он показывает, при полной блокаде речи сохраняются некоторые процессы мышления, протекающие в образной форме. Связи между речью и мышлением оказываются многообразными и динамичными, не столь жесткими, как полагают довольно многие философы и психологи. Автор справедливо выступает также против упрощенных представлений о связи субъективных состояний с действиями (явно имея в виду господствовавшую многие годы в Советском Союзе так называемую «теорию деятельности» А.Н. Леонтьева, но не называя ее). На мой взгляд, его критические доводы вполне уместны.

Хотелось бы отметить также ряд интересных соображений автора о «множественном характере процессов», одновременно протекающих в бессознательном, и его соотношениях с сознательным, о различных формах переходов между ними в TSC, феноменах «точечного сознания» и «предсознания», о неадекватности ряда положений психоанализа в свете изучения TSC.

В книге обсуждается ряд методологических вопросов психиатрии. Автор отмечает теоретическую слабость трактовок психоза, характерные для «традиционно-описательной психиатрии» противоречия в его понимании, связанные с чрезмерной приверженностью к сугубо эмпирическим подходам в его изучении, выступает против «эмпирического фундаментализма». Он стремится использовать опыт философии и методологии науки для осмысления этих слабостей и противоречий в современной психиатрии, подчеркивает, что именно теоретические установки «определяют, какие факты войдут в осмысленный научный опыт». «Нет нейтрального языка наблюдения – он определяется парадигмой, через которую видят исследуемый объект».

Как уже отмечалось, Л. М. Литвак формулирует и стремится обосновать «психоневрологическую парадигму острого психоза», которая основывается на клинико-патологическом исследовании. Именно психоневрологическая парадигма способна преодолеть дуалистический подход и дать «монистическое, научное объяснение». С этим нельзя согласиться. Но тут ключевым вопросом становится теоретически корректное соотношение психического (явлений субъективной реальности) и неврологического (нейрофизиологического, нейроморфологического и еще шире – нейросоматического). Этот традиционный вопрос при его теоретическом решении вызывает серьезные трудности, которые автором не обсуждаются.

Задачи, поставленные в книге, конечно, не обязывают его вдаваться в специальное рассмотрение этого мучительного вопроса, занимающего уже более полувека центральное место в аналитической философии (ему за это время было посвящено поистине колоссальное число работ). Но более подробное рассмотрение некоторых эпистемологических аспектов этого вопроса, которых автор все же касается, было бы полезно для обоснования психоневрологической парадигмы психоза. Имеется в виду анализ соотношения двух направлений корреляции психопатологических данных с неврологическими, требующих разных языков описания:

1. когда от фиксации и описания психо-патологических феноменов переходят к соотношению их с определенными нейрофизиологическими, нейроморфологическими и соматическими нарушениями, и наоборот,
2. когда от последних переходят к первым. Эти две взаимосвязанные задачи (которые можно назвать «прямой» и «обратной», причем вторая из них является, как правило, более трудной) всегда стоят в психиатрии (и в психоневрологии, и в психофизиологии) перед теоретически настроенным исследователем и требуют серьезного осмысления тех познавательных средств, которые он использует при описании, объяснении и предсказании интересующих его психо-патологических (психологических) событий.

Собственно, обе эти задачи взаимосвязаны, каждая из них проявляет свою специфичность лишь на определенном этапе исследования.

Но детальная проработка указанного аспекта психоневрологической парадигмы психоза – дело будущего. Автору и без того пришлось преодолеть очень большие трудности, чтобы добиться систематического анализа столь масштабной проблемы. Эти трудности связаны с многомерностью TSC, с исключительной сложностью переплетения связей между образующими его многочисленными динамическими явлениями, с дефицитом наличных средств их обозначения и описания, что вызывало необходимость использования метафор, ассоциативного, образного мышления, часто влекло неизбежные повторы и вариации одной и той же темы. В итоге, однако, автору удалось вполне корректно выделить и соотнести друг с другом основные планы анализа, основные аспекты проблемы TSC, добиться их концептуального единства.

Разумеется, можно указать на недостатки книги, но они носят частный характер, касаются уточнения отдельных формулировок, сокращения долгих цитат, не всегда оправданных длинот при использовании материалов художественной литературы, привлечение которых само по себе вполне оправдано. Хотелось бы видеть в книге данные о TSC и близких к нему состояниях, накопленные российскими реаниматологами. Они представляют большой научный интерес (см., например, статью А. М. Гурвича, посвященную постреанимационным нарушениям сознания в сборнике «Мозг и разум», вышедшем под моей редакцией еще в 1994 г.; с тех пор отечественная литература по этим вопросам значительно обогатилась).

Книга Л. М. Литвака вышла в Израиле мизерным тиражом. С тех пор, подготавливая новое

издание, автор ее существенно переработал и дополнил. Я убежден, что публикация этого уникального труда в России вызовет большой интерес научной общественности и послужит стимулом для новых основательных исследований не только в психиатрии и смежных с ней областях знания и практики, но для всего круга основных проблем, касающихся человеческой психики.

ПРОБЛЕМА ДУХА И ТЕЛА: ВОЗМОЖНОСТИ РЕШЕНИЯ (В СВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ ТОМАСА НАГЕЛЯ «МЫСЛИМОСТЬ НЕВОЗМОЖНОГО И ПРОБЛЕМА ДУХА И ТЕЛА»)

Дубровский Давид Израилевич

Становление информационного общества открывает новый этап земной цивилизации, существенно меняющий образ жизни, социокультурные процессы, парадигмальную структуру научного знания, сквозь призму которой мы воспринимаем реальность и стремимся углубить ее понимание. Возникают новые средства разработки и разрешения классических проблем, к числу которых относится интересующая нас проблема духовного и телесного (ментального и физического, сознания и мозга, психического и физиологического, субъективной реальности и объективной реальности – таковы типичные обозначения сути этой проблемы представителями различных направлений в философии и науке).

Мучительная проблема духа и тела, сознания и мозга на протяжении всей второй половины XX века была предметом интенсивного обсуждения в западной философии. Ей посвящена поистине огромная по объему литература (сотни монографий и сборников, тысячи статей!). На этой теме было замкнуто все постпозитивистское движение, поскольку оно стремилось преодолеть крайний гносеологизм логического позитивизма и реабилитировать онтологическую проблематику и «метафизические основания науки».

Начиная с 1970 года я внимательно следил за широкой дискуссией по вопросам соотношения ментального и физического, сознания и мозга, в которой принимали участие практически все ведущие западные философы сциентистской ориентации. Подавляющее большинство из них пыталось обосновать материалистическое решение указанной проблемы: либо с позиций физикалистского редукционизма (так называемый «научный материализм» с его теорией тождества ментального и физического), либо с позиций функционализма (обоснование тождества ментальных явлений с определенными функциональными отношениями в сложной системе). Лишь отдельные западные философы высказывали точку зрения, отличавшуюся от этих двух подходов (например, К. Поппер) или занимали откровенно дуалистическую позицию (Э. Полтен). Анализ указанных дискуссий был проведен мной в ряде статей, опубликованных журналом «Философские науки» в 1970-х годах и в книге «Информация, сознание, мозг» (М., 1980, ч. I, гл.1 и гл.2).

С тех пор по данной теме, как мне кажется, в западной философской литературе не появилось серьезных концептуальных новаций, хотя оживленные дискуссии продолжаются и сохраняют свою актуальность (см.: [12, 15, 19, 24] и др.). Свидетельством тому служит статья Томаса Нагеля – одного из крупнейших теоретиков проблемы духовного и телесного (см.: [1]). Она представляет значительный интерес общей позицией автора, его анализом нынешней ситуации и проектами разработки проблемы духовного и телесного (заметим, что термин «духовное» охватывает у автора все разнообразие явлений субъективной реальности – от переживания боли и «вкуса сигары» до актов абстрактного мышления – и часто заменяется такими терминами, как «ментальное», «феноменальное», «субъективное», «сознание» и даже «осознанная точка зрения»; хотя приведенные термины имеют далеко не совпадающие значения, способ их употребления

в статье понятен, посредством них автор выражает общие и отличительные свойства всего класса явлений субъективной реальности). Статья привлекает не только искусным анализом, многоплановой аргументацией, но еще и тем, что я бы назвал интеллектуальной честностью и ответственностью – качествами, которые мы начинаем всё более ценить, читая философов постмодернистского толка, создавших своего рода эстрадно-философский жанр, или наблюдая, с каким антуражем ины наши коллеги проталкивают свой товар на философском рынке.

Нагель четко формулирует свою позицию. Он считает, что «сознание следует признать концептуально несводимым аспектом реальности» [Там же, с. 101-102] и постольку решительно выступает как против физикалистского редукционизма («теории тождества ментального и физического»), так и против функционалистского редукционизма, полагая, что ментальное логически не выводимо из функционального, ибо мыслима сложная система, обладающая всеми функциональными свойствами человеческого организма, но лишенная начисто «внутренней», субъективной реальности – так называемый феномен «зомби» (этот вопрос, однако, нуждается в специальном обсуждении, на чем я остановлюсь позже).

Отвергая редукционистские варианты решения проблемы, Нагель убежден, что между ментальным и физическим (физиологическим) существует не случайная, а именно необходимая связь, доказательство наличия которой и составляет главную задачу. И автор подробно анализирует трудности, встающие перед теоретиком, при попытках ее решения.

Эти трудности давно известны, многократно обсуждались в литературе, посвященной проблематике духовного и телесного, сознания и мозга. Если говорить кратко, то главные из них следующие:

Ментальным явлениям нельзя приписывать пространственные свойства, физические же явления (в том числе нейрофизиологические процессы в головном мозгу) ими непременно обладают. Как можно в таких условиях говорить о связи между ними, тем более о необходимой связи. Это создает, по выражению Нагеля, ситуацию «немыслимости» необходимой связи, ее «невообразимости» [Там же, с. 105]. К тому же описание ментальных явлений, скажем, переживаемого мной сейчас вкуса сигары и описание определенных мозговых процессов, с которыми, как мы предполагаем, необходимо связано это переживание, настолько различны, что понимание смысла этой связи оказывается в высшей степени затруднительным. Здесь, по словам Нагеля, имеет место «провал в объяснении» [Там же]. Для того, чтобы его преодолеть, необходима новая система понятий, которая была бы способна логически объединять столь разные системы описания. Но ее нет, и перспективы ее создания крайне смутны. 2. Поскольку ментальные явления не суть физические, то им нельзя приписывать не только пространственные свойства, но в равной степени массу и энергию. Тогда возникает вопрос: как может физическое (физиологическое) воздействовать на ментальное, вызывать его изменения и, наоборот, как может ментальное вызывать физические (физиологические, телесные) изменения. Взаимодействия же такого рода эмпирически очевидны (например, мое желание, намерение взять предмет вызывает движение руки). Нагель пишет: «У нас есть достаточные основания полагать, что ментальное сопутствует физическому, т.е. что нет ментальных различий без соответствующего физического различия. Но чистое, никак не объясненное сопутствие – это не решение, а знак того, что здесь имеет место нечто фундаментальное, чего мы не знаем. Мы не можем рассматривать чистое сопутствие как конец дела, потому что это значило бы признать, что физическое вызывает ментальное, никак не отвечая на вопрос, как оно это делает. Но должно быть какое-то «как», и наша задача – понять его» [Там же, с. 106 – 107].

Таковы основные трудности, если отвлечься от связанных с ними вопросов, так сказать, второго плана, рассмотрение которых так же представляет большой теоретический интерес. Это,

например, методологические вопросы, касающиеся дискретизации и описания явлений субъективной реальности, соотношение описания их от первого лица («Я испытываю боль») и от третьего лица, вопросы связи и различий понятий физического и физиологического, психического и субъективной реальности и др. Я не могу на них останавливаться, ибо это заняло бы слишком много места. В дальнейшем ограничусь лишь изложением оценки Нагелем нынешней ситуации в попытках справиться с указанными выше теоретическими трудностями, предлагаемым им проектом разработки проблемы духовного и телесного, сознания и мозга, а также критическими соображениями по поводу ряда его положений и, наконец, кратким изложением давно предложенной мной концепции (см.: [2–8]), способной, как мне кажется, реализовать проект Нагеля.

Ситуацию, сложившуюся в западной философии после полувековых усилий решить проблему духовного и телесного, Нагель оценивает весьма пессимистично. По его мнению, сейчас «ни у кого нет правдоподобного ответа на проблему духа и тела» [1, с. 101]; в решении этой проблемы возник «тупик» [Там же, с. 102]; между сознанием и мозговыми процессами существует связь, «остающаяся для нас непостижимой» [Там же, с. 107]. Попытки редукционистского решения проблемы несостоятельны, однако отсутствуют серьезные антиредукционистские ее разработки. «В настоящее время у нас нет концептуальных средств, которые позволили бы нам понять, каким образом субъективные и физические свойства могут одновременно быть существенными сторонами единой сущности или процесса» [Там же, с. 105].

Вместе с тем Нагель выражает уверенность в том, что решение этой мучительной проблемы возможно и призывает наращивать интеллектуальные усилия, создавать новые альтернативы редукционистским концепциям, выдвигает свой проект поиска решения проблемы духовного и телесного. Предлагаемый проект, правда, носит весьма общий характер, не выходит за рамки традиций аналитической философии в ее многолетнем опыте обсуждения этой проблемы. Несмотря на резко критическое отношение к редукционизму, некоторые ходы мысли автора, как ни странно, несут на себе печать зависимости от парадигмы физикализма (о чем будет сказано ниже). Однако цели, поставленные Нагелем, главные теоретические задачи, которые, как он полагает, нам надо решить, и желаемые концептуальные результаты вызывают у меня полную солидарность.

Нагель пишет: «Я понимаю наше положение так: наша неспособность предложить умопостигаемую концепцию отношения между духом и телом есть свидетельство неадекватности наших теперешних понятий, так что нам нужна дальнейшая их разработка» [Там же, с. 102]. Это прежде всего относится к понятию «сознание», которое надо расширить, что является одним из условий предлагаемого им «экспансионистского подхода». «Наша проблема состоит в том, что в пространстве возможного развития, определяемом понятием сознания, нет места для необходимой связи с физиологией. Но это не исключает возможности введения нового понятия сознания, понятия-преемника, которое одновременно и сохранило бы существенные черты исходного понятия и было бы открыто для обнаружения таких связей» [Там же, с. 106]. Без такого расширения «не остается никакой надежды преодолеть тот провал в объяснении, о котором мы говорили» [Там же]. Нагель считает, что понятие «сознание», помимо явных признаков, включающих отображение поведенческих или функциональных актов, имеет неявное содержание, которое должно выражать искомую необходимую связь ментального с мозговыми физиологическими процессами.

Такое расширение содержания понятия мыслится по аналогии с типичным для результатов научного познания расширением содержания обыденных понятий, например, понятия «вода», явные признаки которого были дополнены неявными признаками о ее химическом составе. Этот ход мысли предлагался автором и в других его работах, в том числе и в увидевших свет более тридцати лет тому назад, когда он еще пытался сохранить общую идею физикализма и

отстаивал версию так называемого «теоретического материализма», согласно которой отождествление явлений сознания мозговыми процессами возможно лишь в виде «теоретической редукции», т.е. путем редукции некоторого наблюдаемого обыденным способом объекта к определенному теоретическому объекту, как он описывается соответствующей научной теорией (например, вода отождествляется с H₂O, температура газа не означает ничего иного, как кинетическую энергию определенного множества молекул и т.п. (см.: [20, 21]).

Кстати, подобный ход мысли в ряде отношений приближался к взглядам «элиминативных материалистов», которые считали, что все «ментальные термины», поскольку они являются терминами обыденного языка, должны быть в ходе развития науки вообще элиминированы и заменены точными научными терминами. Стоит вспомнить, что такую позицию отстаивал П. Фейерабенд [17], а нынешний постмодернист ультрапрагматист Р. Рорти был в те времена ультраматериалистом. Рорти отстаивал тогда самую радикальную версию элиминативного материализма и называл ее «формой исчезновения». Поскольку, говорил он, то, что мы называем ощущением, является не чем иным, как мозговым процессом, термин «ощущение» утрачивает смысл и становится излишним. Ментальные термины должны исчезнуть: «Материалист предсказывает, что нейрологический язык победит» [25, р. 230].

Нагель, конечно, отвергает столь утопические обещания. Расширение понятия «сознание» мыслится им при сохранении его явного содержания. «Если мы сможем сделать это, не отрицая феноменологии и не сводя ее к чему-то другому, мы сделаем первый шаг к экспансионистскому и в то же время все же не дуалистическому решению проблемы духа и тела. Все это – добавляет он, однако, – пока еще чистая фантазия...» [1, с. 106].

Действительно, трудно представить, каким образом можно произвести такое расширение. Желаемое включение в само понятие «сознание» его мозговых нейрофизиологических эквивалентов немыслимо.

Если это возможно было бы сделать, проблема оказалась бы решенной (вернее, ее просто не было бы). А поэтому эта часть проекта Нагеля не имеет достаточных оснований для поддержки, хотя в ней есть интересные соображения о соотношении феноменологического и физиологического описания в плане категорий внешнего и внутреннего, соответственно о двух способах референции (см.: [1, с. 110–111]) и др.

В ходе анализа трудностей проблемы и рассмотрения различных теоретических возможностей Нагель далее несколько изменяет свой проект и склоняется к выводу, что «понятием-преемником», о котором шла речь выше, должно быть не расширенное понятие «сознание», а некоторое принципиально иное понятие, способное включать единство феноменологического и физиологического.

Тут Нагель формулирует наиболее важную и целиком разделяемую мной часть своего проекта. Приведем эти положения автора с максимальной полнотой. «Правильной, – говорит он, – была бы такая точка зрения, которая, вопреки существующим концептуальным возможностям, с самого начала включила бы в себя и субъективность и пространственно-временную структуру, так чтобы все ее описания подразумевали обе эти вещи сразу, чтобы она описывала внутренниесостояния и их функциональные отношения к поведению и друг к другу феноменологически изнутри и физиологически снаружи не параллельно, а одновременно» [Там же, с. 111–112]. «Трудность здесь в том, что такую точку зрения нельзя сконструировать просто конъюнкцией ментального и физического. Она должна быть чем-то действительно новым, в противном случае она не будет обладать необходимым единством. Действительно необходимую связь можно раскрыть только с помощью нового теоретического построения, реалистического по своей интенции, контекстуально определяемого как часть теории, объясняющей как привычно наблюдаемые феноменологические, так и

физиологические характеристики этих внутренних событий» [Там же, с. 112].

И, наконец, итоговые высказывания Нагеля: «Предполагается существование следующего: что даже хотя невозможна никакая прозрачная и непосредственная связь между физиологическим и феноменологическим, а только эмпирически установленная экстенциональная корреляция, мы можем надеяться и должны пытаться построить – как часть научной теории сознания – третье понятие, из которого непосредственно вытекают и ментальное, и физическое и благодаря которому их актуальная необходимая связь друг с другом станет для нас прозрачной. Такое понятие надо создать – мы не можем просто найти его валяющимся на дороге... В настоящее время такое решение проблемы духа и тела в буквальном смысле невообразимо, но оно может быть не невозможным» [Там же] (в последних трех цитатах выделение мое. – Д. Д.). Хочу еще раз подчеркнуть, что я согласен с основными задачами, поставленными в проекте Нагеля. Но возражаю против его утверждений, что для решения проблемы сейчас нет «концептуальных возможностей», что такое решение пока «невообразимо», что нужно изобретать «третье понятие» и т.п. Я убежден, что у нас давно есть необходимые концептуальные возможности и средства, есть столь желанное «третье понятие». Чтобы увидеть это, надо отдать себе отчет в существенных изменениях парадигмальной структуры научного знания, происшедшей за последние пятьдесят лет, нужно снять, наконец, физикалистские очки, преодолеть гипнотическое действие парадигмы физикализма, резко сужающей горизонт теоретических возможностей в разработке проблемы духовного и телесного.

Напомним, в жесткой форме парадигма физикализма, как общая мировоззренческая и методологическая установка, проводилась логическим позитивизмом. По словам К. Гемпеля, «все отрасли науки, в принципе, одной и той же природы, они – отрасли единой науки, физики» [18, р. 382]. Поэтому всякое подлинно научное объяснение должно обрести форму физического объяснения. Это относится и к объяснению сознания, ментального.

Представители постпозитивизма реабилитировали проблему духовного и телесного, которую логические позитивисты относили к числу псевдопроблем, но они в своем большинстве продолжали выступать с позиций радикального физикализма: любые свойства и способности человека, в том числе его сознание, как утверждал Д. Армстронг, «могут быть редуцированы к исключительно физическим свойствам» [14, р. 37].

Парадигма физикализма в естествознании была детищем индустриальной эпохи. Начиная примерно с середины прошлого века, в связи с развитием кибернетики, теорий информации, системных и структурных исследований, бурным развитием технологии массовых коммуникаций, ознаменовавшим начавшийся переход к постиндустриальному, информационному обществу, парадигма физикализма стала обнаруживать свою несостоятельность. Серьезный удар ей был нанесен концепцией функционализма, еще ранние представители которой (Х. Патнэм, Дж. Фодор, Д. Люис и др.) утверждали, что функциональные свойства нередуцируемы к физическим. Опираясь на результаты математика А. Тьюринга (знаменитая «машина Тьюринга»), они показали, что физическое объяснение не является универсальным, поскольку функциональная организация системы в принципе логически отличается от ее описания в плане ее физико-химического состава (см.: [23, р. 281] и др.). Идея возможности унификации научного знания на базе физики становилась все более сомнительной. Отчетливо вырисовывался новый, специфический класс объектов, выпадавший из поля сугубо физического объяснения, – самоорганизующиеся системы (биологические, биосоциальные, технические, экономические и др.).

Закономерности функционирования самоорганизующихся систем, естественно, не могут противоречить физическим закономерностям, но их исследование представляет особый тип

познавательных задач и опирается на концептуальные средства, которые в существенной степени автономны от способов и средств физического объяснения. Здесь мы имеем дело с информационными процессами и кодовым управлением. А поскольку информация и кодовое управление однозначно не связаны с определенными физическими свойствами самоорганизующейся системы, для нее, по сути, адекватно функциональное описание. Это определяется фундаментальным принципом, который в моих работах именуется принципом инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя (одна и та же информация может быть воплощена и передана разными по своим физическим характеристикам носителями).

Отсюда вытекает обоснование особого типа причинности – информационной причинности (действие определяется в этом случае не сугубо физическими факторами – величиной массы, энергии, – а именно данной информацией в условиях данной кодовой зависимости, сложившейся в данной самоорганизующейся системе). Все это свидетельствует о несостоятельности парадигмы физикализма, о необходимости соблюдения меры в привязке к теоретическому каркасу физического знания современных исследований информационных процессов, преодоления известной физикалистской зашоренности мышления теми, кто стремится разрабатывать проблему духовного и телесного, сознания и мозга (подробнее о методологических тупиках, создаваемых парадигмой физикализма в исследованиях проблемы духовного и телесного см.: [6, гл. 2]).

Мы вступили в эпоху информационного общества, невиданными темпами развиваются компьютерные технологии и связанные с ними средства и формы научного познания. На передний план выдвинулись задачи исследования информационных процессов, самоорганизующихся систем, расшифровки кодовых зависимостей, функциональных отношений. Достигнуты выдающиеся, фундаментальные результаты в решении такого рода задач: расшифровка генетического кода и генома человека. Быстро обогащаются не только эмпирические, но и теоретические средства этого специфического (по сравнению с классическим физикалистским естествознанием) типа научного исследования. Наука вплотную подступила к изучению информационных процессов в головном мозгу, к расшифровке нейродинамических кодов психических явлений (задача того же рода, что и расшифровка генетического кода!).

Но удивительно, что эти воодушевляющие результаты, эти концептуальные средства, теоретические возможности, лежащие казалось бы на поверхности, остаются «не замеченными» при разработке проблемы духовного и телесного, сознания и мозга.

Становится даже как-то неловко говорить, что на поставленные Нагелем вопросы, решение которых он считает сейчас даже «невообразимым», существуют простые и ясные ответы.

Итак, я заменяю утверждения Нагеля на противоположные: «...в настоящее время у нас» есть концептуальные средства, «которые бы позволили нам понять, каким образом субъективные и физические свойства могут одновременно быть существенными сторонами единой сущности или процесса» [1, с. 105]; у нас давно уже есть «третье понятие, из которого непосредственно вытекают и ментальное и физическое и благодаря которому их актуальная необходимая связь друг с другом станет для нас прозрачной» [Там же, с. 112].

Этим «третьим понятием» является понятие информации.

Здесь нет нужды анализировать его и существующие концепции информации, я подробно занимался этим в прежних работах (см., напр.: [6,7]); по этим вопросам существует обширнейшая литература (из последних монографий см.: [9, 10, 11] и др.). Я возьму только те определения информации, которые а) являются общепринятыми в научном сообществе (и

эмпирическое опровержение которых сейчас «невообразимо»), б) достаточны для наших с Нагелем целей.

Информация необходимо воплощена в своем физическом носителе (не существует вне определенного физического объекта, процесса). 2. Одна и та же информация (для данного типа самоорганизующихся систем) может быть воплощена (и передана) разными по своим физическим свойствам носителями. Я называю это принципом инвариантности информации по отношению к физическим (химическим, субстратным, пространственным, временным) свойствам ее носителя. Сокращенно – ПИ). 3. Информация может служить фактором управления, т. е. причиной определенных изменений в самоорганизующейся системе (поскольку употребляется понятие самоорганизующейся системы, необходимо очертить его объем. Сюда относятся, по крайней мере, биологические, биосоциальные, технические и общественные системы). Из этих трех исходных положений (попытайтесь их опровергнуть!) вытекают важные следствия:

1. одна и та же информация может кодироваться поразному, перекодироваться, иметь различные кодовые формы;
2. информация существует лишь в определенной кодовой форме, которую и представляет ее носитель;
3. управление осуществляется на основе сложившейся кодовой зависимости, которая является собой определенное соответствие между свойствами носителя информации в их конкретной пространственно-временной упорядоченности и его «значением» для самоорганизующейся системы, т.е. собственно информацией, при этом результат управляющего действия определяется не физическими свойствами носителя самого по себе, а именно информацией в силу ПИ.

Остановимся на этих следствиях подробнее. Поскольку информация не существует вне своего носителя, она не существует вне и помимо определенной кодовой формы, говоря короче, вне кода. То, что именуется расшифровкой кодов, «декодированием», в действительности представляет собой перевод «непонятного» кода в «понятный». Это означает, что есть два типа кодов. Первый сразу «понятен» системе (подсистеме), которой он адресован, не требует специальной операции декодирования, я называю его «естественным» кодом. Вторым, для того, чтобы стать «понятным» системе, требует декодирования, я называю его «чуждым» кодом. Но декодирование, расшифровка кода (это особенно важно подчеркнуть!) есть не что иное, как перекодирование, т.е. перевод «чуждого» кода в «естественный». Если информация «понятна» системе, т.е. представлена в форме «естественного» кода, то это означает, что она служит или способна служить в ней фактором ее целесообразного функционирования, фактором управления (поддержания и развития самоорганизации, реализации ее целей).

В сложной самоорганизующейся системе (элементы и подсистемы которой также являются самоорганизующимися системами, например организм и его клетки) управление осуществляется на основе сложившейся в филогенезе или онтогенезе цепи кодовых зависимостей, образованных «естественными» кодами.

Приведенные выше три исходных положения и их краткие пояснения достаточны для наших целей. Теперь сделаем следующий шаг. Он состоит в том, чтобы признать правомерность определения «ментального» в качестве информации.

Здесь, однако, следует уточнить терминологию, которая используется Нагелем: «ментальное», «духовное», «субъективное», «феноменологическое», «сознание» и др. Как уже отмечалось выше, эти термины не равнозначны, но все они в той или иной степени фиксируют уникальное свойство психических явлений – состояние наличного субъективного переживания. Понятие психического является более широким, так как охватывает и область бессознательного, и такие

аналитически вычленимые особенности личности, как темперамент, характер и др. Поэтому будет лучше использовать термин «субъективная реальность» (или «явление субъективной реальности»), имея в виду текущее осознаваемое переживание, которое, впрочем, можно обозначить также и термином «явление сознания».

Вполне естественно утверждать, что всякое явление субъективной реальности (всякое явление сознания) есть информация, ибо оно интенционально, что-то отображает, есть определенное «содержание», знание, есть имеющее значение и способное служить для тех или иных целей. Информация же необходимо воплощена в своем материальном носителе, которым в данном случае является определенный нейрофизиологический процесс (согласно современным научным представлениям – определенная мозговая нейродинамическая система). Этим, в принципе, решается вопрос о необходимой связи «ментального» и «физического» (сознания и мозговых процессов).

Однако, следует уяснить особенности этой необходимой связи. Для краткости дальнейшего изложения обозначим всякое явление субъективной реальности через А, а мозговой нейродинамический носитель такого рода информации через Х. Связь между А и Х является не причинной, а функциональной, она представляет собой сложившуюся кодовую зависимость. Последняя выражает отношение «представленности» данной информации в данном конкретном (по своей организации и физическим свойствам) носителе для данной самоорганизующейся системы. Х есть специфический код А, вне которого А не существует. А и Х суть явления одновременные, что свидетельствует именно о функциональном, а не о причинном характере необходимой связи между ними; это означает, что они – явления, если так можно выразиться, однопричинные (т.е. следствия одного и того же действия).

И здесь хотелось бы возразить Нагелю по поводу его оценки концепции функционализма как якобы неадекватной для решения проблемы сознания и мозга. Главный его аргумент связан с тем, что в западной литературе называют «логической возможностью зомби», т.е. логической возможностью функционального описания существа, которое на чисто лишено сознания, хотя идентично по своим функциям всем функциям организма человека и его мозга. Слабость этого аргумента в том, что понятие функции неоправданно сужается, оно ограничивается только физиологическими и поведенческими актами; из него почему-то исключаются «ментальные функции». Это и создает впечатление о логической возможности «зомби». Но даже если ограничиться столь узким применением понятия функции, то и тогда остаются большие сомнения в логической возможности «зомби», ибо совсем неясно, достигнута ли идентичность в описании всех физиологических функций человека и гипотетического существа. Если она действительно достигнута (что трудно себе представить), то тогда возникает сильная логическая возможность как раз того, что это существо обладает и сознанием.

Что касается приводимого Нагелем «обратного» тезиса функционализма, что мыслим «сознательный субъект с такой же внутренней жизнью, как наша... но у которого вместо мозга – электронные цепи» ([1, с. 108]; заметим, что тут автор включает в разряд функций и сознание, «ментальное»), то такое положение вполне логически возможно. Оно несколько эмоционально перефразирует известный тезис об изофункционализме систем, т.е. о возможности воспроизведения одних и тех же функций на разных (по своим физическим, химическим, структурным свойствам) субстратах, что в данном случае вытекает из принципа инвариантности информации по отношению к субстратным свойствам ее носителя (ПИ). Такая концептуальная установка не только стимулирует широчайшие перспективы технического конструирования, развития компьютерных технологий и, что особенно важно, протезирования элементов и органов в медицинской практике, но вместе с тем небиологических форм эволюции человека и изменений всего предметного облика нашей цивилизации. Она позволяет мыслить вероятность существования во Вселенной братьев по разуму с совершенно иной субстратной

основой организации.

Важно учитывать, что концепция функционализма, выступающая в качестве альтернативы радикальному физикализму, является весьма широкой, охватывает сферу неживой природы, техники, биологических и биосоциальных систем, социума в его многообразных динамических структурах. В области проблемы сознания и мозга она фигурирует в виде своих общих положений и полностью совместима с предлагаемым мной информационным подходом к решению указанной проблемы. Она позволяет глубже уяснить сущность функциональной связи, специфику кодовой зависимости, а тем самым и природу субъективной реальности в качестве особого типа информационного процесса, особого способа «представленности» информации для высокоразвитой самоорганизующейся системы и ее отношений с другими типами информационных процессов и другими способами «представленности» информации.

А, как определенное «содержание», т.е. собственно информация, представленная мозговым кодом типа X, может при сохранении «содержания» перекодироваться, быть представленной в других типах кодов, например, посредством комплекса графических знаков, набора звуков и т.д.; подобные коды способны существовать вне личностей и независимо от них. Однако качество субъективной реальности здесь исключается. Это качество необходимо связано лишь с определенным типом мозговых кодов. Оно связано также с бихевиорально-экспрессивным кодом (двигательные акты, выражение глаз и т.п.) и речевым кодом, но только мозговой нейродинамический код типа X является для него фундаментальным.

С предлагаемых теоретических позиций определенным смыслом имеет сакраментальный вопрос о пространственных характеристиках, о локализации явлений субъективной реальности. Как всякая определенная информация, явление субъективной реальности находится в своем коде, который представляет собой нейродинамическую систему, обладающую конкретными пространственными и временными свойствами. Вместе с тем одна и та же информация может быть воплощена в разных кодах и, следовательно, иметь различное пространственное размещение, она может быть транспортирована из одного места в другое или тиражирована, т.е. находиться одновременно в разных местах. При этом местоположение информации не затрагивает ее «содержания».

Последнее относится и к явлениям субъективной реальности. То же самое можно утверждать о значении, содержании начертанного слова. Допустимо ли приписывать «значению» («смыслу») длину, высоту и т.п.? Здесь две системы понятий, не имеющих между собой прямых логических связей (одна из них принадлежит классическому физикалистскому естествознанию, другая – гуманитарному знанию). Для их связи нужны посредствующие категориальные звенья, одним из которых как раз и выступает понятие информации.

Между тем вопрос о местонахождении информации становится весьма существенным, когда возникает задача диагностики кодового объекта (т.е. носителя информации, объекта, суть которого не в его физических, субстратных, структурных свойствах, а в его функциональном значении, в том, что именно и для чего он «представляет») и когда возникает задача расшифровки кода, постижения информации, заключенной в кодовом объекте. Если мы хотим «присвоить» эту информацию (сделать ее местообитанием наш мозг), то мы должны найти хотя бы одно конкретное место, где она существует – конкретный кодовый объект (предметный, знаковый и т.д.) или конкретного человека, в мозговых кодах которого воплощена интересующая нас информация. Принятые выше исходные теоретические посылы позволяют дать обоснованные ответы на другие ключевые вопросы, связанные с попытками решения проблемы сознания и мозга.

Как объяснить, что объективно существующий в мозгу человека нейродинамический код переживается им в качестве субъективной реальности? Как, например, возможно субъективное

переживание образа воспринимаемого мной сейчас дерева, если объективного в мозгу нет? Оставим в стороне одиозные ответы на этот вопрос, согласно которым в мозгу во время восприятия возникают химические копии образа (или иные его дубликаты). Между тем многие серьезные авторы считают, что нужно допустить наличие в мозгу специального механизма декодирования, переводящего код в образ. Однако такое допущение порождает дополнительные трудности. (Тут явно не обойтись без пресловутого гомункулюса!)

Главное в том, что невозможно ведь избавиться от кодовой формы образа, который представляет собой информацию о внешнем предмете. А как быть, если в качестве информации выступает не чувственный образ, а некоторая абстракция, например мысль о бесконечности, которая занимает меня в данную минуту? Как и во что здесь нужно декодировать мозговой нейродинамический код этой мысли? Ведь декодирование есть перекодирование в «естественный» код, не более! Информация, представленная в «естественном» коде, непосредственно «понятна» самоорганизующейся системе (в данном случае мозговой эго-системе, представляющей наше Я, – о ней подробнее будет сказано далее). Частотно-импульсный код на выходе сетчатки глаза сразу же «понятен» той мозговой структуре, которой он адресован. Значение слова «дерево» сразу понятно человеку, знающему русский язык; ему не нужно специально анализировать физические и структурные свойства этого кода. Декодирование требуется, когда мы имеем дело с «чуждым» кодом, но оно означает лишь преобразование его в «естественный» код. После того как найден и закреплен способ такого преобразования, «чуждый» код становится для самоорганизующейся системы «естественным», что знаменует акт ее развития.

Кодовая организация носителя информации никогда «не похожа» на «содержание», которое составляет воплощенная в нем информация. Что может быть общего в организации элементов букв и всех графических компонентов слова «дерево», с одной стороны, и его «содержанием», т.е. информацией о соответствующем внешнем объекте, о дереве – с другой. Тут нет ни малейшего подобия. Однозначное соответствие между информацией и «устройством», организацией ее кода носит совершенно иной характер, не имеющий, как правило, ничего общего с соотношением копирования и подобия в указанном выше смысле (вопрос об отображении одного объекта в другом, об отношениях гомоморфизма и изоморфизма, о способах кодирования информации составляет специальную тему, обсуждать которую здесь нет возможности). Всё сказанное выше относится и к соответствию между явлением субъективной реальности и его мозговым кодовым носителем. Искать тут, как уже говорилось выше, копирование и подобие бессмысленно. К этому, однако, склоняет веками укоренившийся в нашем сознании физикалистский тип мышления, которому трудно, невозможно допустить другое объяснение. Вот и у Нагеля встречаются рецидивы такого рода: «Номы не можем видеть, – пишет он, – каким образом самое подробное описание того, что происходит в мозгу, может исчерпывающим образом объяснить вкус сигары, даже если бы мы смогли увидеть, как это описание объясняет все физические эффекты такого восприятия. И пока этот провал объяснения остается, отождествление рассматриваемых нами состояний будет проблематичным» ([1, с. 105]; см. также с. 102, где автор говорит, что нам необходимо «какое-то видение или представление самого студенистого мозга, который в свете своего понимания люди смогут увидеть как ощущающий вкус шоколада. И хотя в настоящее время это немыслимо, я думаю, именно этого нам придется достичь, чтобы добраться до истины в этих вопросах»).

На самом деле тут нет никакого «провала в объяснении», если иметь в виду не обнаружение некоего подобия (которое можно «увидеть»), а выяснение кодовой зависимости между ощущением вкуса сигары (шоколада), т.е. данной информацией, и ее носителем, мозговым нейродинамическим эквивалентом. «Отождествление» же не «будет проблематичным», если устанавливается необходимая связь между ними и принимается, что они не могут быть разделены в пространственном и временном отношениях. Это «отождествление», как

признает сам Т. Нагель, не есть редукция одного к другому.

Тут возникает важный и весьма интересный вопрос: как представлена (дана) для самоорганизующейся системы информация и как представлен для нее кодовый носитель этой информации?

«Естественный» код как определенная упорядоченность его физических свойств, субстратных элементов является для самоорганизующейся системы, если так можно выразиться, прозрачным – как в том смысле, что составляющие его свойства, элементы не дифференцируются, выступают в качестве целостности, сразу «открывающей» воплощенную в ней информацию в случае «внешнего» «естественного» кода (например, хорошо известные слова родного языка), так и в том смысле, что кодовый носитель его организация совсем не отображается на сознательном и вообще на психическом уровне в случае «внутренних» «естественных» кодов.

Важно учитывать, что и «естественные» и «чуждые» коды могут быть внешними и внутренними для данной самоорганизующейся системы, что обуславливает специфику задач, связанных с их декодированием и перекодированием. Я выделяю два вида задач расшифровки кода: 1) «прямую», когда дан кодовый объект и требуется выяснить информацию, которая в нем содержится (здесь налицо «чуждый» код), и 2) «обратную», когда дана определенная информация и требуется установить ее носитель и его кодовую организацию; здесь мы имеем дело с «естественным» кодом, и такая задача является, как правило, более трудной (см. об этом подробнее: [5]). Мозговые коды типа X являются внутренними «естественными» кодами. Воплощенная в них информация (A) дана индивиду непосредственно, в виде явлений его субъективной реальности (его чувственных образов, мыслей и т.п.). При этом «устройство» мозгового нейродинамического кода и вообще наличие этого кода каждым из нас совершенно не отображается. Нам дана информация как бы в «чистом» виде, т.е. мы не чувствуем процессов, совершающихся при этом в нашем мозгу, не отображаем их на психическом уровне. Когда человек размышляет о чем-нибудь, он оперирует информацией, данной ему в «чистом» виде. Такого рода данность информации в «чистом» виде и способность оперировать ею представляют кардинальный факт нашей психической организации. Но этот несомненный факт (что мы переживаем образ предмета или думаем, но при этом не знаем, что происходит в то же время в нашем мозгу) стоит осмыслить. Важно попытаться объяснить, почему наша психическая организация устроена именно так (это должно послужить и для более углубленного ответа на поставленный выше первый вопрос).

Почему в явлениях субъективной реальности человеку дана информация об отображаемых объектах, а также информация о них самих (характерная для актов сознания рефлексивность), но совершенно отсутствует отображение носителей этой информации (т.е. не содержится никакой информации о собственных мозговых кодах)? Краткий ответ: в силу ПИ2. Так как одна и та же информация может существовать в разных кодах, отображение конкретных свойств носителя информации является для самоорганизующейся системы в большинстве

Разумеется, из ПИ не вытекает безразличия кодовой формы для самоорганизующейся системы, им подчеркивается лишь то, что она может быть разной. В ходе биологической эволюции и антропогенеза совершается отбор наиболее целесообразных кодов (экономичных в энергетическом отношении, лучше и проще организованных по тем или иным параметрам – пространственному, временному и др.). В итоге некоторые формы кодов оказываются стабильными для всей истории самоорганизующихся систем или для отдельных ее весьма длительных периодов (кодовая система ДНК, частотно-импульсный код в нервной системе, язык случаев несущественным. Для эффективного функционирования ей нужна информация как таковая (информация о внешних объектах и ситуациях, она более вероятных изменениях среды и способах взаимодействия с ней, особенностях системных

состояниях и изменениях и т.п.). Поскольку поведенческий акт определяется именно семантическими и прагматическими параметрами информации, а не конкретными свойствами ее носителя, ибо они могут быть разными, постольку в ходе биологической эволюции антропогенеза способность отображения носителя информации неразвивалась, но зато усиленно развивалась способность получения самой информации, расширения ее диапазона, способность более эффективного оперирования ею и использования ее для управления и саморазвития.

На этом пути в процессе антропогенеза и возникает сознание как новое качество (в сравнении с психикой животных), что, естественно, связано с возникновением и новых кодовых форм хранения, преобразования и передачи информации (прежде всего – языка). Суть этого нового качества можно определить в данном контексте как способность такого оперирования информацией, при котором, по сути, неограниченно может воспроизводиться информация об информации. Это создает характерное для сознания «двойное» отображение (сквозь призму модальностей «Я» и «не-Я»), а тем самым способность абстрактного мышления, творчества, личностного самоотображения, целеполагания и волеизъявления. Лишь при таком типе оперирования информацией возможна та неограниченная свобода движения в сфере субъективной реальности (в мечтах, размышлениях, упованиях, фантазиях, экзистенциальных рефлексиях и т.п.), которая составляет источник не только творчества высших ценностей и смыслов, но и бесплодного блуждания в своем внутреннем мире, а также возможность юродства, безумия, фанатизма, абсурда, суицида.

Чтобы эффективно управлять самим собой, необходимо выстроить себе, в своем организме и нервной системе новую цепь кодовых зависимостей, которая бы обеспечила не только разумный проект самопреобразования, но и достаточную энергетику для его реализации. Допустимо предполагать возможность существенных преобразований нашей субъективной реальности в ее ценностно-смысловых и интенциональных аспектах путем познания и преобразования ее кодовой организации. Теоретически мыслимы иные типы субъективной реальности по сравнению с известными. Один из таких теоретически мыслимых вариантов может заключаться в том, что некоторый внеземной тип субъективной реальности способен предоставлять самоорганизующейся системе не только информацию об отображаемых в ней объектах и вместе с тем информацию об информации, как это свойственно людям, но также информацию о внутреннем носителе информации (его кодовой организации, механизмах функционирования, обеспечивающих субъективное переживание данной информации). Можно думать, что такой тип субъективной реальности связан с иным типом социальной самоорганизации (по сравнению с земной), ибо способность непосредственного отображения внутреннего носителя информации и воздействия на него означала бы качественно более высокую способность самоотображения и самоуправления индивида, т.е. его самосовершенствования (преобразования ценностно-смысловой структуры субъективной реальности на основе качественно высшей творческой активности, направленной на созидание духовных, в том числе пока, наверное, немислимых для нас экзистенциальных ценностей).

Перейдем теперь к более детальному рассмотрению вопросов, связанных с действенной стороной явлений субъективной реальности.

Каким образом явление субъективной реальности (А), которому нельзя приписывать физические свойства, способно служить причиной телесных изменений? В общих чертах на этот вопрос уже был дан ответ: оно воздействует на телесные процессы, управляет ими в качестве информации. Как уже говорилось, мы имеем здесь дело с информационной причинностью, точнее, с ее видом – психической причинностью. Отличие этого типа причинности от физической причинности определяется ПИ, тем, что оно носит кодовый характер. Психическое причинение осуществляется цепью кодовых преобразований и его

результат определяется содержательными, ценностными и оперативными характеристиками информации (А), воплощенной в мозговом коде (Х).

Если А есть намерение совершить какое-либо сравнительно простое действие (скажем, я хочу взять лежащий передо мной карандаш и беру его), то цепь кодовых преобразований построена, как правило, по иерархическому принципу и является хорошо отработанной в филогенезе и онтогенезе (имеется в виду последовательное и параллельное включение кодовых программ движения руки и сопутствующих ему других телесных изменений, а также кодовых программ энергетического обеспечения всего комплекса этих изменений). Разумеется, то, что именуется произвольным действием, требует более конкретного описания. Я ограничился самыми общими моментами объяснения «механизма» воздействия явлений субъективной реальности на телесные процессы. В этом плане хотелось бы, однако, кратко обсудить еще два вопроса.

Как объяснить «воздействие» одного явления субъективной реальности на другое (когда одно из них вызывает направленное изменение другого, например одна мысль влечет другую и т. п.)? То, что одна мысль способна вызывать, порождать другую, является повсеместным фактом нашего опыта. Однако научное описание этого вызывает большие трудности из-за неразработанности методов дискретизации континуума субъективной реальности, взятого в его актуальном плане, в динамике его многомерного «содержания». Поэтому, когда говорят об отдельном явлении субъективной реальности и тем более о воздействии одного из них на другое, то нужно установить, по каким признакам его можно выделять, отличать от другого. Это – весьма сложная задача.

Но допустим, что мы можем корректно провести такое различие. Обозначим одно из них А1, другое – А2. Тогда, если А1 вызывает А2, то это равносильно кодовому преобразованию Х1 в Х2. Здесь так же имеет место информационная (психическая) причинность. Ведь внутренний «механизм» следования А2 из А1 принципиально не отличается от тех случаев, в которых субъективное явление вызывает определенное телесное изменение. Различны лишь контуры кодовых преобразований, те подсистемы, в которых они совершаются. В случаях, когда одна мысль влечет другую, наиболее вероятные пути кодовых преобразований типа Х, «пути следования» заданы усвоенными нормами культуры. Эти нормы (логические, моральные и др.) определяют схемы действий во внутреннем плане, наиболее вероятные «пути» содержательных изменений в сфере субъективной реальности, что особенно заметно на примере логических норм, которые довольно жестко ограничивают такие «пути следования» на дискурсивном уровне мыслительного процесса.

Однако всякое отдельное явление субъективной реальности принадлежит данному уникальному «Я» и несет на себе его печать, оно есть момент целостной субъективной реальности, существующей только в конкретной и неповторимой личностной форме. Эта целостность, определяемая нашим «Я», представлена в мозговой эго-системе, которая образует высший уровень мозговой самоорганизации и в сфере которой функционируют кодовые структуры типа Х. Другими словами, направленность кодовых преобразований данного типа обусловлена также и уникальностью этой эго-системы, а потому является в ряде отношений непредзаданной, зависящей от личностных особенностей, в том числе от такого личностного параметра как волеизъявление. И здесь возникает традиционный вопрос о свободе воли, который всегда стоял в центре дискуссий по проблеме сознания и мозга.

Как объяснить феномен свободы воли и его совместимость с детерминированностью мозговых процессов? Здесь нет возможности, да и нужды, вдаваться в подробный анализ феномена свободы воли. Для наших целей достаточно признать, что в некоторых случаях человек осуществляет действия (в практическом или хотя бы в субъективном плане) по своей личной

воле, по своему желанию, что в некоторых случаях он совершает выбор по своему внутреннему побуждению. Эти действия не могут быть однозначно детерминированы внешними факторами и предполагают для своего объяснения неотчуждаемую от личности способность ответственной деятельности и вместе с тем творческую способность.

Вряд ли можно отрицать, что, по крайней мере, в некоторых случаях человек может управлять движением своей мысли, оперировать по своей воле теми или иными явлениями собственной субъективной реальности (представлениями, интенциональными векторами), хотя в составе субъективной реальности есть такие классы явлений, которые либо вообще неподвластны произвольному оперированию, либо поддаются с большим трудом. Но признание пусть частичной способности «Я» оперировать явлениями субъективной реальности, т.е. информацией в «чистом» виде, означает вместе с тем следующее.

Если я могу по своей воле оперировать своими явлениями субъективной реальности, т.е. переводить A_1 в A_2 и т.д., то это, как уже отмечалось, равносильно тому, что я могу по своей воле оперировать их кодами X_1 , X_2 и т.д., которые представляют собой определенным образом организованные мозговые нейродинамические системы. Следовательно, я могу, как бы это странно ни звучало на первый взгляд, оперировать по своей воле некоторым классом своих мозговых нейродинамических систем, т.е. управлять ими. Более того, это означает, что я могу оперировать не только некоторым наличным множеством собственных мозговых нейродинамических систем, активировать и дезактивировать их определенную последовательность, но и формировать направленность кодовых преобразований (в тех или иных пределах) и, наконец, создавать новые кодовые паттерны типа X , небывалые разновидности собственных нейродинамических систем.

Нельзя же отрицать, что человек своим творческим усилием продуцирует оригинальные мысли, уникальные художественные образы. Эти новообразования в сфере его субъективной реальности имеют свое необходимое кодовое воплощение в его мозговой нейродинамике. Но субъективная реальность, как целостность, есть непрерывная историческая цепь новообразований, творцом которой, так или иначе, выступает наше «Я».

Поскольку способность новообразований в сфере субъективной реальности равнозначна способности новообразований на некотором уровне мозговой нейродинамики (кодовой организации типа X), то это дает основание говорить о постоянной возможности расширения диапазона возможностей саморегуляции, самосовершенствования, творчества. И это относится, конечно, не только к управлению своими психическими процессами, но и к управлению телесными процессами, к психосоматическим контурам саморегуляции. Не вызывает сомнения, что когда человек, как говорят, силой воли подавляет боль (или когда йог, например, вызывает у себя замедление сердечного ритма), то это означает, что он формирует у себя такие паттерны мозговой нейродинамики, такую цепь кодовых преобразований, которые «пробивают» новый эффекторный путь «захватывают» вегетативный и другие нижележащие уровни регуляции, обычно закрытые для произвольного, сознательного управления.

Но способность управлять собственной мозговой нейродинамикой может быть истолкована только в том смысле, что нейродинамические системы типа X , взятые в их актуальной и диспозициональной взаимосвязи, являются самоорганизующимися, образуют в мозгу человеческого индивида личностный уровень мозговой самоорганизации (уровень мозговой самоорганизующейся эго-системы). Другими словами, сознательное «Я» со всеми его гностическими, ценностными и волевыми особенностями представлено в функционировании мозговых нейродинамических систем типа X как самоорганизующихся систем.

Следовательно, акт свободы воли (как в плане производимого выбора, так и в плане генерации внутреннего усилия для достижения цели) есть акт самодетерминации. Тем самым устраняется

тезис о несовместимости понятий свободы воли и детерминизма, но последнее должно браться в смысле не только внешней, но и внутренней детерминации (задаваемой программами самоорганизующейся системы). Такого рода информационное причинение как раз и выражает акт самодетерминации. И это не оставляет никакого места злополучному гомункулусу.

При таком подходе можно наметить перспективные направления исследования тех уровней мозговой организации, которые представляют нашу эго-систему – кодовое воплощение индивидуально-целостной субъективной реальности человека. Методологическим ключом здесь служит принцип самоорганизации, который уже достаточно апробирован современной наукой. Этот принцип позволяет раскрыть функциональное единство самоотображения и самоуправления и придать конкретный смысл понятию самодетерминации.

Я оставил в стороне рассмотрение проблемы сознания и мозга в плане философской онтологии. Это, конечно, существенный аспект данной проблемы, которая, тем не менее, является по преимуществу научной, а не философской и требует своей разработки именно научными средствами – для решения насущных практических задач. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что изложенная выше информационная концепция хорошо коррелирует с материалистическим мировоззрением и служит в определенной степени его обоснованию, так как показывает, что духовное (ментальное, психическое) выступает в качестве функционального свойства («эмерджентного свойства», как говорит выдающийся нейрофизиолог Р. Сперри – см.: [13]) высокоорганизованных материальных систем. Развитие этого свойства отчетливо прослеживается в ходе биологической эволюции, что служит важнейшим аргументом. Кроме того, трактовка явлений сознания в качестве информации снижает степень их оригинальности в ряду других явлений реальности, сближает их с ними. Это позволяет не драматизировать утверждение . Нагеля и многих его западных коллег о наличии тут «пропасти» и «провала в объяснении».

Список литературы

1. Нагель Т. Мыслимость невозможного проблема духа и тела // Вопросы философии. – 2001. – № 8.
2. Дубровский Д. И. Мозг и психика // Вопросы философии. – 1968. – № 8.
3. Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. – М., 1971.
4. Дубровский Д. И. Информационный подход к проблеме «сознание и мозг» // Вопросы философии. – 1976. – № 11.5
5. Дубровский Д. И. Расшифровка кодов (Методологические аспекты проблемы) // Вопросы философии. – 1979. – № 12.
6. Дубровский Д. И. Информация, сознание, мозг. – М., 1980.
7. Дубровский Д. И. Проблема идеального. – М., 1983, гл. IV. (Второе изд., доп. – М., 2002).
8. Дубровский Д. И. Психика и мозг: результаты и перспективы исследований // Психологический журнал. – 1990. – № 6.
9. Кадомцев Б. Б. Динамика и информация. – М., 1999.
10. Корогодина В. И., Корогодина В. Л. Информация как основа жизни. – Дубна, 2000.
11. Мелик-Гайказян И. В. Информационные процессы и реальность. – М., 1998.
12. Прист С. Теории сознания. – М., 2000.
13. Сперри Р. У. Перспективы менталистской революции и возникновение нового научного мировоззрения // Мозг и разум. – М. 1994.
14. Armstrong D. M. A Materialist Theory of Mind. – L., 1968.
15. Chalmers D. J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. – N.- Y.:

- OxfordUniv. Press, 1996.
16. Dennet D. C. Consciousness Explained. – Little-Brown, 1991.
 17. Feyerabend P. K. Materialism and the Mind-Body Problem // Modern Materialism: Readings on Mind- Body Identity. – N.-Y., Chicago, 1969.
 18. Hempel K. G. The Logical Analysis of Psychology // Readings in Philosophical Analysis.– N.-Y., 1949.
 19. Lewis D. Reduction of Mind // A Companion to the Philosophy of Mind. – Blackwell, 1994.
 20. Nagel T. Physicalism // Modern Materialism…
 21. Nagel T. Armstrong on the Mind // Philosophical Review. – 1970. – LXXIX, July.
 22. Nagel T. What is it like to be a Bat? // Philosophical Review. – 1974. – LXXXIII, October.
 23. Putnam H. The Mental Life of Some Machines // Modern Materialism…
 24. Penrose R. Shadows of the Mind. – Oxford Univ. Press, 1994.
 25. 25. Rorty R. In Defence of Eliminative Materialism // Materialism and the Mind-Body Problem.– London, 1971.

ЗАЧЕМ СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ИЛИ «ПОЧЕМУ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НЕ ИДУТ В ТЕМНОТЕ?» (ОТВЕТ Д. ЧАЛМЕРСУ)

Дубровский Давид Израилевич

Взятый в кавычки вопрос принадлежит Д. Чалмерсу – известному западному философу, автору многих работ по проблеме сознания и мозга. Он выдвинул широко цитируемое положение о двух проблемах сознания: «легкой» и «трудной» [1]. Первая из них имеет дело с объяснением когнитивных способностей и функций и для этого есть вполне адекватные методы, которыми располагают психофизиология и когнитивные науки. Предметом объяснения здесь являются способность реагировать на внешние стимулы, их дискриминация и категоризация, фокус внимания, контроль поведения, различие между сном и бодрствованием, словесные отчеты о собственных ментальных состояниях, интеграция информации когнитивной системой и т.п.

«Трудная» проблема сознания – это проблема «субъективного опыта (experience)». Наряду с термином «субъективный опыт» (или просто «опыт») в рамках аналитической философии употребляются другие термины, имеющие то же или близкое значение во многих контекстах: «субъективное переживание», «ментальное», «феноменальное», «квалиа». Мною в таких случаях издавна употребляется термин «субъективная реальность» (далее – сокращенно СР), который используется как для обозначения целостности, охватываемой нашим «Я», так и отдельных явлений субъективной реальности (ощущений, мыслей, эмоциональных переживаний, волевых усилий и т.п., а также отдельных интервалов осознаваемых состояний; вместе с тем «СР» может служить и для обозначения явлений «субъективного опыта» животных). В последнее время этим термином стали пользоваться и представители аналитической философии (см., напр.: [9]).

Чалмерс подчеркивает, что объяснение субъективного опыта – главный вопрос проблемы сознания. Мы можем функционально объяснить информационные процессы, связанные с восприятием, мышлением, поведением, но остается непонятным, почему эти информационные процессы «аккомпанируются субъективным опытом» [1, р. 204]. Он формулирует «ключевой вопрос проблемы сознания» следующим образом: «Почему все эти информационные процессы не «идут в темноте», независимо от какого-либо внутреннего чувства?» [ibid.]. Почему, когда электромагнитные волны действуют на сетчатку и затем дискриминируются и категоризируются зрительной системой, мы переживаем это как ощущение красного? Ведь для понимания результата такого воздействия и вызываемой им реакции организма достаточно функциональное объяснение, не нуждающееся в том, чтобы привлечь субъективный «аккомпанемент». «Здесь налицо провал в объяснении (explanatory gap) между функциями и субъективными состояниями, и нам необходим объяснительный мост, чтобы преодолеть его» [ibid.].

Действительно, в этом состоит один из трудных вопросов проблемы сознания. В последние годы Чалмерс неоднократно к нему возвращался [2], подчеркивая, что на данный вопрос пока нет убедительного ответа. Это он повторил и в недавнем письме ко мне после прочтения английского перевода моей статьи (опубликованной в «Вопросах философии», см.: [6]), в которой критически рассматривалась позиция Т. Нагеля (близкая, кстати, во многом к позиции Чалмерса) и кратко излагалась моя концепция возможного преодоления указанного «провала в

объяснении».

Отмечая, что ему импонирует предлагаемый мной информационный подход, Чалмерс, однако, считает, что все равно «открытым остается вопрос, почему информация не только репрезентируется, но и субъективно переживается»; «хотелось бы знать, при каких именно условиях репрезентированная информация сопровождается субъективным опытом и почему?» (выдержка из его письма от 16 июля 2005 г.).

На мой взгляд, этот вопрос хотя и является существенным, но в масштабе проблемы «сознание и мозг» носит все же частный характер, так как представляет один из способов уяснения трудностей указанной проблемы. Я уже не раз касался его в ходе анализа различных аспектов проблемы «сознание и мозг», но делал это сравнительно кратко и в несколько иных выражениях (см.: [4, 5, 6]). Здесь же я попытаюсь обсудить этот вопрос специально и по возможности систематично.

Каковы предпосылки данного вопроса? Рассмотрим вначале те, часто неявные или слабо проясненные основания, в силу которых ставится сам вопрос о некотором классе информационных процессов, которые «не идут в темноте» (т.е. идут, так сказать, «на свету», «освещены» в форме субъективных переживаний). Это предполагает их сопоставление с тем классом информационных процессов, которые «идут в темноте». Последний является весьма широким, охватывает все организмы, более того, все самоорганизующиеся системы (в том числе элементы и подсистемы сложного организма, например отдельные клетки), которым не принято приписывать самостоятельные психические способности.

По каким признакам следует различать эти два класса информационных процессов? Как показывают разработки проблемы «другого сознания», у нас нет четких, теоретически обоснованных критериев, а соответственно, и объективного метода, для диагностики наличия или отсутствия СР у другого существа. Не можем мы и четко провести границу в эволюционном ряду, за которой впервые возникают психические способности (простейшие эмоции и ощущения).

Кроме того, если ограничиваться только психикой человека, то здесь мы также сталкиваемся с обоими классами информационных процессов и проблемой их разграничения, ибо те, которые «идут в темноте», на уровне бессознательного, подсознательного, неосознаваемого в данном интервале, играют необходимую роль в осуществлении тех, которые в данном интервале «не идут в темноте». Главная же трудность состоит в уяснении их разнообразных взаимопереходов и специфики тех из них, которые всегда «идут в темноте» и тех, которые всегда идут «на свету». Нечто подобное имеет место, по крайней мере, и у высших животных, которым, как мне кажется, не стоит приписывать наличие сознания в точном смысле, но у которых наряду с квазисознательным (субъективно переживаемым в данном интервале) есть квазибессознательное (аналог человеческого бессознательного), играющего столь же важную роль в их психической деятельности.

Остро поставленный Чалмерсом вопрос, почему информационные процессы «не идут в темноте», несет оттенок удивления, связанный с допущением, что они вполне могли бы идти «в темноте». Но тем самым неявно предполагается, что явления СР тут как бы не обязательны, что и без них все происходило бы точно так же, т.е. за ними не признается какой-либо специфической функциональной способности и каузальной действенности. В одном месте (см. выше) Чалмерс говорит об «аккомпанементе» информационных процессов субъективными переживаниями. Это не вполне корректное утверждение, ибо в действительности здесь имеет место не «аккомпанемент», не сопровождение, а сам информационный процесс особого типа, необходимым свойством и, я бы сказал, сутью которого выступает явление СР. Ощущение красного и есть информация как таковая, выполняющая специфическую функцию. (К этому я еще

вернусь, чтобы привести аргументы в пользу правомерности функционального описания и объяснения явлений СР. Впрочем, и сам Чалмерс не исключает такую возможность (см.: [1, р. 205]), хотя это размывает его дилемму объяснения «функционального» и «субъективного опыта».)

Важно отметить, что понимание СР как своего рода «аккомпанемента» мозговых процессов характерно именно для физикалистского типа мышления, который исходит из заведомой фиктивности онтологии СР и невозможности вписать ее в физическую картину мира. Отсюда стремление элиминировать «субъективную реальность» из научного языка (вспомним «элиминативный материализм» П. Фейерабенда и раннего Р. Рорти, а также их последователей), попытки редуцировать субъективную реальность к физическим процессам, что характерно для многих представителей аналитической философии.

В соответствии с парадигмой физикализма, господствовавшей в научном мышлении около трех столетий, то, чему нельзя непосредственно приписывать физические свойства (массу, энергию и др.), невозможно включить в причинную цепь событий: «ментальное» является «номологическим бездельником» («nomological dangler»).

Нетрудно увидеть, что это воспроизводит старый ход мысли (бытовавший в психологии и философии с конца XIX века, но известный весьма давно), согласно которому психическое есть не более чем «эпифеномен» – некий бесплотный и пассивный дублер мозговых физиологических процессов; и для того, чтобы преодолеть «психофизический параллелизм» и избавиться от «эпифеноменализма», чтобы придать психическим явлениям действенность, надо рассматривать их как высшую форму физиологических процессов, как особую разновидность физического (см. краткий исторический экскурс, касающийся происхождения термина «эпифеномен», и подробный критический разбор взглядов тех авторов, в том числе ряда советских философов, которые не видели другого способа избежать «эпифеноменализма» [3, с. 109–113]; думаю, это может быть полезным – ведь мы часто забываем исторические уроки, ходим по кругу, обряжая старые ходы мысли в новые слова). Еще один плод физикалистской интенции (часто несознаваемой) и во многом воспроизводящей на новый лад старое клише эпифеноменализма – мысленное экспериментирование с «зомби», существом начисто лишенным сознания, но способным делать все, как человек. Здесь – та же исходная посылка, что субъективная реальность не обязательна, более того, для описания всех человеческих функций она является излишней, ибо все они могут осуществляться «в темноте» (этот вопрос также будет рассмотрен далее). Примерно с середины прошлого века, благодаря возникновению теории информации, кибернетики, исследованиям самоорганизующихся систем, появились новые теоретические возможности объяснения действенной способности психических явлений путем истолкования последних в качестве информации и использования понятия информационной причинности. Но это потребовало поистине парадигмального сдвига, связанного с отказом от возможности унификации научного знания на базе физики и от признания ее в качестве единственной фундаментальной науки.

Отчетливо выявилось еще одно фундаментальное основание современной науки, выражаемое парадигмой функционализма. Она определяется тем принципиальным обстоятельством, что описание и объяснение функциональных отношений логически независимо от физических описаний и объяснений (т.е. функциональные свойства не редуцируемы к физическим свойствам) и поэтому служат теоретическим фундаментом для широкого круга научных дисциплин, изучающих информационные процессы и самоорганизующиеся системы. Последние обладают новым типом каузальности в силу принципа инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя. Естественно, что это ни в коей мере не умаляет роли физических закономерностей, но создает предпосылки для новых подходов к

разработке проблемы сознания и мозга, использующих понятийный аппарат описания и объяснения информационных процессов.

Ответ на вопрос, поставленный Чалмерсом, предполагает прояснение того, что же понимается под «информационным процессом». В использовании этого термина нередко отмечаются значительные неопределенности. И центральным пунктом здесь, конечно, является понятие информации, которое истолковывается разными авторами далеко неоднозначно. Важно рассмотреть, какую именно позицию занимает в этом отношении Чалмерс.

Что такое «информационный процесс»? Как известно, имеется два основных подхода к определению сферы существования информационных процессов и соответственно к истолкованию понятия информации. Первый из них полагает, что информационные процессы – фундаментальное свойство объективной действительности, физического мира, что информация присуща всем материальным объектам (такой подход часто именуется атрибутивным). Второй подход ограничивает сферу информационных процессов и применимости понятия информации лишь к самоорганизующимся системам, начиная с биологических (этот подход именуется обычно функциональным). В первом случае информации можно приписывать лишь синтаксические характеристики, во втором – также семантические и прагматические, что позволяет объяснять процессы эффективного управления, саморегуляции, активного действия, присущие биологическим и социальным системам (включая технические, поскольку они создаются и контролируются человеком).

Отвергая редукционистские объяснения «ментального», Чалмерс, так же как и я, опирается на категорию информации. Для него понятие информации определяет «центральный», «базисный принцип» в теории сознания. При этом он стоит на позициях атрибутивного подхода и «понимает информацию более или менее в смысле К. Шеннона» [1, р.216]. Информация представляет количество разнообразия, заключенное в некоторой физической системе и образующее «информационное пространство», она воплощена в «пространстве различных физических состояний». И далее Чалмерс выдвигает следующую гипотезу: «информация (или, по крайней мере, некоторая информация) имеет два базисных аспекта – физический аспект и феноменальный аспект. Это положение имеет статус базисного принципа, который может лежать в основе объяснения происхождения (emergence) субъективного опыта из физического процесса» [1, р. 217].

Вопрос, однако, в том, «обладает ли всякая информация феноменальным аспектом?» [1, р. 218]. На него, как отмечает Чалмерс, пока нет определенного ответа. Но положительный ответ на этот вопрос, по его мнению, вполне допустим. Приняв такую позицию, «мы можем утверждать, что феноменальные свойства являются внутренним аспектом информации», а последняя «имеет статус внутренней природы физического» [ibid.]. И таким образом, считает Чалмерс, мы получаем стройную теоретическую картину мира, а вместе с ней подтверждается тезис (выдвигаемый им), что «существует прямой изоморфизм между определенным физически воплощенным информационным пространством и определенным феноменальным (субъективно переживаемым) информационным пространством» [ibid.].

Чалмерс, однако, признает, что такая теория носит характер «метафизической спекуляции» и что она, хотя и приемлема в философском плане, вряд ли может быть полезна для развития научной теории сознания.

Разумеется, если принять подобную теорию, то все легко объясняется: информационные процессы исходно включают ментальное; на низших ступенях последние идут почти в «темноте», ментальное тут как бы незаметно, а на высших – «освещаются» все более полно. Но такое объяснение, конечно, не может удовлетворить, в том числе, и самого Чалмерса (подобный ход мысли использовался издавна многими!).

В рамках данной статьи нет смысла вдаваться в дискуссию о том, насколько обоснована атрибутивная концепция информации. Она в последнее время получила некоторую поддержку со стороны синергетики, но продолжает вызывать многие вопросы, связанные прежде всего с ее «безразмерностью» и с ее метафизическими постулатами, которые сразу же, «легко» снимают мучительные проблемы.

В отличие от Чалмерса при истолковании «информационных процессов» я предпочитаю оставаться на том уровне теоретических принципов, которые допускают эмпирические подтверждения и опровержения.

Функциональная концепция информации удовлетворяет этому требованию, так как позволяет ясно определить особенности самоорганизующихся систем на примере биологической системы, использовать понятие информации в единстве ее синтаксических, семантических и прагматических характеристик и тем самым охватить полный циклический процесс, включая акт управления. Кроме того, при рассмотрении проблемы сознания и мозга нас интересует именно живая система, а поэтому вопросы, касающиеся атрибутивной концепции информации, вообще остаются в стороне; без них вполне можно обойтись.

Хочу напомнить те исходные посылки, которые принимаются мной для теоретического решения проблемы сознания и мозга:

1. Информация необходимо воплощена в определенном физическом носителе; конкретный носитель информации выступает в качестве ее кода.
2. Информация инвариантна по отношению к физическим свойствам своего носителя, т.е. одна и та же информация может кодироваться поразному, иметь разные кодовые воплощения (сокращенно – «Принцип инвариантности»).
3. Информация способна служить фактором управления (ибо – в силу предыдущей посылки – цель и каузальный эффект управления в самоорганизующейся системе определяется именно информацией, а не самими по себе физическими свойствами ее носителя, поскольку они могут быть разными; в этом состоит особенность информационной причинности).
4. Явление сознания («субъективного опыта») может интерпретироваться в качестве информации о том или ином явлении действительности. Первые три положения являются общепринятыми, они имеют ясные эмпирические подтверждения и могут быть легко опровергнуты, если кому-нибудь удастся привести противоречащий факт.

Что касается четвертого положения, то, хотя оно интуитивно приемлемо (ибо всякое явление сознания интенционально, есть некоторое «содержание», представляет отображение или выражение чего-либо), его достаточно брать для наших целей в частном виде. Например, зрительный образ Луны, переживаемый мной сейчас, любое другое восприятие, есть явление субъективной реальности, которое представляет для меня информацию о некотором объекте.

Эта информация (зрительное восприятие Луны – обозначим его знаком О), будучи явлением субъективной реальности, имеет своим носителем некоторую мозговую нейродинамическую систему (обозначим ее через Х). Естественно, в мозговых процессах нет никакой копии Луны: Х есть не образ Луны, а ее код, который, тем не менее, переживается мной в качестве образа (пункт требующий объяснения!). Это как раз тот случай, когда информационный процесс «не идет в темноте». Отвлечемся от сложной проблемы дискретизации и идентификации явлений типа О и явлений типа Х (это подробно рассматривалось в [3, с. 284–300]).

В чем специфика связи О с Х? Это прежде всего необходимая связь и вместе с тем это

функциональная, а не причинная связь, ибо О и Х суть явления одновременные и однопричинные. Такого рода связь можно назвать кодовой зависимостью, поскольку она образуется в филогенезе ионтогенезе самоорганизующейся системы (носит характер исторического новообразования и в этом смысле случайна, т.е. данная информация обрела в данной самоорганизующейся системе именно такое кодовое воплощение, но в принципе могла иметь другое; однако, возникнув в таком виде, она становится функциональным элементом процесса самоорганизации). Эта связь действительна, т.е. сохраняет свою функциональную роль либо в разовом действии, либо в некотором интервале (например условно-рефлекторная связь), а нередко на протяжении всей жизни индивида и даже всей истории вида, а в случае фундаментального кода ДНК – для всего периода существования на Земле живых систем. Связь О и Х, как всякая кодовая зависимость, качественно отличается от сугубо физической связи, она выражает специфику информационных процессов.

Информация выполняет свои функции (как фактор ориентации, управления, как причина телесных изменений) лишь в определенном кодовом воплощении. Следует различать два вида кодов: 1) «естественные» и 2) «чуждые».

Первые непосредственно «понятны» той самоорганизующейся системе, которой они адресованы; точнее, ей «понятна» информация, воплощенная в них (например, паттерны частотно-импульсного кода, идущие от определенных структур головного мозга к мышце сердца, обычные слова родного языка для собеседника и т.п.). Информация «понятна» в том смысле, что не требует специальной операции декодирования. Лишь информация, воплощенная для данной самоорганизующейся системы в форме «естественного» кода, способна непосредственно выполнять в ней указанные выше функции.

В отличие от «естественного» кода «чуждый код» непосредственно «не понятен» для самоорганизующейся системы, она не может воспринять и использовать воплощенную в нем информацию. Для этого ей нужно произвести операцию декодирования. Но тут принципиально важно уточнить: что означает операция декодирования вообще? Поскольку информация всегда воплощена в определенной кодовой форме, не существует иначе, операция декодирования может означать только одно: преобразование «чуждого» кода в «естественный».

Нейродинамическая система Х является «естественным» кодом для личностного уровня мозговой самоорганизации («эго-системы головного мозга» – уровня самоорганизации, представляющего наше «Я» и психическую деятельность в целом). Информация О непосредственно «понятна» этой системе и может быть использована ею для ориентации, для мысленных действий и управления поведением. Однако информационные процессы на уровне психической деятельности (в частности, такие как ОХ) по сравнению с теми, которые совершаются на допсихическом уровне (и в самоорганизующихся системах, лишенных психики), отличаются существенными особенностями «естественных кодов». Последние не просто «понятны»; воплощенная в них информация не только обретает действенность, но также особое качество репрезентации и особое качество использования ее самоорганизующейся системой для управления.

Итак, чтобы ответить на вопрос Чалмерса, вначале следовало определиться с пониманием того, что именуется «информационным процессом» и подчеркнуть специфику того класса информационных процессов, которые «не идут в темноте». Теперь можно приступить к более конкретному объяснению этой специфики. Замечу, однако, что у Чалмерса возникает ко мне фактически не один вопрос, а два:

1. Почему информация не просто репрезентируется, но и субъективно переживается?
2. При каких именно условиях это возникает?

3. Почему же некоторые информационные процессы «не идут в темноте»? Этот вопрос равноценен вопросу «зачем субъективная реальность?», почему она возникла в ходе биологической эволюции?

Попытаемся выстроить ответ, опираясь на информационно-эволюционный подход. Психический способ отображения и управления – находка биологической эволюции, но вместе с тем результат преобладающих тенденций развития биологической самоорганизации, характерных для нее информационных процессов (как полагают, появлению психики предшествует качество раздражимости, присущее всякой живой системе и знаменующее ее активность – в отличие от неживой системы).

В ходе эволюции произошел переход от одноклеточных организмов к многоклеточным; жизнь многих из них требовала активного передвижения в окружающей среде. Именно эти обстоятельства и привели к возникновению нового типа информационных процессов в форме субъективно переживаемых состояний, выполняющих необходимые жизненные функции у ряда сложных самоорганизующихся систем.

Есть основания полагать, что это был не единственный возможный вариант решения проблемы эффективного самоуправления на новом этапе биологической самоорганизации. Каковы могли быть другие варианты? В горизонте нынешней человеческой ментальности они трудно представимы, здесь – крайне узкие возможности для построения научных гипотез и широкий простор для фантазирования. Но будущим исследователям, да и нам сейчас, полезно преодолеть наши антропоцентристские предубеждения и думать о возможности иных способов самоотображения, самоидентификации и самоуправления в сложных самоорганизующихся системах (в надежде встретить их во Вселенной). Такая, пусть и весьма абстрактная, предпосылка способна создавать более широкий теоретический контекст для понимания того, что же такое земная субъективная реальность, почему и как она возникла.

В данной статье нет возможности рассматривать первые этапы возникновения многоклеточных, особенности этого периода биологической эволюции, разветвление на растительные и животные организмы, вдаваться в описания морфологических новообразований у первых многоклеточных животных. Я буду исходить из широко признаваемого тезиса, что психика (с присущими ей субъективными состояниями) впервые возникает на уровне многоклеточных животных и связана с появлением нервной системы (по крайней мере, с ее начатками).

На мой взгляд, суть дела в следующем. Возникновение многоклеточного организма выдвинуло кардинальную задачу создания нового типа управления и поддержания целостности, от решения которой зависело его выживание. Ведь элементами этой самоорганизующейся системы являются отдельные клетки, которые также представляют собой самоорганизующиеся системы со своими довольно жесткими программами, «отработанными» эволюцией в течение сотен миллионов лет. Но теперь последние должны были согласовываться с общеорганизменной программой, как и наоборот. Это – весьма сложная задача, решение которой предполагало нахождение оптимальной меры централизации и автономизации контуров управления, меры, способной обеспечить сохранение и укрепление целостности сложной живой системы в ее непрерывных взаимодействиях с внешней средой. Имеется в виду такая мера централизации управления, которая не нарушает фундаментальные программы отдельных клеток, и такая мера автономности их функционирования, которая, наряду с кооперативными и конкурентными способами их взаимодействия между собой, не препятствует их содружественному участию в реализации программ целостного организма. Эта мера централизации была достигнута благодаря возникновению психического управления.

Успешное централизованное самоуправление (т.е. организация и осуществление поведения, действий, достигающих жизненно значимых целей) требует адекватного отображения внутренних процессов в организме, в его многочисленных самоорганизующихся элементах и подсистемах, причем как отображения их текущего баланса, так и состояний отдельных структур. Более того, оно требует эффективного текущего управления внутренними процессами, от которых зависит действие целостного организма во внешней среде, постоянное «подстраивание» тех или иных параметров интегральных и локальных изменений во внутренней среде организма (энергетических, информационных) для осуществления его действий во внешней среде.

Таким образом, для поддержания целостности, жизнеспособности сложного организма (и, следовательно, его эффективного поведения, связанного с передвижением в многообразной и динамичной среде) необходима согласованная реализация следующих интегральных функций:

1. отображения внутренней среды, внутренних состояний организма («внутреннего пространства», как его иногда называют),
2. управления этими внутренними процессами,
3. отображения внешней среды организма и собственного поведения, следовательно,
4. отображения себя как выделенной из среды целостности,
5. управления поведением, действиями во внешней среде, следовательно,
6. управления собой.

Эти шесть интегральных функций представляют специфические информационные процессы, которые осуществляются одновременно, обеспечивая жизнедеятельность организма. При этом всякий акт отображения внешнего объекта (ситуации) непременно предполагает и включает в той или иной степени отображение внутренних состояний организма и отображение себя как целостности и выделенности («самости»). Такого рода триединство относится и к актам управления (т.е. управлению внешними факторами, внутренними процессами и собственной «самостью»).

Эта многоплановость информационных процессов требует постоянной интеграции, которая и служит основой психического управления целостным организмом. Повторю, что речь идет о таких многоклеточных организмах, которые активно передвигаются во внешней среде, пребывают в постоянно изменяющейся ситуации. А это вызывает необходимость быстрого восприятия внешних изменений, быстрого извлечения нужной информации из памяти, быстрых оценок и решений, высокой оперативности действий. У организмов с минимальной двигательной активностью, прикрепленных к одному месту, каковыми являются растения, не развивается психика. У них преобладают информационные процессы другого типа; поддержание их целостности и жизнестойкости не требует столь высокой степени централизации и оперативности управления (а постольку и такого же оперативного самоотображения), ибо их среда обитания гораздо более стабильна.

Новейшие исследования показывают теснейшую связь в ходе эволюции моторных и когнитивных функций, что косвенно подтверждает возникновение и развитие психики именно у тех сложных организмов, которые активно передвигаются во внешней среде [10]. Отсюда и столь очевидная каузальная способность наших субъективно переживаемых состояний (информации в форме СР) непосредственно и мгновенно производить действия и управлять ими (включая их энергетическое обеспечение и регулируя его). На этом фоне бросается в глаза минимальная способность непосредственного произвольного управления внутренними органами, которое в подавляющем числе случаев совершается «автоматически», в «темноте» (впрочем, при определенных тренировках эта минимальная способность может возрасти).

Теперь попытаемся подойти к вопросу: почему у таких организмов на уровне управления их

целостным поведением (и, следовательно, на уровне их целостного самоотображения) информация стала выступать в форме явлений СР.

Поскольку для сложного организма, передвигающегося в среде, полной опасностей и неопределенностей, жизненно необходима адекватная и быстрая оценка текущей информации о внешних объектах и о его внутренних состояниях и так как результирующая оценка, определяющая немедленные действия, складывается на основе многих «частных» оценок, то в ходе эволюции получает развитие способность производить (прежде всего на уровне формирования программ поведения) информацию об информации. Возникает новый уровень интеграции информационных процессов, характерный как раз для психического отображения и психического управления целостным организмом. Уже простейшие явления СР, например ощущения красного, представляют собой результат интеграции множества продуктов анализа и синтеза информации, осуществляемых в сетчатке глаза и затем в многочисленных структурах головного мозга. Это, так сказать, итоговый результат функций обнаружения сигналов, их различения, передачи, обработки, перекодирования в разных инстанциях мозга, опознания и оценки на уровне эго-системы. Каждая из перечисленных функций уже сама по себе представляет сложные информационные процессы со своими аналитическими и интегральными продуктами, но лишь их итоговый результат значим для реакции организма и может быть использован для управления поведением. Ощущение красного и есть такой итоговый результат – адекватное отображение одного из значимых физических параметров внешней среды. При этом субъективно переживаемое качество «красное» есть информация об определенной длине волны, она строго соответствует данному объекту, есть его чувственный знак, и в остальном не имеет с ним ничего общего – как всякий знак (так же, как слова «красное» или «red» не имеют ничего общего с переживанием ощущения красного). Такой способ представленности информации включает помимо отображения определенного явления внешней среды также и качество принадлежности этой информации данному организму (у человека качество принадлежности реализуется на уровне эго-системы его мозга и связано с двумя основными свойствами: данностью информации в «чистом» виде и способностью оперировать ею; подробнее о них речь пойдет ниже).

Для того чтобы информация обрела форму СР, необходимо, по крайней мере, двойное или, лучше сказать, двухступенчатое, кодовое преобразование на уровне эго-системы: первое из них представляет для нее >информацию как таковую (которая пребывает пока в «темноте»), второе преобразование «открывает» и тем самым актуализует ее для «самости», делает доступной для оперирования и использования в целях управления на этом уровне. Нейродинамическая система, которая является носителем «открытой» информации, т.е. не «идущей в темноте», представляет собой специфичный именно для эго-системы «естественный» код, как минимум, второго порядка.

Подчеркнем еще раз: здесь объектом информации и ее преобразований служат не просто внешние явления и ситуации и не просто внутренние изменения в организме, а уже сама информация о них как таковая (информация об информации!). Нарастающая в ходе эволюции многоступенчатость операций такого рода позволяет выходить за рамки текущей ситуации, обобщать опыт, развивать способность «отсроченного действия», прогнозирования, построения моделей потребного будущего. Здесь – истоки виртуальной реальности, элементарные формы которой наблюдаются и у животных, обладающих развитой психикой (в частности, при возникновении у них галлюцинаций; например, у собак, которые под влиянием галлюциногенов переживают образы несуществующих объектов и ведут себя в соответствии с ними). Развитие психики знаменует рост многоступенчатости и многоплановости производства информации об информации, что особенно ярко выступает в мышлении человека и его языковой компетенции.

Состояние СР знаменует новый тип деятельной активностиживой системы. Это состояние бодрствования, внимания, настороженности, постоянной готовности к немедленному действию, состояние поиска, зондирования опасности и субъективно опосредствованного отправления жизненно важных функций (например, при поиске полового партнера, строительстве гнезда и т.п.). СР есть состояние актуальное, непрерывное в данном интервале; оно осуществляется здесь и сейчас, представляет собой «текущее настоящее», независимо от его конкретного содержания. Последнее является активированной (значимой «сейчас») информацией в контуре эго-системы (по сравнению с той, которая хранится в памяти и вообще находится в «темноте», как, например, при глубоком сне), она готова к немедленному использованию для управления.

Здесь информационный процесс в данном интервале идет, если так можно сказать, линейно, последовательно в одном «содержательном» направлении, но зато обладает очень высокой оперативностью, подчиненной актуализованной потребности, цели, т.е. в регистре «самости» и под ее контролем. В отличие от этого информационные процессы, идущие «в темноте», многомерны, осуществляются параллельно, во многих «содержательно» различных направлениях и на разных уровнях живой системы (от клетки до головного мозга, в том числе в контуре эго-системы), и этим объясняется их чрезвычайная «мощность», превосходящая на много порядков информационные процессы «на свету» (имеется в виду не только объем информации, но также ее анализ и синтез и ее каузальные функции). Тем не менее в актуально-оперативном плане программа поведения определяется и реализуется именно информацией в форме СР.

Вернемся к нашему примеру с образом Луны (О) и его нейродинамическим кодом (Х). Нейродинамическая система Х является «естественным» кодом для личностного уровня мозговой самоорганизации (эго-системы), представляющего наше «Я» и психическую деятельность в целом. Информация О непосредственно «понятна» этой системе и может быть использована ею для ориентации, для мысленных действий и управления поведением. Однако информационные процессы на уровне психической деятельности (в частности, такие как ОХ) по сравнению с теми, которые совершаются надопсихическом уровне (и в самоорганизующихся системах, лишенных психики), отличаются существенными особенностями «естественных кодов». Последние не просто «понятны»; воплощенная в них информация, как уже отмечалось, обретает не только действенность, но также особое качество репрезентации («представленности» для самоорганизующейся системы) и особое качество использования ее самоорганизующейся системой для управления.

Информация здесь представлена как бы непосредственно, так сказать, в «чистом» виде, т.е. во всяком явлении СР нам дана информация об информации и целиком элиминирована какая-либо информация о ее носителе (любой из нас не чувствует, не отображает мозговой носитель переживаемых им образов, мыслей и т.п.). Но вместе с тем нам дана способность оперировать этой «чистой» информацией в определенном диапазоне. Таков кардинальный факт психической деятельности, «субъективного опыта» каждого из нас. Когда я вижу Луну, переживаю ее образ, то тем самым мне дана информация о ней и информация о том, что именно я обладаю этой информацией; в то же время я могу «легко» оперировать этим образом по своему желанию в довольно широком диапазоне. В этом выражается отмечавшееся выше качество принадлежности, специфичное и неотъемлемое, как мне думается, для информации в форме СР. Оно связано с фундаментальным регистром эго-системы, что отчетливо видно в случаях патологии, когда больной переживает «психический автоматизм», чувство «не моих ощущений», «отчуждение мысли», ее «навязанности извне», «неуправляемости». Последнее как раз связано именно с нарушением способности оперировать явлениями СР по своей воле.

Но способность оперировать, например, образом Луны по своей воле равносильна

способности оперировать его мозговым нейродинамическим носителем (кодовой системой), т. е. я могу по своей воле, как бы это странно ни звучало на первый взгляд, оперировать некоторым уровнем собственной мозговой нейродинамики (т. е. собственных мозговых информационных процессов). Последнее же означает факт самодетерминации «Я», характерный для моей и всякой мозговой самоорганизующейся эго-системы (эти вопросы не раз подробно анализировались мной, см.: [4, 6] и др.).

Все это указывает на специфическое качество тех информационных процессов, которые идут «на свету», связаны с нашим «Я» (или «самостью») животных, обладающих СР. Вместе с тем некоторые виды явлений СР, как хорошо известно каждому, не поддаются непосредственному произвольному управлению (болевые ощущения, эмоции), хотя и выполняют каузальные функции по отношению к телесным процессам; но даже не умея управлять ими по своему желанию непосредственно, скажем, отменять их или существенно корректировать, мы, так или иначе, сохраняем способность оперировать ими в определенных отношениях – в форме их оценки, интерпретации и т.п., а некоторые люди достигают и умения произвольно управлять ими, в том числе прекращать боль (например йоги). Это свидетельствует о принципиальной способности психического управления проникать на те уровни самоорганизации, которые обычно для него закрыты, что демонстрирует каузальную силу информации в форме явлений СР (и позволяет подойти к объяснению волевого напряжения и так называемой «психической энергии»). Что касается особенностей СР у животных, то это требует специального анализа, для которого в данной статье, к сожалению, нет места. Отметим лишь следующее. Безусловно, у высших животных многоступенчатость производства информации об информации гораздо ниже, чем у нас, им нельзя приписывать абстрактное мышление и самосознание, свободу воли; только у человека свобода движения в сфере СР практически не ограничена, он способен производить в мысли, воображении, в мечтах не только ценные творческие продукты или же просто обыденного толка, но и всевозможные химеры, «воздушные замки», нагромождения низменной «серости», нелепости и абсурда.

У животных содержательный и оперативный диапазон СР неизмеримо уже и «практичнее». Они не болеют шизофренией, у них нет рокового разлада между их субъективным миром и объективной действительностью и, главное, внутреннего амбивалентного разлада, они в определенном смысле чистые «солипсисты», поскольку их собственная реальность и внешняя реальность слиты воедино в их субъективно переживаемых состояниях, выступающих в качестве единственной реальности, в которой, однако, значимые для выживания объективные отношения четко обозначены, упорядочены и санкционированы. Мы склонны упрощать их субъективный мир, высокомерно относиться к их когнитивным возможностям, позволяя себе, впрочем, нередко удивляться поразительным фактам их целесообразной деятельности. Несомненно, что у высших животных отчетливо проявляется то, что можно было бы назвать «самостью», представляющей средоточие их психического самоотображения и самоуправления. Соответственно, на мой взгляд, можно говорить о наличии в их головном мозгу самоорганизующейся подсистемы, во многом аналогичной нашей мозговой эго-системе. Именно в ее контурах совершаются информационные процессы, которые «не идут в темноте», репрезентируют животной особи информацию в «чистом» виде (т.е. в виде запаха, переживания зрительного образа, чувства голода, боли и т.п.) и вместе с тем создают, в силу актуализованной цели, способность оперировать ею, пусть и существенно отличающуюся от человеческой.

Как свидетельствуют эксперименты и наблюдения, высшие животные способны решать сложные когнитивные задачи, справляться с состояниями высокой степени неопределенности и совершать выбор, демонстрировать психические усилия при достижении цели. И каузальными факторами как самого когнитивного процесса и его результата, так и производимого целесообразного действия здесь, как и у нас, выступают именно явления СР – чувственные

образы, аффективно насыщенные стремления, выраженные в форме субъективно переживаемых состояний потребности и программы действий. Психическое управление у животных представляет собой эволюционно более раннюю форму информационной причинности. Но суть ее та же: причинный эффект вызывается той разновидностью информации, которая «не идет в темноте», представлена в форме явлений СР (хотя информационные процессы психического уровня, протекающие в «темноте», также способны выполнять и постоянно выполняют прямую каузальную функцию, но иным способом).

У человека в связи с возникновением и развитием языка информационные процессы, обуславливающие качество СР, приобретают новые существенные черты. Это касается прежде всего дополнительного уровня их кодирования и декодирования, качественно повышающего аналитические и синтетические возможности оперирования информацией, развития способности метарепрезентации и рефлексии.

4. При каких условиях информация в головном мозгу становится субъективно переживаемой?

Ответ на этот вопрос предполагает эмпирические подтверждения того, что подразумевается под «условиями» возникновения качества субъективной переживаемости некоторых мозговых процессов. Здесь мы должны обратиться к результатам современных нейрофизиологических и нейролингвистических исследований, которые, на мой взгляд, дают существенный материал для осмысления поставленного вопроса.

Но прежде чем перейти к их рассмотрению, хотелось бы еще развернуться к теме, так сказать, разрешающей способности функционального объяснения (поскольку интересующие нас исследования предполагают объяснения именно функционального типа). В начале статьи уже отмечалось, что жесткое противопоставление «функционального объяснения» и «объяснения субъективного опыта», проводимое Чалмерсом (а также многими представителями аналитической философии), является теоретически не вполне корректным. Эта некорректность связана с тем, что явления «субъективного опыта» исходно полагаются лишеными каузальной способности, берутся лишь в виде «аккомпанемента», «эпифеномена» нейрофизиологического процесса, который будто бы сам по себе достаточен для объяснения внешнего воздействия и соответствующей реакции (вспомним пример Чалмерса с «ощущением красного», которое мыслится излишним). Тем самым явления СР явно или неявно исключаются из класса функций, что и создает видимость указанной дилеммы. Между тем всякое явление СР, как было показано выше, есть информация в качестве таковой способно служить каузальным фактором (нужно добавить, что функциональные отношения не исчерпываются каузальными отношениями и соответственно явления СР обладают не только каузальными функциями!).

Кроме того, нетрудно увидеть, что в основе критикуемой мной позиции лежит сомнительное убеждение, будто вся без исключения человеческая активность (поведенческая, речевая, когнитивная, творческая) может осуществляться «в темноте», т.е. без участия сознания, вне и помимо качества СР. На этом основано утверждение о так называемой «логической возможности зомби», которое, однако, в высшей степени сомнительно, если «зомби» приписываются абсолютно все функциональные способности человека (а это утверждение должно быть обязательно общим, ибо в частном виде оно тривиально!). При наличии же у этого «существа» всех функциональных способностей человека оно, конечно, должно обладать и сознанием. В этом отношении понятие «зомби» и связанные с ним мысленные эксперименты теряют какой-либо эвристический смысл.

Гораздо более логично считать, что все явления СР могут определяться в качестве функций. Понятие функции – весьма широкое. Оно включает различные виды функций: физические, химические, биологические, социальные, технические, в том числе и психические. Функция предполагает своего «производителя», «носителя» – определенную систему, структуру,

субстрат. Явления СР образуют специфический класс функций, осуществляемый нейрофизиологическими динамическими структурами головного мозга. В силу принципа инвариантности информации теоретически допустимо мыслить возможность реализации такого же рода функций на иной субстратной основе, ибо здесь определяющую роль играют не конкретные физические свойства субстрата, а именно динамическая организация, динамическая структура, способная осуществлять соответствующие информационные процессы. Во всяком случае есть основания полагать, что качество земной СР может быть воспроизведено на иной субстратной основе, но лишь при условии создания структурно-функциональных аналогов самоорганизации биологического типа.

Поэтому, когда Чалмерс говорит о наличии «провала в объяснении между функциями и субъективными состояниями», то это утверждение является слишком сильным и требует корректировки. Здесь нет «провала» в том смысле, что «субъективные состояния» тоже являются функциями. Но есть проблемы, нерешенные задачи.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что при осмыслении психических явлений их функциональное объяснение весьма часто носит редукционистский характер, при котором они целиком сводятся к поведению, речи или физиологическим процессам (логический и лингвистический бихевиоризм, «теории тождества» и т.п.). Однако функциональное объяснение может исключать редукционистскую стратегию и методологию. Это относится и к нейрофизиологическому объяснению, которое отдает себе отчет, что явление СР в качестве информации нельзя отождествлять с ее нейродинамическим носителем (несмотря на их необходимую связь). Правда, нейрофизиологическое объяснение не столь развито как поведенческое объяснение, представляющее классическую форму функционализма. На современном этапе научного познания лишь некоторые, в большинстве своем элементарные явления СР (такие как боль, зрительное ощущение, аффект) получают основательные нейрофизиологические объяснения. В других случаях объяснения такого рода во многом гипотетичны, носят весьма абстрактный характер или пока еще недоступны.

Одна из главных теоретических трудностей связана здесь с категориальной разобщенностью двух традиционных языков, на одном из которых описываются нейрофизиологические явления, а на другом явления СР. Первый из них является «физикалистским», его категориальной основой служат такие понятия, как «масса», «энергия», «пространственное отношение» и т.п.; второй язык, так сказать, «гуманитаристский», основывается на понятиях «смысла», «ценности», «цели», «воли», «интенционального отношения» и т.п. Эти две различные группы понятий логически независимы, чтобы их связать требуется, по выражению Чалмерса, «мост», нужна специальная, теоретически адекватная концептуальная структура. Последняя может быть развита на базе «информационного языка», так как понятие информации способно выражать основное «гуманитаристское» содержание (смысл, ценность, интенциональность и т.д.), а, с другой стороны, в силу кодовой воплощенности информации, оно допускает «физикалистские» описания (пространственные, энергетические, субстратные и др.). «Информационный язык» хорошо приспособлен для функциональных описаний и объяснений, широко и продуктивно используется в нейрофизиологических исследованиях.

Все сказанное выше позволяет считать предложенное Чалмерсом разделение проблемы сознания на две части – «легкую» и «трудную» – весьма условным. Такое разделение, конечно, имеет определенное значение, в том смысле, что оно в пику редукционистским интенциям и упрощенческим подходам акцентирует внимание на главном, специфическом качестве сознания, подлежащем объяснению. Но вместе с тем важно отдавать себе отчет, что разработка «легкой» проблемы сознания есть путь и один из действительных способов решения «трудной» проблемы сознания, что здесь (в силу общего функционального подхода) нет принципиального разрыва. Современные нейрофизиологические исследования сознания

специально выделяют качество СР, стремятся подойти к объяснению именно этого «трудного» пункта, выявить необходимые условия, при которых информационные процессы в головном мозгу становятся субъективно переживаемыми. На этом пути, вособенности благодаря использованию методов позитронно-эмиссионной томографии, функционально-магнитного резонанса, многоканальной записи электрических и магнитных полей мозга, достигнуты существенные результаты. Рамки статьи не позволяют дать более или менее систематический их анализ. Поэтому я ограничусь кратким изложением наиболее важных из них. В последние десятилетия убедительно показано, что субъективное переживание есть эффект циклической кольцевой организации процессов возбуждения, охватывающих многие системы нейронов определенной локализации (А. М. Иваницкий, В. Я. Сергин, М. Арбиб, Г. Риззолатти, Дж. Эделмен, Хэмфри и др.).

Работы А. М. Иваницкого [7, 8], проводимые на протяжении более тридцати лет, показывают, что субъективное переживание в форме ощущений возникает при сопоставлении и синтезе на нейронах проекционной коры мозга двух видов информации: сенсорной (о физических параметрах стимула) и извлекаемых из памяти сведений о значимости сигнала. Информационный синтез обеспечивается механизмом возврата импульсов к местам первоначальных проекций после ответа из тех структур мозга, которые ответственны за память и мотивацию [8, с. 717]. Автором четко выявлены временные параметры перехода нейрофизиологического процесса на тот уровень его организации, при котором возникает ощущение. Этот цикл он называет «кругом ощущений». Как простейшее субъективное переживание, ощущение есть результат «информационного синтеза», совершающегося в рамках указанного цикла [Там же, с. 717–718]. Иваницкий считает, что принцип возврата возбуждения и механизм информационного синтеза оправдывают себя при объяснении более сложных явлений СР, связанных с процессами мышления и осознания.

Это находит подтверждение в недавнем открытии «зеркальных нейронов» и «зеркальных систем мозга» (М. Арбиб и Г. Риззолатти; см. обзоры оценки этих открытий Т. В. Черниговской [10]). Нейронные системы такого рода осуществляют синтез информации, отображающей не только внешние стимулы, вызванные движением других существ, но одновременно собственные реакции и действия, обеспечивают кольцевые процессы между подсистемами мозга, ответственными за перцепцию, память, мотивацию и моторику. Тем самым «зеркальные системы» картируют субъектно-объектные отношения и формируют надежные механизмы самоидентификации (которые нарушаются, к примеру, при шизофрении, что связано с дисфункциями указанных систем). «Зеркальные системы» в существенной степени связаны с производством и пониманием речи; они по всей вероятности составляют важнейший структурно-функциональный регистр эго-системы головного мозга.

Значительный вклад в понимание необходимых условий возникновения качества субъективной переживаемости вносят работы В. Я. Сергина. В них показано, что акт осознания сенсорного стимула, так сказать, первичное субъективное переживание (в форме ощущения) возникает в результате высокочастотного циклического процесса «самоотождествления» [11, 12]. Механизм «самоотождествления» представляет собой отождествление порождаемого стимулом паттерна возбуждения с самим собой посредством его обратной передачи (по каналу обратной связи) на вход. Продуктом этого кольцевого процесса является совпадение паттерна обратной связи с паттерном возбуждения в коре, что резко повышает интенсивность последнего, создает его «высокую контрастность», и это прокладывает путь его категоризации системой долговременной распределенной памяти. Акт категоризации, как полагает Сергин, и формирует символ или образ, выражающие «субъективный смысл» стимула. Для того чтобы возникло осознание, необходим хотя бы один цикл «самоотождествления». Если «самоотождествление» не наступает, осознание (ощущение) даже простейших и сильных стимулов (запахов, уколов, температурных воздействий) становится невозможным. Время

одного цикла является для человека минимально различимым временем. Оно совпадает с «перцептивным моментом» – максимальным временным интервалом, в рамках которого последовательные перцептивные события воспринимаются как одновременные. Концепция и экспериментальные данные Сергина содержат важные материалы, касающиеся не только ощущений и восприятий, но также мышления и произвольного действия. Здесь нет возможности рассматривать работы других авторов. Однако все они подтверждают основной вывод о кольцевом процессе и синтезе информации в соответствующих структурах мозга как главном факторе возникновения субъективного переживания. Поэтому на вопрос Чалмерса можно дать убедительный ответ: информация становится субъективно переживаемой при условии хотя бы одного цикла процесса «самоотождествления» и акта категоризации.

Разумеется, нейрофизиологическое объяснение явлений СР делает лишь первые шаги. Ответ на вопрос: «Почему некоторые информационные процессы в головном мозгу не идут в темноте?» – требует дальнейшей конкретизации. Развитие исследований в этом направлении ставит сложные теоретические, методологические и методические вопросы. В общем теоретическом плане исследование информационных процессов в головном мозгу, связанных с СР, представляет собой задачу расшифровки нейродинамических кодов психических явлений. Это познавательная задача герменевтического типа, она отличается в ряде отношений от задачи классического естествознания, так как предполагает постижение «смысла», «содержания», воплощенного в определенном объекте нейрофизиологического исследования. Наука имеет определенный опыт в области расшифровки кодов. Наиболее значительные результаты здесь достигнуты, как известно, генетикой. Однако расшифровка мозговых нейродинамических кодов явлений СР отличается специфическими трудностями (попытка анализа этих трудностей и особенностей задачи расшифровки кодов такого рода предпринималась мной в ряде публикаций: [5] и др.).

Тем не менее у нас есть достаточные основания считать неуместными крайне пессимистические оценки перспектив решения указанных задач. Об этом свидетельствуют впечатляющие успехи исследований, о части которых было сказано выше. В них раскрываются некоторые общие принципы и существенные фрагменты кодовой организации тех мозговых информационных процессов, в которых информация, как таковая, представлена индивиду непосредственно в форме явлений СР. Открываются некоторые возможности перехода к следующему, наиболее сложному этапу, когда объектом расшифровки нейродинамического кода станут не только формальные, но и содержательные аспекты явлений субъективной реальности.

Список литературы

1. Chalmers D. J. Facing up to the problem of consciousness // Journal of Consciousness Studies. – 1995, 2 (3). – P. 200.
2. Chalmers D. J. The conscious mind. In search of a fundamental theory. – N.-Y.: Oxford Univ. Press, 1996 ; Chalmers D. J. (Ed.). Philosophy of mind: Classical and contemporary readings. – Oxford, 2002.
3. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. – М.: Наука, 1971.
4. Дубровский Д. И. Информационный подход к проблеме «сознание и мозг» // Вопросы философии. – 1976. – № 11; Он же. Сознание, мозг, искусственный интеллект // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. – М.: ИИнтелл, 2006.
5. Дубровский Д. И. Расшифровка кодов. Методологические аспекты проблемы // Вопросы

- философии. – 1979. – № 11; Он же. Информация, сознание, мозг. – М.: Высшая школа, 1980, гл. 6.
6. Дубровский Д. И. Проблема духа и тела: возможности решения (в связи со статьей Т. Нагеля«Мыслимость невозможного и проблема духа и тела» // Вопросы философии. – 2002. – № 10.
 7. Иваницкий А. М. Главная загадка природы: как на основе работы мозга возникает сознание // Психологический журнал. – 1999. – № 3.
 8. Иваницкий А. М. Естественные науки и проблема сознания // Вестник Российской Академии Наук. – 2004. – Т. 74. – № 8.
 9. Серл Дж. Открывая сознание заново. – М., 2002.
 10. Черниговская Т. В. Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза // Искусственный интеллект: междисциплинарный подход. – М.: ИИнтелл, 2006.
 11. Sergin V. Ya. Self-identification and sensori-motor rehearsal as key mechanism of consciousness // International Journal of computing anticipatory systems. – 1999. – № 4.
 12. Сергин В. Я. Перцептивное связывание сенсорных событий: гипотеза объемлющих характеристик // Журнал высшей нервной деятельности, 2002. т.52, № 6.

РАСШИФРОВКА КОДОВ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)

Дубровский Давид Израилевич

Развитие науки и общественной практики настоятельно выдвигает задачу более глубокого и эффективного исследования самоорганизующихся систем (к ним относятся живые организмы, человек, социальные образования, всевозможные биосоциальные объекты вплоть до земной самоорганизующейся суперсистемы, представляющей собой единство общества и живой природы в масштабах всей нашей планеты). Специфика самоорганизующихся систем (далее везде сокращенно – СОС) характеризуется информационно-управляющими процессами. Поэтому изучение СОС, понимание закономерностей их функционирования и развития предполагает, прежде всего, теоретическое осмысление природы информационных связей и преобразований. Последние же существуют лишь в кодовой форме. Код есть конкретный носитель данной информации и вместе с тем центральный фактор организации и управления. Специфическая связь данной информации с ее носителем может быть названа кодовой зависимостью. Кодовая зависимость качественно отличается от известных физических зависимостей в силу принципа инвариантности информации по отношению к физическим и иным субстратным свойствам ее носителя (одна и та же информация может быть воплощена и передана разными по своим физическим свойствам носителями; и, наоборот, одно и то же по своим физическим свойствам явление может выступать носителем различной информации). Этот фундаментальный принцип указывает на несостоятельность парадигмы физикализма в области исследования СОС и дает основания говорить о необходимости разработки методологических концепций исследования самоорганизации, существенно отличающихся от тех, которые сложились на базе потребностей и успехов физического познания и столь часто выдаются за методологический эталон научного познания вообще.

Кодовая зависимость есть исторически сложившееся (и действительное для определенного периода) соответствие между данной информацией и данным ее носителем. Свойства носителя (энергетические, пространственно-временные и др.) в их конкретной упорядоченности несут для СОС определенное «значение», функциональный смысл, то есть информацию. Эти свойства в их единстве представляют собой код информации и выражают достаточно полное описание ее носителя. Поэтому справедливо утверждать, что конкретный носитель информации и есть ее код. Поскольку же информация не существует вне своего конкретного носителя, она не существует вне определенного кода. А это значит, что «доступ» к информации лежит только через расшифровку кода, предполагающую освоение данной кодовой зависимости.

Ключевой пункт исследования СОС связан с задачей расшифровки кода. От ее решения зависит понимание характера функционирования и направленности развития СОС. Расшифровка кода – это особая познавательная задача, существенно отличающаяся во многом от познавательных задач «физикалистского» естествознания. Ниже мы попытаемся рассмотреть некоторые методологические аспекты проблемы расшифровки кода, имеющей важный философский смысл.

Общая характеристика понятия кода

Понятие кода, как уже отмечалось, выражает определенную зависимость между данной информацией и ее носителем. Возникнув в ходе развития СОС, эта зависимость является актом самоорганизации. Она может быть крайне устойчивой или весьма кратковременной, но пока сохраняется ее действительность для данной СОС, остается в силе и ее действенность как причинного, управляющего фактора. В сложной СОС налицо многоступенчатость

Под сложной СОС имеется в виду такая система, элементы и подсистемы которой являются, в свою очередь, СОС (например, многоклеточный организм, человек, социальный коллектив и т. п.). Пенчатая иерархия кодовых зависимостей, отражающих ее историю (как в филогенетическом, так и в онтогенетическом планах). Вместе с тем иерархия кодовых зависимостей представляет собой основные, исторически складывающиеся уровни и узлы организации данной системы и, следовательно, основные контуры структуры управления.

Разумеется, в живой или социальной системе иерархический принцип кодовых зависимостей далеко не исчерпывает их организацию. Опыт исследования СОС свидетельствует о весьма сложных отношениях централизации и автономности в рамках их целостного функционирования. Эти отношения пока еще слабо изучены. Однако сейчас уже не вызывает сомнения, что целостность СОС – это своего рода сплав иерархической централизованности кодовых зависимостей с высокой степенью автономности определенных уровней организации, включающей не только отношения кооперативности, но и конкурентности. Мы, по-видимому, еще далеки от понимания того типа упорядоченности кодовых зависимостей, который выражает целостность сложной СОС. Ясно одно: самоорганизация – это многомерная динамическая структура кодовых отношений. Отсюда особая актуальность изучения природы кода как элемента самоорганизации.

Понятия информации и кода соотносительны, одно из них не может быть раскрыто без другого. Между тем, понятие кода не стало еще предметом глубокого и многостороннего анализа, пребывает в «тени» понятия информации. Философскому анализу понятия информации посвящен в нашей литературе добрый десяток монографий, понятию кода – ни одной. Дело ограничивается отдельными, слабо систематизированными философскими обсуждениями кода в рамках более широкой проблематики; чаще всего это обсуждение касается процедуры кодирования. Остановимся на некоторых принципиальных вопросах истолкования понятия кода. Прежде всего, о сфере его допустимого употребления. Поскольку понятия информации и кода должны рассматриваться как равнозначные по объему, в истолковании понятия кода также отчетливо выступают две общие концепции: атрибутивная и функциональная. Сторонники атрибутивного подхода к информации, считающие информацию свойством всякого материального объекта, обязаны рассматривать в качестве такового и код, приписывать процессы кодирования и декодирования любым материальным преобразованиям.

Однако, по нашему мнению, эта позиция не получает сколько-нибудь убедительного обоснования. Основная трудность атрибутивного истолкования кода (как и информации) состоит в том, что любой материальный объект должен рассматриваться как содержащий бесконечное разнообразие информации и, следовательно, бесконечное число кодов. В рамках же атрибутивной концепции информации нельзя получить некоторый критерий ограничения разнообразия, не прибегая к услугам какой-либо внешней системы, способной совершать выбор. Но акт целесообразного выбора нельзя приписывать объектам неживой природы. С позиций атрибутивного подхода кодовая зависимость в лучшем случае превращается в обычную физическую или химическую зависимость, что делает понятие кода излишним. Понятие кода (как и информации) применимо лишь к самоорганизующимся

системам. Оно «носит общенаучный характер и имеет широкий философский аспект. Кодирование – необходимая составная часть процессов управления, процессов преобразования и передачи информации в любых областях действительности; оно в той или иной форме всегда присутствует в процессах познания». Понятие кода является общенаучным, но не в том смысле, что все науки изучают коды или содержат это понятие в системе своих специфических концептуальных средств. Такие требования к общенаучным понятиям были бы слишком сильными. Статус общенаучного понятия может определяться входением его, по крайней мере, в состав комплекса понятий, образующих метанаучный уровень каждой научной дисциплины. В этом отношении понятие кода обнаруживает свою роль уже при первых шагах рефлексии любой науки на собственные познавательные средства, ибо каждая конкретная научная дисциплина представлена специфическим языком.

Понятие кода (в той же мере, как и понятие информации) обнаруживает отчетливые логические связи с философским категориальным уровнем. Оно может служить для интерпретации ряда философских утверждений о биологической и социальной формах движения материи, о причинности и целесообразности, о процессах отражения, познавательных актах и практической деятельности. Этим определяется философское значение понятия кода.

Однако признание философских аспектов понятия кода не должно вести к включению его в число философских понятий или к чрезмерному сближению с ними. Общенаучные понятия составляют особый категориальный уровень, выполняющий, в частности, роль связующего звена между философским и частнонаучным категориальными уровнями. Но при этом следует проводить четкое различие между философскими и общенаучными понятиями, выявляя в каждом конкретном случае существующие между ними логические связи. Мера последних такова, что она сохраняет относительную автономию каждого из категориальных уровней. А поэтому основное содержание понятий информации и кода раскрывается главным образом через другие понятия общенаучного уровня.

Понятие кода в его общенаучном смысле выполняет важную теоретико-методологическую функцию в исключительно многообразных частнонаучных исследованиях кодовых зависимостей. Без преувеличения можно сказать, что эти исследования находятся на переднем крае современной науки; они уже привели к стратегически важным результатам, способным существенно повлиять на судьбы человечества. Мы имеем в виду, прежде всего, работы по расшифровке генетического кода, социальные последствия которых трудно переоценить. Еще более значимы в этом отношении исследования, имеющие целью расшифровку нейродинамического кода психических явлений; здесь получены уже весьма впечатляющие результаты. Но главное заключается в тех фундаментальных преобразованиях, которые производятся ими в самом теоретическом базисе психофизиологических исследований, в тех новых и весьма реальных перспективах познания функций головного мозга, которые они открывают. Нельзя не упомянуть об успехах специальной теории кодирования, объектом которой служат передача и преобразование информации в технических системах⁸, о первостепенной роли изучения кодовых зависимостей в науках о языке, в психологии, искусствоведении, этнографии, культурологии и многих других областях знания. Сейчас трудно найти такую область исследований жизни, психики, человека и социальных процессов, куда бы в той или иной степени не проник «кодовый язык». Даже экология стала прибегать к его услугам. И это не просто дань моде, а выражение растущего осознания фундаментальности кодовых зависимостей во всех областях самоорганизации.

Коммуникация как специфический способ взаимодействия самоорганизующихся системы расшифровки кодов

Каждая СОС характеризуется определенным, часто чрезвычайно сложным комплексом кодовых зависимостей, выражающих ее организацию, формы функционирования и возможности развития. Познание кодовой зависимости означает расшифровку кода, то есть выявление информации, воплощенной в соответствующем носителе. Эта операция реализуется в процессе коммуникации. Здесь нужно отметить следующее обстоятельство. Познающий субъект есть тоже СОС, обладающая своими кодовыми зависимостями. Выявление же познающим субъектом информации в результате расшифровки кода должно представлять собой в конечном итоге знание ее семантического и прагматического «значения». Но, по крайней мере, прагматическое (ценностное) «значение» имеет смысл лишь для изучаемой СОС; именно в таком качестве оно и должно быть выявлено познающим субъектом.

Расшифровка кода есть процесс и результат коммуникации СОС (в предельном случае коммуникации СОС с самой собой). Коммуникация – качественно своеобразный тип связи, взаимодействия (в конечном итоге организации), свойственный только СОС. Взаимодействие двух атомов не является коммуникацией, ибо последняя всегда реализуется в кодовой форме. В данном случае мы рассматриваем расшифровку кода как сугубо познавательную задачу, решаемую человеком. Однако операция расшифровки кода далеко выходит за рамки познавательной и всякой сознательной деятельности. Она представляет собой фундаментальную операцию, выражающую целесообразное функционирование и развитие всякой СОС, необходимо включенной в более широкую систему самоорганизации. Ведь подобно тому, как человек не существует вне общества, животное или растение также не существует вне системы себе подобных организмов и экологической системы в целом. И эта жизнь в сообществе, постоянная коммуникация данной отдельной СОС с себе подобными и вместе с тем с иными формами самоорганизации есть непрерывная цепь кодовых преобразований – кодирования и декодирования информации.

Достижимая в процессе коммуникации расшифровка кода представляет собой акт понимания. Конечно, термин «понимание» должен употребляться лишь для обозначения позитивных результатов человеческой коммуникации. На более низких ступенях самоорганизации коммуникативный акт связан с феноменами, лишь в чем-то аналогичными пониманию. Это акт расшифровки функционального смысла сигнала, прагматической компоненты его содержания.

Возникающие в связи с этим трудные вопросы о природе и способах расшифровки указанной прагматической компоненты на допсихическом уровне самоорганизации, к сожалению, выходят за рамки возможностей настоящего обсуждения.

Разумеется, все объективно существующие процессы кодовых преобразований могут стать объектами познания. И тогда они в той или иной форме вовлекаются в человеческую коммуникацию и соответствующие коды подлежат расшифровке на человеческом языке. Отсюда – особая актуальность методологического анализа тех познавательных процедур, которые связаны с расшифровкой кода. С этой целью надо, прежде всего, рассмотреть суть декодирования, понимаемого в широком смысле как операция, производимая всякой СОС.

В чем суть операции декодирования? «Естественные» и «чуждые» коды

Понятие декодирования тесно связано с понятием кодирования. Эти понятия первоначально возникли в криптографии. Код означал способ шифровки сообщения, рассчитанный на

исключение из коммуникации нежелательных лиц. Кодирование – процесс шифровки, то есть перевод сообщения, выраженного в обычном языке, в особую, специально изобретенную систему знаков, доступную лишь посвященным. Декодирование – обратный перевод зашифрованного сообщения на обычный язык. Эти весьма специальные значения таили в себе, однако, широкие возможности.

Рассмотрим понятие декодирования в его современном смысле. Для этого надо постоянно иметь в виду следующие вопросы: кто, где, как и что декодирует? Подчеркнем еще раз исходные предпосылки, которые определяют суть операции декодирования. Код есть конкретный носитель данной информации в данной СОС. Так как информация не существует вне своего конкретного носителя, то она не существует и вне определенного кода. Но тогда расшифровка кода (операция декодирования) может означать только одно: перевод неизвестного кода в известный.

Под «известным кодом» мы понимаем такой код, информационное содержание которого дано СОС как бы непосредственно. Здесь не требуется никаких дополнительных кодовых преобразований, никакого специального анализа «устройства» кода – его элементов, физических свойств, структуры и т. п. (например, вам как бы непосредственно и сразу понятно значение слова «мама», понимание его значения не требует предварительного изучения отдельных элементов этого сигнала, его физических свойств, графических характеристик). Назовем такие коды «естественными» в отличие от тех кодов, информационное содержание которых непосредственно недоступно СОС. Последние будем называть «чуждыми» кодами.

Необходимость в расшифровке кода возникает лишь тогда, когда СОС сталкивается с «чуждым» кодом. Следовательно, операция расшифровки кода, декодирования, представляет собой преобразование «чуждого» кода в «естественный». Ничего другого она и не может означать, поскольку информация существует всегда лишь в определенной кодовой форме.

Остановимся на этом подробнее. Конкретная кодовая форма существования информации специфична для данной СОС (или для данного класса СОС). Более того, всякая СОС есть определенная, исторически сложившаяся кодовая организация, то есть множество различными способами упорядоченных кодов. Эта упорядоченность выражает целостность СОС и реализуется в кодовых преобразованиях, основная часть которых носит стабильный характер, отработана и выверена в ходе эволюции и индивидуального развития. Иными словами, каждая СОС обладает набором кодов, которые являются для нее «естественными», то есть представляют собой непрменные, жизненно важные для нее способы восприятия и использования информации, обеспечивающие ее существование и развитие.

Содержание такого рода «естественных» кодов доступно СОС как бы изначально и непосредственно, здесь не требуется особой, каждый раз заново находимой операции декодирования. Триплетный код РНК изначально «понятен» рибосоме, в которой синтезируются аминокислоты; частотно-импульсный код на выходе сетчатки изначально «понятен» тем мозговым структурам, которым он адресован; родной язык также является для человека «естественным» кодом, ибо значения слов и их сочетаний, как правило, понятны ему непосредственно. В этом смысле «естественные» коды, если так можно выразиться, прозрачны для СОС, ибо несут для нее, «предоставляют» ей информацию непосредственно.

Операция декодирования предполагает превращение «чуждого» кода в «естественный». После того как найден способ такого преобразования, СОС ассимилирует «чуждый» код и он становится для нее «естественным». Это знаменует возникновение в данной СОС некоторой функциональной подсистемы, своего рода преобразователя и, следовательно, развитие данной СОС. Новые «естественные» коды позволяют в дальнейшем понимать основное содержание

соответствующих сообщений (текстов, сигналов) как бы прямо, непосредственно. Ярким примером такого рода является овладение иностранным языком.

Отметим, что в современной науке термин «код» обычно не употребляется для обозначения объектов, именуемых нами «естественными» кодами (в силу их «прозрачности»). Когда сигналы не требуют каких-либо мысленных или практических преобразований (производимых с помощью определенных методов или технических устройств), то их не принято называть кодами. Однако поставленные выше вопросы анализа кодовой зависимости целиком оправдывают истолкование кода в широком смысле.

Установка на исследование специфики «естественного» кода, выяснение путей, возможностей, конкретных способов и результатов усвоения «чуждого» кода, преобразования его в «естественный» открывают новые перспективы познания самоорганизации и ее развития, понимания природы человеческого общения и творчества. Сюда относится и проблема психического отображения, объяснения способа существования субъективного образа, мыслей, явлений сознания.

«Естественные» коды головного мозга. Где и как существует субъективный образ?

Переживаемые нами психические образы представляют определенную деятельность нашего мозга. Если я вижу сейчас горящую свечу, то это значит, что в данном интервале в моем головном мозге активирована определенная нейродинамическая система. Но как объяснить при помощи мозговых процессов сам факт субъективного переживания образа? Можно ли утверждать, что субъективный образ существует в мозгу, и если да, то в каком смысле?

Анализ этого вопроса отчетливо обнаруживает несостоятельность парадигмы физикализма, которая зачастую неявно направляет поиск решения в явно тупиковое русло, ибо обязывает искать в головном мозгу некий физический, химический, физиологический дубликат отражаемого объекта. При таком подходе утверждение, что субъективный образ существует в мозгу, означает только одно: в головном мозгу должны существовать объективно некие уменьшенные копии отражаемых предметов и явлений.

Так, согласно Н. И. Чуприковой, «психическое отражение – это воспроизведение, воссоздание внешних объектов, построение их копий в материале мозгового субстрата (курсив мой. – Д. Д.), включая самую суть его как живого вещества – клеточный метаболизм. Думается, что на этом пути лежит разгадка переживаемости психического...». Чтобы исключить недоразумения, приведем еще одно высказывание этого автора: «Психическое – это специфическая деятельность высокоспециализированных живых клеток, результатом которой является построение в их собственном материале, из самих себя (!) копии того мира, который окружает живое существо, копии его собственного тела и интеграция этих двух копий (курсив мой. – Д. Д.) как центральный момент организации приспособительных действий в среде».

Приведенные взгляды представляют собой весьма упрощенную трактовку как самих психических явлений, так и вопроса об их соотношении с мозговыми процессами. В самом деле, копией чего является ощущение боли, чувство вины или, наконец, понятие бесконечности? Где и как могут существовать в мозгу «химические копии» красного, кисло-сладкого, грусти и вдохновения? Как могут быть построены нервными клетками «в их собственном материале, из самих себя» некие «химические копии» понятий разума и глупости, истины и долга, справедливости и красоты? Вряд ли здесь нужны контраргументы.

Психический образ действительно существует в мозгу, но отнюдь не в виде вещественной копии, а в качестве информации о соответствующем объекте. Эта информация воплощена в своем носителе – определенной мозговой нейродинамической системе. Последняя является кодом переживаемого субъективного образа. Объективно в мозгу существуют лишь коды, которые по своей структуре, организации вовсе не подобны образу. И, тем не менее, некоторые мозговые коды «переживаются» личностью в качестве субъективных образов. Нет ли здесь парадокса?

Его нет, если учесть, что мы имеем дело в данном случае с «естественными» кодами личностного уровня мозговой самоорганизации. Приведенное утверждение звучит парадоксально лишь для тех, кто думает, что в мозгу должен быть специальный декодирующий механизм, преобразующий коды в образы, и что только таким путем можно объяснить «загадку переживаемости психического». Но при этом упускается из виду, что декодирование не может быть ничем иным, как только переводом «чуждого» кода в «естественный», ибо информация не существует вне кодового воплощения, она неотделима от кодовой формы своего существования. Психический образ, мысль, любое явление сознания суть информация о чем-то и, следовательно, не существуют вне своего мозгового кодового воплощения. Поэтому утверждение о наличии в мозгу декодирующего механизма может означать лишь одно: наличие механизма преобразования «чуждых» кодов в «естественные».

Когда я вижу горящую свечу, то в этом психическом переживании информация дана мне как бы непосредственно, сама по себе – такова особенность всякого сознательного переживания. Но эта информация тоже существует во мне и для меня только в кодовой форме. Такого рода коды, однако, нами не отображаются, не ощущаются, они «прозрачны», составляют часть нашей собственной организации. Это «естественные» коды.

Внутренние и внешние коды

Анализ кодовых зависимостей предполагает различие внутренних и внешних кодов. Такое различие имеет смысл лишь в условиях конкретного исследования данной СОС. Применительно к отдельному человеку как СОС внутренние коды – это такие коды, которые не фигурируют в актах коммуникации с другим человеком, существуют и функционируют лишь в данной СОС и только для нее. Коммуникация с другим человеком предполагает преобразование внутреннего кода во внешний. Например, внутренним «естественным» кодом для данного человека является мозговой код переживаемого им образа-воспоминания. Производимое им речевое описание этого переживания есть внешний «естественный» код.

Человек как сложная СОС представляет собой единство многих уровней самоорганизации, выражающих его историю как живого и социального существа. Это единство реализуется в процессе постоянной коммуникации между уровнями его самоорганизации: клеточным, органным, организменным, личностным (мы не претендуем на точный перечень уровней самоорганизации). Для каждого уровня характерны свои внутренние и внешние коды. Приведенные выше примеры таких кодов относятся к личностному уровню самоорганизации, органически связанному с межличностными, социальными отношениями.

Не только «естественные», но и «чуждые» коды могут быть как внутренними, так и внешними (хотя, по-видимому, «чуждые» коды в большинстве своем являются внешними). На личностном уровне самоорганизации в качестве внутренних «чуждых» кодов выступают непонятные и часто негативные по своему «значению» субъективные переживания и симптомы, имеющие своим источником бессознательную и соматическую сферы. Многочисленные примеры внутренних «чуждых» кодов, не преобразующихся в «естественные», дает психопатология. Творческие

процессы также связаны с возникновением внутренних «чуждых» кодов, символизирующих удивление, мучительный вопрос, зарождение новой идеи, противоречащей сложившимся и апробированным концептуальным схемам, и т. п. Здесь внутренний «чуждый» код выступает всюду в качестве фактора коммуникации личности с самой собой, создавая напряженность этой коммуникации и стимулируя эвристические интенции нашего «я».

Таким образом, мы несколько уточнили понятия «естественного» и «чуждого» кода применительно к познавательным процессам. «Естественный» код (и внутренний и внешний) несет информацию как бы в «чистом» виде, то есть в форме, открытой для «понимания»; последнее не требует изучения структуры сигнала, специального анализа носителя этой информации. Мы воспринимаем улыбку друга не как множество движений множества элементов лица, а сразу в ее целостном «значении». Поэтому расшифровка «естественного» кода имеет целью понимание не его информационного содержания (ибо оно дано непосредственно), а его «устройства» (структурной, временной, физико-химической организации). Наоборот, расшифровка «чуждого» кода имеет целью понимание именно его информационного содержания. Мы можем подробно изучить «устройство» данного «чуждого» кода и все же остаться в полном неведении относительно его «значения», если нами не найден способ соотнесения данного «устройства» с данной информацией.

Осуществляя познавательные процессы, мы ищем интересующую нас информацию и, как правило, целиком отключены от рассмотрения «устройства» носителя этой информации, которая дана нам в форме «естественного» кода. Иначе говоря, когда мы не ставим своей целью расшифровку «естественного» кода, мы можем довольствоваться информацией как таковой, отвлекаясь от понимания «устройства» ее носителя. Мы пользуемся во многих случаях «естественными» кодами, не зная их «устройства», но это не мешает переводить на их язык «чуждые» коды, превращая тем самым их в «естественные». Постоянно производимые нами кодовые преобразования настолько имманентны нашим практическим и коммуникативным актам, что мы их просто не замечаем – это воздух нашей социальной жизнедеятельности.

Код как специфический объект исследования. Проблема диагностики кода

Оперирование кодами и их использование в познавательных процессах представлено следующими главными ситуациями:

1. когда мы знаем информационное «значение» кода, но не знаем его «устройства»;
2. когда мы знаем и то и другое;
3. когда мы знаем, что имеем дело с кодом, но не знаем ни его информационного значения, ни его устройства. Наконец, довольно часто встречается ситуация, знаменующая неопределенность, начальный этап исследования кодовой зависимости:
4. когда мы располагаем некоторым знанием об «устройстве» кода, но не знаем его информационного «значения».

Исследование кодовой зависимости предполагает способность диагностирования кода, то есть установления с помощью определенных познавательных процедур, что объектом нашего исследования является именно код. Способность же вычленять такого рода объекты и создавать соответствующую проблемную ситуацию предполагает наличие некоторого знания о всем классе объектов, которые именуются кодами. В общем виде этот класс объектов может быть ограничен путем определения кода как необходимого свойства СОС, как формы существования и функционирования информации (процессы хранения, передачи,

преобразования информации, использования ее в качестве фактора управления).

Наиболее типичная задача расшифровки кода, возникающая при изучении биологических, психических и социальных явлений, состоит в следующем: известно, что данный объект является кодом, требуется выяснить его информационное содержание. Сравнительно простыми примерами здесь могут служить задачи по расшифровке секретных сообщений. Более сложной задачей такого рода является расшифровка древних текстов. В этих случаях, как правило, довольно четко задан объект – система знаков, содержащая некоторую информацию. Эта система знаков, представляющая собой специфический язык или его фрагмент, исследуется путем различных способов ее дискретизации, а затем соотнесения и комбинации полученных элементов в поисках ключа к выяснению значений отдельных знаков (с учетом их сходств и различий). Как показывает опыт дешифровки иероглифического письма майя, осуществленной Ю. В. Кнорозовым, исследователь всегда располагает некоторой метаинформацией, то есть информацией об особенностях сходных знаков и свойствах языка вообще, которая позволяет существенно ограничить сферу поиска, число возможных группировок знаков и тем самым выявить наиболее вероятные способы классификации наличных знаков, дающие возможность шаг за шагом определить их признаки, связанные с некоторыми «значениями» (выражающими, например, имена существительные, одушевленные или неодушевленные предметы и т.п.).

Расшифровка кода представляет собой в данном случае переход от абстрактных значений знаков к их конкретным значениям. При этом наиболее абстрактное значение знака или комплекса знаков (то есть кода) есть не что иное, как метаинформация. Последняя дана исследователю в качестве знания, что данный объект является кодом, то есть принадлежит явлениям жизни или человеческой культуры. Другими словами, знание, что данный объект несет какую-то информацию, обладает «значением» (что-то значит и для чего-то предназначен), возникает тогда, когда мы с уверенностью относим данный объект к области явлений человеческой культуры или к области биологических явлений.

Зачастую отнесение некоторого объекта к области явлений культуры представляет собой довольно простую операцию. Труднее обстоит дело с отнесением некоторого объекта к явлениям жизни и, следовательно, с определением его в качестве кода, ибо мы не располагаем достаточно четкими критериями того, что является биологической СОС, то есть не знаем точной меры дискретизации, сохраняющей качество живого, в силу чего можем ошибиться: не распознать то, что является кодом, или принять за код некоторый его фрагмент, не имеющий сам по себе никакого информационного значения.

Конечно, можно привести немало примеров, когда вопрос об отнесении некоторого объекта к числу явлений культуры оказывается чрезвычайно трудным или даже вообще исключает однозначное решение. Это особая проблема, требующая специального анализа, и мы ее не будем здесь касаться. Для наших целей достаточно ограничиться теми случаями, когда принадлежность данного объекта к явлениям человеческой культуры не вызывает сомнений. Но это, как правило, означает, что мы можем отнести его к некоторому классу явлений культуры (скажем, к естественным языкам, произведениям искусства, продуктам производственной деятельности и т. п.). Поскольку же явления культуры сравнительно хорошо упорядочены, открываются большие возможности отнесения изучаемого объекта ко все более узким множествам данного класса явлений культуры, «значения» которых нам известны. Последовательное расширение метаинформации о принадлежности данного кодового объекта ко все более узким подмножествам кодов определенного класса – важное условие основательной расшифровки данного кода. Нередко такое последовательное сужение сферы принадлежности данного кода уже через несколько шагов приводит к достаточно высокой степени понимания его информационного содержания.

Человеческая культура не знает абсолютно оригинальных кодов. Любой код, в какой бы форме он ни выступал – будь то уникальный предмет, найденный археологом, или хитроумный шифр, изобретенный для сохранения тайны, – всегда имеет некоторые аналогии, которые могут быть установлены исследователем. Умозаключения по аналогии, требующие часто тонкой интуиции, и дают, как правило, путеводную нить к расшифровке кода.

Однако человеческая культура не знает вместе с тем и абсолютно избыточных кодов. Даже самые строгие кодовые соответствия, известные науке, не могут совершенно исключить избыточность в силу хотя бы того обстоятельства, что проблема тождества пока еще не имеет исчерпывающего логического решения. Избыточность же всякого кода выдвигает на первый план вопрос о степени понимания его «значения», когда он полагается расшифрованным. Эта степень понимания определяется потребностями и целями познающего субъекта (и вообще СОС, производящей операцию декодирования), хотя не вызывает сомнения то, что потребности и цели, в свою очередь, детерминированы объективными факторами, выражающими исторически конкретный уровень развития СОС. Когда речь идет о познающем субъекте, то, конечно, прежде всего, имеется в виду уровень развития общества, определенная историческая ступень общественной практики. Мы получаем здесь еще одну иллюстрацию диалектической природы познания.

Таким образом, диагностирование некоторого объекта в качестве кода означает вместе с тем и приобретение определенной метаинформации о нем. Как справедливо заметил Ю. А. Шрейдер, анализируя структуру языкового текста, «любой текст несет, кроме информации, и тот или иной запас метаинформации – ключ к пониманию текста». Поэтому в известном смысле ключ к расшифровке кода находится в нем самом.

Две разновидности задачи расшифровки кода: прямая и обратная задачи

Выяснение информации, содержащейся в данном коде, заключается в установлении соответствия между знаками, структурами, свойствами кодового объекта (его физическими, химическими и т. п. характеристиками) и тем, что они «означают» для данной СОС (или их определенного класса).

Расшифровка кода в этом смысле может быть названа прямой задачей: задан кодовый объект, требуется выяснить его информационное содержание. В отличие от нее существует обратная задача: когда нам дана некоторая информация, но ее конкретный носитель, то есть кодовый объект, неизвестен; требуется найти его и затем установить соответствие между известной нам информацией и свойствами ее носителя.

Обратная задача является, как правило, более трудной, чем прямая. Это объясняется следующим. Если установлено, что данный объект является кодом, то априорно можно полагать, что он обладает лишь одним определенным «значением» или в крайнем случае весьма ограниченным набором «значений» (чрезмерная многозначность и, следовательно, неопределенность снимается здесь контекстом кодовой организации данной СОС). Иначе обстоит дело, когда мы обладаем некоторой информацией и нужно точно определить ее носитель, выявить подлежащий исследованию кодовый объект. В этом случае одна и та же информация может в принципе иметь неограниченное множество конкретных носителей (кодовых форм), что обусловлено принципом инвариантности информации по отношению к физическим и вообще субстратным свойствам ее носителя. А поэтому задача значительно усложняется.

Конечно, когда перед нами встает обратная задача, мы также всегдарасполагаем некоторой метаинформацией. Наиболее абстрактной метаинформацией этого рода является задаваемое нашими философскимиустановками убеждение, что носитель информации обязательно существует. Во многих ситуациях мы с большой степенью уверенности делаемследующий шаг в направлении обогащения указанной метаинформации,ограничивая сферу поиска кодового объекта. Например, если речь идетоб информации, переживаемой нами в форме чувственного образа илимысли, то поиск ее непосредственного носителя может быть ограниченмозговыми процессами.

Уточним, однако, что имеется в виду под «обладанием информацией», когда носитель ее неизвестен. Здесь возможны разные истолкования, отражающие сложность и неразработанность проблемы. В общемвиде «обладание информацией» означает непосредственную данностьопределенной информации субъекту. Это – конкретное по своим содержательным и ценностным параметрам знание, выступающее в формемоего сознательного переживания. Последнее обладает рефлексивностью, означающей: я знаю, что я знаю нечто сейчас.

Таким образом, обладание информацией означает определенноезнание, присущее данному субъекту в форме актуально протекающего сознательного переживания. Это знание может возникнуть в результате собственных размышлений или быть сообщено извне (при чтении книги,общении с другими людьми, практических действиях). В каких же случаях допустимо говорить о том, что субъект обладает информацией, но ее конкретный носитель, код, остается для него неизвестным и в какомсмысле он неизвестен?

Возьмем факты, когда информация, ставшая достоянием субъекта,сообщена ему извне. Здесь фигурируют внешние коды, используемые прикоммуникации. Нам известен код – обычные звуковые сигналы, когда мыобретаем информацию, беседуя с кем-либо. Нам известен код, когда мы нечто узнаем, читая книгу, улавливая смысл жеста или гримасы (хотя знание средств экстралингвистической коммуникации не столь достоверно, как знание средств языкового общения). Иногда мы довольно точно понимаем мимолетное выражение глаз собеседника, но не в состоянии объяснить, каким образом возникло это понимание.

Приведенные примеры показывают, что выражение «код остается неизвестным» имеет по крайней мере два разных смысла: 1) когда вообщенеизвестен носитель информации, те средства, с помощью которых намсообщена информация, и 2) когда носитель информации, то есть те средства, с помощью которых мы получили информацию, в сущности, известны, но остается неизвестным, как именно, каким образом с помощью этихсредств информация могла быть нам передана.

Второй смысл связан в конечном итоге с прямой задачей расшифровки кода, ибо здесь требуется уточнение кодового объекта и анализспособов кодирования информации. Обсуждаемая же нами обратнаязадача связана с первым смыслом (когда носитель вообще неизвестен изнание о нем имеет в лучшем случае характер зыбкой гипотезы).

Здесь мы вступаем в область загадочных явлений человеческой психики,попытки исследования которых пока еще не привели к общепринятым результатам. Вряд ли уместно отрицать, например, факты интуитивного прозрения относительно намерений других людей, угадывания желаний и дажемыслей близкого человека, ощущения чужого взгляда, совершенно не связанного со зрительным восприятием, и т. п. Конечно, все это обусловленовосприятием каких-то внешних сигналов, но каковы они – вопрос остаетсяоткрытым. Характерным примером, когда прямо говорят о неизвестностиносителя информации, служит научное обсуждение проблемы телепатии.Неизвестность носителя информации может означать не только неведениеотносительно объективно существующих средств передачи информации, скажем,

каких-либо физических процессов, но и неумение выделить среди множества известных науке явлений те их комбинации и связи, которые имеют действительный кодовый статус. Это важно учитывать при анализе рассматриваемой проблемной ситуации (есть информация, но неизвестен ее носитель, код).

Однако, по нашему мнению, было бы слишком самонадеянным отвергать возможность существования таких носителей информации, которые принципиально отличаются по своим свойствам от всех известных сейчас кодовых объектов (в том числе и по своим физическим характеристикам!). Исторический опыт убедительно свидетельствует о пользе осознания неполноты фундаментальных принципов научного знания, то есть тех принципов, которые явно или неявно задают критерии существования объективных явлений. Фетишизация этих принципов не раз уже приводила к тому, что некоторые отчетливо и многократно наблюдавшиеся явления зачислялись в категорию нереальных, и проходили многие годы, прежде чем они были реабилитированы.

Если информация действительно передана и воспринята, но ее носитель остается неизвестным, то это создает специфическую проблемную ситуацию, анализ и описание которой должны привести к приблизительным указаниям сферы принадлежности и способа существования искомого носителя. Его выявление может быть крайне трудным делом, но четкое описание конкретной проблемной ситуации указывает, по крайней мере, где нужно раскидывать сети. Здесь требуются тщательный учет повторений передачи информации, исследование коммуниканта (если он известен). Будучи необходимо связана со своим носителем, информация, так или иначе, выявляет его.

В реальном процессе исследования кодовых зависимостей прямая и обратная задачи обнаруживают тесную связь. В проблематике расшифровки динамического кода психических явлений доминирующее место занимает обратная задача, ибо здесь поиск направлен от информации к ее носителю. Ощутимые успехи в области расшифровки мозговых кодов психических явлений свидетельствуют о больших возможностях исследовательской мысли в решении такого рода задачи. Следовательно, несмотря на принцип инвариантности информации по отношению к своему носителю, обратная задача может считаться принципиально разрешимой, поскольку конкретный акт коммуникации СОС всегда осуществляется на основе ограниченного числа кодов (это обусловлено исторически) и в силу того, что возможно выделение инвариантов кодовых объектов, которые способны выступать в роли метаинформации, определяющей направление и тактику поиска. Чрезвычайная актуальность проблематики расшифровки кодов настоятельно требует дальнейшего углубленного методологического анализа, ибо от этого в существенной степени зависят успехи исследования СОС, то есть явлений жизни и человеческой культуры.

В заключение еще раз подчеркнем, что идея кодовой зависимости резко противостоит парадигме физикализма. Несостоятельность последней в области исследования СОС проявляется в том, что она принципиально исключает из объяснительных посылок факторы историчности, внутренней активности, ценности, целесообразности. Однако их элиминация равносильна отказу от действительного познания природы самоорганизации. Идея кодовой зависимости, сохраняя классический принцип причинного объяснения, вместе с тем акцентирует внимание исследователя именно на указанных факторах. Она органически сочетает вопросы «почему?» и «зачем?» («для чего?»), ибо познание кодовой зависимости предполагает наряду с выяснением физического, субстратного «устройства» носителя информации (кода) понимание его «смысла», функциональной значимости для СОС. Именно такого рода познавательная задача выражает властную тенденцию гуманизации науки в целом и вместе с тем ее, если так можно сказать, экологизации, то есть развития во имя всего живого на Земле, в интересах сохранения и прогресса человеческой культуры, Земной

самоорганизующейся суперсистемы.

СОЗНАНИЕ, МОЗГ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Дубровский Давид Израилевич

Разработка проблемы искусственного интеллекта (ИИ) необходимо связана с результатами исследования естественного интеллекта (ЕИ), который не ограничивается когнитивными функциями, представляет сознательную деятельность в целом. Здесь мы имеем дело с тем, что обычно именуют проблемой сознания. Она – многопланова, ее анализ, помимо уточнения терминологии, предполагает теоретически корректное вычленение основных планов и последующее их соотнесение друг с другом. Не вдаваясь в эту задачу, мы выделим лишь один из основных планов этой проблемы – классический вопрос об отношении сознания к головному мозгу. Исследование этого вопроса способно расширить и углубить наше понимание особенностей информационных процессов, протекающих в головном мозгу, и тем самым стимулировать новые подходы в разработке ИИ.

Сознание обладает специфическим и неотъемлемым качеством субъективной реальности (СР). Мои мысли, мои ощущения зеленого, красного, запаха розы, не говоря уже о переживаниях боли или радости, – всё это не менее реально и значимо для меня, чем стол, за которым я сейчас сижу. Но и сама реальность стола удостоверяется для меня моими психическими, осознаваемыми отображениями данного объекта. СР – это динамический континуум осознаваемых состояний человека, временно прерываемый глубоким сном или случаями потери сознания и навсегда пресекаемый смертью. Этот континуум в значительной степени центрирован нашим «Я», которое отдает себе отчет о конкретных явлениях СР и способно управлять некоторыми из них. Качество СР выступает в различных формах (ощущение, образ, эмоция, мысль, чувство <уверенности, волевое усилие и т.п.), оно способно выражать самое разнообразное содержание, но суть его – в субъективном переживании, всего как бы непосредственной данности индивиду (в аналитической философии это качество выражается разными терминами: «субъективный опыт», «ментальное», «квалиа» и др.).

Именно качество СР создает главные трудности для объяснения связи сознания с мозговыми процессами (и более широко – при попытках интегрировать феномены сознания в научную картину мира). В западной аналитической философии преобладает редукционистский тип объяснения в двух его основных вариантах: физикалистском (когда явления СР редуцируются к физическим процессам) и функционалистском (когда они редуцируются к функциональным отношениям). Сравнительно немногочисленные противники редукционизма (Т. Нагель, Дж. Серл, Д. Чалмерс и др.), высказывая убедительные критические соображения, не предлагают, однако, концептуального решения проблемы «сознание и мозг» (см.: [5, 6]).

Такое решение должно представлять собой теоретически корректный ответ, по крайней мере, на два следующих вопроса:

1. Как связаны явления СР с мозговыми процессами, если первым нельзя приписывать пространственные и другие физические свойства, а вторые ими по необходимости обладают?
2. Каким образом явления СР, которым нельзя приписывать физические свойства (массу, энергию), способны служить причиной телесных изменений, управлять ими?

С ними связан ряд других существенных вопросов (III), которые имеют тесное отношение к проблематике ИИ (о них речь пойдет ниже). Для ответа на два основных вопроса мною предлагается информационный подход (см. подробнее: [2, 3, 4]). Его исходные посылки следующие:

1. Явление СР связано с определенным мозговым процессом как информация со своим носителем. Им является соответствующая мозговая нейродинамическая система. Явлениям СР действительно нельзя приписывать длины, ширины и т.п. Говорить о пространственной локализации явления СР можно лишь в том смысле, что оно воплощено в определенном нейродинамическом коде и вне его не существует, а последний имеет сложную структуру и определенное расположение в головном мозгу.
 1. Связь явления СР со своим нейродинамическим носителем является функциональной, она представляет сложившуюся кодовую зависимость. Рассмотрим сравнительно простой случай. Переживаемый мной в данном интервале образ дерева (обозначим это явление СР через O) имеет своим носителем определенную нейродинамическую систему (обозначим ее X). Связь между O и X носит именно функциональный характер – это явления одновременные и однопричинные: X есть кодовая представленность O или, короче, – код O . Основательное исследование подобных связей предполагает расшифровку кода. Задача расшифровки мозговых кодов психических явлений уже поставлена на повестку дня (вслед за расшифровкой генетического кода и генома человека).
 2. Но что означает расшифровка кода, если информация всегда существует только в кодовой форме и от нее невозможно избавиться? Она может означать лишь одно: перевод неизвестного кода в известный. Для каждой самоорганизующейся системы существует два типа кодов. Назовем их «естественными» и «чуждыми». Первые непосредственно «понятны» той системе, которой они адресованы, «прозрачны» для нее, не требуют операции декодирования (частотно-импульсный код на выходе сетчатки сразу «понятен» соответствующим мозговым структурам, слово «дерево» сразу понятно человеку хорошо знающему русский язык, ему не нужно специально анализировать физические и структурные свойства этого кодового объекта и т.п.). Декодирование требуется, когда система имеет дело с «чуждым» кодом, но оно означает лишь преобразование его в «естественный» код. После того как найден и закреплён способ такого преобразования, «чуждый» код становится для самоорганизующейся системы «естественным», что знаменует акт ее развития.
 3. Важно учитывать, что и «естественные» и «чуждые» коды могут быть для самоорганизующейся системы как внешними (например, сообщаемые человеку непонятные слова), так и внутренними (скажем, мозговые коды типа X), что обуславливает специфику задач, связанных с их декодированием и перекодированием. Можно выделить два вида задач расшифровки кода: 1) «прямую», когда дан кодовый объект и требуется выяснить информацию, которая в нем содержится (здесь мы имеем дело с «чуждым» кодом), и 2) «обратную», когда нам дана определенная информация и требуется установить ее носитель и его кодовую организацию; здесь перед нами «естественный» код и такая задача является, как правило, более трудной (см. подробнее: [3, гл. 5, с. 233 – 250]).
 4. Мозговые коды типа X являются внутренними «естественными» кодами. Воплощенная в них информация дана индивиду непосредственно в форме явлений его СР (чувственных образов, мыслей и т.п.). Причем не только устройство такого кода, но даже наличие его в нашем мозгу нами совершенно не ощущается, не отображается. В явлениях СР нам дана информация как бы «чистом» виде и способность оперировать ею. Таков кардинальный факт нашей психической организации, сложившейся в процессе биологической эволюции и антропогенеза, ибо живой системе для эффективного функционирования нужна информация как результат адекватного отображения внешних объектов, ситуаций, собственных действий и т.д. и в большинстве случаев не нужно отображение носителя информации (в силу принципа инвариантности [2]). У человека же на современном этапе развития общества такая потребность возникает. Расшифровка мозговых кодов явлений СР – реальная научная задача. Ее решение способно вызвать судьбоносные для земной цивилизации последствия как позитивного, так и негативного характера (что особенно важно иметь в виду). Если мозговые коды явлений СР будут хотя бы частично расшифрованы, то это затронет фундаментальный принцип социальной самоорганизации

– относительную «закрытость» внутреннего, субъективного мира личности. Будет нарушено ее неотъемлемое право: «открывать» другому свои мысли, намерения, чувства и т. п. по своей воле. Кто, как, зачем станет «открывать» другого? Каковы могут быть социальные и иные последствия этого? Подобные вопросы требуют тщательного рассмотрения как в теоретическом, так и в практическом плане.

2. Явления СР способны служить причиной телесных изменений, управлять ими в качестве информационной причины. Психическая причинность есть вид информационной причинности. 206 207

1. Отличие информационной причины от физической причины определяется принципом инвариантности (причинный эффект вызывается тут именно информацией, на основе сложившейся кодовой зависимости, а не самими по себе физическими свойствами носителя этой информации, которые в принципе могут быть разными). Всякое психическое причинение осуществляется в сознательно-бессознательном контуре информационных процессов, который представляет собой исключительно сложный объект для анализа. Трудности усугубляются еще и тем, что даже в случае ясно сознаваемого действия, необходимо учитывать в нем не только рефлексивное и актуальное, но также уровни арефлексивного и диспозиционального. К тому же возникает проблема речевого оформления явлений СР, языкового кода. Однако в первом приближении правомерно все же выделить такую разновидность психической причинности, как произвольное действие. Здесь можно сравнительно четко обозначить комплекс явлений СР, выражающих мое намерение совершить определенное действие и управляющих его реализацией. Возьмем простой пример. Я хочу включить свет настольной лампы и делаю это, нажимая кнопку. В данном случае мое желание, побуждение формирует программу действий и запускает цепь кодовых преобразований, хорошо отработанных в филогенезе и онтогенезе (имеется в виду последовательное и параллельное включение кодовых программ движения руки и сопутствующих ему других телесных изменений, а также кодовых программ энергетического обеспечения всего комплекса этих изменений, приводящих к достижению цели). Разумеется, произвольное действие требует более полного описания, мы ограничились лишь общими принципиальными моментами в его объяснении.
2. Явления СР могут служить причиной не только телесных изменений, но и причиной изменения других явлений СР, когда, например, одна мысль влияет на другую, влечет другую и т.п. Это повсеместный факт нашего опыта. Однако задача дискретизации континуума СР и вычленения отдельного явления СР вызывает серьезные теоретические трудности. Тем не менее в ряде простых случаев такая операция может быть корректно проведена. Тогда, если одна мысль (А) вызывает другую мысль (Б), то это равносильно преобразованию нейродинамического кода первой в нейродинамический код второй. Здесь также имеет место психическая причинность. Ведь внутренний «механизм» следования Б из А принципиально не отличается от тех процессов, когда явление СР вызывает определенное телесное изменение. Различны лишь контуры кодовых преобразований, те подсистемы головного мозга в которых они совершаются.
3. Когда мы говорим об отдельном явлении СР, то важно учитывать, что оно всегда принадлежит данному уникальному «Я» и несет на себе его печать, оно есть момент целостной СР, существующей только в конкретной личностной форме. Эта целостность, определяемая нашим «Я», представлена тем, что может быть названо эго-системой головного мозга. Будучи структурно и функционально подсистемой головного мозга, эта эго-система образует высший уровень мозговой самоорганизации и управления (именно на этом уровне функционируют кодовые структуры типа X). Она охватывает не только сферу сознательных, но и сферу бессознательных психических процессов, регулирует их взаимодействие. Только в контурах эго-системы информационные процессы приобретают качество СР, что связано со специфическими кодовыми преобразованиями. Эти кодовые преобразования отображают, в частности, и уникальные особенности эго-системы (и,

значит, личностные особенности индивида), в том числе и такой личностный параметр, как волеизъявление. И тут возникает традиционный вопрос о свободе воли, который всегда стоял в центре дискуссий по проблеме сознания и мозга.

4. Совместим ли феномен свободы воли с детерминированностью мозговых процессов? На этот вопрос можно дать положительный ответ. Здесь нет нужды вдаваться в подробный анализ феномена свободы воли. Для наших целей достаточно признать, что, по крайней мере, в некоторых случаях человек может сам совершать выбор действий, управлять движением своей мысли, переключать внимание, оперировать по своей воле теми или иными явлениями собственной СР (представлениями, интенциональными векторами), хотя в составе СР есть такие классы явлений, которые либо вообще неподвластны произвольному оперированию, либо поддаются ему с большим трудом. Но признание пусть частичной способности «Я» оперировать явлениями собственной СР (т.е. информацией в «чистом» виде), например способности переводить А в В, равносильно признанию того, что я могу по своей воле оперировать нейродинамическими кодами. Следовательно, как бы это странно звучало на первый взгляд, я могу по своей воле оперировать некоторым классом своих мозговых нейродинамических систем, т.е. управлять ими (хотя и совершенно не чувствуя этого; не ведая, что творю!). Более того, это означает, что я могу оперировать не только некоторым наличным множеством собственных мозговых нейродинамических систем, активировать и дезактивировать их определенную последовательность, но и формировать направленность кодовых преобразований (в тех или иных пределах) и, наконец, создавать новые кодовые паттерны типа X. Нельзя же отрицать, что человек своим творческим усилием продуцирует оригинальные мысли, уникальные художественные образы. Эти новообразования в сфере его СР имеют свое необходимое кодовое воплощение в его мозговой нейродинамике.
5. Поскольку способность создавать новообразования в сфере СР равнозначна способности порождать новообразования на определенном уровне мозговой нейродинамики (кодовой организации типа X), то это дает основание говорить о постоянной возможности расширения диапазона возможностей саморегуляции, самосовершенствования, творчества. И это относится, конечно, не только к управлению своими психическими процессами, но и к управлению телесными процессами, к психосоматическим контурам саморегуляции. Когда человек, как иногда говорят, силой воли подавляет боль (или когда йог вызывает у себя замедление сердечного ритма), то это означает, что он формирует у себя такие паттерны мозговой нейродинамики, такую цепь кодовых преобразований, которые «пробивают» новый эффекторный путь и «захватывают» вегетативные и другие нижележащие уровни регуляции, обычно закрытые для произвольного управления.
6. Но способность управлять собственной мозговой нейродинамикой может быть истолкована только в том смысле, что нейродинамические системы типа X, взятые в их актуальной и диспозициональной взаимосвязи, являются самоорганизующимися, образуют в мозгу человеческого индивида личностный уровень мозговой самоорганизации (эго-систему). Следовательно, акт свободы воли (как в плане производимого выбора, так и в плане генерации внутреннего усилия для достижения цели) есть акт самодетерминации. Тем самым устраняется тезис о несовместимости понятий свободы воли и детерминизма, но последнее должно браться в смысле не только внешней, но и внутренней детерминации (задаваемой программами самоорганизующейся системы).
3. Изложенное выше дает ряд существенных оснований для сопоставления мозга и компьютера, прежде всего в плане осмысления различия информационных процессов, осуществляемых каждым из них, понимания той весьма большой дистанции, которая существует между ними. У компьютера нет субъективной реальности. Информационный процесс, лишенный качества СР, отличается по своей организации, по своим структурным, оперативным и целевым характеристикам от того информационного процесса, который специфичен для эго-системы головного мозга. Разумеется, многие информационные

процессы в головном мозгу и тем более в других подсистемах нашего организма идут «в темноте» (как выражаются некоторые западные философы), не дают о себе знать в виде субъективных проявлений. С чисто функциональной точки зрения, добавка в виде явления СР кажется излишней. Но это именно кажимость. На самом деле возникновение в ходе эволюции СР ознаменовало новый этап и новый тип самоорганизации. Здесь возникает ряд вопросов, которые должны стать предметом тщательного анализа.

1. Пока нам известны два вида СР – животный и человеческий. Весьма вероятно, что в других звездных мирах есть существа, обладающие СР совершенно иного типа (предмет не только для фантазирования, но и для теоретических размышлений). Хотя некоторые выдающиеся ученые и философы (Дж. Экклз, К. Поппер и др.) отрицали возможность создания таких систем ИИ, которые способны обладать СР, подобная возможность теоретически обоснована (тем более в отношении различных симбиозов ИИ с ЕИ). Это вытекает из принципов функционализма (которые, по нашему убеждению, сохраняют рациональный смысл, могут служить не только редуccionистским целям, но и нередуccionистским объяснениям СР, что я пытался продемонстрировать выше). Функциональное описание и объяснение логически независимо от физического описания и объяснения, что, как известно, убедительно было показано А. Тьюрингом, Х. Патнэмом и др. Это обязывает принять тезис об изофункционализме систем, развитый Тьюрингом (одни тот же набор функций может быть воспроизведен системами, различными по своим субстратным, физическим свойствам). Для обоснования тезисов об изофункционализме систем и о возможности обретения искусственным интеллектом качества СР важное теоретическое значение имеет принцип инвариантности (ПИ) информации по отношению к физическим свойствам ее носителя. Из него следует возможность возникновения различных вариантов кодовой самоорганизации. Тот вариант, который возник в ходе эволюции, был не единственно возможным. Разумеется, ПИ не означает безразличия физических свойств носителя информации, но лишь то, что одна и та же информация может иметь носители с разными физическими свойствами. В ходе эволюции отбирались коды наиболее экономичные в энергетическом отношении, наиболее компактные по своей организации и т.п. (так сформировались фундаментальные коды земных самоорганизующихся систем – код ДНК, частотно-импульсный код в нервной системе, язык). Да, теоретически были возможны иные варианты, но в доступном нам мире существует лишь тот вариант самоорганизующейся системы, наделенной СР, который был изобретен, создан биологической эволюцией. И он, так или иначе, указывает пути сближения ИИ с ЕИ.
2. Вопрос о возникновении СР – это прежде всего вопрос о способе представленности информации для сложной самоорганизующейся системы и способе использования ее для управления своим целостным функционированием (поведением). Этот новый способ представленности информации и оперирования ею в целях управления возник в связи с чрезвычайным усложнением живой системы (включающей множество самоорганизующихся подсистем) и потребностью нахождения оптимальных средств поддержания ее целостности, централизации самоотображения и управления (как условия реализации адекватного поведения и в конечном итоге выживания). В силу множества уровней и структур самоорганизации в развитом организме (клетки, органы, системы дыхания, кровообращения и др.) эволюция постоянно решала проблему соотношения иерархических, кооперативных и конкурентных контуров управления в структуре целостного организма, соотношения централизации и относительной автономности в функционировании его подсистем. Возникновение психики, способности отображения и управления в форме СР явилось ответом на эти проблемы. Представленность информационных процессов в форме явлений СР – чрезвычайно удобный, экономичный, высококооперативный способ получения, переработки и использования информации в целях эффективного управления многосложным организмом, централизации его действий, которая (централизация) интегрирует ниже лежащие уровни управления (в клетках,

органах и т.п.), сохраняя их определенную автономию. Представленность информации в форме СР позволила резко расширить не только «содержательный» («когнитивный») диапазон информации, но в еще большей степени ее ценностные измерения – посредством различных эмоциональных состояний, таких мощных субъективных регуляторов и стимуляторов поведения как боль, оргазм, чувство голода. У высших животных СР достигает значительной степени индивидуализации и разнообразия психических модальностей.

3. В процессе антропогенеза произошло качественное развитие психического отображения и управления – возникло сознание, отличительная черта которого в том, что СР сама становится объектом отображения и управления в форме СР. Другими словами, создается возможность, по существу, неограниченного производства информации об информации и способность наряду с информационным управлением телесными изменениями также и управления информационными процессами на уровне СР. Для этого формируется специальная кодовая система – язык. Развивается способность абстрагирования, возникает высокая степень свободы оперирования информацией в «чистом» виде – типа мысленных действий, предваряющих реальные действия, мысленного моделирования вероятных ситуаций, прогнозирования, проектирования, фантазирования, творческих решений, самополагания и волеизъявления. Все эти функции ЕИ заведомо отсутствуют у компьютера. В отличие от высших животных (у которых тоже можно обнаружить нечто сходное с нашим «Я», своего рода Самость, выражающую психические особенности данного индивида, его целостную форму СР, способность совершать выбор в сложных ситуациях) у человека СР обретает новую динамическую структуру. Элементарный феноменологический анализ показывает, что наша СР имеет своей базовой динамической структурой единство противоположных модальностей «Я» и «неЯ». Это означает, что «Я» всегда полагает себя через свое «не-Я», в форме которого способно выступать любое «содержание» (информация) – внешняя предметность, явления собственного тела, социальные общности с которыми «Я» себя идентифицирует или которым оно себя противопоставляет, наконец, само «Я» и его отдельные атрибуты. В двуедином динамическом контуре «Я – не-Я» постоянно совершается как бы двойное отображение, двумерный информационный процесс (в котором одновременно отображается и некоторый объект и само его отображение); в нем происходят все текущие ценностно-смысловые преобразования, формируются и реализуются деятельно-волевые проекции (подробно эти вопросы анализируются в [4]. См. раздел «Структура субъективной реальности»). Это прежде всего и знаменует качественное отличие сознания от психики высших животных. Платой за такой новый уровень организации информационных процессов у человека являются новые формы психической патологии, раздвоение личности. Животные не болеют шизофренией.
4. Феноменологические характеристики ЕИ (см.: [7]), посредством которых обычно указывают на качественное отличие ЕИ от ИИ, выражают существенные структурно-функциональные особенности информационных процессов в головном мозгу. Как свидетельствуют данные нейроморфологии и нейрофизиологии, в головном мозгу переработка информации совершается одновременно, параллельно во многих различных по своим функциям структурах, результаты которой анализируются и выборочно интегрируются в зависимости от актуализованной цели, от хода решения задачи. Переработка информации в головном мозгу, выражающая текущую мыслительную деятельность, совершается отнюдь не по жесткой двоичной логической схеме. Скорее, эта логика представляет собой многозначную логику, в которой число значений истинности есть величина переменная; при этом число значений истинности меняется в зависимости от характера решаемой задачи и, возможно, от разных этапов ее решения. В этой многомерной динамической структуре двоичная логическая схема лишь один из существенных моментов процесса переработки информации. Головному мозгу присущи развитые функции вероятностного прогнозирования, весьма

оригинальные, эффективные способы сжатия информации и выборки нужных элементов из памяти, эвристического синтеза и другие операции, которые вряд ли допустимо приписывать современным компьютерам.

5. Сказанное, конечно, не умаляет роли и возможностей ИИ. Выдающиеся достижения компьютерных наук и информационных технологий положили начало новому этапу цивилизации – информационному обществу. Проблемы дальнейшего развития ИИ будут в существенной мере определять судьбы человечества. Но это обязывает нас к тщательному анализу и реалистическим оценкам широкообластных проектов. Среди ряда специалистов в области ИИ бытует убеждение, что быстронарастающая вычислительная мощь компьютеров скоро приведет к появлению у них сознания. Так, наш бывший соотечественник профессор А. Болонкин, живущий ныне в США, рассуждает следующим образом: уже создан компьютер в 8 терафлоп, лет через 20 будет построен «суперкомпьютер, мощность которого превзойдет мощность мозгов всего человечества». Следовательно, такой компьютер не может не обладать качеством, присущим отдельному человеческому мозгу (см.: [1]).

К сожалению, однако, это вовсе не тот случай, когда огромное количественное накопление приводит к новому качеству. Здесь как раз ясно выступает узость, ограниченность «вычислительной» трактовки сознания и мышления, которая подвергалась основательной критике. Примером такой критики могут служить контраргументы выдающегося математика Р. Пенроуза. Он убедительно показывает, что даже собственно «математическое понимание» не может быть сведено к вычислительным операциям, подчеркивает «невыхислимый характер математического восприятия» [12, с. 117]. Но это относится не только к математическому, но ко всякому пониманию. Оно составляет важнейшую особенность всякой познавательной деятельности, неотъемлемое свойство сознания. Понимание «является весьма общей чертой, присущей всем человеческим существам, и эта способность принципиально не является вычислительной по своей природе, вне всякой зависимости от математики» [Там же, с. 118].

«Вычислительная» трактовка сознания и мышления представляет собой один из вариантов редукции сознания к «когнитивным операциям». При этом качество СР оказывается чем-то эфемерным, нереальным. Это позиция так называемого «сильного ИИ». Весьма популярный ее представитель, американский философ Д. Деннет, иронизируя по поводу «тайного огня сознания», прямо заявляет, что главным признаком сознания является «функционирование когнитивно-информационных процессов» (см.: [14, с. 216–218]). В таком случае сознание можно приписывать всем системам, способным совершать «разумные операции» и прежде всего, конечно, компьютеру. Подобная позиция крайне уязвима, она отвергается большинством философов, обсуждавших проблемы ИИ.

Существенное сближение ИИ с ЕИ предполагает более глубокое исследование ЕИ. На прошедшей недавно конференции по философии ИИ (Январь, 2005г, Москва) многие докладчики справедливо подчеркивали, что наиболее узким местом компьютерного моделирования является недостаточная исследованность ЕИ. Наиболее основательно и многопланово это было выражено в докладе А. П. Огурцова «Достижения и трудности моделирования интеллектуальных актов». В нем убедительно показано, что «перспективы компьютерного моделирования и нейрокомпьютеринга – это перспективы философии и психологии сознания. Именно ими будет создан новый язык анализа сознания, в том числе интеллекта, который найдет свою амплификацию в компьютерных моделях» [11, с. 59]. С этим нельзя не согласиться. А. П. Огурцов справедливо утверждает: «Все компьютерные модели далеки от биологической основы работы интеллекта» [Там же, с. 57].

Это принципиальное обстоятельство осознают и специалисты в области компьютерных наук, те, кто непосредственно занимаются моделированием интеллектуальных функций. Так, В. Г.

Редько, говоря о том, что развитие теории «нейронных сетей» связано с внедрением в «нейроинформатику» высокоэффективных математических методов, вместе с тем отмечает: «Однако, несмотря на чрезвычайную активность исследований по нейронным сетям и нейрокомпьютерам, многое в этих исследованияхстораживает. Зачастую изучаемые алгоритмы выглядят как бы «вырванным куском» из общего осмысления работы нервной системы. Исследуются те алгоритмы, для которых удастся построить хорошие модели, а не наиболее важные для понимания свойств мышления, работы мозга и для создания систем искусственного интеллекта» [13, с. 94]. «Все это указывает на необходимость максимально полного понимания работы биологических систем обработки информации и свойств организмов, обеспечиваемых этими системами» [Там же, с. 94–95].

В этой связи принципиальное значение имеют современные нейро-физиологические исследования психической деятельности, в особенности использующие методы позитронно-эмиссионной томографии, функционально-магнитного резонанса, многоканальной записи электрических и магнитных полей мозга. В последнее время достигнуты существенные результаты в изучении тех мозговых информационных процессов, которые лежат в основе субъективных переживаний, обуславливают возникновение ряда явлений СР, в том числе относящихся к процессу мышления. Здесь прежде всего должны быть отмечены исследования А. М. Иваницкого и ряда других авторов, получивших близкие результаты (Дж. Эделмен, В.Я. Сергин и др.).

В работах Иваницкого (см.: [9, 10] и др.), проводимых на протяжении уже более тридцати лет, убедительно показано, что качество субъективного переживания связано с определенной организацией мозговых процессов и возникает при сопоставлении в зонах коры мозга вновь поступившей информации с той, которая извлечена из памяти. «Такое сопоставление возникает в результате кольцевого движения возбуждения его возвратом к местам первоначальной проекции после дополнительной обработки в других структурах мозга» [10, с. 717]. Автором четко обозначены временные параметры перехода физиологического процесса на тот уровень его организации, который связан с возникновениемощущения. Это цикл, длящийся примерно 150 мс, названный автором «кругом ощущений», в котором осуществляется сравнение сенсорного сигнала со сведениями, извлеченными из памяти, включая данные о значимости сигнала. Ощущение, как простейшее субъективное переживание, есть результат «информационного синтеза», совершающегося в рамках указанного цикла (см.: [10, с. 717 – 718]).

Иваницким показано, что принцип возврата возбуждения и информационного синтеза оправдывает себя не только в случае ощущений, но и при анализе весьма сложных субъективных состояний, связанных с процессами мышления. Найденный эволюцией и используемый в ходе развития психики животных, он сохраняет свое значение для понимания тех мозговых процессов, которые лежат в основе высших форм психической деятельности, человеческого сознания (см.: [10, с. 719 – 721]).

Важно подчеркнуть, что проводимые в этом плане исследования преследуют стратегическую цель: выяснение существенных и необходимых свойств того типа самоорганизации, который создает представленность для системы информации в форме СР и способность оперировать ею (в «чистом» виде), что имеет первостепенное значение для создания новых направлений разработки ИИ.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть следующее. Психика и сознание – уникальный эффект биологической самоорганизации, найденный в процессе эволюции. Современные искусственные информационные системы далеки от самоорганизации такого типа, более того, сами по себе они не могут быть названы самоорганизующимися системами в точном смысле

этого слова, ибо на входе и на выходе у них стоит человек, задающий программу и использующий результат их деятельности.

Как уже отмечалось, теоретически мыслимо искусственное создание самоорганизующихся систем такого типа, которые обретут, наконец, главное отличительное свойство ЕИ – субъективную реальность (пусть хотя бы в ее элементарных формах). Но пока развитие компьютерной техники идет не в этом направлении. Возможно, к решению задачи тако-го рода нас в чем-то приблизят квантовые компьютеры.

Но в любом случае ее решение должно быть связано с воспроизведением некоторых структурно-функциональных аналогов биологической самоорганизации. Иное трудно себе представить. Хотя, конечно, в общем плане, отметим это еще раз, нельзя исключать две возможности:

1. где-то во Вселенной существует некий тип самоорганизации, качественно отличный от нашего, земного, но тоже обладающий СР (которая, впрочем, может быть столь же отличной от нашей, человеческой СР);
2. человеческий разум изобретет некую самоорганизующуюся систему, качественно отличающуюся от самоорганизации биологического типа, у которой появится своя СР, пусть и отличная в чем-то или во многом от нашей человеческой СР.

Однако способы реализации этих двух возможностей не поддаются конкретным представлениям (даже на уровне литературной фантастики анализ легко выявляет всё те же стандартные структуры нашей СР, незамысловатые интерпретации, аранжировки и перекомпоновки их смысловых, ценностных, оперативных фрагментов, не более того). Эти две отмеченные возможности слишком маловероятны, чтобы служить какой-либо опорой при нынешнем проектировании дальнейших разработок проблемы ИИ.

Теоретически мыслима в общих чертах и та новая электронная цивилизация, которую с энтузиазмом обрисовывает проф. Болонкин (создание «электронного человека» путем переписи хранящейся в его мозгу информации в чипы и достижения таким способом его бессмертия, которое станет реальным, как обещает автор, всего через 20–25 лет). Эта цивилизация электронных трансгуманоидов якобы неизбежно придет на смену нынешней, имеющей биологическую основу. А поэтому, как полагает проф. Болонкин, биологическая самоорганизация обречена! Такого рода мыслимая возможность (как всякая мыслимая возможность) остается весьма проблематичной и, конечно же, она крайне далека от конкретного осуществления. Между тем наша земная цивилизация находится в сильном цейтноте (прежде всего из-за быстрого нарастания масштабов и последствий экологического кризиса). И мы должны сейчас быть озабочены, в первую очередь, не столько созданием «электронного человека» и его бессмертием, сколько сохранением жизни обычного человека и земной жизни в целом.

Позиции Болонкина противостоят стратегическая установка, опирающаяся на традиционные ценности и здравый смысл. Она не спешит расторгнуть связь человека с его биологическим телом, не спешит заменять его трансгуманоидом, подчеркивает наличие больших ресурсов самоорганизации и самосовершенствования у биологических систем и человеческого общества, поддерживает веру в творческие и благие силы разума, научного познания, в продуктивное развитие информационных технологий и робототехники на благо людей. И она, конечно, уповает на преодоление экологического кризиса и сохранение земной жизни как фундаментальной, непреходящей ценности. Такая стратегическая установка является более реалистичной и ответственной, хотя она тоже в ряде отношений проблематична, требует дальнейшей основательной, творческой разработки. В этом плане высокую актуальность приобретают проблематика духовного и телесного, сознания и мозга, вопросы касающиеся

развития связей и взаимодействий ИИ с ЕИ, различных форм их симбиоза в будущем, как средстворешения насущных задач человечества.

Список литературы

1. Болонкин А. (Человек – бессмертен! – Интервью с профессоромАлександром Болонкиным) // Известия. – 1998. – 8 сентября.
2. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейро-физиологии, психологии и кибернетики. – М.: Наука, 1971.
3. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. – М.: Высшая школа, 1980.
4. Дубровский Д.И. Проблема идеального. Субъективная реальность. – Изд. 2-е. – М.: Канон, 2002.
5. Дубровский Д.И. Проблема духа и тела: возможности решения // Вопросы философии.– 2002. – № 10.
6. Дубровский Д.И. Новое открытие сознания? (По поводу книги Дж. Серла «Открывая сознание заново») // Вопросы философии. – 2003. – № 7.
7. Дубровский Д.И. Гносеология субъективной реальности. К постановке проблемы // Эпистемология и философия науки. – 2004 – № 2.
8. Дубровский Д.И. В «Театре» Даниэла Деннета (По поводу одной популярной концепцииисознания) // Философия сознания: история и современность. – М., МГУ, 2003.
9. Иваницкий А.М. Главная загадка природы: как на основе работы мозга возникают субъективные переживания // Психологический журнал. – 1999. – № 3.
10. Иваницкий А.М. Естественные науки и проблема сознания // Вестник Российской Академии Наук. – 2004. – Т. 74. – № 8.
11. Огурцов А.П. Достижения и трудности в моделировании интеллектуальных актов // Философияискусственного интеллекта: Материалы Всероссийской междисциплинарной конференции. – М., 2005.
12. Пенроуз Р. Большое, малое и человеческий разум. – М., 2004.
13. Редько В. Г. Эволюционная кибернетика. – М., 2003.
14. Dennet D. Consciousness Explained. – Boston, 1991.218 219

ЛАБИРИНТ «ПОВОРОТОВ»

Инишев Илья Николаевич

Как известно, моду на словосочетания-маркеры с использованием слова «поворот» ввел Ричард Рорти в конце 60-х. На сегодняшний день существует множество вариаций на тему первоначальной формулировки («linguistic turn»): от интерпретативного поворота до пространственного. Тем не менее, «оригинальное» выражение сохраняет свое первенство не только в исторически-генетическом, но и систематическом отношении.

Во-первых, большинство производных словосочетаний используются по преимуществу в нормативном смысле. Они не столько указывают на факт произошедшего и общепризнанного сдвига в принципиальных исследовательских установках в той или иной области знания, сколько служат своего рода «декларацией о намерениях». Другими словами, в этих словообразованиях превалирует риторическая составляющая. Подчас они выполняют функцию сигнальных огней, очерчивающих и одновременно оберегающих какую-либо «символическую территорию». На фоне большинства последующих «turns» «лингвистический поворот» – выражение скорее ретроспективное и дескриптивное. Это следует уже из того, что фактически поворот к языку произошел за полвека до возникновения соответствующего обозначения.

Во-вторых, «лингвистический поворот» превосходит все прочие в масштабах. На сегодня нет ни одного сколько-нибудь влиятельного направления в философии, которое оставалось бы не затронутым им. Если трактовать «поворот» как всеобъемлющий пересмотр принципиальных оснований, то, несмотря на всю важность последующих трансформаций, едва ли какая-либо из них может сравниться по влиянию и долговременному характеру своих последствий с лингвистической трансформацией.

При всей справедливости вышесказанного и для «иконического поворота», следует отметить одну его отличительную черту. В теориях, составляющих «иконический поворот», образ рассматривается как специфический медиум, обладающий собственной – т.е. альтернативной по отношению к лингвистической – логикой формирования смысла. Тем самым «иконический поворот» не предусматривает поспешных выводов о «смене парадигм» в сфере социальных и гуманитарных наук. Как нам кажется, его следует рассматривать скорее как комплементарный по отношению к лингвистическому повороту. В его рамках происходит продуктивная дифференциация предметного поля гуманитарных и социальных наук, в результате которой образуется новая относительно самостоятельная, трансдисциплинарная область исследований.

Некоторые терминологические трудности готовит наличие целого ряда языковых конструкций, которые зачастую рассматриваются как синонимичные: iconic turn, pictorial turn, imagic turn, visual turn.

Формула «iconic turn» была предложена швейцарским искусствоведом Готфридом Бёмом в 1994 году в статье, вошедшей в изданный им сборник программных работ по современной философии образа. Бём, писавший докторскую диссертацию под руководством Гадамера, занимается по большей части обсуждением онтологических и эпистемологических вопросов, связанных с проблематикой образности. Внутренняя структура образа, его связь с материальным носителем, потенциал образа как ресурса познания – вот некоторые из основных тем, находящихся в его поле зрения. Подобная тематическая ориентация преобладает среди континентальных философов и искусствоведов, по преимуществу немецкоязычных. Формулировка «iconic turn» как раз и служит суммарным обозначением для таких постановок вопроса.

Выражение «pictorial turn» ввел в оборот американский литературовед Томас Митчелл. Одноименная статья (впервые опубликована в 1992 году) открывает сборник его программных работ, изданный во всё том же 1994 году. В фокусе теоретических интересов Митчелла находится вопрос о соотношении иконологии и идеологии, которые с его точки зрения взаимосвязаны и взаимообратимы. Трактовка образа как инструмента политики репрезентаций - это то, что объединяет «pictorial turn» в версии Митчелла с «visual turn», теоретической стратегией в рамках британских «культурных исследований», исходящей из идеи «визуальной культуры» как отличительной черты текущего этапа в развитии современного западного общества. Одним из основных проponentов этой стратегии является американский медиа-теоретик Николас Мирзоев. Два эти теоретические направления в рамках исследований образности и визуальности различаются в том, как каждый из этих проектов (pictorial turn, с одной стороны, и visual turn, с другой) относится к проблеме материального носителя образа, или материального медиума. Если для Митчелла и иных сторонников проекта «pictorial turn» интересен сам иконический медиум, обладающий особым модусом присутствия, оказывающим влияние на способы и эффекты восприятия образного содержания, то для теоретиков «визуальной культуры» на переднем плане их теоретического интереса находятся социальные и политические импликации образных содержаний. В этом аспекте американский «pictorial turn» и европейский «iconic turn» оказываются вполне солидарны. Американский историк искусства и теоретик визуального опыта Кит Мокси описывает соотношение теоретических позиций в этом вопросе посредством противопоставления «презентации» и «репрезентации». Сторонники pictorial/iconic turn, как он утверждает, исходят из представления, согласно которому «образ является презентацией, истоком мощи, природа которого как объекта наделенного бытием требует, чтобы те, кто его анализирует, обращали пристальное внимание на способ, каким он воздействует своей магией на зрителя». Пропоненты visual turn, или visual culture трактуют образ как «культурную репрезентацию», значение которой связано по большей части с содержанием образа.

Тем самым выражения «iconic turn» и «pictorial turn», с одной стороны, обозначают различные теоретические линии в рамках проблематики образа. Различия затрагивают аспект генезиса (обе линии принадлежат разным интеллектуальным традициям) и аспект конечных целей (экспликация онтологической структуры, в одном случае, и политических содержаний, в другом). С другой стороны, характерный для них обеих интерес к материальной составляющей образности делает их возможное сотрудничество весьма многообещающим.

«ПОВОРОТ К МИРУ», ИЛИ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА БЕЗ ЛИНГВОЦЕНТРИЗМА

Инишев Илья Николаевич

Один из выдвигаемых нами тезисов состоит в том, что проблема соотношения мира и языка задает основной тематический спектр как аналитической, так и феноменологической философии.

Согласно другому нашему тезису, важнейшей предпосылкой и мотивационным фундаментом кооперации аналитической и феноменологической философии, набирающей темпы в последние десятилетия, является не столько параллельность, сколько разнонаправленность их тематического развития. Эта предпосылка, возможно, не столь очевидна. Однако по меньшей мере не вызывает сомнений, что движение параллельными курсами едва ли способно послужить основой для взаимного интереса рассматриваемых теоретических позиций друг к другу. Поиск содержательных аналогий, пожалуй, - неизбежный этап в истории взаимоотношений философских исследовательских стратегий, которые на протяжении долгого времени игнорировали друг друга. Однако сегодня, как нам кажется, этого уже недостаточно.

Что касается разнонаправленности тематического развития аналитической и феноменологической философии языка, то она состоит в следующем: если феноменология продвигалась от проблематики (восприятия) мира к проблематике языка (коммуникативного опыта), то аналитическая философия проделала этот путь в обратном направлении. Из этой разнонаправленности проистекает обратимость перспектив, констатация которой имеет, как нам кажется, не только дескриптивный, но прежде всего эвристический характер. Эта обратимость перспектив может использоваться в качестве «путеводной нити» для пересмотра традиционного понимания соотношения мира и языка, назревшего в контексте аналитической теории значения.

Функцию «путеводной нити», которая присуща идее взаимной обратимости перспектив тематического развития феноменологии и аналитической философии, можно выразить в форме гипотезы, верификация которой могла бы составить одну из главных задач возможного кооперативного - «феноменологически-аналитического» - исследования.

Согласно этой гипотезе, языковой характер мира коррелирует с мировым, или прагматическим, характером языка. Это помимо прочего означает, что «языковое» и «объективное», речевая и «направленная вовне» деятельности могут располагаться в одной плоскости. Иными словами, «языковое» и «внутримировое» не разделены онтологической пропастью, находящей свое парадигматическое выражение в оппозиции смыслового и каузального. Сжатая до лаконичной формулы, эта гипотеза звучит следующим образом: язык - это, с одной стороны, имплицитный фундамент, а с другой - эксплицитный генератор внутримиро-вых содержаний. Этим намечается одна из возможностей преодоления основополагающей философской апории последних столетий - противоречивой связи трансцендентального и внутримир-ового, онтологического и онтического.

Третий из выдвигаемых нами тезисов звучит следующим образом: необходимая, т. е. из самой логики развития теории значения проистекающая, кооперация между аналитической и феноменологической философией способна эффективно использовать ресурсы не только герменевтической, т. е. эксплицитно лингвистической, феноменологии, но и феноменологии

(зрительного) восприятия.

Примером релевантности феноменологии восприятия для аналитической постановки вопроса в рамках проблематики соотношения мира и языка является семантический экстернализм Джона Макдауэла, нацеленный на преодоление онтологической дистанции между языковыми и перцептивными содержаниями. Главная задача философского проекта Макдауэла - поиск выхода из «беспрестанного колебания» между двумя крайними возможностями в вопросе о внутримировом характере языковых содержаний: «между когерентизмом и тщетными апелляциями к данному», или в других терминах - между дискурсивизмом и репрезентационизмом. Теоретическая позиция Макдауэла в ряде ключевых пунктов обнаруживает удивительное сходство с феноменологией восприятия Гуссерля и Мерло-Понти. Это касается как отправной точки - критики сциентистского натурализма, так и выбора методологической стратегии: ориентация на идею диффузии смыслового и чувственного. При этом эксплицитное использование феноменологического ресурса - если бы для Макдауэла это было возможно - могло бы привнести как минимум больше ясности в его концепцию.

Пример совместимости аналитических и феноменологически-герменевтических ресурсов и позиций дает медиалистская трактовка языкового опыта, представленная в философских концепциях Ханса Липпса, Остина и Гадамера. Ее возможный вклад в философию повседневного языка состоит в ее способности прояснить специфику, а главное, топику лингвистического поведения, претендующего не только на теоретическую дескрипцию внешнего мира, но и на особый род эффективного вмешательства в него. Ведь вопрос топики в этом случае - это вопрос «досягаемости» друг для друга мира и языка.

Другими словами, одна из актуальных задач феноменологии состоит не столько в критике, сколько в критической кооперации с аналитической традицией в ее тенденции объединения философии языка и философии сознания, - естественно, в той мере, в какой эта тенденция мотивирована стратегической проблемой философии языка - проблемой значения. «Систематической» основой для такой кооперации является идея «открытости миру», составляющая основной - пусть и не всегда явный - мотив как аналитической философии языка, так и феноменологии.

Именно этот мотив, став эксплицитным в последние десятилетия, инициировал завершение «лингвистического поворота». Примерами этого со стороны аналитической философии могут быть тот же Джон Макдауэл с его работой «Сознание и мир», а также теоретики «прямой референции», например Хилари Патнэм. Со стороны феноменологически-герменевтической традиции - Ласло Тенгели, разрабатывающий идею образования смысла как формы неинтенционального опыта, и Гюнтер Фигаль, опубликовавший в 2006 г. монографию «Предметность: герменевтическое и философия», в которой он отстаивает как универсальность интерпретативного подхода к миру, так и известную автономию внутримировых содержаний по отношению к интерпретации. Как бы то ни было, для нас важно отметить, что сегодня и аналитическая философия, и феноменология придерживаются в рамках проблематики языка единой стратегической линии и различаются лишь в «тактике», т. е. в том, как именно ими реализуется идея трансцендирования языка в направлении внутримировых практик. Говоря иначе, основное различие между ними состоит в трактовке идеи взаимной открытости мира и языка. О комплементарное™, а главное, о структурной связи феноменологически-герменевтического и аналитического понимания этой открытости, пойдет речь в дальнейшем.

Итак, сосредоточенность «постметафизического мышления» на проблематике соотношения мира и языка ведет - на дисциплинарном уровне - к известной гибридации философских теорий: теория языка объединяется с теорией восприятия, или сознания (1), с одной стороны, и с теорией социального взаимодействия (2) - с другой. Тем не менее и в рамках подобных

гибридных, или комплексных, образований по-прежнему сохраняется дифференциация на различные теоретические позиции (например, различие (1) и (2)) в зависимости от того, какой тип опыта наделяется статусом парадигмы: (1) опыт (базирующейся на зрении) перцепции или (2) опыт (основывающегося на слухе) диалогического взаимодействия. Как следствие в рамках аналитической традиции наблюдается - более или менее отчетливое -разделение философии языка и философии сознания (philosophyofmind); в рамках феноменологической традиции - феноменологии восприятия и феноменологии языка, или дескриптивной и герменевтической феноменологии. Таким образом, невзирая на попытки преодоления взгляда на соотношение мира и языка как два различных региона, они в той или иной степени по-прежнему разделяются. Это (онтологическое) разделение не следует путать с (аналитическим) различием.

Этой дифференциации соответствует - или, скорее, в ее основании лежит - различие двух основных способов «открытости миру»: перцепции и языковой коммуникации, соответственно двух теоретических подходов: феноменологии восприятия (от Гуссерля до Макдауэла) и языковой прагматики (от Витгенштейна до Брэндома).

Четвертый из выдвигаемых нами тезисов звучит следующим образом.

Два этих теоретических подхода, соответственно, два этих способа открытости миру, включая промежуточные, или гибридные, формы, образуют структурную связь. На дисциплинарном уровне это означает, что феноменология сознания и языковая прагматика представляют собой теоретические стратегии, являющиеся индифферентными по отношению к различению феноменологической и аналитической исследовательских парадигм. Другими словами, они индифферентны по отношению к различению феноменологической и аналитической философских конфессий, т. е. представляют собой своего рода «сквозные тенденции».

Вопрос, ответом на который должны стать «феноменология сознания» и «языковая прагматика», понимаемые в качестве трансдисциплинарных стратегий, может быть сформулирован следующим образом: как внешний мир «входит» в языковые содержания и как языковые выражения могут быть локализованы во внешнем мире, не подвергаясь при этом реификации?

Говоря иначе, главную проблему философии языка за пределами «лингвистического поворота» (лингвоцентризма) составляет проблема гетерогенности понятий мира и языка.

ИНТЕГРАЦИЯ ПЕРСПЕКТИВ ФЕНОМЕНОЛОГИИ СОЗНАНИЯ И ЯЗЫКОВОЙ ПРАГМАТИКИ. МЕДИАЛЬНЫЙ, ИЛИ ПЕРФОРМАТИВНЫЙ, ПРАГМАТИЗМ

Инишев Илья Николаевич

В статье я бы хотел предложить абрис решения проблемы гетерогенности этих понятий - мира и языка. Абрис включает в себя три элемента: (1) теоретические основания языковых импликаций перцептивного опыта, (2) теоретические основания реконфигурирующего, или креативного, воздействия эксплицитных форм речевого опыта на «внешнюю действительность» и (3) разработка парадигмы для интеграции имплицитных и эксплицитных языковых форм опыта в единую взаимосвязь.

1. Сегодня по-прежнему одной из важнейших предпосылок философских рефлексий о природе познания и языка остается совмещение двух перспектив во взгляде на природу человеческого опыта - «градуальной» и «полярной». Коммуникативная и перцептивная формы опыта составляют крайние точки спектра, заполненного различными степенями и, соответственно, степенями отдаленности от чувственного восприятия и приближенности к языковой коммуникации. Эти ступени/степени совпадают со степенями/степенями непосредственности контакта с миром. Наше предложение состоит в том, чтобы, сохранив схему, скорректировать ее трактовку.

Мы предлагаем трактовать «полюса» не дихотомически, т. е. не как оппозицию перцептивного и языкового, а как две крайние формы «лингвистической наполненности» опыта. Тем самым в «градуальном срезе» мы будем иметь дело с различными степенями этой «наполненности». Благодаря этому появляется возможность формирования более взвешенной, ибо комплексной, а главное, интуитивно более убедительной, позиции в рамках семантического экстернализма. Трансцендирование языкового значения в направлении исполнения проницаемых для интерпретации коммуникативных практик уравнивается транс-цендированием значения в направлении ригидной и полупрозрачной действительности, являющейся коррелятом перцептивного опыта. В итоге нам бы удалось если и не устранить вовсе, то по меньшей мере смягчить скептические импликации «лингвистического поворота». Появилась бы возможность рассматривать «язык» не только как неизбежность, но и как позитивное условие контакта с миром: не только как с дискурсивно конструируемым целым, но и как с интуитивным данным содержанием. Именно на это, как нам кажется, и нацелен проект Макдауэла, в частности его концепт «содержаний *dege*», представляющих собой понятийные импликации перцептивного опыта. Сточкизрения Макдауэла, «*ajudgement of experience does not introduce a new kind of content, but simply endorses the conceptual content or some of it, that is already possessed by the experience on which it is grounded.*»

Вместе с тем Макдауэлу недостает теоретических ресурсов для обоснования своей позиции в этом пункте. Очевидно, что этим ресурсом способна послужить рефлексивная феноменология от Гуссерля до Шмитца, согласно которой не существует перцептивного опыта без смысловых (в терминах Макдауэла, понятийных) импликаций. В этом случае важно как раз то, что обоснование этого тезиса достигается интуитивно-дескриптивными, т. е. подчеркнута не

лингвистическими и не аналитическими средствами. Говоря иначе, здесь мы имеем яркий пример эвристического характера взаимной обратимости перспектив аналитического и феноменологического философствования о языке. Эта взаимная обратимость перспектив феноменологии и аналитической философии в данном случае конкретизируется в виде взаимной обратимости, а следовательно, комплементарности соответствующих исследовательских стратегий - аналитически-лингвистической и дескриптивно-интуитивной.

2. Для Макдауэла в рамках тематики соотношения мира и языка основная проблема заключалась в поиске возможности непосредственного «вхождения» перцептивных содержаний в понятия. Для теоретиков речевых актов, напротив, главный вопрос состоял в следующем: каким образом и в каком смысле определенные типы речевой деятельности не просто передают информацию о мире, а представляют собой специфическую форму воздействия на него? При этом необходимо заметить, что речь идет об эксплицитных формах языкового опыта. На первый взгляд эксплицитные формы языкового феномена не имеют «логической» возможности воздействовать на внешнюю действительность, поскольку составляют часть объективного мира, размещаясь в нем, но принадлежат при этом не каузальным взаимосвязям физического мира, а психическим взаимосвязям сознания. Однако, с другой стороны, находясь в «перформативной установке», участники коммуникации соотносятся с внутриязыковым смысловым контекстом, а не с предметным контекстом объективного или субъективного мира. Этот последний доступен лишь с точки зрения наблюдателя, находящегося вне специфического пространства языковой интеракции. Возможность воздействия на внешний мир посредством «произнесения фраз» основывается, с нашей точки зрения, на двух основных факторах.

Во-первых, принятие во внимание специфической топики, присущей исполнению «речевых актов» и наделяющей их известной пространственно-временной автономией, заставляет признать особый внутримировой статус языковых содержаний. Говоря иначе, генерируемые в исполнении коммуникативных и ритуальных речевых актов содержания, контексты и диспозиции не только составляют неотъемлемую часть смысловых связей повседневного жизненного мира, но и оказывают на них конфигурирующее воздействие. В этом отношении характерная для жизненного мира мультипликация и динамизация внутримировой предметности представляет собой одновременно основание и эффект перформативной сети социально релевантных речевых актов. Во-вторых, обладающий языковой природой донаучный жизненный мир образует своего рода первичную питательную среду для формирования и дистрибуции различных когнитивных и прагматических стратегий артикуляции «внутримировых содержаний».

3. Идея топологически истолкованной и онтологически фундированной «среды», в которой и в качестве которой исполняются различные типы языкового опыта соответственно, генерируются различные по «онтологическому статусу» внутримировые содержания, вполне могла бы послужить теоретическим основанием для нового взгляда на соотношение мира и языка. Идея и феномен языковой среды имеют два взаимосвязанных измерения: горизонтальное и вертикальное. Горизонтальное измерение - это измерение разнообразных и тем не менее образующих друг с другом структурную связь форм языкового поведения - от научного дискурса до повседневных речевых ритуалов. Вертикальное измерение затрагивает различные диспозиции в отношениях мира и языка: от почти полной ассимиляции языкового перцептивным до идеи языкового как генератора внутримировых содержаний, включая и их чувственные, или материальные, определенности, как это происходит, например, в поэтической речи.

Связь между горизонтальным и вертикальным измерениями, которые к тому же внутренне дифференцированы (градуированы), обеспечивается за счет высокой степени подвижности

концептов, базовых для такого взгляда на соотношения мира и языка, - медиума и медиальное™. Интеграция этих концептов в философско-лингвистический дискурс могла бы, как нам кажется, поспособствовать тому, чтобы на смену дискретному представлению о взаимосвязи мира и языка, с одной стороны, и взаимосвязи различных языковых практик - с другой, пришла градуальная, или континуальная, точка зрения. В заключение мы перечислим некоторые преимущества континуальной модели по сравнению с дискретной и тем самым сделаем более рельефными преимущества медиалистской парадигмы в целом.

Во-первых, градуальная медиалистская перспектива позволяет преодолеть «онтологический разрыв» между миром и языком, не игнорируя при этом разнообразия форм опыта. Это означает, что, например, визуальное восприятие и чтение литературы уже не рассматриваются как антиподы, не противопоставляются друг другу как визуальное и вербальное, предметное и словесное. Скорее, речь в этом случае должна идти о различных «агрегатных состояниях» одного и того же, о состояниях единой среды, в которой и в качестве которой реализуются различные конфигурации жизненно-мирового, а стало быть, организованного языковым образом опыта.

Во-вторых, между двумя этими крайностями - (якобы) «исключительно перцептивным» и (якобы) «исключительно дискурсивным» - становится возможен переход, обретающий конкретное воплощение в отдельных формах нашей коммуникации с миром, которые не только необходимы с точки зрения жизненно-мировой прагматики, но и составляют структурные элементы целого нашего опыта. Например, формы речи, вплетенные в соответствующие «внутримировые» практики, дискурс экспериментальных наук, ритуальные речевые акты и проч. Все эти формы речевого поведения демонстрируют прозрачность границ между миром и языком.

В-третьих, парадигма (градуированного) медиума позволяет рассматривать соотношение между нетеоретическими, соответственно, необъективирующими формами речи и научным, а также социально-политическим дискурсами как отношение структурной взаимосвязи. Барьеры между различными формами речи, которые не просто возводятся в некоторых теориях, но иногда ощущаются в контексте соответствующих практик, также оказываются вполне проницаемыми, причем в обоих направлениях. Не только в направлении от нетеоретической повседневной речи к ее объективирующим формам, но и в обратном: от базирующегося на негации (т. е. критике) дискурса к основывающемуся на аффирмации (т. е. признании) «герменевтическому диалогу». Это обеспечивается за счет того, что различные типы языкового опыта представляют собой различные конstellляции, или «агрегатные состояния», одного и того же: перформативного, т. е. обладающего процессуальным характером, медиума, - медиума, в котором разворачивается весь наш опыт. При этом переход от одной конstellляции медиальное™ к другой сопровождается континуальным изменением конфигурации соотношения «мира» и «языка». Например: от (квази-) внутриязыковых содержаний эксплицитных речевых форм до (квази-)внеязыковых содержаний перцептивного опыта.

В-четвертых, систематическая ориентация на парадигму медиума, представляющего собой общее динамическое пространство для языкового и неязыкового, обеспечивает последовательное исключение - в том числе и неявного - гипостазирования языка. Языковое и неязыковое в конечном итоге представляют собой два взаимосвязанных вектора, задающих динамику среды, в которой разворачивается человеческий опыт.

СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ИСХОДНАЯ ФОРМА ВСЯКОГО ЗНАНИЯ

Дубровский Давид Израилевич

Под человеческой субъективной реальностью (далее сокращенно – СР) имеется в виду динамический (лучше сказать, исторический) континуум осознаваемых состояний человека, временно прерываемый глубоким сном или случаями потери сознания. Этот континуум, включающий множество явлений, с трудом поддающихся дискретизации, в значительной степени центрирован нашим Я, взятым в его рефлексивных и арефлексивных, актуальных и диспозициональных измерениях. СР, столь близкая и знакомая каждому, есть единственное удостоверение того, что мы живем. Это – всегда персональная собственность, которой, однако, мы часто владеем неуверенно и фрагментарно. Известно, что «Я» – плохой хозяин в собственном доме, полном тайных закоулков и привидений.

Вместе с тем то, что именуется СР не менее реально для меня и вас, чем вот этот стол, за которым вы сейчас сидите. И всякое отображение внешнего объекта, всякое мое знание о нем имплицитно содержит отображение моих собственных субъективных состояний, тех явлений СР, в которых мне дано содержание этого внешнего объекта.

Мы постоянно общаемся с другими и таким путем худо или бедно постигаем внутренние, субъективные состояния другого человека. Стремясь понять другого, мы нередко ошибаемся или оказываемся обманутыми. В ряде случаев, когда это жизненно важно, добиваемся любой ценой адекватного знания о чувствах, мыслях, намерениях другого человека. Проблема диагностики подлинности субъективных переживаний и намерений другого человека в условиях нынешнего чрезвычайно быстрого умножения и усложнения коммуникаций является исключительно актуальной.

Каждый из нас загружен множеством знаний о своем «Я» и явлениях субъективного мира (своего и другого) – представлениями, предположениями, соображениями, концепциями, в том числе почерпнутыми из собственного опыта, художественной литературы, философии и науки. Многие из нас отчетливо сознают зыбкость, слабость, роковой экзистенциальный дефицит такого рода знаний.

И тем не менее некоторые из имеющихся у нас знаний о собственной СР вполне надежны, могут выступать в роли исходных посылок для более глубокого познания столь прихотливого объекта. Если бы это было не так, то познание вообще оказалось бы невозможным, ибо всякое знание осуществляется в форме СР (восприятий, представлений, мыслей отдельных людей). Это – исходная и конечная форма всякого действительного знания. Исходная – в том смысле, что любое знание первично возникает лишь в качестве содержательно определенных явлений СР отдельных индивидуумов (иного не бывает, если в мире нет Бога и божественных существ). Конечная – в том смысле, что знание, опредмеченное в письменных текстах и других материальных носителях, является «мертвым», пребывает в состоянии анабиоза, если оно никем не распремечивается и не приобретает качества СР (разумеется, знание в форме явлений СР объективированы в мозговых нейродинамических кодах и посредством внутренней и внешней речи; кроме того, знание, взятое в процессуальном плане, осуществляется лишь в динамическом контуре опредмечивания-распремечивания, но это уже другие аспекты проблемы, требующие специального анализа). Здесь важно подчеркнуть присущие человеческой психике врожденные (отработанные в эволюции и в антропогенезе)

способности адекватного отображения и оценки собственных субъективных явлений, а также развитие этих способностей в процессе жизни индивида. Тем не менее у человека на каждом шагу возникает задача различения надежных, адекватных знаний о явлениях собственного субъективного мира от тех знаний о нем, которые характеризуются как ложные, неадекватные или ненадежные (сомнительные, маловероятные). Но чтобы производить такое различение, необходимы обоснованные критерии, претендующие на общезначимость.

Конечно, у каждого из нас есть подобного рода личные критерии, действующие зачастую интуитивно, во многом слабо вербализованные и вероятностные по своему характеру, но все же позволяющие успешно ориентироваться в собственном субъективном мире, верно оценивать текущие в нем события, поддерживать способность саморегуляции и адекватного самоотображения, целостность, идентичность нашего Я. Повторю, эта способность, имея в своей основе дар биологической эволюции и антропогенеза, формируется и развивается в процессе межличностных коммуникаций, биографического опыта. Проблема, однако, состоит в том, чтобы совершить переход от (выражаясь образно) «личной эпистемологии» СР к публичной, опирающейся на инварианты множества «личных эпистемологий», а затем к теоретическим решениям. Здесь – главный камень преткновения для философов прошлого и настоящего.

Несмотря на то, что мыслители с древних времен ставили в качестве одной из главных задач самопознания, несмотря на колоссальный объем сказанного и написанного с тех пор философами, учеными, литераторами, мы крайне мало продвинулись вперед в ее решении. Сейчас, когда земная цивилизация вступает в информационное общество, проблематика самопознания приобретает поистине судьбоносный характер. Это в полной мере относится к разработке гносеологии СР, призванной создать продуктивную теоретическую основу для качественно нового этапа самопознания и самопреобразования.

ОБРАЗЫ В КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕ (МАКРОУРОВЕНЬ)

Инишев Илья Николаевич

Одним из первых, – если не первым – кто обратил внимание на эстетическое измерение социальной и политической жизни был Георг Зиммель. Это обстоятельство, на наш взгляд, недвусмысленно свидетельствует о том, что проблематика эстетического в социально-теоретическом контексте возникла задолго до появления постмодернистского дискурса.

В своей программной статье 1896 года «Социологическая эстетика» Зиммель говорит об «эстетических потребностях» и «эстетических инстинктах», выступающих в роли факторов, формирующих и стабилизирующих на какое-то время социальные связи. Эстетическое для Зиммеля не локализовано в области искусства или прекрасного. Оно представляет собой своего рода сквозную «линию», которая «разделяет способы мыслить». Любые, даже самые абстрактные понятия и дистинкции находят свое финальное основание и постоянно действующий движущий мотив в интуитивном различии приятного-неприятного. «Наши ощущения привязаны к различиям: ощущения ценности не в меньшей степени, чем тактильные ощущения или ощущение тепла.» Зиммель подчеркивает наличие динамичной и двухсторонней связи между эстетическими мотивами и практической целесообразностью. Действенность этой связи поначалу дает о себе знать в особой значимости чувства симметрии, а впоследствии распространяется и на вопросы общественного устройства.

«Роль, которую играет симметрия в социальных образованиях, позволяет достичь правильного понимания того, как по видимости чисто эстетические интересы вызываются материальной целесообразностью и наоборот, как эстетические мотивы выливаются в образования, которые с внешней точки зрения следуют чистой целесообразности.»

Не только определенная модель общественного устройства, но сам принцип рациональности «обретает свою зримую форму в симметричных формированиях». Целесообразное и симметричное, социальное и эстетическое перетекают друг в друга. Наличие или отсутствие у населения чувственно мотивированной симпатии, соответственно, антипатии в отношении симметрии или асимметрии служит дорефлексивным фундаментом для предпочтения той или иной формы общественного устройства.

«Тенденция к симметрии, к равномерному расположению элементов в соответствии с универсальными принципами отныне становится свойственной всем деспотическим формам общества». Жесткая взаимосвязь частей и целого, отсутствие четких границ между внешним и внутренним, концентричность делают принцип симметрии, столь эстетически привлекательный, эффективным инструментом трансляции и легитимации государственной воли. И наоборот, определенная социально-психическая конституция находит свое наиболее полное и наглядное выражение в соответствующих эстетических пристрастиях. Так для демократического общества, состоящего из самостоятельных индивидуумов, будет характерно стремление к асимметрии и вариативности, которое также, с точки зрения Зиммеля, представляет собой эстетический принцип. В итоге, «размах значимости эстетических мотивов обнаруживает себя в том, что они как минимум с равной силой выступают в защиту противоположных социальных идеалов.» Пронизывая снизу доверху и структурируя по всем направлениям процесс формирования личной идентичности, эстетическое оказывается одним из ключевых факторов социальной жизни, одним из «источников всего человеческого».

Вальтер Беньямин также рассматривает образно-эстетическое в качестве фактора социально-политической жизни. Однако если у Зиммеля эстетическое циркулирует в более или менее

разряженной форме ценностно окрашенного ощущения, Беньямин ориентирован на его более конкретные формы, а именно изображения.

Эта ориентация на образы связана, прежде всего, с марксистскими установками Беньямина. Анализ производственных отношений и придание ему статуса диагностического инструмента в рамках социально-теоретической проблематики мотивирует рассмотрение эстетического не в терминах переживания, а с точки зрения «продукта» эстетической деятельности, с точки зрения произведения искусства и образа. Эта дистанция по отношению к эстетическому позволяет практиковать более дифференцированный по сравнению со стратегией Зиммеля подход. Образно-эстетическое, перестав быть лишь имплицитным фактором, становится эксплицитным агентом социально-политической жизни. Такой взгляд на проблематику образности позволяет помимо прочего сделать темой исследования разнообразные формы и способы социально-политической инструментализации образов. Образное рассматривается отныне не только как фактор психологической конституции личности, но и как предметный слой «внешнего мира», наделенный определенными социальными функциями и в свою очередь оказывающий влияние на самосознание индивида. Это предоставляет возможность использования теоретических подходов, выходящих за категориальные рамки традиционной эстетики, например, социологических, т.е. таких, которые не ограничиваются описанием субъективных содержаний перцептивного опыта.

Важным, с нашей точки зрения, вкладом Беньямина в становление и развитие социально-теоретической перспективы в рамках проблематики образности является введение мотива материальности, что не в последнюю очередь было также обусловлено марксистскими предпосылками его теории.

Соотношение материального и образного задает историческую динамику искусства, которое по мнению Беньямина всегда имеет определенную социально-политическую функцию. Важно отметить здесь причудливое с точки зрения прошлого и многообещающее с точки зрения настоящего пересечение двух казалось бы несовместимых факторов: материальности и ауратичности. Способная нести на себе следы времени и тем самым аккумулировать символическую энергию материальная основа произведений искусства делает последние пригодными для культовых, т.е. идеологических целей. Эти цели достигаются за счет ауры, излучаемой тесно связанной с материальным носителем образа уникальностью.

Однако любая попытка продуктивной интерпретации понятия ауры у Беньямина сталкивается с существенными трудностями и даже противоречиями.

Беньямин, как известно, наделяет ауру диагностической функцией. Аура в полной мере реализует свою действенность в традиционном произведении искусства и «сморщивается» в случае технически репродуцируемых образов. Ее деформация и последующее исчезновение рассматривается им как исключительно положительный признак: как признак процесса деидеологизации искусства. Этот процесс выражается и в смене ценностных индексов: на смену «культовой ценности» традиционного – укорененного в материальной основе – художественного образа приходит «экспозиционная ценность» технически репродуцированного отображения. Однако следует отметить, что понятие ауры Беньямин вводит и разъясняет, опираясь на опыт восприятия природных объектов, который едва ли можно прочно связать с проблематикой культа и идеологии. Тем самым аура, с одной стороны, оказывается феноменом, не вполне вписывающимся в тесные рамки художественной сферы. А, с другой стороны, если принять во внимание возможность расширительного толкования материальности, она вполне может сохранить свою действенность и в отношении технически (т.е. массово) репродуцированной образности. Если «материальность» трактовать достаточно либерально, например, во взаимосвязи со «зримостью», то даже в случае с цифровыми

изображениями при определенных условиях мы сможем обнаружить признаки ауратичности.

Аура в работах Бенямина – это больше метафора и неопределенный мотив чем разработанное понятие. Тем не менее как минимум два аспекта этой метафоры, как ее использует Бенямин, оказались на наш взгляд продуктивными для дальнейшего развития темы образности в контексте культуры и общества. Это, во-первых, идея ауры как «однократного явления дали, сколь бы близкой она ни была», или, другими словами, идея специфической пространственности образа. Особенность этой пространственности, которой мы посвятим несколько слов в нижеследующем, находит свое выражение уже в парадоксальной дефиниции, данной ей Бенямином. Во-вторых, речь идет о структурной связи между ауратичностью и материальностью, позволяющей распознать и подвергнуть детальному анализу коммуникативные и суггестивные возможности различных образов – от рекламных до живописных, – принимая во внимание характерные особенности их материального носителя (медиума).

Образы – это не только символические репрезентации социальных и политических отношений, требующие семиотической дешифровки. Образы – это и семантически перенасыщенные материальные поверхности, конфигурирующие социальные связи. Так понимаемые образы требуют в качестве адекватного способа доступа к ним не аналитической дистанции, а осуществляемого с аналитическими намерениями перцептивного погружения.

Пример подобного понимания образа и исследовательского подхода к нему мы находим в «сильной программе» культурсоциологии Джеффри Александера. В одной из недавних статей Александер ставит вопрос о социальной функции образов: способны ли они служить не только символическими репрезентантами социальных и политических отношений, но и «окнами в социальную действительность»?

Беря за отправную точку художественный образ (скульптуру Альберто Джакометти «Стоящая женщина»), Александер разворачивает тезис о динамическом характере текстуры художественного артефакта, играющей «двойную роль». С одной стороны, поверхностная текстура скульптуры заставляет нас сфокусировать на ней внимание. Тем самым она как бы блокирует любые попытки ее трансцендирования или пенетрации, вынуждая нас к сосредоточенному пребыванию при ней. С другой стороны, она «убеждает нас в том, что на самом деле за ней скрывается более глубокое значение».

Ключевой момент здесь состоит в том, что – в отличие от семиотической модели – материальная поверхность не представляет собой своего рода означающего, которое бы находилось в ассоциативной связи с некоторым означаемым, локализованным за пределами образа. Отношение к «подразумеваемому» – каким бы оно ни было – в случае скульптуры Джакометти осуществляется внутри самой материальной текстуры, посредством присущей ей способности учреждать дистанции особого рода. Джакометти, по мнению Александера, стремится создать «поверхность, которая обладала бы глубиной». Эта поверхность способна не только отграничивать и скрывать, но вместе с тем размывать границы и делать зримым.

Александер – на наш взгляд по праву – рассматривает изобразительную поверхность в качестве автономной и специфичной среды, в которой формируется иконический смысл. Восприятие этой поверхности – не моментальное схватывание, как в случае восприятия поверхностей вещей, включенных в прагматический контекст повседневностей. Оно представляет собой парадоксальное с логической точки зрения движение вглубь этой поверхности, к тому, что Александер предлагает именовать иконическим значением.

«Когда художник перемещает нас на этот более глубокий уровень, эстетический объект становится символом; не специфическим референтом для специфической вещи, а означающим,

указывающим на все «подобные вещи». Он становится коллективной репрезентацией, идеальным типом объекта, личности или ситуации. При всей своей уникальности он инициирует процесс типизации. Эзотерический эстетический объект становится иконическим, перемещая нас в средоточие мира».

Это перемещение от поверхности в глубину образа Александер называет «погружением в материальность социальной жизни». При этом под материальностью социальной жизни подразумеваются не окружающие нас социально значимые объекты и устройства, а сама материальная фактура иконической плоскости, которая способна уникальным, присущим только ей образом репрезентировать разнообразные социальные отношения. Соответственно, погружение в материальность социальной жизни – это «погружение в эстетический объект, превращающее его в икону. Тем же образом неэстетические социальные вещи также становятся иконическими».

Описывая иконическое погружение как двухсторонний процесс, Александер использует понятия «субъективизации» и «материализации». Под первой подразумевается своего рода интернализация: воспринимая образ, мы транспонируем его из внешнего мира в свой внутренний. Мы предоставляем в его распоряжение пространство нашего перцептивного поля и энергию наших переживаний. В итоге, этим инициируется встречный процесс: «материализации», или экстернализации. Воспринимающий становится в какой-то степени и на какое-то время воспринимаемой вещью, т.е. иконой.

«Мы становимся вещью, существуя внутри нее. Мы живем и дышим объектом, глядя в мир изнутри него. Его текстура становится нашей текстурой. Так, Флобер замечает: «Я – мадам Бовари»».

Называя этот двусторонний процесс «мистическим», Александер не склонен абсолютизировать эту характеристику. Несмотря на то, что субъект иконического опыта растворяется в образе, само содержание образа референциально: посредством собственной материальной текстуры, т.е. специфически «иконическим способом», образ отсылает нас за собственные пределы к внешнему миру. При этом структура «мира», помещенного в оптику образа, существенно отличается от структуры социального мира, мыслимого вне этой оптики. В итоге, двустороннее отношение «реципиент/образ» следует дополнить двусторонним отношением «образ/мир». Здесь мы уже выходим за пределы рассуждений Александера, не ставящего вопрос об этой стороне иконического опыта. Однако коммуникация образа с миром не в меньшей степени, чем коммуникация образа с воспринимающим его составляет ключевое условие выполнения тех социально-интегральных функций, которые Александер возлагает на художественные и социальные образы.

«Иконографический опыт разъясняет, как мы ощущаем часть (курсив Дж. Александера) нашего социального и физического окружения, как мы испытываем реальность уз, связывающих нас с людьми, которых мы знаем и которых мы не знаем, и как мы вырабатываем чувство места, гендера, сексуальности, класса, национальности, нашей профессии и даже нашей самости».

Наличие у образа двух сторон, двух векторов коммуникативной функции вынуждает нас обратить более пристальное внимание на его посреднический характер. Так как речь идет о специфически иконическом типе посредничества, мы вынуждены перейти с общего социально-теоретического уровня рассуждений на микроуровень анализа материальной структуры иконической плоскости. В конечном итоге логика любых рассуждений, утверждающих подобно Александеру наличие у образных поверхностей уникальных возможностей в области социальной интеракции, приводит к вопросу о специфической «логике образа»: об особых смыслопорождающих потенциях иконической плоскости, которые существенно отличаются от способов формирования и трансляции интерсубъективных смыслов языковыми средствами.

ОБРАЗ И МЕДИУМ (МИКРОУРОВЕНЬ)

Инишев Илья Николаевич

Если иконическая плоскость не сводится к материальному носителю нематериального смысла или средству выражения эстетической формы, она должна представлять собой нечто большее и нечто иное по сравнению с разнообразными физическими объектами. «Большее» и «иное» в этом контексте не следует понимать как нематериальное (смысловое, относящееся лишь к форме) дополнение к материальной основе или как надстройку над ней. В этом случае мы бы остались на прежних, «физикалистских», позициях. Следовательно, необходимо выработать альтернативную – если угодно, несемиотическую – модель образа, которая бы не ограничивала спектр парадигм образности «репрезентацией» и «отображением». Такой моделью, на наш взгляд, может и должен служить «медиум», понимаемый не только и не столько в смысле инструмента, или коммуникативного посредника, сколько в значении среды, или «насыщенного раствора», представляющего собой интерференцию материального и смыслового.

Отношение между медиальностью и образностью может служить основанием для дифференциации теоретических подходов к проблематике образа. Идея структурной связи смыслового и визуального содержания образа с его материальной средой, представляет собой характерную черту философии образа эпохи «иконического поворота». Этим она отличается как от классической теории искусства, так и от современных культурных (визуальных) исследований, которые – при всех их кардинальных тематических и методических различиях – объединяет общая «семиотическая» установка по отношению к образу. К характерным чертам этой установки следует отнести, прежде всего, одностороннюю сосредоточенность на содержательной (смысловой, или информационной) стороне иконического опыта. При этом в качестве ресурса смыслового содержания образа рассматриваются внешние иконической поверхности факторы: целенаправленная деятельность индивида или неосознаваемые устремления и установки целого общества. Другими словами, смысл (содержание) образа читается посредством установления связи с чем-то внеобразным. Материальная поверхность образа оказывается в таком случае проницаемой и даже прозрачной, подобно материальной оболочке устной или письменной речи, которая как таковая не становится тематической в «нормальном» речевом акте.

Чтобы пояснить и вместе с тем детализировать тезис о структурной связи материального и смыслового, характерной для иконической плоскости, мы перечислим основные элементы визуального образа и специфичного для него модуса перцептивного опыта.

Базовые элементы/слои образного

Проблема «онтологии» образа, как известно, доставляла немало трудностей тем, кто на протяжении истории западноевропейского мышления пытался предложить связную теорию образного. Хрестоматийное изложение этих трудностей мы находим уже в «Софисте» Платона: с одной стороны, образ – это нечто несуществующее, демонстративно фиктивное, а, с другой стороны, в своей фиктивности образ представляет собой нечто являющееся и, стало быть, существующее.

Проблема «субстанциального» определения образа – и не только она – связана, прежде всего, с тем, что как предмет образ представляет собой многослойное образование, элементы которого – т.е. слои – принадлежат различным «предметным контекстам», соответственно, подчиняются

различным условиям, при которых они могут быть обнаружены и, следовательно, восприняты.

К числу основных принадлежат три слоя, которые мы ради удобства (и достаточно произвольно) обозначим латинскими терминами: *tabula*, *pictura* и *imago*.

Tabula – это образ как физическая вещь, как часть внеобразного «внешнего» мира. Соответственно, участие этого слоя в характерном для образа процессе порождения смысла оказывается минимальным. Вместе с тем он крайне важен с аналитической точки зрения: он служит отправным пунктом для анализа многоуровневой динамики, специфичной для материальности иконических поверхностей. Лишь ориентируясь на него, мы сможем составить себе представление о широте спектра тех трансформаций, которые материя претерпевает в контексте «производства» и «потребления» образов.

Pictura – это изобразительная поверхность, то, что непосредственно участвует в формировании изображения. Это также слой, в котором материальная составляющая присутствует, но, по сравнению с кондицией материального в *tabula*, в измененном виде. Различие здесь заключается в том, что, во-первых, только часть материального содержания *tabula* входит в материальный (феноменальный) состав *pictura*. В то время, как, например, произведение станковой живописи или аналоговая фотография в качестве физических объектов имеют лицевую и оборотную стороны, живописная или фотографическая поверхность (на это уже указывает сам термин) лишь лицевую. Во-вторых, та часть материальных свойств *tabula*, которая все же входит в состав *pictura*, функционирует по-другому. Если рама и полотно картины «имеют» определенную расцветку, то едва ли то же самое можно сказать об иконических элементах (цветовых пятнах, линиях и т.д.). Цвет – это не свойство иконических элементов, а скорее – среда, в которой, а, главное, вместе с которой они обнаруживаются, т.е. попросту становятся зримыми. «Субстанция» иконического элемента «растворяется» в его элементарной зримости. Это обстоятельство находит свое отражение и в том, что, например, лицевая сторона картины – в отличие от рамы и тыльной стороны – «окрашивается» отнюдь не в соответствии с ее физическими контурами. Иными словами, отношения между материальными элементами изобразительной плоскости – не «метрические», а «грамматические». Цвет, по сути, здесь не наносится на поверхность, а только впервые и создает ее.

Imago – это как раз то в самом широком смысле предметное, которое обнаруживается в специфической материальной среде иконической плоскости; это – образ в узком и строгом смысле. Его материальность не столь очевидна как материальная составляющая двух других слоев. Если в первых двух случаях она в разной степени оказывается тематической, то в случае изображенного ее специфику можно обнаружить лишь посредством аналитической процедуры, в рамках которой устанавливается необходимая структурная связь между тремя перечисленными слоями.

Образность и медиальность: взаимосвязь слоев образного

Специфику перечисленных предметных, или, если угодно, онтологических слоев образа можно выразить при помощи понятия медиума. Каждому из предметных слоев соответствует свой тип медиальности. *Tabula*, или образ как физический объект – это медиум-носитель образа. *Pictura*, или иконическая плоскость, представляет собой медиум-посредник, а *imago*, как автономная предметная взаимосвязь, – медиум-среду.

«Физическая» сторона образа как медиума-носителя чего-то иного, что лишь окказионально связано с его «внутренними» свойствами, представляется наиболее «самостоятельным» из

аспектов, или слоев образного. Эта самостоятельность находит свое отражение в том тривиальном факте, что, будучи частью физического мира, медиум-носитель образа может (и даже должен) быть воспринят изолированно от всех специфически образных содержаний. Перемещая картину в музейном пространстве или проверяя исправность генерирующего изображение монитора, мы лишь «отмечаем» наличие образного содержания, не воспринимая его. Самостоятельность «физического» слоя оплачивается однако тем, что по отношению к специфически иконическим аспектам, или слоям он остается чистой потенцией и своего рода нулевой точкой. Другими словами, его «иконографические» характеристики исключительно негативны. Из всего этого однако не следует вывод о его несущественности. Будучи «по природе» негативным и потенциальным, этот слой разворачивает свои «образные» возможности лишь во взаимодействии с другими слоями, и, прежде всего, с иконической поверхностью.

Иконическая поверхность как медиум-посредник – наименее «самостоятельный» слой. В то время как восприятие физического и смыслового компонентов образа составляет часть повседневного опыта, (изолирующее) восприятие иконической поверхности требует от субъекта занятия специальной, или искусственной установки. Этот слой образа с трудом поддается «схватыванию», демонстрируя внутренне присущую ему склонность к исчезновению. При попытке изолирующего восприятия этого слоя мы, как правило, соскальзываем либо на уровень физической составляющей образа (в случае живописи), либо на уровень его содержания (в случае фотографии). Во многом это объясняется статусом этого слоя как медиума-посредника. Присущий посредничеству «диалектический» характер, как известно, состоит в том, что чем лучше посредник выполняет свою функцию, тем менее он заметен. Изобразительная плоскость как медиум-посредник играет ключевую роль в процессе «иконизации» физической поверхности, чья связь с образным содержанием, как было отмечено выше, не является необходимой. Этот процесс «иконизации» мы предлагаем рассматривать как трансформацию физической поверхности в иконическую плоскость. Основой и конститутивным принципом этой трансформации является симультанизация: моментальное и одновременное восприятие всех элементов определенной физической поверхности. Но прежде чем разъяснить специфику симультанизации, уделим немного внимания различению физической поверхности и иконической плоскости.

Различие между ними заметно уже на уровне слов: слово «поверхность», как правило, употребляется в словосочетаниях с *genetivus possessivus*. Поверхность всегда отсылает к своему «носителю», или – что в общем-то тоже самое – она скрывает под собой «глубину». «Плоскость» же подразумевает чистую экстенсивность. Она не только мыслится автономной (как в математике), но и воспринимается как что-то отдельное (в иконическом опыте). Иконическая плоскость, очевидно, – это не объект и не часть объекта, состоящего из бесконечно многих физических и квази-физических элементов. Специфика иконической плоскости находит свое отражение и в условиях ее восприятия. Чтобы иметь возможность воспринимать не просто физический предмет, или потенциальный носитель образа, а образ, необходимо одновременно «схватывать» в восприятии все элементы физической поверхности объекта-носителя образа. Если это нам удастся, т.е. если процесс симультанизации проходит успешно, тогда происходит мгновенная трансформация, в результате которой появляется образ. Физическая поверхность становится иконической плоскостью.

Убедительное описание этой трансформации мы находим у Мартина Зееля, одного из наиболее интересных представителей современной философской эстетики. С его точки зрения, наше перцептивное отношение к вещам окружающего мира реализуется в двух основных модусах. В качестве «индивидуальных» материальные объекты даны нам в опыте, регламентированном «пропозициональной познаваемостью». Из этого, конечно, не следует, что фактическое знание составляет неперенное условие их восприимчивости. «Пропозициональная

определенность» вещи формируется в контексте вербально структурированных прагматических контекстов. Не только в рамках научного, но и прагматически мотивированного опыта мы попеременно тематизируем вещи в аспекте тех или иных воспринимаемых свойств. Этот модус восприятия, соответственно, данности вещей Зеель называет «так-бытием». Уже не как нечто индивидуальное, а как что-то особенное вещи воспринимаются нами в эстетическом восприятии, которое характеризуется моментальным и одновременным схватыванием разнообразных качеств, образующих новое содержание опыта, недоступное в рамках познавательного-прагматической установки по отношению к вещам феноменального мира. Необходимо подчеркнуть, что это новое содержание не следует рассматривать как что-то исключительно субъективное. Напротив, оно характеризуется «экстернальностью», т.е. принадлежит внешнему опыту, составляя его интегральную часть и основываясь при этом на содержаниях, выработанных в познавательных-прагматических контекстах. В итоге, эстетическое не только перестает быть чем-то «потусторонним» по отношению к повседневности, но, более того, оказывается «фундированным» во внеэстетических практиках, представляя собой результат внутренне присущих этим практикам трансформативных возможностей.

Так и образная поверхность каждый раз формируется посредством «симультанизации» физических элементов объекта-носителя. Один из важнейших эффектов этого процесса - изменение не только модуса присутствия воспринимаемого предмета, но и самосознания воспринимающего. Тот кто видит образ, а не «всего лишь» неравномерно окрашенную поверхность, приостанавливает «нормальное» течение прагматически мотивированного повседневного опыта, в котором каждое восприятие встроено в целую серию других восприятий и опытов. Он не воспринимает образ ради какого-то другого восприятия или действия. Он сосредоточивается на самом опыте явления, всецело присутствуя в этом опыте как во временном, так и в пространственном смысле. Зеель так описывает взаимосвязь модусов присутствия предмета и субъекта эстетического восприятия: «Особый модус присутствия предмета восприятия связан с особым модусом присутствия исполнения (курсив везде – М.З.) этого восприятия. Мы не можем обращать внимание на присутствие предмета, не осознавая своего собственного присутствия».

Тем самым между физическим носителем образа и иконической плоскостью налажена коммуникация. В процессе исполнения иконического восприятия материальные элементы образа-вещи перетекают в образную плоскость, складываясь в новый тип отношений и новый тип материальности. Они перестают быть лишь частями трехмерного физического пространства и обретают новое качество: они становятся элементами автономной иконической среды. В итоге, физическая материальность превращается в иной по своей структуре тип материальности. Материальность этого рода мы бы предложили именовать «медиальной». Ее структурная особенность заключается в том, что не отличаясь от физической материальности в аспекте «субстанциального» содержания, она принадлежит иному типу отношений. «Метрические» (т.е. измеряемые) отношения структурных элементов физического феноменального мира трансформируются в «грамматические» (или смысловые). В результате этих изменений, составляющих существо процесса восприятия образа, «центробежный» характер отношений, в которые вовлечены поверхности физического носителя образа, сменяются «центростремительными» отношениями, характерными для элементов иконической плоскости. Физические поверхности ссылаются друг на друга. Выстраиваемая из их элементов иконическая плоскость сосредоточена на себе. Она сама представляет собой плотную ткань феноменальных элементов, которая в определенный момент начинает восприниматься как пропозиционально неопределенное, однако структурированное целое, как чистая зримость. Этот эффект «семантического уплотнения» (Н. Гудмен), в конечном итоге, и составляет основной критерий перехода от второго слоя и, соответственно, типа медиальности к третьему: от образа как «значимой плоскости» (В. Флюссер), или медиума-посредника, к образу как изображению, или

медиуму-среде.

Возвращаясь к идее структурной взаимосвязи базовых слоев образа и типов медиальности, мы хотели бы подчеркнуть, прежде всего, ее дидактическое значение. Она, как нам кажется, позволяет безо всякого противоречия мыслить «онтологическую гетерогенность» образа, его одновременную принадлежность двум мирам: каузальным взаимосвязям физического мира и смысловым взаимосвязям «воображенного» мира. Образ – это, с одной стороны, часть окружающего нас физического пространства, а, с другой стороны, он обладает своей собственной – одновременно смысловой и феноменальной – пространственностью.

Во-вторых, сопряжение образности и медиальности позволяет интегрировать иконический опыт во взаимосвязь повседневности. Как многослойное и, соответственно, интермедиальное образование образ «легитимирует» гетерогенные формы обращения с ним, которые, в конечном итоге, способны сложиться в единый континуум, невзирая на их принадлежность различным смысловым и прагматическим контекстам и связям.

Перспектива «контекстуальности», в рамках которой до сих пор находились наши размышления, должна быть дополнена перспективой «экстернальности». Важно не только то, что – и как – образ вписывается в контексты, или, как выразился бы Гуссерль, в горизонты различных форм опыта, но и как именно, за счет каких «внутренних ресурсов» он достигает непосредственного контакта с внешней действительностью. В этой связи уделим немного внимания соотношению медиальности и материальности.

Медиальность и материальность: действительность образа

Подобно тому, как различным слоям образности соответствуют различные типы медиальности, различные типы медиальности в свою очередь могут быть структурно сопряжены с различными разновидностями материальности. Медиум-носитель (образ как *tabula*) в аспекте своей «субстанции» представляет собой материальный объект. Медиум-посредник, репрезентантом которого у нас выступает образ как *pictura*, находит свое соответствие в материи-знаке, и медиум-среда, воплощенный в *imago*, – в материи-тексте. Итак, трем типам медиальности (носитель, посредник, среда) соответствуют три типа материальности (объект, знак, текст).

Соотношение структурных элементов образа можно наглядно представить в виде таблицы:

образность	медиальность	материальность
<i>tabula</i>	носитель	объект
<i>pictura</i>	посредник	знак
среда	текст	

С одной стороны, как было отмечено выше, лишь такая ипостась образности, как *tabula* может быть воспринята изолированно. Что в общем-то не удивительно, поскольку в этом аспекте восприятие образа подчиняется общим условиям восприятия объектов материального мира. Образ как *pictura* становится доступен воспринимающему только при условии исполнения «симультианизирующего» восприятия, характеризующегося существенным изменением вектора и модуса «стандартной» перцепции в рамках «нормального» течения повседневной жизни. Опыт образа в смысле *imago*, соответственно, базируется на опыте первых двух предшествующих слоев, которые соприсутствуют, а стало быть в какой-то мере совоспринимаются в контексте иконического восприятия в строгом смысле.

Аспект медиальности призван продемонстрировать, что отношение между первым и

последующими слоями – не отношение фундирования. В медиальном аспекте *tabula* – наряду с другими вещами окружающего физического мира – принадлежит «внешним контекстам», в то время как *pictura* и, тем более, *imago* заключают в себе самих все те взаимосвязи, которым они «принадлежат». Если образ-объект (*tabula*) – это «вещь в мире», то образ-среда (*imago*) является собой своего рода «мир внутри вещи».

Если аспект медиальности подчеркивает «холистический» характер образа (его способность репрезентировать целое), то аспект материальности – его «экстернальный» характер (способность поддерживать непосредственный контакт с единичным). Подобно тому, как медиальность, характерная для *imago* – это высшее воплощение медиальности как таковой, так и его материальность оказывается не производной, а, напротив, первичной по отношению к материи объекта и материи-объекту. Если позволить себе использовать сравнительную степень неконвенциональным образом, эту «первичность» можно было бы выразить так: в образе материя более материальна, чем в контексте восприятия физических объектов окружающего мира. В образе материальности больше. В основе этой кажущейся на первый взгляд абсурдной квантификации материальности лежит динамическое представление о материи. Направление этой динамике задает идея зримости, или явленности.

Если рассматривать материальность не в перспективе идеи каузальности, а с точки зрения зримости, или феноменальности, то вполне очевидно, что образ, будучи чистой зримостью, будет и чистой материальностью. «Чистая материальность» в этом случае – не коррелирует чистого чувственного раздражения. Это последнее – будучи, к слову сказать, результатом в высшей степени искусственной установки – основывается на селекции и изоляции лишь некоторых аспектов феноменального мира. Что касается «нормальной» установки повседневного обращения с вещами, то в этом случае феноменальная материальность вещей практически полностью ассимилируется прагматическими контекстами, которые по определению «трансцендируют» структурно связанную с «присутствием» зримость. В образе максимум зримости (а, следовательно, материальности) достигается посредством вышеупомянутой симультизации и артикуляции сырого, т.е. пока еще не вполне зримого физического материала. Иконическая поверхность – это плотная и перенасыщенная визуальным содержанием ткань, нити которой образуют настолько густую и вариативную сеть, что она воспринимается как единой целое. Говоря иначе, аспекты материального присутствия и аспекты репрезентации смысла сливаются здесь до полной неразличимости. Иконическая плоскость сочетает в себе оба момента, основополагающие для нашего опыта действительного: чувственную непосредственность и смысловую тотальность.

Визуальный образ – это не использование «готовой» материальной основы в эстетических (т.е., согласно традиции, миметических) целях, а – определенной итог ее формирования и (само)обнаружения. (Художественный) образ – это в известном смысле финальная точка восхождения материальной основы в область зримого.

Например, Жан-Люк Нанси, подобно другим современным теоретикам образности, настаивает на материальности образа, который он характеризует как «дистинктное»: «Образ всегда материален: он – материя дистинктного, его масса, его плотность, его вес, его грань, его блеск, его тембр и его спектр, его шаг, его золото». Согласно Нанси, автономность (дистинктность) образа не означает независимости от материального. Напротив, образ – это определенное состояние самой материи, ее чистая зримость, явленность: «Образ не располагается перед грунтом (*ground*) в качестве покрывала или ширмы. Не мы снисходим к грунту, но грунт поднимается к нам в образе». Как английское «*ground*», так и немецкое «*Grund*», употребляемые соответственно в английской и немецкой версиях цитированного текста, имеют следующие значения: основа, почва, грунт, грунтовка, фон. Все эти значения играют важную роль в нашем контексте. Не менее важно видеть, как материальность образа в действительности и вместе с

тем действенно, или перформативно, связывает их воедино, трансформируя семантические связи в феноменальные.

Тело и интерпретация: логика образа

Итак, зрительный образ в аспекте структуры представляет собой пересечение двух динамических плоскостей: горизонтальной плоскости медиальности и вертикальной плоскости материальности. Связь этих плоскостей состоит в том, что движение от одного (воображаемого) пункта к другому в рамках одной плоскости сопровождается синхронным движением в рамках другой. В процессе этого движения образность, медиальность и материальность совпадают: образ в собственном смысле слова – это медиальная материальность, заключающая в себе максимум зримости (или материальности) и максимум артикулированности (или медиальности). Образ – это медиум-среда и материя-текст. Это утверждение имеет не только дескриптивный, но и нормативный характер. Все типы образов и образности могут быть распределены по типам и классам, задаваемым этой моделью (см. таблицу выше): чем ближе опыт на предложенный нами шкале к значению «медиальная материальность» (образ как медиум-среда и как материя-текст), тем он настойчивее и масштабнее разворачивает свою специфическую логику, эффекты которой выходят далеко за рамки эстетической сферы, оказывая едва ли отрефлексированное, но тем более осязаемое влияние на всю социальную жизнь.

Переплетение и взаимное усиление телесного и смыслового аспектов нашего опыта, происходящее в иконическом восприятии, делают образ одним из наиболее мощных инструментов социального воздействия и взаимодействия. Более того, образ, в конечном итоге, – это не столько инструмент, сколько субъект (агент) социального действия. Правда, последний тезис распространяется только на «сильные», или «эминентные» образы, которые характеризуются совпадением вышеупомянутых дескриптивных и нормативных аспектов. Эти образы воспринимаются в качестве «значимых поверхностей», коммуницирующих со своими реципиентами не только интеллектуально, но и эмоционально-телесно, – образы, которые только и способны развернуть в полном объеме весь потенциал специфической иконической логики.

Упомянутый нами выше швейцарский искусствовед и по совместительству один из двух авторов «иконического поворота» Готфрид Бём так характеризует идею специфически образной логики: «Образы обладают своей собственной, только им принадлежащей логикой. Под логикой мы понимаем: консистентное производство смысла за счет подлинно образных средств. И с целью пояснения мы добавляем: эта логика не предикативна, т.е. не образована по модели предложения или других языковых форм. Она не проговаривается, она реализуется в восприятии».

К «подлинно образным средствам» относится, прежде всего, то, что Бём еще со времен своей программной статьи, провозгласившей начало *iconic turn*, называет «иконической дифференцией». Сформированное по образцу хайдеггеровской «онтологической дифференции», выражение подразумевает двойственность как в структуре самого образа, так и (соответственно) в структуре его восприятия. Как для Хайдеггера (тематический) опыт сущего всегда сопровождается (нетематическим) «пониманием» бытия и основывается на нем, так и для Бёме восприятие того, что репрезентирует образ сопровождается восприятием фона, или «грунта». Речь при этом идет не о двух следующих друг за другом или (насколько это вообще возможно) параллельных актах перцепции, а об одном акте, характеризующемся внутренним напряжением. Восприятие образа – в отличие от восприятия объектов окружающей нас физической действительности – представляет собой единство двух модусов видения: видения нечто «как» нечто и видения его «в» чем-то. Изображенный объект может показывать себя

только в пределах своего внутриобразного фона, а главное, вместе с ним. «Фигура» и «грунт» насыщают друг друга «символическими» энергиями, образуя из иконических элементов плотную семантическую ткань, не позволяющую в процессе исполнения иконического опыта разделить «фигуру» и «фон», смысл и материю, присутствие и репрезентацию. Если в языке смысл высказывается в относительно однозначных, ибо сформированных согласно жестким правилам суждениях, и уже по этой причине поддается контролю как со стороны спикера, так и со стороны реципиента, то в иконическом опыте смысл показывается, используя при этом ресурс спонтанного телесного и эмоционального самоощущения реципиента, а также (столь же неконтролируемую) текстуру материи.

«Дейктический» характер образа – способность, показывая себя, показывать что-то другое – делает ключевым фактором формирования и распространения смысла не только телесность самой иконической поверхности, но и телесность самого воспринимающего. Структурная связь образности и медиальности, соответственно, присутствия и репрезентации делает восприятие образа сходным с восприятием живого тела, другими словами, превращает восприятие образа в «акт анимации».

Актом анимации иконический опыт становится благодаря характерной для его медиума «полупрозрачности». Иконический опыт, с одной стороны, это опыт длящегося присутствия, а не моментального «схватывания», как в случае с восприятием объектов находящихся друг с другом в «метрических» отношениях; это опыт «сканирования» «значимой плоскости». С другой стороны, иконический опыт – это движение вглубь иконической плоскости, мотивированное вышеупомянутой трансформацией «метрических» отношений между материальными элементами иконической плоскости в «грамматические», соответственно, трансформацией объектной материи в «семиотическую», а затем в «медиальную». Образная плоскость – это отнюдь не граница, у которой останавливается движения нашего взгляда. В модифицированной форме он продолжает движение во внутриобразном пространстве, которое Беньямин некогда назвал «аурой». Восприятие образа – это разновидность не только интеллектуальной, но и телесной «впутанности». В итоге, «логика образа» в известном смысле совпадает с «властью образа», воздействие которой минует инстанцию сознания, а, следовательно, критическую инстанцию, адресуясь к эмоциям и телесному самочувствию индивида.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГРАФОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Копьяк Антон Сергеевич

Данная работа относится к рубрики – Уголовный процесс и криминалистика и посвящена методу графологической экспертизы. Автором, в работе, определена цель проведения данного вида экспертизы, дается определение понятия «почерк», определяется предмет графологической экспертизы. Кроме этого определен круг вопросов, ответ на который может дать данный вид экспертизы.

В настоящей статье автор намерен коснуться относительно молодого метода криминалистического исследования – графологической экспертизы. Цель данной экспертизы состоит в исследовании документов, в том числе, и для отождествления автора с помощью особенностей письма (почерка), определения его (автора) психических и психологических особенностей. Почерк – это «индивидуальная и динамически устойчивая программа графической техники письма, в основе которой лежит зрительно-двигательный образ выполнения рукописи, реализуемая с помощью системы движения». В данном виде исследования определяется: выработанность почерка, размер букв, наклон букв, связность почерка, разгон почерка (расстояние между буквами), сложность почерка (упрощенная, т.е. утрата отдельных элементов письменных знаков; усложненная, т.е. присутствие в письменных знаках дополнительных элементов), интенсивность нажимов. Кроме этого определяется направление движения почерка, соотношение движений, локализация движений (где началось движение и где оно окончилось при написании буквы, где находится нажим, темп движения пишущего), а также другие особенности письма. Кроме исследования непосредственно текста можно выделить еще исследование подписи человека. В исследовании подписи определяется: ее направление, длина, графическая нагрузка на начало и на конец подписи, величина букв в подписи, округленность и острота букв, связанность и разорванность букв, уверенность в написании букв подписи, различные украшения в подписи, размашистость при написании букв, расстояние между буквами, сила нажима при написании, различного рода подчеркивания, постановка точек и других элементов, а также иные особенности подписи, подлежащие установлению.

Теперь нам предстоит ответить на вопрос, какие цели стоят перед графологическим исследованием. В самом начале, давая понятие графологической экспертизы, мы упомянули, что целью данного исследования является как установление особенностей личностей, так и отождествление документа с конкретным человеком. Согласно уголовно-процессуальному законодательству России документ может быть признан вещественным доказательством (ст. 81 УПК РФ). Документ может иметь значение для уголовного дела в качестве: орудия совершения преступления, т.е. являться тем предметом, с помощью которого было совершено преступление (например, записка с клеветническим содержанием или анонимная записка с ложным сообщением о совершении теракта); предмета, на которые были направлены преступные посягательства (например, важные финансовые документы); иных документов, которые могли бы служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела (например, бухгалтерские документы, с помощью которых были обнаружены факты неуплаты налогов в государственный бюджет). Достаточно активно результаты графологической экспертизы находят свое применение и в гражданском судопроизводстве. С помощью нее можно подтвердить или опровергнуть факт того, что договор подписан директором конкретной фирмы, удостоверить психическое состояние лица

на момент подписания договора (важно по делам, связанным с признанием недействительными завещаний), установить факт того, что лицо подписало (написало) документ не по доброй воле или пыталось исказить свой почерк.

Специалисты полагают, что по почерку можно определить «уровень развития личности, ее культуру, некоторые профессиональные навыки, склонности, волевые качества, эмоциональность, иногда даже творческие способности и воображение, а также психические отклонения от нормы. Основным методом при определении криминальной направленности личности они не без оснований считают сравнение почерков законопослушных граждан и преступников». Немецкий исследователь XIX века И.Х. Громан утверждал, что по почерку можно «определить рост, фигуру, голос, цвет глаз и волос и даже румянец щек». Вероятно, именно такие лженаучные утверждения и были причиной столь долгого не признания графологических исследований в качестве научных положений, основы которых были заложены еще Гансом Буссе (основатель Ассоциации графологических исследований) в своем труде, посвященного судебной графологии, увидевшем свет в 1897 году. Однако, истоки этой науки, по нашему убеждению, теряются в веках. В советский период графология активно критиковалась, как, впрочем, и все буржуазные научные концепции. Однако в современный период графология все больше завоевывает авторитет. На ее основе разрабатываются научные методики. Несмотря на современные достижения, мы не можем отвергать и ранее полученные результаты в этой области. Как указывалось нами ранее по почерку можно определить различного рода отклоняющееся поведения, на что обратил внимание русский исследователь В.Н. Образцов, отметивший, что почерк маньяков может иметь «...сходство с иероглифической письменностью с обилием толстых штрихов. Он приобретает твердость, уверенность по мере усиления, возбуждения и быстроты письма, строки выпячиваются в длину, слова не дописываются. Буквы значительно больше, чем следует, приобретают иногда колоссальную величину без всякой к тому надобности. Направление строк отсутствует».

На наш взгляд графологическую экспертизу ждет в России большое будущее, основанное на разработках дополнительных методов исследования к ранее существующим. В настоящее время эта экспертиза может ответить только на два вопроса: установление пола и возраста исполнителей текста большого, выполненного при обычных для исполнителя условиях. По другим вопросам надежных методик не разработано. С 70-х г. прошлого столетия разрабатываются компьютерные программы по графологическому анализу текста (эти работы производятся и в России). В Израиле графологический метод стал одним из обязательных видов тестирования для кандидатов на государственную службу.

Список литературы

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 1 июня 2008 г.) - М.: Проспект, 2008.
2. Аверьянова Т.В. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008.
3. Алесковский С.Ю., Комиссарова Я.В. Основы графологии. – М.: Юрлитинформ, 2006.
4. Михель Л. Сравнительное исследование почерков / Пер. Л.А. Филимоновой. Переводч. Группа КЮМО. М., 1982.
5. Наджимов О. Как узнать характер человека по его подписи: учебное пособие. М., 2001.
6. Образцов В.Н. Письмо душевнобольных. Казань, 1904.
7. Лесовская Т.В. Особенности письма больных шизофренией: Автореф. дисс. … канд. медиц. наук. М., 1977.

О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Копьяк Антон Сергеевич

Цель настоящей статьи автор видит в определении места Истории политических и правовых учений в системе юридических наук. Это будет весьма краткий очерк, ибо пласт изучения тут огромен, объема этой статьи безусловно не хватит чтобы все охватить. Возможно многие вопросы поставленные автором в данной статье не найдут свое отражения, но они послужат почвой для последующих изысканий. Для того чтобы достичь поставленной автором цели необходимо ответить на ряд вопросов: понятие ИППУ, какова ее взаимосвязь с другими юридическими науками, что дает изучение этой дисциплины.

Перед тем как ответить на вопрос: Что такое ИППУ, нам необходимо дать ответ на вопрос: А как мы понимаем понятие «учение» вообще? Советская энциклопедия под понятием «учения» понимает – «совокупность теоретических положений о какой-либо области явлений действительности; система воззрений учёного, мыслителя». Следовательно под предметом изучения данной науки следует понимать: «Историю возникновения и развития теоретических знаний о государстве, праве, политике и законодательстве, историю политических и правовых теорий». ИППУ принадлежит к историко-теоретическим юридическим наукам делясь на науку и учебную дисциплину. Здесь мы не видим отраслевой составляющей в связи с неимением общественных отношений, подпадающих под ее регулирование.

Второй вопрос поставленный в статье – взаимосвязь ИППУ с другими юридическими науками – очень важен для автора, который долго бился чтобы определить отличие ИППУ и Философии права. Сложностью являлось то, что обе науки были философскими, а предмет их изучения очень похожем. Предмет ИППУ сугубо историчен, в то время как философия права исследует конкретные философские вопросы: справедливости, смысла права, его роли, познания общественного идеала .

Однако в этом случае мы можем наблюдать тождественность между науками история правовых учений (т.е. сюда не входит история политических учений; хотя право и государство понятия взаимосвязанные, ибо не будь последнего не было и первого) и историей философии права. ИППУ же, на наш взгляд, дисциплина более широкая, нежели история философии права и поэтому входит в предмет ИППУ. Также близко с ИППУ стоит наука истории права. Общее в том, что у науки история права предмет изучения также историчен, однако она изучает возникновение и динамику развития правовых и государственных институтов, а не историю теоретических знаний о государстве и праве. Мы не будем углубляться в вопросы взаимосвязей ибо объем настоящей работы не позволяет нам это сделать, отметим лишь то, что вопрос это безусловно сложный и малоизученный, требующий широчайшего исследования. Вопросы разделения наук возникают в связи с их развитием и усложнением, ответы на них не могут быть постоянными и должны динамически следовать развитию самой науки; однако возведенные границы между науками можно считать условностями в связи с взаимосвязью и взаимопроникновению наук друг в друга.

Теперь обратимся к главному вопросу статьи – предназначение ИППУ или иными словами: Что дает изучение ИППУ. Конечно поставленный вопрос также является довольно общим. Можно говорить о влиянии ИППУ на становление личности юриста, цель такого влияния – дополнить общие знания о праве и государстве, полученных при изучении курса теории государства и

права и раскрыть их суть (к примеру каким видел принцип разделения властей Ш.Л. Монтескье). Законодателю же данная наука дает возможность увидеть и воспринять тот бесценный опыт, который исторически апробирован, ввести его в современное законодательство. Примером этого могут послужить включение в европейское законодательство на рубеже XVIII-XIX вв. норм естественного права, идеи которого восходят к греческой философии. Естественное право было развито римскими юристами и стало синонимом справедливости (это центральный вопрос в философии права). Если мы возьмем памятники права той эпохи то увидим это влияние (Например, Прусское земельное уложение 1794 г., Австрийское уложение 1811 г.). Классическим примером влияния можно назвать историческую школу права, господствующую в Германии в первой половине XIX века. Именно она не позволила провести рецепцию римского права и не позволила появиться общегерманскому гражданскому кодексу в первой четверти XIX века (Германское гражданское уложение было принято уже после объединения Германской империи; было принято в 1896 г., вступило в действие в 1900 г.)

Не лишним будет привести следующие слова: «Только изучив труды великих философов, мы можем понять истинную сущность государства, права, справедливости». Изучение ИППУ способно обогатить ныне действующее право, ввести оригинальные идеи, позволит увидеть развитие теоретических взглядов на государство и право, эволюцию этих взглядов. Даже изучение идей о государствах – утопиях способно улучшить современный нам мир.

Эта небольшая по объему работа проведенная автором дала весьма общие ответы на поставленные вопросы. В процессе работы над темой автор столкнулся с весьма сложным теоретическим материалом, который весьма затруднял работу, однако поставленная цель возможно не полностью, но тем не менее была достигнута. В процессе изучения были выявлена проблема в разграничении наук, а также по мнению автора поставлено, возможно и ошибочно, тождество между ИППУ и историей философии права.

Список литературы

1. История политических и правовых учений: Краткий учебный курс. / Под общей ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2008.
2. История философии права / Отв. ред. А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998.
3. Философия права: Учебник / О.Г. Данильян, Л.Д. Байрачная, С.И. Максимов и др., Под ред. О.Г. Данильяна. М.: Эксмо, 2005.
4. Большая советская энциклопедия: электронное издание. На 3-х дисках. Диск 3. Научное издательство Большая советская энциклопедия, 2003.

ПРОБЛЕМА КЛОНИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Копьяк Антон Сергеевич

Современная жизнь ставит перед нами все новые и новые проблемы, они появляются по причине того, что наше общество и наука не стоит на месте — они развиваются или другими словами можно сказать, что они усложняются. Что раньше мы могли встретить в фантастических рассказах, сегодня окружает мир вокруг, так еще в восьмидесятые годы советский человек не представлял себе мобильные телефоны или компьютеры, которые умещаются на ладони, теперь же мы это можем увидеть, придя в магазин.

Одна из таких проблем, является проблема клонирования и проблема клонирования человека в частности. В настоящем докладе мы затронем морально-этические и юридические вопросы, которые ставит перед нами проблема репродуктивного клонирования человека.

К морально-этическим вопросам относится следующее: морально ли то, что человек появляется искусственно, а не естественно; есть ли у людей право создавать себе подобных (ставя себя на место природы) и др. К юридическим вопросам относится следующее: запрещать или не запрещать данную процедуру, наложить временный запрет, законодательное регулирование правового положения клонов, регламентация процедуры клонирования. Как мы видим юридические вопросы, подразделяются на первоначальные (допустимо ли клонирование?) и производные, т.е. возникшие после того как клонирование человека будет разрешено, начнется клонирование (т.е. появится необходимость в регламентации самой процедуры, например вопросы: как должно быть оформлено согласие человека на свое клонирование, существуют ли группы людей которых клонировать должно быть запрещено) и начнут появляться клоны людей (правовое положение клонов, в частности признавать клон равным человеку впрочем, принцип гуманизма и равенства уже сейчас способно ответить на этот вопрос утвердительно.).

Сейчас о клонировании можно уже говорить как о свершившемся факте. Достаточно вспомнить ставшую знаменитой на весь мир овечку Долли, клонированной в 1996 году.

Как и в любой другой работе, мы начнем с определения. А что такое клонирование? Сами термины клон, клонирование первоначально использовались в микробиологии и селекции, а впоследствии и в генетике. Теперь эти термины используются в разговорной речи и не являются узкоспециальными. Сам термин «клонирование» обозначает точное воспроизведение, какого-то объекта неопределенное число раз. Объекты, получаемые в результате этого действия, называются «клонами». Под клонированием человека понимается возможность создать клон человека, который будет воспроизводить человека-донора не только внешне, но и на генетическом уровне. Впрочем некоторые индивидуально определенные признаки у человека-донора и у клона будут отличаться, например капиллярные узоры пальцев рук. Донором может в этом случае быть не только ныне существующий человек, но и наш предок (в случае если у него можно ДНК). Клонирование можно разделить на два вида. Во-первых – это терапевтическое клонирование, в результате которого развитие появившегося эмбриона останавливается через 14 дней, а он сам используется для получения стволовых клеток. Срок в 14 дней обусловлен тем, что в дальнейшем начинает проявляться человеческая личность, выраженная в частности в появлении зачатков нервной системы. Во-вторых – это клонирование репродуктивное, в результате которого появляется клон человека. Именно этот вид клонирования запрещен в большинстве государств, в том числе в России и США.

Интересно посмотреть на результаты опросов общественного мнения. Один опрос в США показал, что 68% американцев одобряют клонирование для создания стволовых, если эти клетки использовались для лечения заболевания, т.е. одобряют терапевтическое клонирование. Такой результат связан с тем, что стволовые клетки, индивидуально подобранные для конкретного пациента снижают риски отторжения. Вместе с тем опрос, связанный с репродуктивным клонированием показывает совершенно иные результаты. В России такой опрос был проведен в мае 1997 года Институтом социологического анализа. Результаты опроса показали, что 55,5 % респондентов выступили против клонирования человека и только 24 % ответили на этот вопрос утвердительно, да и то при определенных условиях. В большинстве случаев людьми движет страх, который навеян им фантастикой, они считают, что клоны поработят людей и тому подобное.

На настоящее время препятствием для клонирования человека можно считать:

1. **Технологические трудности**, в связи с тем, что сейчас неотработана технология клонирования, вследствие этого происходит большое количество неудачных попыток. Кроме этого имеется одно существенное ограничение для клонирования, а именно не возможность повторения сознания;
2. **Социально-этический аспект**, т.е. вследствие того, что технология как уже было указано выше, является неотработанной, существует большая вероятность появления большого количества бракованных клонов — появление лиц с генетическими мутациями и т.п. А это в свою очередь является угрозой для всего человеческого вида;
3. **Этично-религиозный аспект**. Большинство религий к клонированию человека относятся отрицательно, например РПЦ не выступает против исследований в этой области, но выступает против клонирования человека. Это связано с тем, что человек является «созданием божьим», человек не может поставить себя на место Бога и создавать себе клонов, ибо это является гордыней, а она, как известно наказуема. Легенда о вавилонской башни, описанная в Библии служит ярким примером этого, наказанием тогда послужило смешение языков;
4. С точки **биологической безопасности вида**, этот вопрос тоже является достаточно спорным. Мы уже говорили о возможных мутациях, которые могут произойти вследствие «сырости» самой технологии клонирования;
5. **Общественное мнение**. В своем докладе мы уже приводили результаты социологических опросов, из которых видно, что общество не возражает против терапевтического клонирования (несмотря на то, что и там существуют этические проблемы, вызванные тем считать ли эмбрион началом жизни человека, формирование его индивидуальности или нет), но резко против репродуктивного клонирования;
6. Последним и самым главным препятствием, по крайней мере, по мнению автора, является **законодательные запреты**. Такой запрет существует в России, он был наложен ФЗ от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека». Срок этого запрета определен в пять лет. В этом году он был продлен.

В заключительной части хотелось бы выразить личное отношение докладчика к этому вопросу. По нашему мнению законодательные барьеры не должны сдерживать развитие современной науки. Однако развивать современные технологии нужно осторожно, чтобы они, в конце концов, не стали причиной гибели человеческой цивилизации. Опасность на наш взгляд в первую очередь является «сырость» технологии клонирования, но улучшить ее законодательными запретами не возможно. Все познается на практике, поэтому нужно отрабатывать технологию непосредственно на человеческом материале, исключая при этом злоупотребления в этой сфере. Все фантастические утверждения об опасности клонов для существования человечества считаем безосновательными.

Список литературы

1. О временном запрете на клонирование человека: Федеральный закон от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ // СЗ РФ . 27 мая 2002. № 21. Ст. 1917.
2. Дегтерев Н.Д. Клонирование: правда и вымысел. – СПб.: ИК Невский проспект, 2002.
3. Последний поклон // Ломоносов. 2003. № 3.
4. Ненси Л. Джоунс. Этика терапевтического клонирования человека. Перевод с англ. Е. Канищевой. // <http://www.scienceandapologetics.org/text/144.htm>
5. Прокопенко Ю. Общественное мнение о запрете клонирования // <http://centruug.ru/>

О КРИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Копьяк Антон Сергеевич

Вдохновением к написанию настоящей статьи послужили публикации профессора В.А. Томсинова, в которых автор описывает реалии отечественного высшего юридического образования, а также ближайшую реформу юридической школы. Указ Президента о совершенствовании высшего юридического образованию был принят по предложению общественной организации «Ассоциация юристов России», в рамках этой реформы: разрабатывается механизм и вводится в практику общественная аккредитация ВУЗов, осуществляющих подготовку юридических кадров; планируется разработка и общественное обсуждение федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования по специальности «Юриспруденция», в которых планируется увеличить практическую составляющую, а также формирование у студентов нетерпимости к коррупционному поведению и уважительного отношения к праву и закону; совершенствование процедур лицензирования и государственной аккредитации ВУЗов, осуществляющих подготовку юридических кадров, а также определению критериев оценки их деятельности.

Нельзя сказать что юридическое образование страдает большей некомпетентностью нежели какое либо иное. Однако определенные проблемы тут имеются. Одной из них являются некомпетентные педагогические кадры, осуществляющие обучение лишь формально. Своей задачей эти люди видят не в том чтобы изложить правовую доктрину, а в том чтобы озвучить закон, кратко снабдив его своим комментарием. Они не допускают существования иной точки зрения (забывая при этом, что доктрина права включает большое количество иных точек зрения) чем текст закона, они отрицают все, кроме точки зрения законодателя (забывая при этом об изменчивости закона и его зависимость от политических взглядов, общественных настроений и прочих причин). Хотелось бы видеть универсальный курс юридической дисциплины, сочетающую в себе историческое развитие дисциплины в целом и основных ее институтов, доктринальные точки зрения (с указанием ведущих отечественных и зарубежных ученых обогативших конкретную юридическую науку), в сочетании с действующим законодательством, перспективы ее развития, взаимосвязи с другими юридическими дисциплинами и другие моменты. Порой изучая дисциплину по кодексу спрашиваешь себя: «А где та многовековая практика наработанная многими поколениями юристов? Иногда возникает впечатление, что цель преподавателя является натаскивание на конкретный закон, эти же «знания» требуется воспроизвести на экзамене или зачете. Тестовая форма проверки полученных знаний наглядно показывает такое положение вещей, к примеру в тесте спрашивается: ОРД это вид деятельности (ст. 1 ФЗ «Об ОРД»)?; ОРД основывается на следующем конституционном принципе, определенном в ст. 3 ФЗ «Об ОРД»?; Задачей ОРД, согласно ст. 2 ФЗ «Об ОРД» является?; Согласно ст. 3 ФЗ «Об ОРД» принципом ОРД является?; Укажите ОРМ указанное в ст. 6 ФЗ «Об ОРД»?; В каких случаях согласно ст. 7 ФЗ «Об ОРД», оперативные аппараты в праве собирать данные, характеризующие личность гражданина? (по всем вопросам дано по четыре варианта ответа). Ясно, что подобное натаскивание студента на конкретный закон отнюдь не содействует выращивание из него полноценного юриста. Выделение закона, возвышение его над всей массой научной литературы (о которой и вовсе не упоминают) порождает чувство о том, что кроме закона ничего иное не заслуживает внимания. В ВУЗе человек должен изучать именно правовую доктрину, а не вызубривать наизусть кодексы и иные нормативно-правовые акты, где она сосредоточена частично. Изучение одного лишь законодательного материала делает обучение неполноценным, лишая студента (а в

последствии юриста) возможности взглянуть на другие точки зрения, тем самым делая невозможным оценки конкретной правовой дисциплины и права в целом. Порой практики перешедшие, в последствии работать в образование, недооценивают значение правовой теории считая, что она может постигаться практикой, например в процессе решения казусов (однако в этом случае у студента знания будут без всякой системы). Большое количество преподавателей было порождено в первую очередь популярностью юридической профессии, представление о ней в обществе, как о профессии высокодоходной, популярной, в связи с увеличением количества юридических ВУЗов, в т.ч. появление юридических факультетов в «непрофильных ВУЗах». Понятие, которое для автора осталось загадкой. Под непрофильным мы понимаем, например, юридический факультет в лесотехническом институте, но как например быть с юридическим факультетом, находящимся в техническом университете, при этом мы должны учитывать что статус университета предполагает подготовку специалистов по многим отраслям. В связи с этим юридический факультет являющийся подразделением университета, хотя бы и технического, нельзя признать непрофильным. Однако большая часть университетов недавно, в некоторых из них были образованы юридические факультеты. По причине их молодости в части из них не были заложены традиции, не сформирован качественный педагогический коллектив. Эти молодые школы не способны на равных соперничать с признанными корифеями юридического образования (СПбГУ, МГУ, МГЮА им. О.Е. Кутафина, УрГЮА). Так что этот вопрос предлагаем оставить открытым. Не будем затрагивать и тему коррупции в которой погрязла Высшая школа, которая представляет собой приобретением современной России.

Теперь мы изложим наши взгляды по вопросу реформирования отечественного высшего юридического образования, т.к. критика преследующая лишь констатацию факта о том, что в образовании все плохо, и ничего не предлагающая, лишена всякого смысла. Данные предложения сформулированы автором на собственном опыте.

Во-первых, соединение теории с практикой. Нельзя недооценивать ни теорию, ни практику, они должны идти в связке друг с другом. Современное университетское образование страдает недостатком прививание студентам практических навыков будущей работы (об этом было уже упомянуто в Указе Президента РФ, который мы цитировали выше). Практика, которая предусмотрена в учебной программе, крайне непродолжительна и не достигает поставленной перед ней целью: не нужно упоминать, что порой по месту практики на студента смотрят как на человека на которого дополнительно нужно затратить время, а не как на дополнительную рабочую единицу, в итоге не желая себя утруждать студенту дают отнюдь не ту работу по которой он должен получить практические навыки. Нельзя забывать, что некоторые навыки и знания студент может получить на семинарских занятиях, а также в процессе использования интерактивных методик преподавания, таких как: обсуждение дискуссионных вопросов в малых группах, проведение упрощенного судебного заседания по курсам «Уголовный процесс», «Гражданский процесс», «Введение в специальность», разрешение сложных вопросов посредством применения методики «мозговой штурм». Введение в обучение предметов направленных на практику (например, Практические вопросы уголовного права и уголовного процесса), а также повышение самой практики в государственном образовательном стандарте.

Во-вторых, повышение научной составляемой в преподаваемых учебных курсов. Этот вопрос уже был затронут нами выше. Преподаватель не должен забывать о существовании доктрины, его роль не должна ограничиваться простым комментарием закона.

В третьих, повышение роли истории в преподаваемом курсе. Возможно многие из вас сразу отвергнут предложенное замечание, заявив, что в образовательном стандарте содержится много историко-юридических дисциплин (история государства и права, римское частное право, история политических и правовых учений), однако они носят чрезвычайно общий характер и

не способны ответить на вопросы возникновения и основных вех развития конкретной преподаваемой дисциплины или наиболее сложных правовых институтов. Если обратить внимание на классические (дореволюционные) учебники по праву, то можно увидеть, что авторы давали кратко историю возникновения дисциплины, а также историю развития отдельных институтов. Какая цель ими преследовалась – по нашему мнению, таким образом студент лучше усваивал цели предназначения данной дисциплины (института), задачи которые перед ней стояли, сужался или расширялся объем этих вопросов. Таким образом он более детально понимал эту дисциплину (или институт), видел перспективы ее развития. Безусловно мы не предлагаем рассматривать так абсолютно все вопросы, по причине ограниченности учебного времени, а только наиболее трудные для восприятия или важные. Плачевно сейчас отмечать, что современный преподаватель забывает об истории, давая лишь современный отрез законодательства, без всякой системности.

В четвертых, повышение связи учебной деятельности студентов с научной, т.к. именно самостоятельное глубокое изучение проблемы дает наилучшее усвоение материала. Необходимо вводить в образовательный стандарт дисциплины «Научное исследование», которая будет давать студентам навыки самостоятельной научной работы, исследования источников. Кроме этого необходимо организовать фонд поддержки юридической науки, целью которого было бы издание студенческих научных работ. Это должен быть межвузовский центр, который мог публиковать работы студентов разных ВУЗов. На базе этого фонда можно учредить премию для награждения наиболее талантливых исследователей.

В пятых преподаватель не должен оценивать уровень знаний студентов посредством проведения итогового тестирования (по аналогией с ЕГЭ в школе). Тест весьма неэффективный метод проверки знаний учащихся, большая часть ответов ставится путем угадывания, а не применением знаний, в тестах по праву довольно часто встречаются вопросы имеющие дискуссионный характер, к примеру что обладает более высокой юридической силой Конституция РФ и международное право? Избежать подобных вопросов в праве нельзя в связи с общественным характером данной науки.

Список литературы

1. О мерах по совершенствованию высшего юридического образования: Указ Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 г. № 599 // Российская газета № 4921 (97) от 29 мая 2009 г.
2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.
3. Шахматов А.В., Масленников К.И., Досмухамедов Н.Ш. Оперативно-розыскная деятельность в тестах: Учебно-методическое пособие. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2007.
4. Томсинов В.А. Преступление под названием юридический факультет // Закон. 2009. № 3.
5. Томсинов В.А. Преступление под названием юридический факультет: Продолжение разговора // Закон. 2009. № 9.

МЕСТО ПРОКУРАТУРЫ СРЕДИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Копьяк Антон Сергеевич

Данная статья посвящена весьма актуальному на сегодняшний день вопросу – о месте прокуратуры среди органов государственной власти. Дискуссия по нему была начата после принятия новой Конституции [1] (далее по тексту КРФ), в связи с тем, что институт прокуратуры (ст. 129) был включен в главу 7, определяющую конституционно-правовые основы судебной власти. В рамках конституционного (государственного) права, по нашему мнению, этому вопросу уделяется весьма мало внимания. Некоторые авторы и вовсе его игнорируют [11; 12]. Столь малое внимание к этому институту, в рамках указанной дисциплины, возможно можно объяснить существованием двух дисциплин, в предмет которых рассматриваются органы прокуратуры (Правоохранительные органы, прокурорский надзор).

Данный вопрос взаимосвязан с историческим развитием отечественного института прокуратуры. Так до судебной реформы 1864 г. и в период советского строя на первое место выходили функции надзора, после реформы 1864 г. – функции судебные. Во время сбора материала по данной теме автор обнаружил диссертационное исследование Заикова С.Ю. [14], который провел весьма большую работу по этому вопросу, в частности сопоставил позиции разных авторов и сделал вывод, что большинство из них определили, что прокуратура важна как система «сдержек и противовесов» в разделении властей и поэтому необходимо сохранение за прокуратурой, помимо функций уголовного преследования, широких полномочий по надзору за соблюдением законности в Российской Федерации. Также в рамках вышеуказанного исследования были определена группа ученых (А. Ларина, И. Михайловскую, В. Савицкую, С. Пашина, В. Похмелкина и др.) выступающих за ограничение надзорных функций прокуратуры и оставление ее в качестве чисто судебного института. Вся проблема, на наш взгляд, лежит в том, что связь между прокуратурой и судебной властью чрезвычайно тесна, как и степень их взаимодействия. Петрухин И.Л. отмечает места соприкосновения между прокурорским надзором и судом, в частности: соотношение прокурорского надзора и судебного контроля за законностью в следственной и оперативно-розыскной деятельности (ОРД), суд и прокуратура в системе исполнения уголовных наказаний, прокурорский надзор за исполнением предписаний КРФ, законов, актов исполнительной власти (общий надзор) в соотношении с судебным порядком рассмотрения жалоб граждан на не конституционность законов и незаконность актов и действий органов государственного управления и пр. [13, 7]

Любопытно отметить, что в первоначальном, т.н. «Президентском проекте» Конституции [9] глава включающую судебную власть и прокуратуру (в ст. 126 говорится о прокуратуре) называлась нейтральным словом «правосудие». В другом проекте Конституции (Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии) [10, 118-121], подготовленным народным депутатом СССР, академиком А.Д. Сахаровым о прокуратуре нет не единого слова, хотя о суде указывается (ст. 34). Кроме этого в рамках настоящей статьи мы рассмотрим как этот вопрос разрешается за рубежом. Так предлагается взять несколько Конституций (основных законов), как ныне действующих, так и ставших уже памятниками законодательства. Конституция Германской демократической республики [5] в разделе IV (Социалистическая законность и охрана правопорядка) ст. 97 предусматривала надзор прокуратуры за законностью, борьбу с преступностью, а также привлечение к суду виновных лиц. Конституция Монгольской республики [6] называет главу VI «Суд и прокуратура», которая делится на два раздела: а) суд и б) прокуратура (здесь говорится о прокуратуре как об органе осуществляющий высший надзор). В

Польской конституции [7] также данная глава называется «Суд и прокуратура». В этой главе есть ссылка на специальный закон о прокуратуре. Ст. 64 Конституции говорит о прокурорском надзоре. Теперь обратим внимание на действующие Конституции. Так Конституция Албании [3] различает суд (часть 9) и прокуратуру (часть 10). Ст. 148 говорит, что прокуратура осуществляет уголовное преследование. Также в ее обязанности вменяется представлять государственное обвинение в суде, кроме того в этой статье существует ссылка на то, что прокуратура осуществляет и другие функции определенные законом, т.е. мы опять видим отсылку на специальную норму. Если взять современную Конституцию Японии [4] то там можно найти лишь одно упоминание на органы прокуратуры. Оно расположено в главе VI, в ст. 77, которая говорит: «Прокуроры должны следовать правилам, устанавливаемым Верховным судом» (однако тут не следует забывать, что данная Конституция писалась по американскому образцу). Из этого следует что японская прокуратура, в отличие от российской, состоит исключительно при суде и является одним из судебных институтов.

В Конституции РСФСР 1978 г. [2] выделялась отдельная глава 22, полностью посвященная прокуратуре. Ст. 176 устанавливала, что высший надзор осуществлялся прокуратурой, повторяя слова закона «О прокуратуре СССР». 30 ноября 1979 года впервые в истории был принят закон «О прокуратуре СССР» [8], в котором определялись: понятие высшего надзора, задачи прокуратуры (ст. 2), основные направления деятельности (ст. 3), принципы организации и деятельности (ст. 4) и другое.

Как мы видим в разных государствах полномочия прокуратуры отличаются, в каких то странах (особенно в странах тоталитарного режима, в которых существует повсеместный контроль и строгая централизация) она представлена и как судебный институт, и как институт всеобщего контроля, т.е. обладает сверх полномочиями. В других странах, по преимуществу демократических – это лишь придаток судебной системы.

По мнению автора в последнее время российская прокуратура утрачивает свои позиции – был проведено разделение прокурорского надзора и прокурорского следствия, в результате которого de facto был создан независимый Следственный комитет при прокуратуре РФ. В результате надзор над следствием для прокуратуры существенно усложнился. Многие мечтают (сторонники этой концепции указаны нами выше) в превращении прокуратуры в отросток судебной системы (т.н. судебная прокуратура), несмотря на то что задумывалась она Петром именно как надзорный орган при Сенате. Ущемлять права прокуратуры путем реформирования этого института весьма опасно, т.к. это принесет больше вреда нежели пользы, нанесет непоправимый ущерб правосудию и общественному порядку в стране. Прокуратуру нельзя отнести ни к исполнительной ни к судебной власти полностью, потому что она относится сразу к обеим из них. Нельзя определить какая из функций прокуратуры основная (надзор за законностью и соблюдением прав человека и гражданина или судебная). Вместе с тем законодатель подчеркивает независимый статус этого органа, поэтому мы можем говорить о наличии какой то четвертой власти, действующей наряду с исполнительной, законодательной и судебной – власти надзорной, к которой помимо прокуратуры можно отнести Счетную палату.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. СПб.: Корона принт, 2000.
2. Конституция РСФСР 1978 г. (в ред. 12 апреля 1979 г.) // Консультант плюс.
3. Конституция Албании 1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sovetika.ru/>
4. Конституция Японии 1946 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sovetika.ru/>

5. Конституция ГДР 1968 г. (в ред. от 07 октября 1974 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sovetika.ru/>
6. Конституция МНР 1960 г. (в ред. от 09 декабря 1983 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sovetika.ru/>
7. Конституция ПНР 1952 г. (в ред. от 16 февраля 1976 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sovetika.ru/>
8. О прокуратуре СССР: Закон СССР от 30 ноября 1979 г. // Консультант плюс.
9. Проект Конституции, предложенный Президентом Российской Федерацией Б.Н. Ельциным // Московская правда. 1993. 5 мая.
10. Проект Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии, подготовленный А.Д. Сахаровым // Конституции РФ (альтернативные проекты). Т. 2. М., 1993. С. 118-121.
11. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005.
12. Котков Д.Б. Корчиго Е.В. Конституционное право России: Учебное пособие / Отв. ред. академик РАЕН Ю.Н. Веденеев. М.: Юриспруденция, 1999.
13. Петрухин И.Л. Прокурорский надзор и судебная власть: Учебное пособие. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2001.
14. Заиков С.Ю. Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

Цой Любовь Николаевна

Социальный контекст и конфликтологическая проблема

Социальный контекст, в котором находится каждый гражданин и гражданские институты представляет собой клубок потенциальных (и актуальных) конфликтов и социальных протестов. На фоне миграционных процессов и модернизации всех сфер жизнедеятельности российского общества проявляются: конфликты в ЖКХ, конфликты в защиту собственности, конфликты обманутых дольщиков, протесты в защиту экологии, протесты в защиту журналистов, протесты против реформ в образовании, протесты автомобилистов, протесты в защиту животных, протесты против реформ в армии и здравоохранении, столкновения фанатов, градостроительные конфликты, протесты против мигрантов.

Таковы социальные факты, с которыми региональная и муниципальная власть имеет дело, одновременно решая две стратегические задачи: обеспечение стабильности и развития. Для процессов развития необходимы инновации, для стабильности – отсутствие массового сопротивления и конфликтов

Проблема управления конфликтами - это проблема, прежде всего, диалога культур и институализации культуры конфликта. Если общество признает существование (наличие) конфликта, тогда появляется возможность организации цивилизованного согласования интересов и диалога между разными группами (сторонами конфликта).

С точки зрения управления конфликтами, признать наличие конфликта – это значит открыть возможность открытого обсуждения проблематики конфликта на территории, в целях перевода его в правовое поле, развивая демократически механизмы их разрешения и одновременно выстраивая культуросообразные отношения со всеми участниками конфликта.

Правовой контекст: рынок и демократия

Конституция РФ является основой деятельности всех ветвей власти, а народ осуществляет власть. Демократия предполагает (вот здесь очень важно), *право каждого гражданина бороться за свои права, за власть и влияние на власть*. В борьбе за свои интересы и за свою собственность гарантируется единство экономического пространства, и самое главное, поддерживается конкуренция, свобода экономической деятельности. Само признание разных форм собственности уже изначально закладывает потенциальный конфликт. Демократию и рынок объединяет общий процесс столкновение интересов разных субъектов взаимодействия, проявляющийся в разных формах, чаще всего в конфликтах. То есть право каждого гражданина на защиту своих интересов и собственности закреплено Конституцией РФ.

В Конституции РФ признается идеологическое, политическое многообразие и многопартийность, перед законом общественные объединения - равны. Никакая идеология

не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной, в Российской Федерации. В разных сферах взаимодействия граждане и объединения защищают свои интересы. Каждый гражданин (а не только чиновники и управленцы региональной и муниципальной власти) должен научиться цивилизованно разрешать конфликты, так как основными ценностями Конституции РФ являются *демократия*, и свобода экономической деятельности – *рынок*.

Именно эти процессы должны быть в поле зрения образования (в рамках курса конфликтологии), так как потенциал конфликтного взаимодействия и социального согласия, составляет фундамент (основу) становления демократии и свободы экономической деятельности граждан.

Социологический смысл инноваций: конфликты и согласие

Повышение качества жизни не возможно без инноваций в разных сферах деятельности. Большинство работ исследователей, а вслед за ними и взгляд управленцев, сосредоточен на раскрытии технологического аспекта инноваций, из виду упускается такое явление, как *«инновационная недееспособность»*. Именно из-за насильственной составляющей в конфликтах, общественный климат, порождаемый социальными новациями, не способствует росту, обоснованному с экономической точки зрения, а зачастую и тормозит ее. Инновационность общества может быть раскрыта в социологическом аспекте.

Социологический смысл инноваций состоит не в самих технических изобретениях и новшествах, а в отношениях между людьми, в изменении ценностных оснований их взаимодействия. Социологический аспект социальных инноваций заключается в трансформации норм, правил и принципов социального взаимодействия, всех статусно-ролевой системы.

Социальные инновации имеют сущностные характеристики, среди которых главные: высокий риск, высокая степень неопределенности, сложнопрогнозируемый побочный продукт, последствия которого сложно предусмотреть.

Например, возможно ли достижение социального согласия в обществе, в котором социальные реформы воспринимаются гражданами, как негативные по своим последствиям и снижают их жизненный уровень?

Социальное согласие возможно в двух вариантах: в тоталитарном и демократическом. И там, и там возможно согласие, но на разной почве. Тоталитарный вариант социального согласия основан на страхе, ненависти, на репрессии. Страх и репрессии ограничивают конфликты и их эскалацию. Демократический вариант основан на добровольности и плюрализме, принятии прав человека, общечеловеческих ценностей. Конфликты являются индикатором демократического механизма и свободы экономической деятельности.

Социальные инновации (социальные реформы, модернизация) являются мощным конфликтогеном и провоцируют конфликты, а потому региональная и муниципальная власть обязана выстраивать политику развития региона управления с учетом этой системной и сущностной связи между инновациями и конфликтами.

Инновационный потенциал и новый взгляд на функцию конфликта

Некоторые исследователи отмечают не только негативную функцию конфликта, но и необходимость конфликта для достижения связей внутри системы. Конфликт не обязательно является болезненным явлением, он не всегда связан с агрессией и с разрушением, иногда конфликт выполняет роль рычага, который может способствовать исправлению недостатков или формированию новых норм, которых сегодня не хватает в российском обществе для того, чтобы урегулировать права какой-либо социальной группы. О каких конфликтах идет речь? Речь идет о тех конфликтах, в которых идет борьба за инновации (технические и социальные), в которых конфликт выполняет несколько функций:

- Интеграционная (слияние части с целым).
- Активизации социальных связей.
- Содействия появлению новых идей и творчеству.
- Сигнальная.
- Информационная.
- Трансформационная (преобразование деловых отношений).
- Профилактическая функция.

Ключевой функцией конфликта является функция баланса и удержания целостности, гармонизации общества. Зиммель Г. писал, что назначение конфликта заключено в обнаружении противоречия, конфликт является формой жизненной динамики (*"конфликт питается энергией жизни"*), он и есть сама жизнь, но жизнь человеческая, культурная. Без конфликта может быть только натуральная жизнь (жизнь в природе), поэтому *культура, жизнь и конфликт - это нераздельные понятия* и конфликт не предназначен для разрешения, он ограничен самой жизни и неразрешим.

В конфликтах ярко проявляется инновационный потенциал, однако, многие управленцы сегодня не могут его обнаружить, потому что часто видят в конфликтующих сторонах врагов или оппонентов.

Не конфликт угрожает равновесию и организации, а жесткость в управлении и неспособность власти налаживать конструктивное взаимодействие с теми, у кого есть другие интересы и кто защищает их теми средствами и способами, которые есть в его распоряжении.

Итак, новый взгляд на конфликт сегодня необходим, и он заключается в том, что именно в протестах и конфликтах ярко проявляет себя не только разрушительный процесс, но инновационный и конструктивный потенциал. Важно иметь средства их обнаружения.

Образовательный контекст: диалог культур

Вузы должны поставить в центр внимания студентов не только процесс приобретения знаний, исследования, но и технологии перевода знаний в действия, в процесс принятия управленческих решений. Какие исследования сегодня нужны вузам в рамках гуманитарных наук в частности конфликтологии? Просто исследования сегодня не нужны, нужны такие исследования, которые позволяют решать реальные проблемы.

Будущие специалисты должны освоить несколько процессов во время обучения в вузе:

исследовать, изучать (освоить позицию исследователя), объяснять, логично излагать (освоить позицию публичного оратора), понимать (освоить позицию медиатора, фасилитатора, переговорщика), изменять (мыследеятельностный подход: освоить позицию рефлексивного управленца) и активно жить в обществе.

В основу обучения должны быть положены принципы практической целенаправленности:

1. Не абстрактное познание, а освоение и овладение.
2. Прожективность - не знание и описание, а проект и предписание.
3. Критерием истины является НЕ истинность, как соответствие описания объекту, а реализуемость, как соответствие объекта проекту или действия предписанию.

Главная идея, которая должна лежать в основании образовательных технологий в рамках конфликтологии - это объединить процессы исследования конфликта, обучения и проектирование конфликтов, перевода Е-процессов (деструктивных) в И-процессы (конструктивное русло), в целях достижения цели, решения проблем и поставленных задач, направленных в будущее. Для решения этих задач почти нет препятствий, однако решать их необходимо совместно.

Резюме

Сегодня для конкретного преподавателя в вузе почти нет никаких препятствий для того, чтобы в рамках своего предмета (например, конфликтология или организационный конфликтменеджмент) использовать разные образовательные технологии. Однако есть системная проблема, и она связана с будущим России. Кто сегодня в образовательном процессе занимается будущим? Конечно, не предметники, потому что там основная задача – предмет. Будущим России будут заниматься (и уже занимаются в вузах и школах) те преподаватели и учителя, которые применяют игры и игровые технологии.

Можно предложить несколько шагов для развития игровых образовательных технологий в вузах:

1. Региональной и муниципальной власти сформировать ЗАКАЗ конкретным вузам в разработке новых учебных курсов по конфликтологии для подготовки будущих чиновников и управленцев в структурах власти.
2. Министерству образования и науки РФ сформировать ЗАКАЗ специалистам (организация тендеров и грантов) на тему: - *«Исследование конфликтов и разработка игровых технологий в образовании»*.
3. Ректорам вузов включить в Программы подготовки преподавателей вузов и учителей школ курса *«Конфликтология и консенсуология»*.
4. Заказ специалистам от Министерства образования и науки РФ (организация тендеров и грантов) на тему: - *«Подготовка методических пособий по игровым методам в области конфликтологии»*.
5. Ректорам вузов и директорам школ организовывать конкурсы на тему: - *«Лучшие преподаватели по конфликтологии»*.

Принципы образовательных технологий по конфликтологии и организационному конфликтменеджменту должны соответствовать принципам демократии, а механизм разрешения конфликтов на региональном и муниципальном уровнях должен проектироваться в вузах всеми участниками образовательного процесса, в целях организации диалога культур, решения социальных задач будущего России.

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО- ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И ПОВЫШЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ УЧАЩИХСЯ

Ермакова Валентина Николаевна
Новик Елена Рудольфовна

Современный этап развития образования характеризуется его гуманизацией и интеграцией, поэтому ведущее место в достижении личностных вершин развития имеет процесс развития мотивационной сферы, интеллектуальных способностей и творчества на фоне предметно-профессиональной направленности обучения.

Одной из основных задач современного среднего образования является создание условий формирования творческой личности каждого учащегося на основе изучения его индивидуальных особенностей, способностей и интересов. При этом целью обучения становится не простое усвоение учащимися определённого объёма знаний, умений и навыков, но и глубокое осмысление принципиально важных основ науки, овладение навыками творческой и коммуникативной деятельности, самостоятельного научно-исследовательского поиска, а также развитие интеллектуального потенциала и повышения культурного уровня личности субъектов учащихся и учителей. При этом очень важен и рост личности как непрерывный, развертывающийся во времени педагогический процесс, ориентированный во времени на последовательное и поэтапное усложнение поисковой деятельности.

В Профессиональном лицее моды и дизайна химия является профилирующим предметом, т.к. подготовка учащихся ведётся по специальностям: «портной», «закройщик», «художник по костюму» и «парикмахер». Очевидно, что знание химии и определённые навыки совершенно необходимы выпускникам. Однако, к сожалению, к нам зачастую приходят дети совершенно не мотивированные к изучению химии, не знающие истории этого предмета, не обладающие широкой эрудицией. Поэтому, пробуждение интереса к изучению химии как науки, к её современному состоянию, к историческим аспектам её развития и рассмотрению личности учёных представлялось нам одним из возможных путей развития социально зрелой и мотивированной личности учащихся.

До работы в Профессиональном лицее моды и дизайна один из авторов работала в общеобразовательных школах, где ежегодно, начиная с 1999 года, проводились научно-практические конференции учащихся по химии и экологии. Полученный опыт и владение разработанными ею методиками проведения этих мероприятий были использованы при работе с учащимися нашего Лицея. Прежде всего, было разработано «Положение о проведении лицейских чтений», определены их цели, задачи, актуальность, а также порядок проведения, система поощрения и ожидаемые результаты.

В 2007 году впервые учащаяся нашего лицея Лоскутова Анна приняла участие в работе XXXI Всероссийской научно-практической конференции школьников по химии, а в 2008 году состоялись Лицейские чтения «История развития науки и культуры в Санкт-Петербурге», посвящённые 305-летию со дня основания Санкт-Петербурга. Работали 4 секции: «Физическая

культура как вид культуры и науки», «Физика на службе современности», «Вспоминаем историю химии» и «Вклад химиков в развитие цивилизации». На конференции было представлено 11 докладов, в ней приняли участие 13 докладчиков и около 80 слушателей, в том числе учащиеся, мастера производственного обучения, учителя-предметники, представители администрации. Подведя итоги и наградив участников, Жюри выдвинуло наиболее отличившихся учащихся для участия во Всероссийской научно-практической конференции школьников по химии.

Проведение Лицейских чтений стало доброй традицией. В 2009 и 2010 годах количество участников возросло до 17 до 50 человек соответственно, т.к. открылись новые секции «Физическая культура», «История», «Физика», «Литература и по предметам спец. дисциплин по профессиям «закройщик», «художник по костюму», «парикмахер».

За пять лет (2007-2011г.г.) в этих Всероссийских конференциях приняли участие 25 учащихся нашего лицея, представивших 18 докладов, имеющих 15 публикаций в официальных изданиях. Очень важно, что, несмотря на жесточайшую научную конкуренцию с учащимися школ с углублённым изучением химии, биологии и экологии, академической гимназии при СПбГУ, Московского химического лицея, других школ России и лицеев города Рига, наши учащиеся Лоскутова Анна и Павлова Екатерина были удостоены Дипломов III степени в 2007 и 2008 годах, а Бондаренко Елена и Варавва Ольга - грамот в 2010 году.

В 2010-2011 г.г. учащимися лицея были представлены работы на городские студенческие конференции образовательных учреждений НПО и СПО «Глобальные проблемы современности» по предметам спец. дисциплин, а также на в литературно-краеведческой конференции наши учащиеся достойно представляли свои доклады, презентации, исследовательские достижения, которые были отмечены Дипломами и грамотами.

Что же даёт нашим учащимся и педагогам участие в научных конференциях?

Мы отмечаем, что:

1. Подготовка докладов и участие в конференциях различного уровня способствует развитию интеллектуально-познавательных способностей учащихся, путём овладения языком на различных уровнях (коммуникативном, аргументативном, проективном), повышению культурного уровня, усилению мотивации к получению знаний, расширению кругозора.
2. Участие в конференциях повышает статус учащегося, как субъекта образовательного процесса, помогает определить направление образовательного маршрута, вселяет веру в свои силы, способствует формированию активной жизненной позиции. Наши учащиеся приобретают опыт научно-реферативной работы, учатся связно выражать свои мысли (устно и письменно) научным языком, приобретают навык ведения дискуссий и публикации научных работ, знакомятся с современным состоянием науки и интеллектуальным уровнем сверстников.
3. Знакомство с достижениями в различных областях науки и личностями учёных (особенно российских) воспитывает у детей чувство гордости за Отчизну, т.е. развивает патриотизм.
4. Участие в Лицейских чтениях и Всероссийских конференциях возможно только при личном желании учащегося. Общение с педагогом во время работы способствует усилению взаимопонимания между субъектами образовательного процесса, делает их ближе друг к другу.
5. Методика проведения Лицейских чтений (научно-практических конференций) может быть распространена на проведение мероприятий любого профиля (гуманитарных, естественнонаучных, интегрированных) и любого уровня в школах, профессиональных училищах и лицеях.

Образовательная среда лицейских чтений была направлена на создание условий для

максимального проявления и развития разносторонних талантов учащихся, выявления склонностей и дарований, развития в соответствии с индивидуальными особенностями учащихся, их способностями и возможностями.

И, наконец, подготовка учащихся к участию в конференциях способствует и профессиональному росту педагога.

ЗАДАЧИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Зачиняев Ярослав Васильевич

Сегодня в процессе модернизации российского образования, методологи этого направления часто говорят о новом качестве образования, которого необходимо достичь в ближайшее время. Среди возможных путей достижения нового качества для общеобразовательной школы называются введение новых государственных образовательных стандартов, введение ЕГЭ, для высшей школы – обеспечение требований Болонского процесса: двухуровневая система (бакалавриат и магистратура), система зачетных единиц (кредитов) и т.п. С этим нельзя не согласиться, если иметь в виду в первую очередь вхождение образовательной системы России в единое мировое образовательное пространство. Однако, прежде чем говорить о новом качестве образования, с нашей точки зрения, представляет интерес вопрос о качестве нынешней системы образования. Для ответа на этот вопрос, можно воспользоваться материалами внешней экспертной оценки уровня образованности наших школьников в рамках международных сравнительных исследований. По данным международного исследования PISA (Program for International Student Achievement) в 2003 г. Россия:

- по градации «**математическая грамотность**» занимает 29-31 место из 40 стран (в 2000 г. - 21-25 места среди 32 стран);
- по градации «**естественнонаучная грамотность**» занимает 20-30 место из 40 стран (в 2000 г.- 26-29 места из 32 стран);
- по градации «**грамотность чтения**» занимает 32-34 место из 40 стран (в 2000 г.- 27-29 места из 32 стран мира).

В 2005 г. в Вильнюсе (Vilnius, Lietuva) была принята «Стратегия ЕЭК ООН для образования в интересах устойчивого развития». Решение Европейской экономической комиссии ООН относительно концентрации усилий на совершенствовании образования в интересах устойчивого развития означает начало серьезной реформы, охватывающей все виды обучения, воспитания от дошкольного до профессионального и поствузовского [1]. Суть реформ в том, чтобы перейти от простой передачи знаний, умений и навыков, необходимых для существования в современном обществе, к готовности действовать и жить в быстроменяющихся условиях, участвовать в планировании социального развития, учиться предвидеть последствия предпринимаемых действий, в том числе и возможные последствия в сфере устойчивости природных экосистем. Непонятное на слух и трудноопределяемое западное понятие «устойчивое развитие» можно заменить русским «рациональное использование природной среды». Перестройка системы образования, по замыслу разработчиков Стратегии, должна способствовать развитию у населения навыков критического и творческого мышления, в сочетании с воспитанием взаимного уважения к инакомыслящим, глубинного понимания демократических форм принятия согласованных решений и выполнения намеченных планов. Для этого предполагается ввести в учебный процесс ряд нетрадиционных тем, а также усилить междисциплинарность обучения для того, чтобы научиться ставить и решать комплексные социальные и экологические проблемы. Болезненность подобной задачи вызвана тем, что современное среднее и высшее образование хронически перегружено. Введение новых дисциплин или даже новых тем в

имеющейся учебной программе означает либо возрастание академической нагрузки на студентов, либо сокращение из программ каких-то дисциплин и разделов. Ситуация усугубляется еще и тем, что для развития творческих навыков у обучающихся необходимы времяёмкие методы, такие например как: проведение дискуссий, собственные исследования, деловые игры. Противоречие между болезненностью сокращения содержательной части образования и необходимостью выделения значительного времени для развития творческих аналитических способностей у учащихся еще предстоит решить.

Исторически естественнонаучная область знания развивалась от частного к общему, поэтому, при большом прогрессе в описании многих частных природных явлений, целостная картина законов существования биосферы остается изложенной в школьных и университетских учебниках весьма поверхностно, что необходимо нам в дальнейшем учитывать при совершенствовании содержания экологического образования. Что касается методических задач его развития, то они на наш взгляд, могут сводиться к следующим направлениям:

1. Дальнейшая разработка и совершенствование междисциплинарных учебных дисциплин.
2. Детальная разработка тем, необходимых для включения в традиционные учебные дисциплины.
3. Определение ясной логической последовательности содержания основных этапов непрерывного образования в интересах устойчивого развития.
4. Перестройка образования от простого усвоения знаний к развитию способностей у студентов к самостоятельному анализу, формулировке проблем и поиска путей их решения.
5. Выбор эффективных способов развития навыков согласованных действий и взаимного уважения обучаемых.

В рамках высшего и среднего экологического образования за эти годы разработаны и апробированы несколько моделей – однопредметная (горизонтальная), многопредметная (вертикальная) и смешанная. Наибольшее признание у педагогов нашла смешанная модель экологического образования, когда наряду с изучением экологии в рамках самостоятельного

предмета, студенты получают дополнительные экологические знания с учетом традиционных предметов.

В настоящее время национальные системы образования развитых стран перешли на новую систему общего среднего профессионального образования, которая в отличие от нашей системы имеет следующие особенности:

- интегративные (надпредметные, межпредметные) цели обучения доминируют над предметными;
- «деятельностный» подход в обучении вытесняет элементарные умения и навыки;
- внедряется «компетентностный» подход в обучении;
- авторитаризм в отношении между учениками и преподавателями сменяется сотрудничеством, партнерством в учебной деятельности.

Экологическая проблематика в образовании имеет не только самостоятельное жизнеутверждающее значение, но оказывается и наиболее удачным материалом для демонстрации конкретной взаимосвязи социальных, природных и технологических составляющих устойчивого развития. К настоящему времени можно считать завершившимся этап становления содержания всеобщего экологического образования. Оно должно начинаться с обсуждения вопросов устойчивости биосферы, характеристики возрастания антропогенного воздействия на природу. Продолжаться ответами на вопросы «на какой период хватит основных природных ресурсов?» и «как снизить негативный эффект столь мощного хозяйственного воздействия на биосферу?». Завершаться подробным рассмотрением

разработанных в последние два-три десятилетия способов устойчивого развития, которые требуют специальной подготовки кадров и в то же время должны быть известны каждому гражданину [2].

Признавая очевидный прогресс в развитии содержания экологического образования за последнее десятилетие, мы не должны забывать об остающихся недоработках. К одной из них относится недостаточно проработанная естественнонаучная компонента междисциплинарной программы экологического образования. Стремясь создать образование, удовлетворяющее современным требованиям переориентации общества на усиленный анализ последствий ускоряющего развития человечества, мы фактически ставим перед собой две сверхзадачи – научить людей разбираться:

1. В природных процессах, лежащих в основе существования биосферы;
2. В социальных процессах, от которых зависит благополучие и устойчивость общества.

В высшей школе экологическое образование должно получить развитие в двух основных направлениях:

- как общеобразовательная парадигма устойчивого развития, согласно которой каждый профессионал, вне зависимости от специфики выбранной профессии, должен в полной мере обладать необходимыми качествами: социальной ответственности, инициативности, прогнозирования развития ситуаций, способностью формулировать проблемы и искать пути их решения, терпимостью к альтернативным суждениям в сочетании с активностью разъяснения собственной позиции;
- как профессиональная сфера умений, знаний и навыков, соответствующая выбранному профилю специализации.

Целью экономического образования является становление и развитие экологической культуры личности и общества как совокупности практического и духовного опыта взаимодействия человечества с природой, обеспечивающего его выживание и развитие. Воздействие человека на природную среду в процессе хозяйственной деятельности по масштабам, извлекаемых и перемещаемых пород, преобразование рельефа, перераспределения поверхности и подземных вод и т.д. сопоставимы с географическими процессами. Люди постоянно занимаются преобразованием природы, поэтому очень важен комплексный подход к разработке, внедрению новых методов очистки и выбросов в биосферу и утилизации отходов производства. Экологическая безопасность во многих странах и ее развитие имеют 3 важных аспекта:

1. Социально-экономический. Экологическое образование необходимо как для специалистов в области охраны окружающей среды, так и для всего населения в целом.
2. Естественнонаучный. Это специализированный комплекс научных проблем (разработок), направленных на защиту окружающей природной среды и рациональное использование природных ресурсов во всех трех составляющих биосферы.
3. Техничко-технологический аспект - внедрение в промышленность научных разработок.

Многолетнее игнорирование этой логической цепочки (образование-наука-производство) привело к тому, что в настоящее время в России обострился конфликт между производственной и иной деятельностью человека и возможностью самосохранения природы. В связи с тем, что в нашей стране законодательно провозглашен приоритет жизни и здоровья человека по отношению к результатам его производственной деятельности, экологическое образование населения, разработка новых и усовершенствование существующих технологических процессов должны стать для государства первоочередными задачами. Человечество за последние сто лет прошло несколько этапов в оценке проблемы выборов. На первом этапе

(примерно до середины XX столетия) люди бессознательно или сознательно считали, что природа все выбросы «переварит». На втором этапе основным мероприятием стали считать очистку воздуха и воды от выбросов.

В России и сегодня, по мнению большинства технических специалистов, считают основным средством снижения выбросов проектирование новых процессов и агрегатов с очисткой газов и воды. Причина этого - незнание одного из законов хозяйственной деятельности человека - неустранимости отходов и побочных воздействий хозяйства. В любом хозяйственном цикле образующиеся отходы и возникающие побочные эффекты неустранимы. Они могут лишь быть переведены из одной физико-химической формы в другую или перемещены в пространстве. Суммарное количество отходов в виде вещества, энергии и побочных эффектов фактически постоянно. В производственных циклах меняется лишь их место возникновения, время образования, физико-химическая или биологическая форма. Поэтому очистка газов или воды как изменение физико-химической формы вещества и перемещение загрязнения в пространстве не может дать эффекта, так как энергетические расходы возрастают. Локально она может быть полезной, но глобально и в длительном интервале времени неэффективна: выигрыш, получаемый в одном месте, погашается проигрышем, возникшим в другом месте. Однако системы очистки первичны, они легко внедряются административным путем, создают иллюзию чистоты производства. Недостатком такого подхода является отсутствие связи между производителями выбросов, (кто отвечает за них) и теми, кто организует очистку. Это порождает возможность сокрытия информации. Принципы «экологически чистого производства», ныне обязательные для действующих и особенно для вновь проектируемых производств, базируются на превентивном подавлении выбросов технологическими методами и минимизации образующихся отходов и выбросов. При этом мы отстаиваем идеологию эколого-экономической эффективности так называемых рециркуляционных технологий, обеспечивающих полный или частичный возврат компонентов. Это, с одной стороны, снижает нагрузку на окружающую среду, а с другой стороны, приносит дополнительный доход, обусловленный ресурсосберегающими методами очистки выбросов. Из трех составляющих биосферы, по мнению некоторых авторов, наибольший урон от производственной деятельности человека потерпела атмосфера.

Экологическое образование на наших глазах претерпело впечатляющую эволюцию. Оно начиналось со стремления воспитывать у людей любовь к природе и бережное отношение к ее богатствам. Вскоре экологическое образование вобрало в себя еще несколько направлений, связанных с предотвращением загрязнения окружающей среды, утверждением здорового образа жизни и др. Наконец, в соответствии с внутренней логикой развития, экологическое образование переросло рамки экологической культуры и породило область, которую можно было бы назвать социальной культурой XXI века, необходимой для успешной интеграции человечества, предотвращения социальных и экологических катаклизмов [3].

Современному образованию важно достойно принять вызов времени, требующий глубинного объединения естественных и гуманитарных знаний, для того, чтобы воспитывать человека, способного заботиться о будущем человечества, оставаясь на твердой почве достоверных знаний объективных законов существования природы и общества.

Список литературы

1. Глазовский Н.Ф. Программа дисциплины «Устойчивое развитие» //Образование для устойчивого развития. Материалы семинара «Экологическое образование для устойчивого развития». Под ред. чл.-корр. РАН Н.С. Касимова. Изд-во «Ниверсум». Смоленск-Москва, 2004. – С. 103-112.

2. Марфенин Н.Н., Попова Л.В. Задачи экологического образования в интересах устойчивого развития // «На пути к устойчивому будущему: проблемы экологического просвещения и образования». Тезисы докладов XI Международной конференции по экологическому образованию 22-24 июня 2005. Изд-во «Владимир Полиграф». Владимир, 2005.- С. 22-30.
3. Фридман В.С., Еремкин Г.С., Репин С.В. Образование в области устойчивого развития: роль интерактивных методов и Интернет-среды (на примере курса лекций «Биосфера и человечество») // Человечество и окружающая среда. Материалы Междунар. научно-практ. конф. МГУ-СУНИ. М.: Изд-во МГУ, 2004.- С. 66-70.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС И СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛА ВУЗОВ В РОССИИ

Дружилов Сергей Александрович

В «Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 г» говорится, что «в силу демографических причин, а также благодаря совершенствованию системы образовательных учреждений, будет существенным образом обновлена сеть вузов, не вошедших в число федеральных и национальных исследовательских университетов». Это значит, что большинство вузов, не входящих в список «элитных», будет закрыто. Особенно жестоко расправятся с филиалами.

Впрочем, алгоритм закрытия различных откровенно халтурных филиалов-полуподвалов был выработан и начал действовать еще в предкризисном 2007-2008 учебном году. Уже тогда в прессе появилось масса сообщений о закрывшихся медвузах – без лабораторий и «гуманитарно-социальных университетах» – без библиотек.

В условиях нарастающего экономического кризиса административный каток, лишавший аккредитации не соответствовавшие стандартам вузы, попридержали – с подачи первых лиц государства. Как считает Д.О. Бабич, побоялись «социальной напряженности: зачем приумножать и без того большое число ничем не занятых молодых людей. Пусть хоть в вузе числятся – спокойней будут». Помнится, тогда и количество бюджетных мест в очную аспирантуру увеличили – очевидно, из тех же соображений.

Теперь ситуация изменилась. С одной стороны, количество молодежи, окончившей школу, снизилось, по сравнению с предкризисным годом 2007 г. в два раза и продолжает снижаться далее (по прогнозу, в 2012 г одиннадцатый класс закончат только 700 тыс. человек). А с другой стороны, принят новый закон о сроках воинского призыва. Если прежде срок весеннего призыва заканчивался 30 июня, то ныне он продлен до 15 июля. Теперь юношей, достигших возраста 18 лет, могут быть забрать в армию сразу после получения аттестата в школе.

Продолжается и дальнейшее движение в этом же направлении: в Госдуму внесена поправка о продлении сроков весеннего призыва до 31 августа. Сроки осеннего призыва планируется сделать с 1 ноября по 31 декабря.

Вероятно, подсчеты привели к выводам, согласно которым количество «незанятой» молодежи снижается до «социально неопасной величины» (термин Д.О. Бабича), а значит, самое время продолжить «оптимизацию». Тем паче, что и возраст старших поколений преподавателей вузов за эти 5 лет еще приблизился к «немогущему», когда им, этим преподавателям, оставшимся без работы, – уже не до проявления своей социальной активности на улицах городов.

Курс на сокращение числа вузов в России приобретает характер единственной и непреодолимой силы. Руководство Минобрнауки неоднократно заявляло о необходимости кардинального сокращения числа вузов – «на порядок». Последние годы в СМИ постоянно фигурирует число 50, определяющее количество университетов и число 100-150 – количество иных вузов, имеющих право на существование в современной России.

Но как появились эти числа, насколько они обоснованы нуждами страны в квалифицированных

кадрах? Вопрос не праздный, ответ на него важен не только для преподавателей российской высшей школы, но и для всех людей, думающих о судьбе своей страны и своих детей и внуков. Почему из 1115 вузов (653 – государственных и муниципальных, чуть больше половины из них относятся к Минобрнауки; в них учатся три четверти российских студентов) нужно оставить 50 + 100 (150), а не 350 или только 35?

Очень неравнодушные размышления о том, сколько же вузов требуется России, я обнаружил в полученном из редакции авторском экземпляре журнала «Alma mater» (№ 9, 2011) со статьей «Психологический террор в условиях реформирования высшей школы». Заместитель главного редактора этого журнала, профессор Г.К. Овчинников в своей статье, базируясь на развернутом анализе проблемы, приводит убедительные доказательства того, что курс на сокращение числа вузов противоречит как модернизации, так и общему цивилизованному развитию страны.

Но вернемся к «истокам» возникновения «необходимого числа вузов», постоянно озвучиваемого официальными лицами государства. Декан Московского государственного индустриального университета (МГИУ) Г.К. Овчинников пишет, что «едва ли не впервые эта идея публично прозвучала на представительном совещании в июле 2008 г. в Московском инженерно-физическом институте (МИФИ), проходившем под руководством президента РФ Д.А. Медведева». Автор статьи вспоминает, что «отвечая на вопросы президента относительно потенциала высшей школы, необходимого для решения стоящих перед обществом задач ..., А.А. Фурсенко заявил: стране для этих целей достаточно иметь 50 классических университетов и 150-200 институтов и академий из общего числа “порядком тысячи вузов”». Стенографический отчет этого совещания был опубликован в ближайшем выпуске журнала «Alma mater». Для понимания истории и сущности возникновения базового количества необходимых России вузов, воспроизведем фрагмент стенограммы этого го разговора:

«Д. МЕДВЕДЕВ: Сколько нам нужно университетов, на Ваш взгляд, в масштабах страны, численности населения?

А. ФУРСЕНКО: Я думаю, что если говорить об университетах, то опять же моя оценка, что это где-то до 50.

Д. МЕДВЕДЕВ: А высших учебных заведений?

А. ФУРСЕНКО: 150–200 максимум.

Д. МЕДВЕДЕВ: Тогда Вы сами отвечаете на мой вопрос, что всё остальное подлежит преобразованию.

А. ФУРСЕНКО: Часть из них могут стать филиалами этих университетов, а часть должны быть преобразованы либо в профессиональные средние учебные заведения, либо закрыться, если называть вещи своими именами» .

Ровно через месяц после этого совещания министр А.А. Фурсенко, отвечая на вопросы журналистов и читателей «Российской газеты», уже уверенно говорит о том, что из тысячи университетов, которые предлагают свои услуги, должно остаться 50 (вновь это число!) университетов и порядка 200 других вузов, а остальные станут либо филиалами, либо техникумами. Некоторые же неконкурентоспособные ВУЗы со слабой материальной базой будут вовсе закрыты .

Получается, что исходное число «где-то до 50» университетов для России, озвученное 24 июля 2008 г. на совещании в МИФИ – это, как подчеркивает официальный эксперт Минобразования

РФ Г.К. Овчинников, – «отнюдь не результат объективного анализа ответственного научного учреждения, дорожающего своей репутацией, или хотя бы экспертной оценки независимых специалистов. Это всего лишь мнение (курсив мой – С.Д.), пусть и министра» .

Однако министр постоянно «продавливает» идею необходимости сокращения числа вузов, доведения их числа до 100-150. За месяц до вступления в действие нового закона о Госконтроле над учебными заведениями (с 1 января 2011 г.) в своем интервью министр заявляет: «У нас где-то порядка 50 вузов, которые являются безусловными лидерами. Тут можно спорить об их количестве, но это все равно даже не сто. И есть еще как минимум 100-150 вузов, которые имеют хороший потенциал». И вот – «процесс пошел!»: министр докладывает Президенту, что за 1,5 года (с марта 2010 г. по сентябрь 2011 г.) «было реорганизовано и закрыто порядка 40 вузов – более 10% общего числа. Кроме того, было закрыто в общей сложности несколько сотен филиалов» .

Теперь уже нет тайны, откуда взялась идея сокращения российских вузов, да и «базового» их числа: Г.К. Овчинников, в своей статье пишет, что «она навеяна рекомендациями доклада Всемирного банка (ВБ)» . Автор ссылается на В.Т. Лисовского, который в своем учебном пособии, выпущенном в 2000 г. так передает эту рекомендацию: «В докладе Всемирного банка "Российская Федерация: образование на переходный период" предложено сократить число государственных вузов до пятидесяти (курсив мой – С.Д.)» . Автор учебного пособия не дает ссылки источник информации. В публичной печати этого документа нет, не удалось обнаружить его и в интернете.

Причину такой закрытости этого документа объясняет другой авторитетный исследователь, ректор Московского гуманитарного университета, директор Международного института ЮНЕСКО профессор И.В. Ильинский. Он пишет, что указанной доклад (№ 13 638 от 22.11.1994 г.) носит гриф «Конфиденциально. Документ всемирного банка. Только для служебного пользования» со следующим предупреждением: «Настоящий документ имеет ограниченное распространение и может быть использован получателем только при исполнении официальных обязанностей. Во всех других случаях его содержание не может быть раскрыто без разрешения Всемирного банка» .

По словам профессора И.В. Ильинского, этот Доклад, подготовленный сотрудниками и консультантами ВБ при поддержке Фонда Д. Сороса , правительств Великобритании, Финляндии, Франции, Японии и Нидерландов, оказался в его руках благодаря тесному сотрудничеству 1990-е годы с Генеральным директором ЮНЕСКО Федерико Майором, а также с Бюро ЮНЕСКО в России. Нет оснований не верить авторитетнейшему отечественному ученому и признанному специалисту и эксперту в области высшего гуманитарного образования.

И.В. Ильинский, цитируя указанный документ, пишет: «авторы доклада высказали немало рекомендаций руководству России как "реструктуризировать эту добившуюся больших достижений в прошлом систему... чтобы она могла удовлетворить новые потребности непланового рынка и открытого общества"» . Исследователь отмечает, что «большинство рекомендаций, взятых в сумме, означали кардинальную ломку, лучше сказать, уничтожение прежней системы отечественного образования» . Ну и что, – вправе возразить читатель, – это же только рекомендации: их ни кто не обязан выполнять. Тем более, что они исходят от ВБ и Д. Сороса, которого называют «сатаной в образе благодетителя» . Однако на основе анализа фактов И.В. Ильинский приходит к аргументированному заключению о том, что «практически все рекомендации Всемирного банка выполнены или выполняются, как ни парадоксально, с нарастающей жесткостью под девизом повышения качества образования» .

Однако не станем замыкаться на конспирологической версии объяснения причин реформирования российской высшей школы и сокращения числа вузов. Рассмотрим и другие основания – те, которые приводят апологеты проводимых реформаций.

Один из доводов защитников и проводников сокращения числа вузов состоит в том, что в новой России число студентов в расчете на 10 тыс. населения (есть такой показатель, используемый в Мирове) превышает в разы аналогичные показатели для других стран, в том числе экономически развитых. Из статьи в статью, без корректных ссылок на первоисточник, в течение нескольких лет кочуют одни и те же странные статистические показатели. Приводят, в частности, такие данные: «В России самая высокая численность студентов: в 2005 году на каждые 10 тысяч жителей приходилось 495 студентов, в США – 445, в Германии – 240, Великобритании – 276, Японии – 233 (курсив наш – С.Д.)». Цитата легко проверяема: достаточно скопировать выделенный текст и вставить в любой поисковик, – тут же из Интернета получишь массу статей с указанным текстом, но без исходных ссылок на источник.

Посмотрим, какова же реальная картина по этому показателю была в сентябре 2010 г. Начнем с иностранных государств. В открытых интернет-изданиях находим данные по числу студентов в Европейских странах, США и Японии. По справочным данным уточняем численность населения этих государств на интересующий год. Делим одно число на другое и получаем показатель, выражающий число студентов на 10 тыс. населения (таблица 1).

Таблица 1 – Данные, характеризующие численность студентов на 10 тыс. населения в сентябре 2010 г. (по странам)

Страна	Численность студентов, млн.	Численность населения, млн.	Студентов на 10 тыс. населения
США	19,1	312,2	612
Польша	2,1	38,1	551
Румыния	1,1	21,4	514
Турция	2,9	72,7	399
Испания	1,8	46,1	390
Великобритания	2,4	62,2	385
Франция	2,1	65,3	321
Италия	2,0	64,5	310
Япония	3,9	127,4	306
Германия	2,4	81,8	293
Россия	7,05 *	141,75	497 *

* Примечание: для России в таблице 1 приводится абсолютное число студентов, а также отнесенное к 10 тыс. населения с учетом заочного обучения.

Из тех же статистических данных следует, что в Евросоюзе (ЕС), по данным на сентябрь 2011 г., было 4 тыс. вузов, в которых обучалось 19,5 млн. студентов (данные на конец 2009 г.).

Возможно, закрытие вузов, сокращение студентов и преподавателей – это мировая тенденция, которой следует и Россия? Попробуем разобраться этом.

Вот мнение директора Института глобализации и социальных движений, Б.Ю. Кагарлицкого: «Ни в одной стране Европы, кроме России, не планируется массовое закрытие университетов». Признавая, что в постсоветской России действительно была «избыточная экспансия» сферы образования и бурный рост некачественных вузов, социолог обратил внимание на особенность

мировой экономики: вузы «начинают плодиться» так, где с экономикой неблагополучно. Это способ поддержания занятости, хотя и не всегда объективно нужной.

Данные, приводимые в таблице 1, подтверждают, что относительная численность студентов более велика в странах, которые относятся к европейским «аутсайдерам», – с точки зрения развитости их экономики. Это Польша, Румыния, Турция, Испания. Нам представляется, что использование вузов в качестве «отстойников», обеспечивающих на 3 – 4 года искусственную занятость молодежи – это только один из мотивов действия политического руководства указанных стран. Можно предполагать и другой мотив – подготовка квалифицированных кадров с высшим образованием, которые обеспечили подъем отставшей или застойной экономики. Такой подход к решению экономических проблем знаком из отечественной истории 1930-х годов, когда в стране был принят лозунг: «Кадры, овладевшие техникой, решают все».

Анализ статистических данных показывает, что и в экономически развитых странах за истекшее десятилетие наблюдалась экспансия сферы высшего образования.

Для сравнения возьмем США. Если в 1987 г. в этой стране на 10 тыс. населения приходился 321 студент (в СССР их было только 178), то в 2001 г их стало 494 (в России – 324, с учетом «заочников»).

В 2001 г. число вузов в США превышало 4 тыс. В них около 2-х млн. преподавателей обучало более 15-ти млн. студентов. Отметим, что на одного преподавателя США при этом приходилось от 7-ми до 8-ми студентов!

В тот же год в России было 965 вузов, т.е. в 4 раза меньше чем в США, а число студентов составляло 4,741 млн. человек, что в 3,2 раза меньше, чем в это же время в США, а их обучало 307,4 тыс. преподавателей. А на одного преподавателя в России приходилось более 15-ти студентов, а это – в два раза больше, чем в США! Но при этом нужно учитывать, что 1,76 млн. студентов (37,2 %) в России в 2001 г. обучались исключительно по заочной форме – и этот факт заслуживает отдельного обсуждения.

Посмотрим изменения числа студентов в США и в России за десятилетний промежуток – с 2001 г. по 2011 г. В США за этот период число студентов выросло с 15 млн. чел. до 19,1 млн., (на 27 %). В России за этот период число студентов выросло с 4,741 млн. чел. до 7,05 млн., т.е. на 48,7 % (с учетом заочников). Если за этот же период отдельно рассмотреть численность студентов, обучающихся только по очной форме, получаем ее увеличение с 2,73 млн. чел. до 3,07 млн.чел., т.е. только на 12 %.

Сокращать вузы, по мнению Б.Ю. Кагарлицкого, надо не механически, не из расчета «столько-то вузов на столько-то жителей, и столько-то преподавателей на столько-то студентов», хотя нужно учитывать и эти показатели. Необходимы и иные критерии: «Если в обществе есть потребность в каких-то специалистах, они будут готовиться независимо от демографической ямы».

Ректор ТПУ П.С. Чубик предлагает ряд мер по модернизации высшего образования, которые помогут избежать «хирургического вмешательства» в вузовскую систему и вместе с тем повысят качество новых кадров для экономики России. В своем интервью он говорит, что вузы сегодня нужно не сокращать, а укрупнять, начиная с перевода студентов филиалов в базовые вузы. Его предложения сводятся к следующим:

В 2011 г. все вузы страны перешли на уровневую подготовку: бакалавр (четыре года обучения) – магистр (плюс два года). Это неизбежно создает в вузе конкурентную среду, ведь в магистратуру попадут далеко не все, а только наиболее способные из числа бакалавров. При подготовке же магистров вуз вправе на 70 % самостоятельно определять содержание образования, согласовывая это с работодателями и лучшими международными практиками.

Но можно пойти дальше в деле усиления «конкурентности» студентов в вузе, если перейти от системы «четыре плюс два» к системе «два плюс два плюс два» (для бакалавров). Это означает создание еще одной ступени конкурсного отбора на продолжение обучения в бакалавриате после первых двух курсов. «Те, кто этот конкурс не выдерживают, идут работать в качестве высококвалифицированных рабочих и техников», – предлагает ректор ТПУ: «Для этого нужно сделать первые два года практико-ориентированными. При этом выпускники первой ступени должны иметь возможность в будущем продолжить обучение на второй ступени так же, как выпускники второй ступени — продолжить обучение на третьей. Мне кажется, что такая трехступенчатая система выгодна всем: и родителям, и выпускникам школ, и студентам, и работодателям, и государству» .

Следует признать, что такое предложение является труднореализуемым. Известно, что в вузе первые два года ориентированы на формирование у студентов теоретического базиса для освоения в последующем периоде обучения прикладных дисциплин. Трудно даже представить, что студента два года учат «работать руками»: выполнять профессиональные задачи, глубинная сущность которых ему не понятна, на оборудовании (или с помощью инструментария), теоретическая подоплека работы которого студенту тоже пока не известна.

Приведем мнение другого эксперта – доктора социологических наук, первого проректора Международной академии бизнеса и управления, специалиста в области социологии управления образовательными процессами Е.В. Добреньковой. Цитата заслуживает того, чтобы ее привести полностью:

«Я считаю, что идея сокращения вузов – это очередной миф реформы образования, которую нам пытаются навязать. ... Сторонники “чистки” вузов в качестве аргумента в свою пользу указывают, что это необходимо в связи с тем, что России наблюдается демографический спад. С фактом демографического спада никто не спорит, но я уверена, что истинная причина вышеозначенной кампании состоит в попытке экономии бюджетных средств (средств на финансирование) и существенного сокращения вузовской материальной базы. Это ведь единственная в нашей стране сфера, которая еще осталась неприватизированной, притом, что она обладает огромными материальными ресурсами, включающими не только учебные корпуса, но также спортивные базы, дома культуры, санатории, пансионаты, общежития».

Поэтому сокращение количества вузов высвободит значительную инфраструктуру, которую можно будет впоследствии приватизировать и продать» .

И эта угроза приватизации и продажи инфраструктуры вуза имеет уже правовую основу. 1 июля 2012 г. заканчивается переходный период, в течение которого государственные вузы, как и другие бюджетные учреждения, согласно закону «О бюджетных учреждениях» , должны определиться, к какому типу они будут относиться – к автономным или к так называемым «новым бюджетным» («необюджетным») учреждениям.

Для «необюджетными» прежнее финансирование заменят так называемые субсидии на выполнение государственного о заказа, в котором будут установлены некоторые критерии качества и количества оказываемых государством услуг. При этом «необюджетники» смогут легально оказывать платные услуги и распоряжаться доходами от них по своему собственному усмотрению.

Автономным учреждения будут финансироваться не только субсидиями по госзадаанию, – для обеспечения конституционных прав граждан на бесплатные услуги, – но и держать счета в коммерческих банках и распоряжаться прибылью так, как сочтут нужным. И что очень важно – автономные учреждения, согласно указанному закону, приобретают право на принадлежащее им (на праве оперативного управления) имущество.

Не вызывает сомнений, что сокращение числа вузов неизбежно приведет к резкому снижению квалификации персонала на российском рынке труда и, соответственно, к падению экономической конкурентоспособности России, вступающей во Всемирную торговую организацию (ВТО).

Еще более серьезными могут быть социальные последствия, поскольку попытка ограничить возможность получения высшего образования приведет к социальному расслоению, к формированию сообщества социальных аутсайдеров, которым в структуре общества будет отведена роль «работы только за кусок хлеба». Особенно это касается жителей российских регионов, потому что реализация обсуждаемой инициативы приведет к полному уничтожению вузов среднего звена, на которых держится региональное образование: получение высшего образования для россиян, живущих в нестоличных регионах, станет проблематичным.

В результате такой «оптимизации» значительно снизится функция образования как социального лифта и будут окончательно зафиксированы определенные слои общества в качестве обслуживающих, то есть низших. Можно предположить, что такие слои в новой социальной системе России будут преобладать, а, значит, в обществе будет доминировать упрощенный общекультурный стандарт.

Все-таки необходимо помнить, что образование, вне зависимости от источника финансирования, является важнейшим фактором формирования национальной культуры, не может рассматриваться исключительно как продаваемая/покупаемая услуга. Да и документы Болонского процесса утверждают, что «Высшее образование – это общественное достояние, ответственность за которое возложена на государство» (Берлинская конференция 2003 г.).

Но даже если исходить с точки зрения чисто прагматических задач, необходимо понять, что невозможно решить возникающие кадровые проблемы путем сужения возможностей получения высшего профессионального образования. Это не тот инструмент! Кадровые проблемы должны решаться инструментами экономического и социального стимулирования.

Вспомним отечественную историю. Когда в СССР потребовалось восстанавливать страну от разрухи, вызванной гражданской войной, проводить индустриализацию был поднят лозунг: «Кадры, овладевшие техникой, решают все!». Да позже, уже в послевоенные годы трудные годы, когда нужно было восстанавливать страну и был колоссальный дефицит рабочих рук, прозвучал призыв: «Всем получить образование». Создавались условия, чтобы человек не просто работал, но мог повышать свой образовательный и культурный уровень.

Ныне же получается «наоборот»: есть «образованная масса», но есть нехватка рабочих рук. Выше уже говорилось о явном «перепроизводстве» дипломированных выпускников вузов; о

дисбалансе по специальностям и профилям, отнюдь не соответствующим потребностям работодателей. Так нужно использовать имеющиеся у государства у государства нормальные рычаги для регулирования ситуации, а не снижать национальный интеллектуальный уровень!

Экономический спрос на специалистов со стороны государства может выражаться через методы прямого и косвенного финансирования: через налоги, создание специальных финансовых схем, мотивирующих бизнес вкладывать средства в сферу ВПО. Но для этого лидерам страны необходимо проявить, как это принято говорить, «политическую волю»: чтобы государство стало выполнять свои функции; чтобы заработали, наконец, чиновники – на пользу Отечества, а не исключительно для собственной выгоды.

Однако мы уже убедились, что гораздо проще, например, под лозунгом Болонского процесса, произвести сокращение финансирования вузов, оставив в бюджетной зоне только первый уровень обучения, бакалавриат. А затем, используя как повод, демографическую ситуацию: «Некого учить!» – сократить число вузов, избавляясь не только от студентов, но и от преподавателей, сбрасывая с государства заботы о финансировании материальной базы образования.

Но вернемся к демографическим проблемам. Упомянувшаяся уже в качестве эксперта Е.В. Добренкова отмечает демографические последствия, к которым приведет сокращение вузов в России:

«...Уменьшение возможности получения высшего образования снизит веру родителей в социальное будущее своих детей, а, значит, приведет к снижению рождаемости: если нет возможности «выучить» собственных детей, то зачем их рожать?» .

Очевидно, что реформируя вузовскую систему, необходимо заняться повышением качества высшего профессионального образования, а не сокращением количества вузов. Следует обратить внимание на усиление материальных (в том числе, лабораторных) баз вузов, внедрение новых методов и технологий обучения.

Лозунг «Кадры решают все!» никем не опровергнут. Мы говорим идет о преподавательских кадрах. Реформируя высшую школу, следует обратить серьезнейшее внимание на их квалификацию. В большинстве провинциальных вузов преподавательский корпус находится на уровне «вымирания» и не обновляется – скоро будет некому преподавать. Однако, преклонный возраст многих преподавателей вуза – это лишь видимая, «геронтологическая» часть кадрового «айсберга». В его «подводной» части скрываются и отсутствие действенной рейтинговой системы оценки преподавателей кафедр, и отсутствие системы научного воспроизводства кадров, когда «пребывание» в аспирантуре очень слабо связано с научной, да и с преподавательской работой. Это и некомпетентное, а зачастую – деструктивное управление кафедрами, факультетами и вузом в целом, на котором узлом завязываются все остальные проблемы вуза.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что мы сами «пилим сук на котором сидим». В разрушении отечественной системы ВПО активнейшее участие принимает сама высшая школа и ее преподавателя, ориентируясь на получение сиюминутной прибыли. Но об этом – в следующей статье.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДЕТИ, ИСПЫТЫВАЮЩИЕ ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ И НАСИЛИЕ, КАК СУБЪЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Донцов Александр Иванович
Донцов Дмитрий Александрович
Донцова Маргарита Валерьевна

В обобщённой системе психологической безопасности имеет место множество субъектов, в числе которых, – дети, испытывающие жестокое обращение и насилие. Одной из задач социально-психологического содержания безопасности образовательной среды является структурный учёт особенностей и специфики разнообразного контингента детей и подростков. Среди них, к великому сожалению, подвергающиеся насилию дети не являются редкостью. Это насилие над детьми имеет различные формы, проявления и виды.

Понятие жестокого обращения с детьми

Термин «жестокое обращение с детьми» как конкретное юридическое понятие впервые появился в нашей стране в Кодексе о браке и семье РСФСР в 1968 г. В данном Кодексе жестокое обращение с детьми было включено в перечень оснований для принятия решения о лишении родительских прав, но содержание самого понятия не раскрывалось.

Само понятие жестокого обращения с ребёнком в русском языке обычно относится к конкретным действиям и не охватывает весь спектр действий, наносящих вред ребёнку. Вместе с тем, в западной, в первую очередь англоязычной терминологии давно устоялось такое обобщающее понятие, как *child aduse and neglect (CAN)*.

Насилие над детьми, жестокое обращение, запущенность и пренебрежение нуждами ребенка (*child aduse and neglect*) – широкий спектр наносящих вред ребёнку действий со стороны людей, которые опекают ребёнка и заботятся о нём. Эти действия создают серьёзную угрозу здоровью и безопасности ребенка, нарушая право ребёнка на защиту, поддержку и заботу со стороны взрослых. Эти действия включают в себя мучение, жестокое обращение, повторяющиеся неоправданные наказания или ограничения, которые могут повлечь за собой физические травмы и заболевания, создающие реальную угрозу психическому здоровью ребенка, его развитию или жизни.

По данным научных исследований в РФ насилие в той или иной форме наблюдается в каждой четвертой семье. Около тридцати процентов от общего числа умышленных убийств совершается в семье. Половина всех преступлений связана с бытовыми мотивами (ревностью, алкоголизмом, хулиганством), которым предшествуют длительные семейные конфликты.

Что касается детей – жертв насилия в семье, то они находятся ещё и в прямой правовой зависимости от тех, кто совершает в отношении них насильственные действия. Их истязателями, как правило, являются родители, по закону обязанные представлять и защищать их права и законные интересы. Ежегодно около 2 миллионов детей в возрасте до 14 лет избиваются родителями. Из них каждый десятый ребенок умирает, а порядка 2000 детей

кончают жизнь самоубийством. Только в московские больницы каждый год поступает порядка 1800 детей, совершивших реальную попытку суицида.

Результаты социологических опросов показывают, что каждый 11-12-й сексуальный дебют у несовершеннолетних девушек – результат изнасилования. Не менее трёх процентов учениц 7–9-х классов пережили попытку изнасилования в семье. Согласно данным других анонимных опросов, сексуальному насилию до достижения 18 лет подвергаются каждая четвертая девочка и каждый шестой мальчик.

Как правило, насилию подвергаются дети в дезадаптированных семьях, в которых обострены социальные проблемы. Чаще всего это неполные семьи, где родители – алкоголики, наркоманы, преступники, религиозные фанатики, несовершеннолетние до 17 лет, беженцы или безработные, с физическими органическими недостатками, умственно отсталые или с психическими заболеваниями.

Понятие жестокости по отношению к детям различно для разных общественно-культурных формаций. Часто, рационалистическое объяснение не просто оправдывает грубое обращение с детьми, но возводит жестокость, а значит и сопряжённую с ней опасность в ранг нормы.

При изучении жестокого обращения с детьми необходимо обратить внимание на следующие вопросы.

Сексуальные злоупотребления в отношении детей со стороны мужчин. Как отмечают западные исследователи, такое насилие приобрело широкое распространение во всем цивилизованном мире. Для жертв оно чревато тем, что осознание страшных событий детства через много лет может привести (и приводит) человека к «кризису объективной идентичности», который надолго выводит его из полноценной социальной и личной жизни, а зачастую обуславливает и уход в различные формы девиантного поведения.

Также важен вопрос сексуального злоупотребления в отношении детей со стороны женщин. Очевидно, что такие злоупотребления имеют место быть. Вместе с тем они, как и другие виды девиантного поведения женщин, часто остаются вне поля зрения исследователей и правоохранительных органов.

Следующий вопрос, требующий внимания, это распространённость жестокого обращения с детьми в процессе педагогического воздействия. Как показывают данные медицинской статистики, в амбулаторной практике педиатров встречается значительное число больных детей и подростков, нуждающихся в разрешении их психологических проблем: более чем у 40% детей обнаруживаются соматогенные психические расстройства; в 20% случаев – разнообразная сомато-вегетативная симптоматика, преимущественно психогенного происхождения; у 10% обнаружены психоматические расстройства; 14% детей составили группу риска, так как они находились в неблагоприятных семейных условиях или неадекватно воспитывались; в настоящее время у нас ежегодно регистрируются с диагнозом психосоматических расстройств свыше 8 млн. детей.

Исследования, проводимые в течение последнего десятилетия, показывают, что насилие по отношению к детям совершается всё более открыто, нагло и беззастенчиво, приобретает всё более изощренные формы.

Формы и виды домашнего насилия над детьми

Одним из наиболее устойчивых мифов в России, унаследованных из прошлого, является убеждение в том, что дети – это практически единственный привилегированный «класс» в нашем обществе.

Различают четыре основные формы жестокого обращения с детьми или насилия над детьми: физическое, сексуальное, психическое (эмоциональное) насилие, моральная жестокость (пренебрежение основными физическими и социально-психологическими нуждами ребёнка).

1. Физическое насилие – это преднамеренное нанесение детям физических повреждений (увечий) родителями или лицами, их заменяющими (замещающими), либо ответственными за воспитание детей. Эти повреждения могут привести к смерти, вызвать серьезные нарушения физического, психического здоровья или отставание в развитии.

Физическое насилие можно распознать по характерным особенностям внешнего вида ребёнка и по характеру имеющихся травм.

Внешний вид (особенности физических травм при насилии):

- множественные физические повреждения, имеющие специфический характер: синяки от хватки пальцами, следы от порки ремнём, даже сигаретные ожоги и различную степень давности (свежие и заживающие);
- задержка физического развития (отставание в весе и росте), обезвоживание (у грудных детей);
- признаки плохого ухода: гигиеническая запущенность, неопрятный внешний вид, краснота, сыпь, язвы на коже и слизистых оболочках тела (что особенно характерно для не получающих должного ухода детей младенческого и раннего возраста).

2. Сексуальное насилие и развращение – это вовлечение детей в сексуальные отношения, с согласия детей или без их согласия, осознаваемое или неосознаваемое ими. Здесь не имеет значения происходит ли это в силу функциональной зрелости ребёнка (в узком смысле – до 16 лет, в широком смысле – до 18 лет) или в силу других причин. Имеется в виду вовлечение взрослыми детей в сексуальные действия, с целью получения взрослыми удовлетворения или выгоды. Развращением считается не только собственно половой акт, но и широкий спектр разных других сексуальных действий.

3. Психическое (эмоциональное) насилие – это периодическое, длительное или постоянное психическое (психологическое) резко негативное воздействие родителей (опекунов) и других взрослых на ребёнка, приводящее к формированию у него патологических черт характера или же тормозящее развитие личности.

К этой форме насилия, осуществляющегося разнообразными социально-психологическими средствами как вербально, так и невербально, относятся:

- открытое выраженное неприятие личности и постоянная жестокая критика ребёнка;
- оскорбление и унижение личностного достоинства ребёнка;
- угрозы в адрес ребенка, проявляющиеся в словесной форме без физического насилия;
- преднамеренная физическая или социальная изоляция ребёнка от окружающих людей, включая сверстников и ровесников;
- предъявление к ребёнку чрезмерных психолого-педагогических требований, не

- соответствующих его возрасту или индивидуальным возможностям;
- ложь ребёнку и постоянное невыполнение взрослыми обещаний, данных ребёнку;
- грубое уничижительное психическое воздействие социально-экономического смыслового рода и т.п.

4. Моральная жестокость – это отсутствие со стороны родителей или лиц, их заменяющих, элементарной заботы о ребенке, в результате чего нарушается его эмоциональное состояние и появляется угроза его здоровью или развитию. Социально-экономическими и социально-психологическими причинами неудовлетворения основных потребностей детей могут быть:

- отсутствие адекватного возрасту и физическим потребностям ребёнка питания, одежды, жилья, образования, медицинской помощи;
- отсутствие должного внимания или заботы, в результате чего ребёнок может стать жертвой несчастного случая;
- нанесение оскорблений, вовлечение в употребление алкоголя, наркотиков, а также в совершение правонарушений.

Также моральным проявлением жестокости во взаимодействии с ребёнком является отсутствие у женщины-матери любви и внимания к ребёнку в перинатальный (внутриутробный) период. Будучи эмоционально и морально отвергнутыми (отторгнутыми) ещё до рождения, такие дети рождаются раньше срока в два раза чаще по сравнению детьми от желанной беременности, они чаще имеют низкую массу тела, чаще болеют, хуже физиологически развиваются.

Любой вид жестокого обращения с детьми ведет к самым разнообразным последствиям, но все виды жестокости по отношению к детям объединяет одно – ущерб для физического и/или психического здоровья ребёнка (вплоть до опасности для жизни). Отрицательными последствиями для здоровья являются: потеря или ухудшение функции какого-либо внутреннего органа, развитие определённого заболевания, нарушение физического или психического развития. Следствиями физического насилия являются синяки, травмы, переломы, долговременные нарушения работы внутренних органов: печени, селезенки, почек и др. Требуется длительное время, чтобы залечить эти повреждения, но ещё больше времени и усилий требуется, чтобы залечить душевные раны, психику ребенка, пострадавшего от насилия.

Различают ближайшие и отдалённые последствия жестокого обращения с детьми.

К ближайшим последствиям относятся физические травмы и увечья, рвота, желудочные и головные боли, потеря сознания, а также острые психические нарушения (острый стресс и т.п.). Эти реакции могут проявляться в виде возбуждения, стремления куда-то бежать, спрятаться, либо в виде глубокой заторможенности, внешнего безразличия. Однако в случаях обоих типов ребёнок становится охвачен острейшим переживанием страха, тревоги и гнева. У детей более старшего возраста возможно развитие тяжелой депрессии с чувством собственной ущербности, неполноценности.

Среди отдалённых последствий жестокого обращения с детьми выделяют нарушения физического и психического развития ребёнка, различные физиологические и психосоматические заболевания, личностные, в особенности – эмоциональные нарушения, отсроченные негативные социально-психологические последствия (глубокая социальная дезадаптированность и т.п.).

Нарушения физического и психического развития детей, испытывающих насилие.

У большинства детей, живущих в семьях, в которых периодически или систематически имеет

место страшная безбожная ругань в адрес ребёнка, тяжелое физическое наказание, или в семьях, где дети начисто лишены внимания и заботы, например, в семьях законченных алкоголиков, наркоманов, уголовников-рецидивистов, – имеются признаки существенной задержки физического и нервно-психического развития.

Дети, подвергающиеся жестокому обращению и насилию, очень часто отстают в росте, массе тела, или в том и другом от своих сверстников. Они позже начинают ходить, говорить, реже смеются, они трудно адаптируются в детском саду и в школе, они значительно хуже воспитываются и учатся, чем дети из гармоничных семей. У детей, испытывающих плохое обращение, часто наблюдаются дурные привычки: сосание пальцев, кусание ногтей, расквашивание, занятие онанизмом. Внешне эти дети выглядят специфически: у них припухлые глаза, бледное лицо, всклокоченные волосы, неопрятность в одежде; имеют место признаки гигиенической запущенности – педикулез, сыпь, несвежий запах от одежды и тела. В крайней степени выраженности встречаются даже случаи бытового сифилиса, передающегося через слюну при пользовании общей посудой.

Различные заболевания как следствие насилия.

Заболевания могут носить специфический для отдельного вида насилия характер: например, при физическом насилии имеются повреждения частей тела и внутренних органов различной степени тяжести, имеют место даже переломы костей конечностей и черепа, что приводит к разнообразным гематомам, опухолям, артрозам и т.п. При сексуальном насилии у детей могут быть заболевания, передающиеся половым путем а так же возникающие из-за сексуального насилия: инфекционно-воспалительные заболевания гениталий, сифилис, гонорея, СПИД, острые и хронические инфекции мочеполовых путей, травмы, кровотечения из половых органов и прямой кишки.

Независимо от вида и характера насилия у детей могут наблюдаться различные заболевания, которые относятся к психосоматическим расстройствам, например, ожирение или, наоборот, резкая потеря веса, детские болезни сердца, детская астма и пр. При эмоциональном (психическом) насилии нередко бывают кожные сыпи, аллергическая патология, язва желудка, при сексуальном насилии – т.н. психические боли внизу живота. Часто у детей развиваются такие нервно-психические заболевания, как тики, заикания, энурез, энкопрез и пр.

Многие дети повторно поступают в отделения неотложной помощи по поводу нанесённых травм и даже – умышленных отравлений.

Психические и психологические особенности детей, пострадавших от насилия.

Пострадавшие от насилия, испытавшие на себе аффекты взрослых, дети сами испытывают гнев, который чаще всего изливают на более слабых: младших по возрасту детей, животных. Часто агрессивность таких детей проявляется в игре. Некоторые из них наоборот чрезмерно пассивны, не могут себя защитить. В обоих случаях нарушается контакт со сверстниками.

Дети, пережившие сексуальное насилие или развращение, приобретают не свойственные их возрасту познания о сексуальных взаимоотношениях, что проявляется в их поведении, в играх. Даже маленькие, не достигшие и школьного возраста дети, пострадавшие от сексуального насилия, впоследствии сами могут стать инициаторами развратных действий и втягивать в них большое число участников.

Наиболее универсальной и тяжёлой по своим долговременным последствиям для развития личности психологической реакцией детей на любого рода насилие является низкая самооценка, которая способствует сохранению и закреплению психологических нарушений,

связанных с насилием. Личность с низкой самооценкой переживает чувство вины, стыда. Вследствие этого ребёнку трудно добиться успеха, уважения окружающих, общение его со сверстниками и взрослыми сильно затруднено.

Среди этих детей и подростков отмечается высокая частота депрессий. Это проявляется в приступах беспокойства, безотчетной тоски, чувстве одиночества, в нарушениях сна и аппетита.

Чувствуя себя несчастными, обделёнными, приспособляясь к ненормальным условиям существования, пытаясь найти выход из сложившегося положения, они и сами могут стать вымогателями, хулиганами или насильниками.

В более старшем возрасте, у подростков и юношей, наблюдаются попытки покончить с собой или завершённые самоубийства.

Социальные последствия насилия для детей.

Можно выделить два проявляющихся одновременно аспекта социальных последствий насилия для детей: вред для жертвы и вред для общества.

Вред для социально-психологического развития личности.

Дети, пережившие любой вид насилия, испытывают существенные трудности социализации: у них нарушены социальные связи со взрослыми, нет соответствующих навыков общения со сверстниками, они не обладают достаточным уровнем знаний и эрудицией, чтобы завоевать авторитет среди сверстников и ровесников. Решение своих социальных проблем дети, являющиеся жертвами насилия, нередко находят в криминальной среде, а часто это сопряжено с формированием у них пристрастия к алкоголю, наркотикам, они начинают воровать и совершать другие уголовно наказуемые действия.

Девочки нередко начинают заниматься проституцией, у мальчиков может нарушиться половая ориентация.

Также важны и общественные социально-экономические потери от насилия над детьми.

Это, прежде всего, потери человеческих жизней в результате убийств детей и подростков или их самоубийств, соответственно – это утрата их и как будущих родителей, что, безусловно, отрицательно сказывается на воспроизводстве населения. Наряду с этим, – это потери в их лице полноценных членов общества вследствие нарушения их психического и физического здоровья, низкого культурного, образовательного уровня, криминального поведения.

Испытавшие периодическое и систематическое насилие и жестокость дети впоследствии испытывают трудности в создании собственной семьи, они не могут дать своим детям достаточно тепла, поскольку не решены их собственные эмоциональные проблемы, поэтому, для общества – это потери в их лице родителей, способных воспитать здоровых и физически и нравственно детей.

Наконец, это воспроизводство жестокости в обществе, поскольку бывшие жертвы сами часто становятся насильниками.

Основные причины жестокого обращения с детьми в семье

Среди социально-экономических и социально-психологических причин жестокого обращения с детьми можно выделить следующие: безработица или низкая материальная обеспеченность, алкоголизм или наркомания одного или обоих родителей, одиночество или распавшийся брак, разочарование в жизни; серьёзные жилищные трудности; озлобленность родителей; физическое или психическое переутомление взрослых; незрелость родителей; эгоизм родителей, их стремление к развлечениям; отсутствие личностной привязанности к ребёнку; чрезмерная требовательность и т.д.

Причины возникновения жестокого обращения с детьми необходимо рассматривать в совокупности и понимать причинность насилия в семье в четырех контекстах.

Причины жестокого обращения с детьми можно рассматривать в **общем социокультурном контексте**, который подразумевает в чем-то специфические для каждого общества социально-культурные установки, отношения между поколениями и полами, ролями родителей и детей. Например, в культуре существует взаимосвязь между насильственными формами поведения и представлениями о мужественности, которые вырабатывают у мальчиков, юношей и мужчин установку на господство над девочками, девушками и женщинами как лицами, принадлежащими к подчинённому полу. Другая причина – распространенные в культуре представления о методах воспитания. До сих пор физическое наказание рассматривается как хорошее средство педагогического воздействия на непослушного ребенка.

Далее, причины жестокого обращения с детьми должны рассматриваться именно в **социальном семейном контексте**, который включает в себя специфическую структуру отношений в семье и их негативную динамику (большое количество конфликтов между поколениями, конфликты и коллизии между супругами, ролевые изменения в отношениях между родителями и детьми), а также обезличенность семейных отношений. Жестокое обращение с детьми в семье в этом контексте детерминируется раздражительностью и нервозностью отца и матери. При этом ребенок перенимает модель отрицательную решения проблем и усваивает негативные образцы поведения в трудной ситуации, что в последующем ведет к возрастанию непослушания ребенка и применению в отношении него все более жестоких форм «усмирения». Помимо этого, данные дети затем воспроизводят такую контрпродуктивную модель отношений в своих семьях.

Также данную проблему необходимо рассмотреть в **индивидуальном психологическом контексте** личности родителей. Данный контекст включает в себя: представления родителей об образе жизни, специфический взгляд на собственный опыт детства, уровень самооценки и самоконтроля, представления о воспитании и воспитательных методах, степень приспособления к фрустрациям и способность бороться со стрессами и пр.

Наконец, четвертым содержательным контекстом является **кризисный психосоциальный контекст**, который проявляется в дефиците средств и возможностей для установления и поддержания бесконфликтной ситуации в семье; в нагрузках, вызванных социальными изменениями, в существенно низкой адаптации родителей в кризисных ситуациях; в некомпетентности взрослых людей решать конфликты и изменять свои представления о детях в процессе их взросления и т.д.

Естественно, при изучении причин жестокого обращения с детьми, необходимо изучать совокупность всех существующих факторов, а не одну причину, лежащую на поверхности.

Социально-правовые основы защиты детей в случаях домашнего насилия

Российская Федерация ратифицировала целый ряд международных соглашений, предусматривающих борьбу с семейным насилием в различных его формах и проявлениях. К их числу относятся подписанная в 1989 году «Конвенция о правах ребенка» и другие международно-правовые акты.

Ряд статей указанной выше Конвенции о правах ребёнка прямо указывает на недопустимость всех форм жестокого обращения с детьми, так в статье 19.1 говорится: «Государства – участники принимают все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребёнке».

Согласно статье 34 государства-участники обязуются защищать ребёнка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения. В этих целях государства-участники принимают на национальном двустороннем и многостороннем уровнях все необходимые меры для предотвращения: склонения или принуждения ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности, использования в целях эксплуатации детей в проституции или в другой незаконной сексуальной практике, использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах.

Защитить ребенка от насилия, в том числе от повторного, предупредить жестокое обращение, наказать насильника помогают существующие законодательные нормы. Правовые нормы, направленные на защиту детей от насилия и пренебрежения, включены в следующие законодательные акты:

- Уголовный кодекс РФ (УК от 13.06.96, №63-ФЗ),
- Уголовно-процессуальный кодекс (УПК от 18.12.01 №174-ФЗ),
- Семейный кодекс РФ (СК от 29.12.95 «223-ФЗ),
- Законы РФ о социальных гарантиях прав граждан, включая несовершеннолетних;
- Закон РФ об образовании (от 10.07.92 №3266-1).

В Уголовном кодексе предусмотрена ответственность за убийство (ст.102,103,106); причинение ущерба здоровью; нанесение телесных повреждений различной степени тяжести (ст.108,109,112); истязание (ст.113); заражение венерической болезнью или СПИДом (ст.115); доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, от которого он находится в служебной зависимости (ст.210); вовлечение несовершеннолетнего в немедицинское потребление лекарственных и иных средств, не являющихся наркотическими, влекущих одурманивание (ст.210); склонение к употреблению наркотических средств (ст.224) и т.д.

Уголовный кодекс позволяет привлечь к ответственности родителей или лиц, их заменяющих, за пренебрежение интересами ребёнка в тех случаях, когда это повлекло или могло повлечь за собой тяжёлые последствия: ст.106 УК предусматривает ответственность за неосторожное убийство, ст.124 – использование «опеки в корыстных целях или оставление подопечных без надзора и необходимой помощи». Закон позволяет также защитить ребенка от действий, наносящих ущерб его нравственному здоровью. Так, уголовно наказуемыми деяниями

являются: вовлечение несовершеннолетнего в пьянство, преступную деятельность, занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми, использование детей для целей паразитического существования (ст.210 УК).

Таким образом, действующий Уголовный кодекс РФ позволяет наказывать виновных в жестоком обращении с детьми и в пренебрежении их интересами, если эти действия или бездействие представляли опасность для жизни ребёнка.

Однако во многих случаях этого не происходит. Такая практика в значительной мере объясняется недостаточным знанием Уголовно-процессуального кодекса РФ и пренебрежением Уголовно-процессуальным кодексом РФ родителями и должностными лицами, призванными защитить интересы ребенка.

УПК РФ гарантирует установление истины в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, защищает интересы потерпевшего.

В Семейном кодексе определены основы правовой защиты от насилия в семье. В этой связи установлено, что способы воспитания должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление и эксплуатацию детей (ст. 65).

Статья 59 предусматривает лишение родительских прав тех родителей, которые ненадлежащим образом выполняют свои обязанности, являются хроническими алкоголиками или наркоманами. Допускается также досудебное, немедленное «отобрание» ребёнка у родителей, в случаях непосредственной угрозы его жизни и здоровью в семье (ст.77).

Кодекс подробно регламентирует права и обязанности родителей по воспитанию и образованию детей, защите их прав и законных интересов.

С целью обеспечения прав и интересов детей в семье в Кодексе последовательно проводится идея равенства прав обоих родителей, независимо от того, проживают ли они с ребёнком или нет (ст.61, 63-66, 69 и др.).

Обеспечить достижение защитных и профилактических целей во многом призвана существующая законодательная база социальной работы, а именно, принятые на федеральном уровне законы «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», «Об основных гарантиях прав ребёнка в Российской Федерации», ряд постановлений Правительства РФ и нормативных актов, гарантирующих их выполнение.

Профилактике насилия посвящена ст. 53 Закона об образовании, согласно которой к педагогической деятельности не допускаются лица, которым она запрещена приговором суда или по медицинским показаниям, а также лица, имеющие судимость за определённые преступления.

Итак, в РФ, как и в других странах, для защиты прав и законных интересов детей используются два механизма: гражданско-правовой и уголовно-правовой. Нормы семейного права применяются в тех случаях, когда в действиях родителей не содержится признаков состава какого-либо преступления.

Однако ориентация только на перечисленные меры приводит к тому, что помощь жертвам оказывается лишь тогда, когда насилие уже повлекло тяжёлые последствия и сохранить семью невозможно. Ни законодательство, ни общественное мнение не обеспечивают в полной мере

защиты детей от физического и, особенно, психологического вреда со стороны взрослых. При этом родители нередко осознают, а иногда и не осознают то, что они жестоко обращаются с ребёнком. Все это делает императивные воздействия малоэффективными, а прямую агитацию – безадресной и ставит на первое место задачу осознания указанной проблемы как лицами, вовлечёнными в насилие, так и общественностью.

Естественно, что в РФ необходимо искать иные меры, направленные на проведение работы на начальных этапах зарождения кризиса семьи. Но, к сожалению, в российском законодательстве отсутствуют основания для осуществления данных в недобровольном (обязательном) порядке, на этапе возникновения проблемы домашнего насилия над ребёнком.

Профилактика домашней жестокости и насилия

В современном мире предотвращение насилия – одна из самых актуальных задач. Несмотря на широкую распространённость семейного насилия, оно часто скрыто от «посторонних».

Комплексность подхода к проблеме насилия в семье имеет очень определяющее значение. Очень важна профилактическая работа, как с семьями, так и с подростками, готовящимися к самостоятельной жизни, а в особенности – с детьми как наименее защищёнными членами нашего общества.

Одной из целей является формирование единого подхода к проблеме семейного насилия в профессиональной среде. Крайне важна также задача информирования как общества в целом, так и всей системы дошкольного и школьного образования по этому вопросу в различных его категориях. Конкретным шагом к решению проблемы насилия в семье было бы создание системы постоянно и целенаправленно действующих комплексных мер профилактики.

Можно выделить три уровня профилактических мероприятий. Первичная профилактика направлена на предупреждение насилия в семье. Вторичная профилактика подразумевает прекращение развития насилия в конкретных семьях различными способами и методами, предупреждение его последствий и рецидива однажды возникшей критической ситуации. Третий уровень профилактики представляет комплекс реабилитационных мер для пострадавших от семейного насилия.

Насилие в семье – социальное явление, которое охватывает различные слои общества и практически все возрастные группы населения. Для осуществления комплексности в профилактике насилия в семье, необходима работа по всем трём уровням.

Основной целевой группой населения в профилактике насилия в семье являются дети и подростки.

Задачей первого уровня профилактики насилия для них является формирование ненасильственной, неагрессивной модели поведения, воспитание гармоничной личности.

Для дошкольников и младших школьников должны использоваться игровые формы обучения навыкам самовыражения; в специальных играх может повышаться уровень самооценки, вырабатывается толерантность к другим; также могут быть заложены основы правосознания.

Для школьников средних классов остается актуальным самовыражение, самооценка, толерантность. Однако в этом возрасте необходимо уже осознание границ собственного «Я». Занятия могут проводиться в форме классных часов, бесед, тренингов, обсуждений. Особенностью этого возраста является то, что эффективность проводимых мероприятий

повышается за счёт горизонтальных связей.

Для старших школьников, студентов необходимо овладение знаниями, умениями, навыками, позволяющими строить гармоничные связи с семьёй. Формами работы могут быть лекции, дискуссии, тренинги, которые целесообразно включать в некоторые предметные курсы.

Данные программы должны работать в течение некоторого времени, таким образом, дети и подростки, вступая во взрослую жизнь, смогут придерживаться норм и правил поведения при общении.

Второй уровень профилактики для этой целевой группы направлен на прекращение насильственных действий в отношении конкретных детей и подростков. Он предусматривает систему мер, которые можно разделить на три параметра:

1. Выявление детей, испытывающих жестокое обращение. Индикаторами жестокого обращения являются: агрессивность или подавленность, безнадзорность и беспризорность, ухудшение успеваемости, ухудшение здоровья, физические травмы, информация из социальных источников (одноклассники, их родители, учителя и др.).
2. Работа с родителями через информирующие лекции, индивидуальные беседы, проведение классных собраний с родителями. Основными исполнителями здесь выступают классные руководители, педагоги, преподаватели, инспектора по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, социальные работники, социальные педагоги и др.
3. Работа с детьми – привлечение их к общественной работе, индивидуальная и групповая работа, беседы, тренинги. К этой работе могут привлекаться классные руководители, школьные психологи, социальные работники, социальные педагоги, инспектора по делам несовершеннолетних. Задачей этой работы является предупреждение развития негативных психологических последствий насилия для ребенка.

Третий уровень профилактики требует выведения ребенка из среды жестокости и проведения реабилитационных мероприятий (медицинское лечение, психотерапия и т.д.).

Помимо этого, целевой группой являются профессиональные сообщества специалистов, работающих со случаями семейного насилия. Все программы профилактики должны быть направлены и на получение ими специальной подготовки. Главной задачей работы с этой группой является создание условий для возможности использования специалистами полученных в процессе реализации программы знаний и навыков на своём рабочем месте.

Первая типовая форма работы со специалистами предусматривает информирование о проблеме насилия в семье с целью её осознания и последующего распространения этих знаний среди населения.

Вторую типовую форму работы со специалистами условно можно разделить на две части:

1. Обучение приёмам выявления случаев семейного насилия, вмешательства в ситуацию в рамках своей профессиональной компетенции.
2. Подготовка социальных работников, инспекторов по делам несовершеннолетних для курирования семей с целью недопущения рецидивов семейного насилия.

Третья форма работы различна для разных групп профессионалов. Для специалистов, непосредственно предполагающих вести работу с пострадавшими от семейного насилия необходимы дополнительные углублённые знания, умения и навыки по особенностям последствий семейного насилия для разных возрастных групп. Это значимо для социальных работников, социальных педагогов, инспекторов по делам несовершеннолетних, которые

предполагают курировать конкретные семьи и пострадавших от семейного насилия детей, прошедших курс реабилитации.

Социальным измерением (приложением) программ профилактики семейного насилия является работа с общественностью. Наиболее значимыми аспектами в решении проблемы насилия в семье является информированность населения.

Здесь предусматриваются все виды информации о явлении семейного насилия: понятие, виды, последствия, а также о его альтернативе – гармоничных отношениях в семье, их преимуществах и доступности. Это могут быть публикации, передачи, репортажи в разнообразных СМИ (СМК), включая Интернет, публичные выступления разных специалистов, общественных, государственных деятелей, лекции для различных аудиторий.

Здесь необходимо информирование об имеющихся в обществе ресурсах по оказанию помощи и содействию в выходе из сложившейся трудной ситуации, а так же распространение информационных материалов, позволяющих произвести самовыявление дисгармоничных семейных отношений и насилия в семье.

Такие просветительские проекты могут формироваться через систему социального заказа, когда органы исполнительной власти поручают какому-либо научному, образовательному учреждению и/или общественной организации, разрабатывающим проблематику семейного насилия, формирование пакета подобных информационных материалов и их распространение.

Наряду с этим данный вопрос предусматривает информирование населения о специализированных учреждениях, где может быть оказана реабилитационная помощь. Необходимо также доводить до сведения граждан процессуальные аспекты получения необходимой помощи.

Таким образом, пренебрежение родительским долгом и жестокое обращение с детьми – одни из наиболее пагубных проявлений семейного насилия и жестокости. Профилактика и раннее выявление факторов пренебрежения родительским долгом и жестокого обращения с детьми, а также всесторонняя помощь детям – жертвам насилия – обязанность всего общества. Система народного образования должна иметь механизмы выявления, предотвращения и профилактики жестокого обращения с детьми, что является неотъемлемым компонентом психологической безопасности образовательной среды.

Список литературы

1. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. Монография. – СПб.: Союз, 2002.
2. Баева И.А. Безопасность образовательной среды, психологическая культура и психическое здоровье школьников. – Санкт-Петербург, 2002.
3. Баева И.А. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении. – СПб.: Речь, 2006.
4. Баева И.А. Концепция психологической безопасности образовательной среды. – СПб.: Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, 2007.
5. Баева И.А. и др. Психология безопасности как теоретическая основа гуманитарных технологий в социальном взаимодействии / Под ред. И.А. Баевой. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007.
6. Баева И.А. Общепсихологические категории в пространстве образовательной среды: Монография. – М.: МГППУ, 2008.

7. Баева И.А., Лактионова Е.Б. определение показателей экспертизы психологической безопасности образовательной среды // Информационно-методический бюллетень «Экспертиза психологической безопасности образовательной среды», № 2. — М.: Экон-ИIFORM, 2009.
8. Баева И.А., Волкова И.А., Лактионова Е.Б. Психологическая безопасность образовательной среды: Учебное пособие. Под ред. И.А. Баевой. — М.: Экон-ИIFORM, 2009.
9. Бобыкин В.М. Инновационные образовательные учреждения для детей-сирот. — Вологда: Сигма +, 2003.
10. Бреева Е.Б. Дезадаптация детей и национальная безопасность России. — М.: Дашков и К, 2004.
11. Вырвидин В.А. Управление социальной защитой детства. Учебное пособие. — М.: АСТ, 2004.
12. Голик А.Н. Социальная психология сиротства. — М.: Феникс, 2004.
13. Дементьева И.Ф. Социальное сиротство: генезис и профилактика. — М.: Мысль, 2000.
14. Донцов А.И. Социальная стабильность: от психологии до политики: монография / Александр Донцов, Елена Перелыгина. — М.: Эксмо, 2011.
15. Донцов Д.А. Экономические основы социальной работы. Уч.-метод. пособие. — М.: МГПУ, 2006.
16. Донцов Д.А. Организация, управление и администрирование в социальной работе. Уч.-метод. пособие. — М.: МГПУ, 2006.
17. Донцов Д.А., Донцова М.В. Социальная работа с детьми-сиротами и с детьми, оставшимися без попечения родителей // Вестник МГПУ № 3, 2008.
18. Донцов Д.А., Москвитина О.А., Ерёмкина Л.Ю. Неблагополучные семьи с позиций специалистов по социальной работе // Школа здоровья № 4, 2008.
19. Донцов Д.А., Донцова М.В. Модели семейного психологического консультирования // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы № 2. — М., 2009.
20. Донцов Д.А., Ерёмкина Л.Ю., Орлова И.Н. Правовые и технологические аспекты социальной работы с мигрантами, на примере социальной работы с детьми беженцев // Информационный бюллетень МГППУ Экспертиза психологической безопасности образовательной среды № 4. — М.: Экон-ИIFORM, 2009.
21. Донцов Д.А., Донцова М.В. Содержание психосоциальной работы с безнадзорными детьми и подростками // Информационный бюллетень МГППУ Экспертиза психологической безопасности образовательной среды № 6. — М.: Экон-ИIFORM, 2009.
22. Донцов Д.А., Москвитина О.А., Орлова И.Н. Технологии психосоциальной работы и психологической помощи в кризисных и экстремальных ситуациях // Вестник Санкт-Петербургского Государственного Университета. Психология. Социология. Педагогика. Серия 12. Выпуск 1. — СПб.: СПбГУ, 2010.
23. Донцов Д.А., Ковров В.В. Базовые формы и технологии психосоциальной работы в качестве комплексного условия обеспечения безопасности образовательной среды // Информационный бюллетень МГППУ Экспертиза психологической безопасности образовательной среды № 9. — М.: Экон-ИIFORM, 2010.
24. Донцов Д.А., Донцова М.В. Социальное положение безнадзорных детей и подростков в Российской Федерации. // Современные исследования социальных проблем: Материалы III Общероссийской научно-практической конференции с международным участием. Вып. I. — Красноярск: Научно-инновационный центр, 2011.
25. Донцов Д.А., Донцова М.В., Поляков Е.А., Сухова Г.В. Детская возрастная психология: Учебное пособие. — Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2011.
26. Захарьева И.А. Нет насилию. (Анализ проблемы насилия и его профилактики среди детей и подростков). — СПб: изд-во СПб Университета МВД России, 2004.
27. Зубкова Т.С., Тимошина Н.В. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семьи. — М.: Академия, 2003.

28. Иващенко Г.М. Общие принципы организации реабилитационной работы в социально-реабилитационных центрах для несовершеннолетних. – М.: Проспект, 2000.
29. Ключников С.В. Социальная адаптация детей, оставшихся без попечения родителей. – Великий Новгород: Смысл, 2002.
30. Ильященко А.В. Основные черты насильственной преступности в семье // Социс., 2003-№4.
31. Лисина Л.И. Психическое развитие воспитанников детского дома. – М.: Просвещение, 2000.
32. Методические рекомендации к планированию социально-реабилитационной воспитательной работы с несовершеннолетними в условиях социально-реабилитационного центра (с приютом) для несовершеннолетних. – Кемерово: Альфа+, 2001.
33. Нормативно-правовые основы профилактики беспризорности и безнадзорности детей: Сборник нормативных актов РФ. – М., 2003.
34. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении / Под ред. И.А. Баевой. – СПб.: Речь, 2006.
35. Рубцов В.В., Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды как условие психосоциального благополучия школьника / В кн. Безопасность образовательной среды: Сб. статей. Ч. 1. – М.: Экон-Информ, 2008.
36. Рыбинский Е.М. Управление системой социальной защиты детства. Социально-правовые проблемы. – М.: Прогресс, 2004.
37. Сафонова Т.Я., Цымбал Е.И., Олиференко Л.Я., Иванова Н.А. Жестокое обращение с детьми: сущность, причины, социально-правовая защита. – М.: Дом, 1993.
38. Соколова М.А. Правовые аспекты социальной работы с детьми, оставшимися без попечения родителей. Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: МГУС, 2006.
39. Социальная работа: теория и практика. Отв. ред.: Холостова Е.И., Сорвина А.С. – М.: Инфра-М, 2004.
40. Социальная антропология насилия / Под ред. ред. В.Н. Ярской. – Саратов: СГТУ, 2005.
41. Технологии социальной работы с детьми, пострадавшими от семейного насилия: Научно-методическое пособие / Под ред. Л.С. Алексеевой. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2001.
42. Технологии социальной работы с различными группами населения. Учебник. // Павленок П.Д., Руднева М.Я. Под общ. ред. П.Д. Павленка. Рецензенты: Б.Ф. Усманов, Д.А. Донцов. – М.: Инфра-М, 2009.

Б. ГРУШИН О КОНФЛИКТАХ И О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Цой Любовь Николаевна

Б. Грушин входил в узкую группу исследователей, так называемых основателей теоретико-эмпирической социологии. Он один из первых социологов, который стал изучать общественное мнение, обнаружил механизмы формирования массового сознания в СССР на рубеже 60-70 годов прошлого века («Таганрогский проект»).

Вопросы гражданского мира, конфликтов, социальной напряженности и войны, были в центре внимания и изучения общественного мнения.

Первый опрос был проведен 10 – 14 мая 1960 года в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств СССР, США, Франции и Англии, всего через две недели после того, как на Урале был сбит американский самолет-разведчик и пленен пилот Пауэрс.

Тема опроса: *"Удастся ли человечеству предотвратить мировую войну?"* была весьма актуальной, но напрямую не связанная с первомайским инцидентом.

Анкета для самозаполнения включала в себя три главных вопроса:

- *Удастся ли человечеству предотвратить войну (Да, нет).*
- *На чем основана Ваша уверенность?*
- *Что должно быть сделано, прежде всего, для укрепления мира?*

Результаты изучения общественного мнения становились достоянием всего мирового сообщества, обсуждались не только на самых верхних этажах власти, но и простыми гражданами в СССР. Осознавшие реальное положение в стране граждане становились опасными для власти. Усиливалось напряжение между наукой и властью. Все острее обозначалась незаинтересованность органов управления в объективной информации и их настороженность в отношении к выводам, даже мало-мальски отклонявшимся от императивов набравшего силу социального мифотворчества. Начинали проявляться признаки эпохи застоя и в 1967 году финансирование изучения общественного мнения прекратилось. Наступила эпоха застоя.

24 июня 1994 г. в передаче по радио «Свобода» Б.А. Грушин задал аудитории несколько вопросов:

- *Возможен ли гражданский мир в России?*
- *Возможна ли гражданская война?*
- *Как охарактеризовать российское общество?*

Сам Грушин Б. на первые два вопроса ответил отрицательно. Общее положение граждан в России к середине 1994 г. он охарактеризовал словами Гоббса *«война всех против всех»*. Взгляд Б.Грушина не совпадал с оптимистическими оценками большинства политиков и аналитиков того времени, которые, по его мнению, выдают желаемое за действительное.

Реальность российской действительности согласно взглядам Б.Грушина состоит в том, что:

1. *разрушились механизмы государственного воздействия на людей, что и приводит к, так называемому, естественному состоянию;*
2. *в этих условиях гражданский мир невозможен, так как активные субъекты социальных*

преобразований имеют разные интересы, руководствуются разными системами миропонимания, ведут страну одновременно в разных направлениях;

3. *гражданская война в 1994 году также невозможна, так как конфликт носит многоглавый, а не двуглавый характер. Общество рассечено множеством конфликтных линий, что не позволяет ему поляризоваться и занять позиции по разные стороны одной баррикады.*

Б.Грушин дал такую характеристику опираясь на философские идеи о природе человека и функции государства Гоббса, который полагал, что естественное состояние общества - это «война всех против всех», что «природа создала людей равными в отношении физических и умственных способностей», что человек по природе есть некая самость, для которого другие люди представляют лишь среду его обитания, врагов или партнеров. Государство существует не от природы, смысл создания государства заключается в самосохранении и возможности насильственного преодоления конфликтов. Но это равенство людей от природы само по себе не есть благо. Наоборот, «из этого равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей. Вот почему, если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами. На пути к достижению их целей... они стараются погубить или покорить друг друга». Взаимное недоверие возникает из равенства надежд на достижение целей. Гоббс выделяет три основные причины конфликта: «во-первых, соперничество; во-вторых, недоверие; в-третьих, жажда славы».

Но, значительно раньше жил философ Аристотель, который утверждал, что «государство - продукт естественного возникновения..., оно принадлежит тому, что существует по природе, человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто... живет вне государства, - либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по природе своей только и жаждет войны». Почему Грушин Б. в своем ответе опирался на идеи Гоббса, а не на идеи Аристотеля? Неужели он действительно не верил в то, что граждане не способны преодолеть вражду естественного состояния? Ничего подобного. Именно вера в каждого человека и в Россию вынуждала Б.Грушина публично излагать свою позицию и доводить до широкого круга людей результаты общественного мнения. Много лет назад Б.Грушин ответил, что гражданский мир, как гражданская война в России невозможны. Сегодня в России есть хрупкий гражданский мир и скрытая гражданская война, прорывающаяся в протестах несистемной оппозиции, конфликты, которые прорываются во всех сферах жизнедеятельности и в регионах. Именно поэтому изучение общественного мнения становится еще более актуальным, так как люди желают знать всю правду о том, что творится в их стране, они способны осмысливать ситуацию, в которой они живут, извлекать уроки из своего собственного опыта и приходить к согласию в отношении ценностных ориентиров и выбора пути развития.

ЛИЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОКАЛЭТИКИ

Цой Любовь Николаевна

Глобальные изменения и риски

Глобальные изменения современного мира бросили вызов концепциям безопасности социальных систем стран с тоталитарным режимом управления, в частности странам бывшего СССР, а ныне СНГ. Эти изменения в первую очередь связаны с процессами формирования постиндустриального общества, с процессами глобализации. Идеология и общественное мнение о безопасности в сфере информационно-коммуникативных процессов, направленных на сохранение, как деятельности, так и субъекта деятельности - находятся на стадии формирования.

В эпоху глобализации философия социальных систем должна быть ориентирована на ценности и смыслы, включенные в широкий социальный контекст, предопределяющие разную деятельность с целью защиты жизни каждого человека и безопасности государства. Идеи, которые являются привлекательными для большинства людей в мире, обеспокоенных своей безопасностью и безопасностью своего дела, сконцентрированы в философии ненасилия, идеях сотрудничества, консенсуса, договоренностей, партиципативности и партнерства. В них насилие рассматривается как узурпация свободной воли и посягательство на свободу человеческой воли. Термин «глокалэтика» предлагает глобализирующемуся миру новую этическую матрицу, в которой, с одной стороны, отвергается высокомерие современной морали по отношению к нравам и традициям (т.е. право морали на господство над обычаем), а с другой стороны предлагает осмыслить традиции в контексте безопасности каждого человека независимо от традиций, которых он придерживается.

В имеющейся социологической литературе недостаточно раскрываются проблемы безопасности, которые напрямую связаны с социальной ответственностью каждого человека. Каждый человек испытывает страх перед другим человеком, если знает, что у него есть оружие. И каждый человек хочет обезопасить себя от возможности применения оружия. В статье раскрываются установки населения северокавказского федерального округа (СКФО) РФ на право ношения огнестрельного оружия.

Безопасность в контексте истории, экономики и статистики

О безопасности можно говорить только в контексте угроз и рисков, которые бывают: мнимыми, реальными (объективными), прогнозируемыми. Существует множество аспектов безопасности: личная, национальная, экономическая, социальная, политическая, экологическая, информационная, военная, международная и т.п.

В контексте исследования предлагается придерживаться определения безопасности, как состояния общественных отношений, при котором личность, социальная группа, народ, страна (государство) может самостоятельно, суверенно, без вмешательства и давления извне свободно выбирать и осуществлять свою стратегию поведения.

В новейшей истории развития республик СКФО социальная безопасность граждан – одна из важнейших в условиях низкого уровня развития социально-экономической сферы. При ее таком длительном прижизненном состоянии, учитывая, что в республиках СКФО с 80-х годов XX века не был реализован ни один социальный проект, связанный с открытием рабочих мест. Анализируя криминальную ситуацию в СКФО, руководители государства признавались в слабой социальной политике центра на Северном Кавказе, а слабая социальная политика создает благоприятную почву для криминала с широким использованием огнестрельного оружия. В итоге Кавказ вносит свою лепту расширения людского потенциала для организаторов современного террористического движения и расширения идей радикального течения ислама.

Возможность применения частными лицами огнестрельного оружия в нашей стране, особенно на Северном Кавказе, после распада Советского Союза на фоне участвовавших терактов приобретает большую актуальность. Вопрос, который стоит перед обществом в контексте данного вопроса, очень широк и не ограничивается лишь материальной стороной, а охватывает весь спектр человеческих ценностей, прав, свобод, в т.ч. законные интересы личности, охрану безопасности, имущества и достоинства граждан.

Провозглашенные права и свободы в реальной социальной жизни в республиках СКФО превращаются в абстрактные, виртуальные понятия. Здесь объяснение очень простое – бездействие правоохранительных органов, их низкая регистрационная активность, в чем уверены почти все наши эксперты. Количество преступлений год от года растет. Так, например, в РСО–А, несмотря на малочисленное население (710 тыс. человек), за год происходит от 10 до 15 громких убийств. Всего же в 2005 году были совершены 78 убийств, 15 из них не раскрыты, а в 2009 году – 70 убийств, не раскрыты 24.

По мере развития северокавказского общества безопасность все больше воспринимается как сохранение нации в целом. В этом контексте побудительным мотивом является сохранение себя как личности, семьи и общества, поэтому во времена межнациональных войн на Северном Кавказе люди любой ценой стремились приобрести оружие, продавая крупный рогатый скот, который кормил семью.

В последнее время в средствах массовой информации много говорится о том, что в правоохранительные органы попадают люди, которые непригодны не только в смысле профессионализма, но элементарно не отвечают тем морально-нравственным качествам, которые необходимы для работы в структуре, обеспечивающей безопасность граждан. Руководством страны, с учетом неудовлетворительных показателей в раскрываемости, росте преступлений, обвинений в сращивании милиции с криминальным миром, жалобами со стороны населения, предпринимался ряд мер, которые так и не принесли желаемого результата. В настоящее время также идет широкомасштабная реорганизация органов внутренних дел, о результатах которой можно будет судить только спустя некоторое время. Но речь идет о сегодняшнем дне, когда в глазах населения образ сотрудника милиции дискредитирован как никогда. Скандалы, связанные с участием сотрудников милиции, включая высокопоставленных милицейских чиновников, в громких преступлениях, не вызывают в народе доверия к правоохранительным органам. В такой ситуации у населения и впредь будет желание приобретать оружие, как говорится «спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

Ситуации, когда произошла ресоциализация определенной части общества, т.е. разрушение ранее принятых ценностей и модели поведения личности, с последующим усвоением ценностей, радикально отличающихся от предыдущих, способствующих изменению мировоззрения граждан в ситуациях крайнего напряжения, могут быть весьма драматичными.

С потерей понимания роли государства как инструмента принуждения личность опускается и, в

конце концов, превращается в варвара. Такие моральные ценности, как достоинство, доброжелательность, честность и скромность, уходят из общественной жизни. Из жизни общества ушел также и страх наказания. В таких условиях, по мнению большинства, хранение огнестрельного оружия может вызвать необратимые процессы в социальной жизни общества, о чем свидетельствуют результаты опроса.

Методология исследования

Объектом исследования являются национальные республики Северного Кавказа, входящие в Северо-Кавказский федеральный округ России: Республика Адыгея, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика.

Для полноценной реализации целей и задач исследования в каждой республике в январе – феврале 2009 г. был проведен репрезентативный опрос жителей. Целесообразный объем выборки составил 500 респондентов и 5 экспертов в каждой республике. Математическая ошибка такой выборки не превышает 3,1%, то есть обеспечивает надежную репрезентативность для каждого обследуемого субъекта Российской Федерации. Общий объем выборки для семи республик составил соответственно 3500 респондентов (из них 50% – коренное население и 50% – русские и русскоязычные) и 35 экспертов.

Для проведения опроса в каждой республике выборка строилась как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов, маршрутная, квотная по социально-демографическим и национальным признакам. А также с учетом возможности сравнительного анализа установок «титულიной» части населения республик СКФО и русского и русскоязычного населения (пол, возраст, образование, национальный состав), с учетом возможности сравнительного анализа автохтонной части населения республик СКФО и русской и русскоязычной частей.

Вопрос №1

Нашим респондентам был задан вопрос: *«На Кавказе возродилась традиция иметь огнестрельное оружие в доме. Как вы думаете, в нынешних условиях правильно разрешить хранить огнестрельное оружие в доме?»* (Таблица №1).

Первый вариант ответа:

-*«Безусловно, необходимо разрешить»* хранить огнестрельного оружие в доме выбрали 44,6% ингушей, 44,4% русских и русскоязычных РИ, 25,1% осетин, 27,5% народов РД.

- *«Скорее, необходимо разрешить»*, – так думают 27,7% ингушей, 27,4% карачаевцев, черкесов, 26,2% кабардинцев, балкарцев.

Если сложить два варианта, то «за»: ингуши РИ (72,3%), русские и русскоязычные РИ (50,0%), дагестанцы (49,7%), карачаевцы, черкесы (47,9%), осетины (45,6%), адыгейцы (40,6%), русские и русскоязычные РД (39,0%), чеченцы (38,0%), русские и русскоязычные КБР (36,8%), русские и русскоязычные РСО–А (36,7%), русские и русскоязычные КЧР (33,7%), русские и русскоязычные РА (28,9%), русские и русскоязычные ЧР (27,1%).

Третий вариант: *«скорее, необходимо изымать»* выбрали 29,6% русских и русскоязычных ЧР,

28,9% русских и русскоязычных РА, 28,7% русских и русскоязычных РСО–А, 25,6% осетин, 25,0% русских и русскоязычных КЧР.

За то, чтобы «безусловно» изымать у населения из оборота незаконное огнестрельное оружие 34,6% русских и русскоязычных РА, 33,3% русских и русскоязычных ЧР, 32,6% русских и русскоязычных КЧР, 28,1% чеченцев, 27,4% карачаевцев, черкесов, 26,7% русских и русскоязычных РД, 26,4% русских и русскоязычных КБР.

Вновь сложим два варианта (третий и четвертый) и получим, что 63,5% русских и русскоязычных РА, 62,9% русских и русскоязычных ЧР, 57,6% русских и русскоязычных КЧР, 48,2% русских и русскоязычных РСО–А, 46,9% чеченцев, 45,6% русских и русскоязычных КБР, 44,7% адыгейцев, 43,8% карачаевцев и черкесов, 41,4% осетин, 38,4% кабардинцев, балкарцев, 38,3% русских и русскоязычных РД, 30,0% дагестанцев, 27,8% русских и русскоязычных РИ, 14,3% ингушей *против разрешения хранить огнестрельное оружие в доме.*

Достаточно высокий процент тех, кто не смог выразить свое отношение к данной проблеме: в ЧР среди русских и русскоязычных (33,3%) и чеченцев (28,1%), в РД русских и русскоязычных (26,7%), в РСО–А русских и русскоязычных (19,5%), в КБР

Таблица №1

НА КАВКАЗЕ ВОЗРОДИЛАСЬ ТРАДИЦИЯ ИМЕТЬ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ В ДОМЕ.

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В НЫНЕШНИХ УСЛОВИЯХ ПРАВИЛЬНО РАЗРЕШИТЬ ХРАНИТЬ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ В ДОМЕ?

Код ответа	Варианты ответа	РА		КБР		КЧР	
		адыгейцы	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	русские и русскоязычные	карачаевцы, черкесы	русские и русскоязычные
1	безусловно, необходимо разрешить	17,6	11,4	16,3	16,8	20,5	12,0
2	скорее, необходимо разрешить	22,4	17,5	26,2	20,0	27,4	21,7
3	скорее, необходимо изымать	24,7	28,9	23,3	19,2	16,4	25,0
4	безусловно, необходимо изымать	20,0	34,6	15,1	26,4	27,4	32,6
5	затрудняюсь ответить	15,3	7,6	19,2	17,6	8,2	8,7
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Код ответа	РД		РИ		РСО–А		ЧР	
	народы Дагестана	русские и русскоязычные	ингуши	русские и русскоязычные	осетины	русские и русскоязычные	чеченцы	русские и русскоязычные
1	27,5	15,7	44,6	44,4	25,1	14,9	14,6	8,6
2	22,2	23,3	27,7	5,6	20,5	21,8	23,4	18,5
3	12,0	11,6	9,8	16,7	25,6	28,7	18,8	29,6
4	18,0	26,7	4,5	11,1	15,8	19,5	28,1	33,3
5	20,4	22,7	13,4	22,2	13,0	14,9	15,1	9,9

	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
--	-------	-------	-------	-------	-------	-------	-------	-------

кабардинцев, балкарцев (19,2%), русских, русскоязычных (17,6%), в РД дагестанцев (18,0%), в РСО-А осетин (15,8%), в РА среди коренного населения (15,3%).

Анализ таблицы показывает, что большая часть населения северокавказских республик *за то, чтобы изымать у населения незаконное огнестрельное оружие*. Но настораживает то, что каждый второй житель коренной национальности, русского и русскоязычного населения РИ, каждый третий дагестанец РД, каждый четвертый житель РСО-А *не сомневается в том, что людям необходимо разрешить держать оружие в доме*.

Несмотря на то, что большинство *ЗА изъятие оружия* в некоторых республиках, если суммировать два первых варианта, то результаты опроса говорят о том, что *каждый второй и более* житель коренной национальности КБР, КЧР, РД, РИ, РСО-А и русского и русскоязычного населения РИ *хочет вооружиться*.

Если же суммировать третий и четвертый варианты, то *ЗА изъятие* – каждый второй и более коренной житель РА, ЧР и русского и русскоязычного населения РА, КБР, РСО-А и ЧР. Надо отметить, что против вооружения активнее высказывается русское и русскоязычное население республик Северного Кавказа.

Вопрос №2

На вопрос: «*Вы лично допускаете возможность применения частными лицами огнестрельного оружия?*» получены следующие ответы: безусловно, допускают возможность применения огнестрельного оружия 36,0% ингушей, 27,8% русских и русскоязычных РИ. Скорее, допускают такую мысль 28,8% карачаевцев, черкесов, 26,7% кабардинцев, балкарцев, 25,4% русских и русскоязычных РД. (Таблица №2)

Каждый третий русский и русскоязычный РИ (33,3%), осетин (28,8%) и русский и русскоязычный РСО-А (29,9%), каждый четвертый русский и русскоязычный РА (25,2%) скорее, не допускает возможность применения огнестрельного оружия.

Без сомнения против применения огнестрельного оружия каждый третий русский и русскоязычный КЧР (30,8%), РА (31,0%), РД (26,6%), ЧР (34,6%), чеченец (27,7%), адыгеец (27,1%), каждый четвертый русский и русскоязычный КЧР (25,0%) и каждый пятый русский и русскоязычный КЧР (20,5%). Пятый вариант ответа: «руку, взявшую оружие, надо отрывать по шею» во всех группах не набрал легитимного большинства.

Затруднились с ответом на вопрос русские и русскоязычные РД (19,7%), осетины (19,1%), народы РД (18,8%), кабардинцы, балкарцы (18,0%), русские и русскоязычные РИ (16,7%), ингуши (16,2%), русские и русскоязычные КБР (14,5%), карачаевцы, черкесы (13,7%).

Таблица № 2

ВЫ ЛИЧНО ДОПУСКАЕТЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ЧАСТНЫМИ ЛИЦАМИ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ?

Код ответа	Варианты ответа	РА		КБР		КЧР	
		адыгейцы	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	русские и русскоязычные	карачаевцы, черкесы	русские и русскоязычные
1	безусловно, допускаю	10,6	9,0	8,1	9,7	15,1	17,6

Код ответа	Варианты ответа	РА		КБР		КЧР	
		адыгейцы	русские и русскоязычные	кабардинцы, балкарцы	русские и русскоязычные	карачаевцы, черкесы	русские и русскоязычные
2	скорее, допускаю	24,7	18,6	26,7	15,3	28,8	20,9
3	скорее, не допускаю	21,2	25,2	23,3	24,2	11,0	16,5
4	безусловно, не допускаю	27,1	31,0	16,3	25,0	20,5	30,8
5	«руку, взявшую оружие, надо отрывать по шею»	10,6	9,0	7,6	11,3	11,0	6,6
6	затрудняюсь ответить	5,9	7,1	18,0	14,5	13,7	7,7
		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Код ответа	РД		РИ		РСО-А		ЧР	
	народы Дагестана	русские и русскоязычные	ингуши	русские и русскоязычные	осетины	русские и русскоязычные	чеченцы	русские и русскоязычные
1	22,4	10,4	36,0	27,8	16,7	8,0	7,3	12,3
2	15,2	25,4	20,7	11,1	18,6	23,0	21,5	13,6
3	18,2	13,3	18,0	33,3	28,8	29,9	24,1	21,0
4	21,8	26,6	8,1	11,1	13,5	18,4	27,7	34,6
5	3,6	4,6	0,9	0,0	3,3	6,9	9,9	9,9
6	18,8	19,7	16,2	16,7	19,1	13,8	9,4	8,6
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В таких республиках, как РИ, КЧР, КБР, РД среди коренного населения есть значительные силы, которые способны применить при случае огнестрельное оружие. Среди русского и русскоязычного населения такие же настроения проявились в РИ, РД.

По мнению экспертов, применение огнестрельного оружия возможно только в целях самозащиты и обязательно должно быть законным, ибо незаконно приобретенное оружие чаще всего попадает в криминальные структуры. Эксперты и респонденты предлагают ужесточить наказание за незаконное хранение огнестрельного оружия.

Также есть мнение, что необходимо дать разрешение иметь травматическое оружие частным лицам. Но важно учитывать традиции на Кавказе: по прошествии десятилетий кровная месть еще в силе. Если гражданам будет позволено иметь огнестрельное оружие, то институт кровной мести вновь возродится. Анализ социальной структуры некоторых народов в республиках СКФО показал, что они отстали от других республик в культурном развитии, что во многом связано с низким материальным уровнем подавляющей части населения с учетом сохранения традиции родового быта и склада.

Размышления социолога

В обществе есть мнение: если даже у граждан нет желания иметь в доме оружие, условия жизни их провоцируют. С одной стороны, этого быть не должно, с другой – люди держат оружие в

доме, чтобы защищать свою семью. Органы власти не могут обеспечить их безопасность. Хранить в доме оружие – это необходимость, если, конечно, речь не идет о ящиках с оружием. Но все должно быть законно, должно быть соответствующее разрешение на хранение огнестрельного оружия. Все эти люди должны быть на учете и их необходимо систематически досконально проверять.

Эксперты считают, что можно разрешить иметь огнестрельное оружие тем, кто вынужден иметь с ним дело по долгу службы, а также еще в том случае, если это будет жестко регулироваться законодательством (все условия хранения и т.д.). Но разрешать иметь оружие нужно только психически уравновешенным людям. Это очень сложный вопрос, который необходимо изучить на государственном уровне. Государство, власть не могут обеспечивать гарантий личной безопасности, безопасности собственности и т.д. Если в нашей стране будет жить безопасно, то вопрос об оружии автоматически снимается.

Общественное сознание готово к тому, чтобы запретить хранение огнестрельного оружия, так как на данном этапе, когда человек не может себя ограничить сам (а ограничение должно быть в мыслях, чувствах, действиях), должно срабатывать внешнее ограничение. Неподготовленному сознанию нельзя давать свободу.

На Северном Кавказе в настоящее время больше минусов. С одной стороны, необходимо, чтобы какие-то формы защиты были по той причине, что беспокойный регион. И проблемы есть: уличная преступность, кражи автомашин, покушение на личную собственность... Считается, что Северный Кавказ – сложный регион. Во-первых, культура не на должном уровне, что может отразиться и на использовании огнестрельного оружия. В-третьих, имеют место межнациональные конфликты, в ходе которых может сработать это оружие. Продажа огнестрельного оружия разрешена в высококультурных странах, где ценность жизни высока, в нашей же стране ее нет. Ее не было и в царской России, и в советский период, и тем более в постсоветский. Понимание ценности жизни у нас нет, оно не выработано исторически. Если в нашей стране разрешить хранение оружия, то возрастет количество самоубийств, грабежей и т.д.

По мнению экспертов, эта традиция на Кавказе никогда не умирала. Но вопрос в том, правильно это или нет. На первый взгляд, неискушенному человеку мысль о том, что все вооружатся, кажется ужасной, особенно у женщин возникают опасения по поводу того, что возникнет беспредел. А возможно, что все будет совершенно наоборот, поскольку если преступник будет знать, что его потенциальная жертва вооружена, то этот факт может служить барьером его преступному действию. Эта мера, конечно, не искоренит преступность, и в первое время возможен некий всплеск насилия, но в итоге благодаря оружию как сдерживающему фактору должна произойти стабилизация криминальной обстановки. Оружие дает человеку личную защищенность, чего у нас не было в советские времена, когда государство фактически стояло над личностью, и чего мы не имеем сейчас.

Анализ ответов респондентов в зависимости от гендерной принадлежности, возраста, образования и места жительства особых изменений не выявил.

У респондентов есть устойчивое мнение: хранение огнестрельного оружия в России необходимо запретить. На данном этапе, когда человек не может себя ограничить сам (а ограничение должно быть в мыслях, чувствах, действиях), должно срабатывать внешнее ограничение. Нельзя неподготовленному сознанию давать в руки оружие. Мы находимся на том этапе, когда запрет необходим.

Материалы исследования позволяют сделать следующие ВЫВОДЫ

На фоне абсолютной бедности населения и неспособности властей обеспечить социальное благополучие большинства населения, тенденция к приобретению оружия легальным и нелегальным путями будет расти, учитывая, что у людей растет страх перед угрозой новых терактов, разбойных нападений, грабежей и физическим уничтожением личности.

Высокий уровень безработицы будет способствовать появлению бандформирований, что является, по сути дела, открытым выражением недовольства своим униженным положением, учитывая, что подавляющая часть населения, а если проще, кроме людей власти, считают свое положение совершенно нетерпимым, включая в эту категорию высококвалифицированных граждан: учителей, врачей, ученых с научными степенями и званиями, работников культуры, искусства и литературы.

Если ситуация в сфере ношения огнестрельного оружия не станет меняться, то угроза государственной безопасности России будет нарастать, так как не будет удовлетворяться основополагающая потребность каждого человека и социальных групп, потребность в личной безопасности, защите от угроз, насилия и рисков.

Список литературы

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М., 2001;
2. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003;
3. Асадуллин Ф.А. Ислам в Москве. М., 2007;
4. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002;
5. Горленко Д. Легализация огнестрельного оружия в России. Дорога к «Дикому Западу» // <http://pgtu.by.ru/pub/gun.shtml>;
6. Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М., 2004;
7. Дзугцев Х.В. Пути преодоления этносоциальных конфликтов в СКФО РФ. М., 2010;
8. Дзугцев Х.В. Беслан после 1-3 сентября 2004 г.: социологический анализ. М., 2008;
9. Дробижина Л.М. Возможность совместимости гражданской и этнической идентичности//Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформаций. Киев, 2007;
10. Карпов А.В. Язычество, христианство, двоеверие. Религиозная жизнь Древней Руси в IX-XI вв. СПб., 2008;
11. Лапин Н.И. Пути России. М., 2000;
12. Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. М., 2001;
13. Локосов В.В. Трансформация российского общества (социологические аспекты). — М., 2002;
14. Малашенко А.В. Ислам для России. М., 2007;
15. Мансика В.И. Религия восточных славян. М., 2005;
16. Мосс М. Социальные функции священного. СПб., 2000;
17. Подвижники ислама: культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М., 2003;
18. Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 16 мая, 2003г. // www.kremlin.ru;
19. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. Составление и общая редакция Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., 2009;

20. Религия и глобализация на просторах Евразии. М., 2005;
21. Религия и политика на рубеже двух тысячелетий. М., 2000;
22. Россия и Чечня. СПб., 2003;
23. Рэдклифф-Браун А. Р. Религия и общество // Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001;
24. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002;
25. Федеральный закон «Об оружии», принятый Государственной Думой РФ 13 ноября 1996г.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ «ЯМА» В РОССИИ И БЕЗРАБОТИЦА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ

Дружилов Сергей Александрович

Среди множества испытаний, через которые приходит наша страна в эти годы, особняком стоит надвигающаяся безработица преподавателей высшей школы. Об этом думают социологи, руководители системы образования, с 2010 г. «бьют в колокола» отечественные СМИ (в основном, – электронные). Летом 2010 г. Министерство образования и науки РФ представило в правительство и разослало по федеральным ведомствам расчеты, свидетельствующие о том, что без работы в период с 2011 г по 2015 г. могут остаться около 100 тыс. преподавателей вузов. Если, по данным Росстата, в 2010 г. в государственных вузах работало 341 тыс. преподавателей, а с учетом негосударственных – около 400 тыс., то в зоне риска оказывается каждый четвертый.

Так ситуация виделась летом в 2010 г. А всего через полгода, в феврале 2011 г., в утвержденной Председателем Правительства РФ В.В. Путиным «Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 годы», приводятся более жесткие показатели: «в профессиональном образовании прогнозируется снижение численности профессорско-преподавательского состава на 20-30 %». Ситуация явно усугубляется.

Причина назревающих проблем связана с кризисом рождаемости в 1990-е годы. Подошло к окончанию школы малолюдное поколение – значит, мало будет студентов. Министр образования и науки России А.А. Фурсенко, выступая 2 июня 2010 г. на «правительственном часе» в Госдуме, сообщал «Количество учеников уменьшилось на 40 %, сейчас демографический кризис переходит в сферу профессионального образования... В ближайшие три года нас ожидает спад как минимум на 2 млн. человек». Министр добавил, что демографический кризис продлится до 2020 г. По уточненному в «Концепции 2011-2015» прогнозу численность студентов вузов в 2013 г. составит 4,2 млн. человек, снизившись более чем на 40 % по отношению к численности студентов вузов в 2009 г. (7,4 млн. человек).

Поэтому и не всем преподавателям удастся сохранить работу. Все понятно и, казалось бы, логично: Демография – ничего не поделаешь! ...

В 1992 г. кривая рождаемости на графике пересеклась с кривой смертности (что называют «российским крестом»). В последующие годы уровень смертности в России превышает уровень рождаемости: умирает больше чем рождается.

Обвальное снижение рождаемости началось с 1989 г., к 1993 г. рождаемость упала на треть. В период с 1994 г. по 2002 г. в России рождалось ежегодно мене 1,4 млн. человек. Абсолютный минимум рождаемости зарегистрирован в 1999 г. – 1.2 млн. человек, одновременно коэффициент рождаемости опустился до исторического минимума и составил 1,19 ребенка.

Первые «ласточки» приближающегося демографического кризиса проявили себя в снижении конкурсов во многие (но прежде всего – провинциальные) вузы в 2009-2010 гг., когда родившимся в 1993-1994 гг. исполнилось 17 лет – возраст окончания средней школы. А в 2011 г. абитуриентов оказалось меньше, чем число плановых

мест в вузах в предшествующие годы.

В 2011 г. выпускной экзамен (ЕГЭ) сдавало 800 тыс. российских школьников. Выпускников стало на 9 % меньше, чем в предыдущем, 2010 г. Тенденция на снижение продолжится, а самый большой спад ожидается через пять лет (в 2016 г.), ведь 1999-й год стал для России настоящей демографической ямой.

По мнению директора Института демографических исследований И.И. Белобородова, это еще только начало демографического кризиса. К 2025 г. нас ожидает двукратное снижение численности женщин репродуктивного интервала (в возрасте от 20 до 29 лет, на эту группу приходится около 80% всех родов). Мнение российского ученого подкрепляется расчетами американских демографов, согласно которым рождаемость в России к указанной дате не превысит 1 млн. человек. К этому времени количество трудоспособного населения сократится на 10 млн. человек.

Министр образования и науки А.А. Фурсенко пояснил: «Сокращение числа абитуриентов не значит, что преподаватели будут обязательно уволены, однако о новых рабочих местах для них нужно думать уже сейчас». По министерской мысли, преподавателей можно привлекать к переобучению других безработных, а, кроме того, «есть колоссальный спрос на дополнительное образование для расширения собственного кругозора — иностранные языки, история, культура».

В этом же духе высказался пресс-секретарь премьер-министра России Д.С. Песков, отметив, что «часть преподавателей вузов могут быть перепрофилированы в преподавателей средних специальных образовательных учреждений (ПТУ, техникумы)».

Ранее, в декабре 2009 г., Фурсенко в том же духе выступал на коллегии Минобрнауки. «Если за три года, по нашим оценкам, количество студентов в России уменьшится почти в два раза за счет демографии, это означает, что произойдет высвобождение кадров. Я обращаюсь к профсоюзам: нам вместе с вами надо готовиться и думать о том, как трудоустроить этих людей», — сказал министр и добавил: «Но держать их на работе, делая вид, что ничего не происходит, мы с вами не можем, потому что это ведет к понижению качества образования».

Ситуация, казалось бы, проста и понятна, но это не делает ее менее драматичной. Вузовское научно-преподавательское сообщество, как и научно-техническая интеллигенция России в целом уже много испытала. В первые советские годы – безработица, разруха, «красный» террор, унижения, вновь репрессии, бюрократическо-номенклатурный прессинг. В постсоветский период – вновь, и жуткие задержки зарплаты, вынуждающие преподавателей вузов, порой искать иную работу, и постоянное отсутствие достойной оплаты, и падение престижа профессии, и снижения реальных доходов, а также целый ряд разнообразных прессингов и унижений. Значит, горькая чаша выпита еще не до дна? И что же впереди – новые очереди профессоров за тарелкой щей для безработных?

В результате массированного давления телевидения в обществе сложилось понимание, что вузов в стране слишком много. Большинство людей, не имея объективной информации, не может сопоставить число вузов в нашей стране, и – допустим, в Соединенных Штатах Америки, либо в других странах промышленно развитых странах.

Да и сама действительность, с которой человек сталкивается повседневно, на своей работе, в быту, в общении с друзьями и знакомыми, приводит его к мысли, что очень уж много дипломов, выдаваемых вузами, оказываются на деле, не обеспеченными знаниями бумажками. Идет

девальвация, обесценивание диплома. Если сказать на «импортном языке», – он стал «сертификатом» (т.е. справкой) в картонной синей (а у кого-то – и красной!) обложке, удостоверяющей, что человек в течение такого-то периода был «прикреплен» к определенному вузу, где осуществляется подготовка «по специальности» или «по направлению». Прилагающаяся к нему «академическая справка с перечнем оценок по изучаемым дисциплинам» мало что давало потенциальному работодателю: «молодой специалист» не готов выполнять трудовые обязанности по специальности (и он знает об этом!), да и необходимого места по специальности для него, зачастую, то же нет.

Одна из причин такого состояния в том, что «львиная доля» новых российских вузов, создаваемых со второй половины 90-х годов, изначально была халтурной, настроенной на заманивание красивыми фантиками «экономистов и юристов». Таковыми, во многом, были и множющиеся филиалы традиционных вузов.

Но проблема здесь не только не только в качестве подготовки, даваемого отечественными вузами. Действительно, число людей с вузовским дипломом стремительно увеличивается. Это отмечалось уже накануне экономического кризиса, начавшегося в 2008 г. Статистические показатели свидетельствовали, что число людей, занятых в экономике и имеющих высшее образование за 10 предкризисных лет выросло в 2,8 раза. При этом эффективность использования специалистов стала чрезвычайно низкой. С одной стороны, две трети (!) выпускников вузов либо работают не по специальности, либо вынуждены переучиваться по месту работы. С другой, – в самом примитивном секторе малого и среднего бизнеса – в розничной торговле – занято 10 млн. человек, и половина из них имеет диплом о высшем образовании.

По сути, люди получившие диплом о высшем профессиональном образовании и квалификацию специалиста, занимают трудовые посты, не требующие такого образования и квалификации. Средства на обучение студентов, на содержание вузов, на оплату преподавателей затрачивались – а отдачи от затрат – не видно!

В этом, кстати, была одна из объективных внутренних причин переходу к бакалавриату в отечественной системе высшего профессионального образования (ВПО). Другой внутренней причиной принято считать то обстоятельство, что масса советских вузов, как была, так осталась рассчитанной на давно несуществующую промышленность. Корреляция здесь, безусловно есть. Но существование корреляции еще не определяет, что является причиной, а что – следствием отмеченного явления. Но доминировали при переходе к Болонской двухуровневой системе, все же, внешние обстоятельства.

В общем, даже и без учета демографии, руководство страны намеревалось существенно сократить число вузов. А демография еще и «подольет масла в огонь».

Конечно, есть некоторая надежда, уменьшение численности студентов принудит государство провести конструктивные реформы в ВПО, серьезную ревизию и вузов, и научно-преподавательского состава. Хочется думать, что в результате в системе ВПО остались бы лучшие – как лучшие вузы, так и лучшие преподаватели. Однако, как говорил классик, «надежды юношей питают», – а реальность сурова. Во-первых, «чины людьми даются», – во время передыжки на работе частенько остаются не столько самые лучшие, сколько самые хитрые, напористые и изворотливые.

А во-вторых, даже в случае «объективного подхода» в «очищения» системы ВПО –

преподавателей жалко. Многие из них не виноваты, что не смогли в водовороте перемен устроиться в сильный вуз. Среди преподавателей вузов велика доля женщин, и немолодых доцентов-мужчин предпенсионного возраста, и людей со слабым здоровьем, которым трудно будет найти подходящую (соответствующую их образованию, квалификации, возможностям) работу.

Но ситуация возникла не «вдруг». Уже в 2007 г., за четыре года до «первой волны» недобора в вузы, исследователи предупреждали, что «Демографические процессы оказывают серьезное влияние на ситуацию в российском образовании на всех его уровнях. Демографический спад в наибольшей степени затронул общеобразовательную школу: число учеников уменьшилось за десять лет с 22 до 14 млн. В ближайшие годы сокращение общей численности учащихся начнется на всех уровнях профессионального образования: количество абитуриентов к 2010 году по сравнению с 2006-м сократится вдвое».

Анализ предварительных министерских намеков на пути решения проблемы оставляет много вопросов. В чем, в какой деятельности может найти себя преподаватель с ученой степенью и званием, проработавший в вузе 30-35 лет и ставший высококлассным профессионалом в этом деле?

Ну, положим, у преподавателей иностранных языков ситуация и перспективы получше, чем у других. А вот в массовое открытие платных курсов «истории и культуры» для любознательного населения, а тем более «теории автоматического управления», «физических основ электроники» или «теории машин и механизмов» как-то не очень верится. И каких «других безработных» смогут переобучать университетские преподаватели, если Службы занятости предлагают обучать безработных на токарей, штукатуров, парикмахеров?

Так же для людей, которые два-три десятилетия занимались в вузе преподавательской и научно-исследовательской деятельностью, совершенно не реальны предложения тех же Служб занятости – за выдаваемый им кредит до 250 тыс. рублей открыть собственный малый бизнес. Дело даже не в сумме кредита, выдаваемого под соответствующий бизнес-проект, а в том, что направленность этих людей иная. Если бы они имели «предпринимательскую жилку», то не работали бы в вузе преподавателями, не корпели бы над учебными планами специалитета, а затем и бакалавриата, над методичками, не вели бы скрупулезных научных исследований. Кто был ориентирован свой на бизнес – тот уже давно им занимается.

Высказал министр, – как бы «между прочим», – и более конструктивную идею трудоустройства высвобождающихся преподавателей: привлекать уволенных к научной работе. Но дальше слов дело пока не пошло: даже не упоминается ни механизм их привлечения, ни потенциальные заказчики, ни источники финансирования. И, по мнению первого проректора Высшей школы экономики (ВШЭ) Л.И. Якобсона, «вряд ли многие профессора смогут заниматься исследовательской работой». Да и в целом, по мнению этого авторитетного эксперта, было давно понятно, что вузы столкнутся с этой проблемой, проблемой и предлагаемые меры выглядят запоздалыми, ждатель от них большого эффекта не стоит.

Наряду и параллельно с проблемой сокращения (в какой бы то ни было форме) преподавательского состава вузов имеет место проблема старения и естественной убыли квалифицированных преподавателей на кафедрах. С одной стороны, наличие этого естественного процесса, казалось бы, облегчает руководству вузов, да и министерства болезненное проведение процедуры сокращения кадров. Но это только на первый взгляд. С другой стороны, если уповать исключительно на разрешение проблемы сокращения указанным путем, то такой подход в условиях реформирования вуза может приводить к совершенно противоестественным реакциям.

В силу объективных обстоятельств на большинстве кафедр сложилась ситуация, когда есть старшее поколение, как правило «остепененных» (т.е. имеющих ученую степень) преподавателей, есть младшее поколение, в котором процент «остепененности» значительно ниже, либо даже «нулевой», и практически отсутствует среднее поколение. Согласно статистическим, приводимым Д.Р. Юсиповой, на кафедрах российских вузов в 2007 г. каждый второй доцент (53,3 %) имел возраст старше 50-ти лет; а каждый второй профессор (56,8 %) старше 60-ти лет.

Очевидно, что за три года после публикации статьи возраст мог только увеличиваться. В 2011 г. ректор Томского политехнического университета (ТПУ) имеющего статус национального исследовательского университета, отмечал, что в ТПУ средний возраст, кандидатов наук – 53 года, а докторов наук – 61 год. И это в вузе, имеющем солидные преференции в соответствии с его статусом! Автору этих строк известны выпускающие кафедры в провинциальных вузах, на которых средний возраст преподавателей с ученой степенью составляет 66 лет, «неостепененных», имеющих научно-педагогический стаж более 20 лет – 64 года; а младшее поколение преподавателей без ученой степени (таковых 30 %) имеет средний возраст 28 лет.

Можно даже, пусть с большой долей условности, говорить даже о разных возрастных группах («по-старшинству») преподавателей-пенсионеров: «старшая» (70 лет и старше), «средняя» (от 65 до 70 лет) и «младшая» (от 60 до 65 лет).

Примитивная логика подсказывает: достаточно отправить на пенсию преподавателей пенсионного возраста! Такой «безболезненный» вариант решения проблемы видится руководству министерства, с ним согласны и некоторые эксперты. Упомянувшийся выше проректор ВШЭ Л.И. Якобсон считает, что «отчасти решить проблему безработицы поможет пожилой возраст – часть преподавателей уйдут на пенсию». Отсюда можно понять сомнение уважаемого эксперта в том, что «профессора смогут заниматься исследовательской работой» – их весьма преклонный возраст может быть тому проблемой: многие из представителей «старшей» и часть из «средней» пенсионных групп могут лишь «по накатанной» дороге читать лекции, да и о сомнительного качества.

Но, при такой «лобовом» способе решения проблемы, которое следует из примитивной логики, неизбежно сталкиваемся с целой совокупностью новых проблем, – организационных, экономических, социальных и психологических.

Организационная (организационно-педагогическая) проблема. В России сложилась ситуация, когда лучшие, наиболее квалифицированные преподавательские кадры достигли пенсионного возраста. Преподает или неопытная молодежь, в большинстве своем без ученой степени, либо тем кому уже «за шестьдесят» и более. На кафедрах нет среднего поколения преподавателей, нет квалифицированных специалистов с ученой степенью и званием в возрасте 40-55 лет.

Поэтому уволить пенсионеров во многих случаях означает обезглавить кафедру. Уже сейчас есть масса примеров, когда профессоров (да и ведущих доцентов) просят, прежде чем уйти на пенсию, найти себе преемника «со стороны» (из другого вуза и т.д.), имеющего необходимый опыт, квалификацию, соответствующие регалии. Или, в крайнем случае, подготовить преемника из молодого преподавателя, пусть и без ученой степени, чтобы при уходе профессора (или доцента) на пенсию не «оголился» читаемый им учебный курс.

Даже естественный уход любого пенсионера с кафедры приводит к необходимости решения руководством кафедры и вуза проблем обеспечения нормального хода учебного процесса. Учить студентов не кому! Имеется в виду: Хорошо учить, а не формально проводить занятия! А если и находится формальная замена выбывшего профессора (или доцента) путем введения в

учебный процесс очередного мальчика или девочки из недавних выпускников кафедры, спешно назначенного «старшим преподавателем», то качество подготовки студентов резко ухудшается.

Можно, конечно, и на это закрыть глаза. Если цель реформаций – не подготовка квалифицированных кадров для страны, а сокращение нахлебников-бюджетников, экономия государевых средств. Но тогда возникает еще один проблемный аспект, вытекающий из «простого решения» – увольнения пенсионеров.

Дело в том, что как раз старшее поколение преподавателей на кафедре – это те люди, которые имеют не только опыт, знания, но и являются обладателями ученых степеней и званий. В младшем же поколении преподавателей – «остепененных», в лучшем случае, единицы. Так обстоит дело в большинстве провинциальных вузов. Но для того, чтобы пройти очередную процедуру лицензирования и государственной аккредитации на право подготовки тех же бакалавров, необходимо чтобы на кафедре было не менее 60 % преподавателей с ученой степенью. Стало быть, при увольнении квалифицированных преподавателей старшего поколения (пенсионеров) во многих провинциальных вузах по целому ряду направлений уже нельзя будет готовить бакалавров. А уж тем более – магистров. Даже по формальным критериям.

Возможно, что власти здесь намечают какие-то пути быстрого (если не сказать – стремительного) повышения квалификации молодого поколения преподавателей кафедр и доведения их до уровня кандидатов наук. Последние решения Правительства России наталкивают на размышления в этом направлении.

Принятыми в июне 2011 г. постановлениям Правительства РФ 474 и № 475 были утверждены новое «Положение о ВАК» и внесли изменения в «Положение о порядке присуждения ученых степеней». Порядок присуждения кандидатской степени существенно изменен. В новых законодательных актах не предусмотрено прохождение кандидатскими диссертациями экспертных советов ВАК. Министерство образования и науки, к которому переходят функции по техническому обеспечению работы Высшей аттестационной комиссии (ВАК), ранее исполнявшиеся Рособназдором, отныне будет выдавать кандидатам наук дипломы сразу после того, как соответствующее решение примет диссертационный совет.

В стране сегодня ежегодно защищается около 40 тыс. кандидатских диссертаций, ВАК до настоящего времени осуществлял выборочную проверку части из них. Теперь не будет никакой! Не надо быть пророком, – говорит вице-президент РАН В. Козлов, – чтобы предсказать резкий рост числа низкокачественных диссертаций. Президент РАН Ю. Осипов заявил: «Если недобросовестные вузы начнут бесконтрольно штамповать второсортных кандидатов наук, используемые сегодня показатели эффективности работы академических институтов и университетов просто потеряют смысл». Самое печальное, что проводимые изменения никто не посчитал нужным согласовать с учеными .

Если протест Президиума РАН по поводу указанных реформаций не будет принят Правительством РФ во внимание, то диссертационные советы вузов к предстоящему лицензированию и аккредитации вузов, приступающих к массовой подготовке бакалавров, «наштампуют» необходимое количество кандидатов наук. О их качестве в этом случае говорить не приходится: иные цели, иные и критерии ...

Экономическая проблема каждого отдельного преподавателя-пенсионера, которую можно обозначить также как проблему «человеческого отношения» государства и общества к нашим старикам.

Следует признать, что благодаря старшему поколению специалистов, доставшемуся современной России «по-наследству» от советских времен, в стране, решается немалая часть практических задач – в промышленности, на транспорте, в медицине, в школьном образовании. Да как бы и не все! В том числе – и в системе ВПО. Коль скоро увольнение грозит четверти всех преподавателей вузов – не исключено, что уж более четверти из них по возрасту перешагнула пенсионный порог.

А их увольнение не так уж это и безболезненно и самим пенсионерам. С экономической точки зрения – при нынешней-то пенсии. Ведь пенсия человека, всю свою жизнь проработавшего в высшей школе, в науке, не просто «не велика». Она еще и меньше пенсии большинства людей такого же возраста, трудившихся в иных сферах. Почему? Да все просто: размер пенсии зависит от трудового стажа.

Возьмем доцента, кандидата наук, или профессора, доктора наук. При расчете их пенсии считается трудовой стаж, в который не входит: 1) время очного обучения в вузе – 5 лет, а у выпускников самых сложных вузов – 5,5 или даже 6 лет; 2) время обучения в очной аспирантуре – 3 года; 3) время пребывания в докторантуре – еще 3 года. Итого у квалифицированного преподавателя вуза при расчете пенсии из их общего стажа сразу 16-17 лет вычитается. (напомним, что Годы пребывания в очной аспирантуре и в докторантуре входят в научно-педагогический стаж, который может влиять на величину зарплаты работающего преподавателя вуза, но не входят в трудовой стаж, влияющий на величину пенсии!). Большинство пенсионеров (возьмем, для примера, мужчин, не имеющих пенсионных льгот), начавших трудовую жизнь в 18 лет, к моменту достижения пенсионного возраста 60 лет имеют трудовой стаж от 37 лет (у закончивших вуз по очной форме) до 42 лет. А у «остепененного» преподавателя вуза к этому возрасту трудовой стаж никак не будет превышать 26-27 лет!

Таким образом, преподавателю вуза, достигшему пенсионного возраста, совершенно не выгодно выходить на «заслуженный», – но приближенный к нищенскому существованию, – «отдых». Немало пожилых интеллектуалов, которые благодаря суммарной зарплате вузовского преподавателя и пенсии пока могут не только сводить концы с концами, но и оказывать посильную помощь своим детям, находящимся порой тоже в трудной экономической ситуации, – особенно в «депрессивных регионах» которых немало в стране. Теперь, после увольнения «на пенсию» эти пожилые интеллектуалы «заскребут ложками по мискам». Такая перспектива – пугает! Вот здесь то и возникает почва для социальной и социально-психологической проблем.

Социальная проблема имеет некоторый «расплывчатый характер, но сказать о ней все-таки нужно. Известно, пенсионеры представляют собой достаточно активную часть электората. Их дисциплинированный приход на участки для голосования во многом предопределяет результаты выборов. Появление в этом электоральном сегменте 100 тыс. уволенных из вузов пенсионеров, недовольных тем, как с ними поступили, вероятно, не окажет существенного влияния на результаты голосований в общероссийском масштабе. Однако следует учитывать протестные настроения этой социальной группы.

Более значимой (на «местном» уровне – кафедры) является проблема возникновения социально-психологических конфликтов в вузе.

Социально-психологическая проблема представляется как следствие рассмотренной выше организационно-педагогической проблемы кафедры (и вуза) и экономической проблемы отдельного преподавателя пенсионного возраста. С этой точки зрения на «простой» способ решения проблемы кадров в вузе как раз и обнаруживается «обратная сторона медали».

Преподаватели пенсионного возраста, имеющие соответствующие статусные позиции, ученую степень и звание, всеми силами, правдами и неправдами, держатся за свою работу на кафедре. Для этого они делают все, чтобы оставаться незаменимыми. Для достижения этой цели используются все средства, включая психологический террор (моббинг), изгнание более молодых и продуктивных конкурентов с ученой степенью и званием, относящихся к «остаткам» средней возрастной, а зачастую – даже и предпенсионной группы.

Это достигается совместными усилиями пенсионеров «старшей» и «средней» возрастных групп с подключением или нейтрализацией членов «младшей» возрастной группы пенсионеров и жесткого подчинения молодого поколения преподавателей. Занимая ключевые позиции на кафедре, имея соратников по пенсионной группе на других кафедрах, на факультетском и университетском уровне управления, преподаватели «старшей» и «средней» пенсионной группы легко добиваются своих целей.

Если даже более молодой конкурент после одного-двух лет массированного «психотеррора» на кафедре не уволился «по собственному желанию», то запускается механизм так называемого «конкурсного отбора». По сути, это комиссионное решение (большинством голосов): «рекомендовать» (или «не рекомендовать») своего конкурента к продлению трудового договора на следующий срок.

Социально-психологическая проблема, являющаяся следствием непродуманности кадровой политики в вузе, выливается в конфликтные ситуации на кафедре, ухудшение социально-психологического климата, порождает профессионально-деструктивное поведение, безнравственные поступки, приводит к развалу кафедры.

Таким образом, предлагаемый властями «простой» путь решения кадровой проблемы, рассматриваемой исключительно в качестве следствия «демографической ямы», может привести лишь к обострению различных аспектов этой проблемы.

Публикации в прессе свидетельствуют, что власть только еще приступает к проблеме «профессорской безработицы». Хорошо еще, если так обстоит на самом деле и в Министерстве образования стали, хотя бы, задумываться. А то ведь, как справедливо отмечают журналисты, «чиновники известны склонностью игнорировать сколько-нибудь долгосрочные проблемы и отмахиваться, как от назойливых мух, от тех интеллигентов, кои пытаются им напомнить, что жизнь еще хуже, чем думалось» .

Вот и демографию долгое время пытались игнорировать, хотя ее показатели были вполне понятны и однозначны: резкое и неуклонное падение рождаемости в стране идет уже более десяти лет! Многим и сегодня кажется, что вот у нас уже рождаемость начинает расти (исключительно «благодаря материнскому капиталу»), поэтому вот-вот «все будет хорошо!».

Однако следует иметь в виду, отмечаемое с 2007 г. увеличение числа родившихся – это вообще-то, не «рост рождаемости». Коэффициент суммарной рождаемости считается как число рожденных на одну женщину детородного возраста рождаемостью, а он едва достиг и 1,6. А для простого воспроизводства населения (без увеличения его численности) коэффициент суммарный коэффициент рождаемости должен быть 2,11–2.15. Увеличение числа роившихся имеет простое объяснение: в эти годы вступило в период продолжения рода последнее (!) относительно «многолюдное» поколение, рожденное в 1981 – 1989 гг.

Даже если сейчас «вдруг!» и в самом деле резко поднять рождаемость, то и в этом случае новые студенты появятся в вузах только через 17 лет. Сколько у нас сейчас имеется учеников пятого класса, столько же у нас через пять лет будет десятиклассников. Или – чуть меньше.

А пока – преподавателям надо откровенно сказать: дамы и господа, от почти каждый третий из вас окажется лишним. Кто персонально попадет в этот процент – каждый раз будет определяться «на местах». По обстановке. И здесь будут задействованы все критерии «выживаемости». И это еще не все: предстоит и «оптимизация» количества вузов в стране. Но об этом – в следующей статье.

Биологические науки	1
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕГРАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В КОНТРОЛЕ КАЧЕСТВА ВОДНЫХ СРЕД	2
МИКОЛОГИЧЕСКАЯ ИНДИКАЦИЯ ПОЧВ НОРИЛЬСКОГО ПРОМЫШЛЕННОГО РАЙОНА	5
Технические науки	10
ПРИМЕНЕНИЕ MS EXCEL В РЕШЕНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ	11
Экономические науки	16
РАЗВИТИЕ РОССИИ И МИРА: ПЕРСПЕКТИВЫ В КОНЦЕПЦИЯХ И СЦЕНАРИЯХ В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ	17
СИСТЕМНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОВЕДЕНИЯ РЕИНЖИНИРИНГА БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ ОРГАНИЗАЦИИ	21
РЕГИСТРАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ	36
ГИБРИДНАЯ ИМИТАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ОТДЕЛЕНИЯ БАНКА КАК СИСТЕМЫ МАССОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ: РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА	44
СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ	58
ОРГАНЫ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РФ	65
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, РЕГУЛИРУЮЩЕЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РФ	69
НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	72
Философские науки	75
СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ПОЗНАНИЯ	76
ГНОСЕОЛОГИЯ И ОНТОЛОГИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ; ЕЕ КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ЧЕТЫРЕХМЕРНОСТЬ	81
ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННЫХ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ	84
ФЕНОМЕН «ОТРЕШЕННОСТИ ОТ СЕБЯ». Э. ГУССЕРЛЬ О «ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ»	86
ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ	90
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СУДЬБЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ	99
ЧЕЛОВЕК И КОМПЬЮТЕР: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ	105
«ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ ДОСТУП», «НЕКОРРЕКТИРУЕМОСТЬ» И «ДРУГИЕ СОЗНАНИЯ»	116
ФУНКЦИОНАЛИЗМ И «КОГНИТИВИСТСКАЯ БАСНЯ»	121
НОВОЕ ОТКРЫТИЕ СОЗНАНИЯ? (ПО ПОВОДУ КНИГИ ДЖОНА СЕРЛА «ОТКРЫВАЯ СОЗНАНИЕ ЗАНОВО»)	126
В «ТЕАТРЕ» ДЭНИЭЛА ДЕННЕТА (ОБ ОДНОЙ ПОПУЛЯРНОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ)	131
СОЗНАНИЕ И «ПРЕДСМЕРТНЫЙ ОПЫТ» (НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О КНИГЕ Л. М. ЛИТВАКА «ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ. ПРЕДСМЕРТНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ И ПРИРОДА ПСИХОЗА. ОПЫТ САМОНАБЛЮДЕНИЯ И ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ» (М., 2007))	142
ПРОБЛЕМА ДУХА И ТЕЛА: ВОЗМОЖНОСТИ РЕШЕНИЯ (В СВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ ТОМАСА НАГЕЛЯ «МЫСЛИМОСТЬ НЕВОЗМОЖНОГО И ПРОБЛЕМА ДУХА И ТЕЛА»)	150
ЗАЧЕМ СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ, ИЛИ «ПОЧЕМУ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НЕ ИДУТ В ТЕМНОТЕ?» (ОТВЕТ Д. ЧАЛМЕРСУ)	166
РАСШИФРОВКА КОДОВ (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ)	182
СОЗНАНИЕ, МОЗГ, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ	195

Содержание

ЛАБИРИНТ «ПОВОРОТОВ»	205
«ПОВОРОТ К МИРУ», ИЛИ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА БЕЗ ЛИНГВОЦЕНТРИЗМА	207
ИНТЕГРАЦИЯ ПЕРСПЕКТИВ ФЕНОМЕНОЛОГИИ СОЗНАНИЯ И ЯЗЫКОВОЙ ПРАГМАТИКИ. МЕДИАЛЬНЫЙ, ИЛИ ПЕРФОРМАТИВНЫЙ, ПРАГМАТИЗМ	210
СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ИСХОДНАЯ ФОРМА ВСЯКОГО ЗНАНИЯ	213
ОБРАЗЫ В КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕ (МАКРОУРОВЕНЬ)	215
ОБРАЗ И МЕДИУМ (МИКРОУРОВЕНЬ)	219
Юридические науки	227
ГРАФОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ	228
О ПРЕДНАЗНАЧЕНИИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ	230
ПРОБЛЕМА КЛОНИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ... 232	
О КРИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	235
МЕСТО ПРОКУРАТУРЫ СРЕДИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	238
Педагогические науки	241
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	242
ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО- ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СПОСОБНОСТЕЙ И ПОВЫШЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ УЧАЩИХСЯ	246
ЗАДАЧИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	249
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС И СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛА ВУЗОВ В РОССИИ	254
Социологические науки	262
ДЕТИ, ИСПЫТЫВАЮЩИЕ ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ И НАСИЛИЕ, КАК СУБЪЕКТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	263
Б. ГРУШИН О КОНФЛИКТАХ И О СОТРУДНИЧЕСТВЕ	277
ЛИЧНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОКАЛЭТИКИ ... 279	
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ «ЯМА» В РОССИИ И БЕЗРАБОТИЦА ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ	288

